

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 28 • №2 • 2022 ГОД

ISSN 2542-0445
Подписной индекс 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Том 28 № 2

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Vol. 28 No. 2

2022

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год.

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

Е-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 30.06.2022. Выход в свет 14.07.2022.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 23,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2022

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003. On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly.

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «Antiplagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-67842 as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media ПИ № 77–12398 as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 30.06.2022. The publication 14.07.2022. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 23,5.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2022

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация); профессор (Поволжский филиал Института истории РАН, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation); Volga Region branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Plyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Баринаева Е.П., Трубицын И.О. Основные направления изучения дворянских корпораций в современной историографии	8
Кирчанов М.В. «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны	17
Кобозева З.М. Мещанское сословие: опыт семиотического анализа	27
Соловьев П.К. Единичные церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века	34
Заводюк С.Ю., Столяров О.Д. Борьба принципов универсализма и специализации в советском высшем медицинском образовании послевоенного периода (на примере Куйбышевского медицинского института в 1945–1955 гг.)	44
Горбунов А.Г. Составы областных советов регионов Среднего Поволжья (1947–1953)	54
Козловская Г.Е., Артюков А.П., Дробинин Г.Д. Историко-текстологический анализ проектов нового государственного гимна СССР 1955–1956 гг.	60
Матвеев М.Н. Перераспределение полномочий между органами местного самоуправления Самары в ходе реформы внутригородского деления в 2015–2020 гг.	67

ПЕДАГОГИКА

Устинова Н.П. Становление субъектной позиции обучающегося в вузе	72
Родина Л.И. Готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий	76
Бороненко Т.А., Федотова В.С. Формирование цифровой компетентности учителей информатики	85
Ахметшина Г.Ф. Моделирование контрольно-оценочной и рефлексивной деятельности преподавателя	93
Шевков В.И. Критерии и уровни подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту	100
Шарафиева Л.М., Мухаметшин А.Г. Дистанционное обучение младших школьников музыкальному искусству	104

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Цверкун Ю.Б. Особенности межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования	109
Беззубикова М.В., Пиаврай Ш. Языковые образы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»	116
Ovshieva N.L. On the use of manipulative techniques in English literary discourse	124
Шугаева А.С., Коровина И.В. Дидактический функционал дискурсивных маркеров при обучении чтению на английском языке	135
Арланова Т.Л. Объект лингвистической прагматики и аспекты современных прагматических исследований	144
Асабина А.А. Роль прагматического потенциала фразеологических единиц в реализации когнитивных моделей ситуаций	152
Андреева Е.Ю., Глушкова Н.М. Пунктуационные средства выражения эмоциональности в художественном тексте на английском языке и их переводе на русский	160
Коковина А.М., Харьковский А.А. Инновации в современном лексикографическом дискурсе (на материале приложений к английским online-словарям)	167
Кузнецов Р.А. Языковая репрезентация психотипов в художественном дискурсе У. Голдинга	174

РЕЦЕНЗИИ

Богомолов И.К. «Посеешь ветер – пожнешь бурю». Рецензия на книгу: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.	184
--	-----

<i>Требования к оформлению статей</i>	188
---------------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY

Barinova E.P., Trubitsyn I.O. Main areas of study of noble corporations in modern historiography	8
Kirchanov M.V. «Institutions of memory» in the Czech Republic and Slovakia and the formation of the Second World War images	17
Kobozeva Z.M. Petty-bourgeois estate: experience of semiotic analysis	27
Soloviev P.K. Coreligionist parochial schools of the Samara province in the second half of the XIX – early XX century	34
Zavodyuk S.Yu., Stolyarov O.D. Struggle of the principles of universalism and specialization in the Soviet higher medical education of the post-war period (on the example of the Kuibyshev Medical Institute in 1945–1955)	44
Gorbunov A.G. Composition of the regional Councils of the Middle Volga regions (1947–1953)	54
Kozlovskaya G.E., Artyukov A.P., Drobinin G.D. Historical and textual analysis of the drafts of the new national anthem of the USSR of 1955–1956	60
Matveev M.N. Redistribution of powers and finances between Samara local self-government bodies during the intracity division reform in 2015–2020	67

PEDAGOGY

Ustinova N.P. Formation of a student's subjective position at a university	72
Rodina L.I. Readiness of teacher the interaction with students of different nosologies	76
Boronenko T.A., Fedotova V.S. Formation of digital competence of teachers of computer science	85
Akhmetshina G.F. Modeling of control, evaluation and reflexive activity of a teacher	93
Shevkov V.I. Criteria and levels of effectiveness training future officers to work with military personnel serving under contract	100
Sharafieva L.M., Mukhametshin A.G. Distance learning for primary school students of musical art	104

LINGUISTICS

Tsvetkova Yu.B. Specifics of interdisciplinary borrowing as a source of the Anglo-American education terminology enrichment	109
Bezzubikova M.V., Piavrai Sh. Linguistic images in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzrum»	116
Ovshieva N.L. On the use of manipulative techniques in English literary discourse	124
Shugaeva A.S., Korovina I.V. Didactic functionality of discourse markers in teaching reading in English	135
Arlanova T.L. Subject of linguistic pragmatics and aspects of modern pragmatic research	144
Asabina A.A. Role of pragmatic potential of phraseological units in the realization of cognitive models of situations	152
Andreeva E.Yu., Glushkova N.M. Punctuation means of expressing emotionality in a literary text in English and its translation into Russian	160
Kokovina A.M., Kharkovskaya A.A. Innovations in modern lexicographic discourse (based on the material of appendixes to the English online-dictionaries)	167
Kuznetsov R.A. Linguistic representation of psychotypes in the artistic discourse of W. Golding	174

REVIEW

Bogomolov I.K. «Sow the Wind, Reap the Storm». Review of the book: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.	184
---	-----

<i>Requirements to the design of articles</i>	188
---	-----

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-8-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (470)

Дата поступления: 18.02.2022
рецензирования: 26.03.2022
принятия: 28.05.2022

Основные направления изучения дворянских корпораций в современной историографии

Е.П. Барина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: rfnz25@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): J-1269-2017. Scopus ID: 57210285860.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>

И.О. Трубицын

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: trubitsyn@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0367-1876>

Аннотация: В статье предпринята попытка выявить основные тенденции современной отечественной и зарубежной историографии в изучении дворянских корпораций в России. Актуальность исследования обусловлена как увеличением интереса научного сообщества к данной тематике, так и возрождением дворянских сообществ на постсоветском пространстве. Определены основные направления и методология исследований, проведена их группировка по проблемному и хронологическому принципу. Отмечено, что традиционно исследователи уделяют внимание проблемам взаимодействия дворянских обществ с государственными учреждениями, социальному-экономическому статусу и общественно-политической деятельности как отдельных представителей корпорации, так и региональных дворянских обществ. Основной тенденцией в изучении данной темы является преобладание региональных исследований. Дан анализ новых тенденций в изучении проблематики. Отмечено, что на современном этапе в отечественной и зарубежной историографии продолжается дискуссия о времени и характере возникновения дворянских корпораций. Прослежена тенденция увеличения числа исследований, в которых уделено внимание анализу состава служителей корпораций, при этом отмечается, что данное направление является слабо изученным. Исследования общественных организаций, созданных в 1990-е гг., направлены на выявление общих черт и специфики по сравнению с дореволюционными институтами, оценку их деятельности в современных реалиях. Показаны перспективы исследований комплексного характера, историко-правовых, генеалогических, микроисторических аспектов проблемы. Дальнейшее изучение корпуса служителей дворянских обществ позволит не только по-новому взглянуть на функционирование дворянских обществ, но и сформировать биографический нарратив, что облегчит поиск своих предков. Немаловажное значение будут иметь исследования, затрагивающие дворянские объединения, сформированные после революции 1917 г.

Ключевые слова: дворянство; дворянская корпорация; историография, основные тенденции; постсоветский период.

Цитирование. Барина Е.П., Трубицын И.О. Основные направления изучения дворянских корпораций в современной историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-8-16>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Барина Е.П., Трубицын И.О., 2022

Екатерина Петровна Барина – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Игорь Олегович Трубицын – преподаватель кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2022
Revised: 26.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Main areas of study of noble corporations in modern historiography

E.P. Barinova Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: rfnz25@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): J-1269-2017.
Scopus ID: 57210285860. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>**I.O. Trubitsyn**Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: trubitszyn@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0367-1876>

Abstract: The article attempts to identify the main trends in modern domestic and foreign historiography in the study of noble corporations in Russia. The relevance of the study is due to both the increase in the interest of scientific community in this topic, and the revival of noble communities in the post-Soviet space. The main directions and methodology of researches are revealed, their grouping according to the problematic and chronological principle is carried out. It is noted that traditionally, researchers pay attention to the problems of interaction between noble societies and state institutions, socio-economic status and socio-political activities of both individual representatives of the corporation and regional noble societies. The main trend in the study of this topic is the predominance of regional studies. An analysis of new trends in the study of problems is given. It is noted that at the present stage in domestic and foreign historiography, a discussion continues about the time and nature of the emergence of noble corporations. A tendency to increase the number of studies in which attention is paid to the analysis of the composition of corporate employees is revealed, while it is noted that this area is poorly studied. Studies of public organizations created in the 1990-ies are aimed at identifying common features and specifics in comparison with pre-revolutionary institutions, assessing their activities in modern realities. The prospects for research of a complex nature, historical and legal, genealogical, microhistorical aspects of the problem are shown. Further study of the corps of servants of noble societies will allow not only to take a fresh look at the functioning of noble societies, but also to form a biographical narrative, which will facilitate the search for their ancestors. Of no small importance will be studies affecting the noble associations formed after the revolution of 1917.

Key words: \

Citation. Barinova E.P., Trubitsyn I.O. Main areas of study of noble corporations in modern historiography. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-8-16>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Barinova E.P., Trubitsyn I.O., 2022

Ekaterina P. Barinova – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Igor O. Trubitsyn – lecturer, Department of History and Philosophy, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

История «первенствующего» сословия Российской империи имеет длительную традицию изучения. В конце XX столетия она вновь привлекла внимание научного сообщества, что было обусловлено расширением теоретико-методологического арсенала, публикацией источников, а также возникновением в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства общественных организаций, стремившихся консолидировать потомков дворянского сословия путем создания современных дворянских корпораций.

Исследователи уделяют внимание экономическим, социокультурным, правовым аспектам, политической активности «первенствующего» сословия, изучению повседневного быта и усадебной культуры, участию дворянства в подготовке и реализации реформ Александра II. Итоги и этапы историографического анализа проблематики изучения российского дворянства подведены в ряде статей [Баринова 2014; Иерусалимский, Леднева 2013; Милешина 2010].

Перспективным направлением является изучение дворянской корпорации как социального института. Авторы ставят перед собой задачу выделить основные направления в изучении корпоративных структур в современной историографии, охарактеризовать методологический арсенал исследователей и определить перспективы изучения данного направления дворянской тематики.

Основная часть

Современные работы, посвященные изучению дворянских корпораций, можно условно разделить на три группы. В первую группу нами были включены исследования, посвященные изучению процесса становления дворянских корпораций и анализу основных источников по этой теме – Манифеста Петра III и Жалованной грамоты Екатерины II.

Проблема появления и развития дворянства и его корпоративных элементов в России является центральной в работе французского историка А. Береловича (A. Berelowitch) «Иерархия равных, русское дворянство при Старом режиме (XVI–XVII вв.)» [Berelowitch 2001]. В 2002 г. в рецензии на данную работу, опубликованную в журнале «Вопросы истории», А.С. Лавров отмечал, что авторская задача состояла в создании обобщающей концепции иерархического устройства русского общества и прежде всего иерархии местнической [Лавров 2002, с. 173–175].

Автор же самой работы, проведя компаративный анализ дворянских сословных институтов Франции и России XVI–XVII вв., пришел к выводу, что в Российской империи дворянская корпоративная организация отсутствовала, т. к. дворянство не было единым элементом, а царь правил отдельными индивидами. Берелович утверждает, что российское общество представляло собой «иерархическое нагромождение чинов или катего-

рий», а само слово «дворянство» было неизвестно [Berelowitch 2001, p. 158]. Рассматривая этот вопрос более детально в пятой главе работы «Класс в период зарождения», он замечает, что конкретного определения дворянства не встречается, т. к. Московия не испытывала необходимости называть дворянство таковым. Отыскивая ответ на вопрос «что характеризует дворянина?», А. Берелович обратился к административным и судебным документам. Он приводит в качестве доказательств конкретные примеры: «...кадеты 1511 года ответили, в сущности, «благороден тот, кто соглашается мериться только с равными»; «сохраняет благородное качество тот, кто по своей воле не отказывается от своего статуса»; «благороден тот, кто хорошо рожден» [Berelowitch 2001, p. 147, 158]. В итоге автор приходит к выводу, что российское дворянство хотя и существовало, но находилось еще на этапе своего формирования. Не обходит вниманием А. Берелович и отношения монарха с дворянским сословием, подмечая, что если во Франции или Англии действовал принцип *primus inter pares* (первый среди равных), то в России эти отношения определялись самодержавным характером [Berelowitch 2001, p. 175].

В рамках дискуссии по данной проблеме Б.Н. Миронов, критикуя А. Береловича, указал на то, что институты дворянского сословного самоуправления имели свои особенности возникновения и развития. Соглашаясь с тем, что дворянское сословие в России складывалось постепенно и в XVI – первой половине XVII вв. не соответствовало западноевропейской модели, Б.Н. Миронов, однако, замечает, что еще в XVI–XVII вв. дворяне одного уезда объединялись в т. н. «служилый город». Если правительство видело в этом элемент собственного контроля над несением дворянской службы, то дворянство использовало его для отстаивания собственных интересов путем оказания коллективного давления на правительство [Миронов 2015, с. 336, 342].

Комплексному источниковедческому и историческому анализу Жалованной грамоты дворянству и Манифеста Петра III посвящены работы Е.Н. Марасиновой, И.В. Васильевой, И.В. Фаизовой, И. Мадариага [Марасинова 2007, с. 21–33; Васильева 2004, с. 3–9; Фаизова 1999; Мадариага 2002]. Е.Н. Марасинова отмечает необходимость дальнейшего исследования содержания, стилистики и политической мотивации издания Манифеста о вольности дворянства. Исследователи пришли к выводу, что издание Манифеста Петра III не повлекло за собой значительного увеличения количества дворян, желавших уйти с государственной службы. Однако, как отмечает И.В. Фаизова, издание Манифеста способствовало формированию дворянской психологии.

Работа английского исследователя Д. Гриффитса [Гриффитс 2013] является переработанным и расширенным вариантом опубликованной ранее в 1989 г. статьи под названием *Question of Motivation*

[Griffiths 1989, p. 58–82]. Она интересна тем, что автор через призму Жалованной грамоты дворянству рассматривает формирование нового «регулярного» общества, построенного на сословных принципах. Автор полагает, что Екатерина II стремилась создать корпоративные структуры, и, несмотря на изменившиеся исторические реалии, в условиях которых были созданы данные законодательные документы, они выражали идеи «старого мира». Л. Гриффитс отмечает, что они оказались «прижатые словно в сэндвиче, с одной стороны – Декларацией независимости США, с другой Декларацией прав человека и гражданина во Франции [Гриффитс 2013, с. 35]. Работа примечательна еще и тем, что автор прослеживает весь путь появления грамот и анализирует их основные положения, а также отношение к их принятию.

Во вторую группу нами были отнесены работы историко-правового характера. Среди них выделим фундаментальную работу Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, в которой на основе анализа разнообразных источников дана характеристика генезиса дворянского сословия и его корпоративных структур. Особое внимание в работе уделено правовым аспектам становления и дальнейшего развития дворянских обществ и взаимоотношению монархии и дворянства [Иванова, Желтова 2010, с. 85–148].

Впервые попытка дать комплексное и логически завершенное в отечественной историко-правовой науке исследование законодательных основ российского дворянства была предпринята О.М. Карамышевым. Автор подчеркивает, что дворянские корпорации не только были сословным институтом, но и служили элементом государственного управления. Он придает большое значение изданию Екатериной II Жалованной грамоты и закреплению в ней за губернскими дворянскими корпорациями правового статуса институтов местного сословного самоуправления (Карамышев 1998). Им дана характеристика правовых основ и функционала института предводителей и депутатского собрания, а также описаны правовые основы участия женщин-дворянок в деятельности дворянских обществ путем делегирования избирательных прав ближайшему родственнику.

Создание в 1906 г. организации объединенного дворянства характеризуется автором как коллективное добровольное сословное общественное объединение, а не сословная корпорация. С точки зрения общегражданского законодательства такая организация не могла ничем отличаться от других общественных объединений в России. Оценивая законодательное положение современных дворянских объединений, автор пришел к выводу, что они не могут претендовать на правопреемственность, т. к. формируются на добровольной основе, что характерно для общественных объединений, а не корпораций.

Следующая группа исследований посвящена функционированию учреждений дворянских кор-

пораций и анализу состава служителей. Данные исследования можно условно разделить на три типа:

а) исследования, в которых представлен комплексный анализ учреждений корпоративной организации;

б) работы, включающие в себя анализ состава служителей институтов корпораций;

в) исследования посвященные деятельности современных институтов корпоративной организации дворянства.

Интерес к данной проблематике стал проявляться в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в большинстве своем на региональном уровне. На наш взгляд, это связано прежде всего с двумя причинами: во-первых, корпоративные организации в России в дореволюционный период не носили централизованного характера, а существовали отдельно и независимо друг от друга. Во-вторых, данный уровень характеризует развитие отечественной исторической науки и влияния на нее западных методологических концептов, направленных на изучение микроистории.

Наибольший интерес при изучении дворянских корпораций вызывают исследования комплексного характера. В рамках данного подхода к настоящему времени произведен анализ дворянских корпораций Рязанской, Ярославской, Московской, Симбирской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Казанской губерний и Северного Кавказа. Авторами представлена детальная характеристика деятельности отдельных структур корпорации: депутатского собрания, уездных и губернских предводителей, института опеки.

Современные исследователи акцентируют внимание на выявлении роли различных категорий землевладельцев в деятельности дворянских организаций. Устоявшимся в историографии является мнение об индифферентности крупного и мелкого поместного дворянства, в связи с тем что крупные землевладельцы были заняты на службе в столицах, а мелкое дворянство не имело возможности участия в деятельности дворянских обществ, т. к. было занято хозяйственными вопросами. Для назначения же на выборные дворянские должности ключевым фактором являлось экономическое положение, т. к. служба требовала больших расходов, носила безвозмездный характер, вследствие чего могла привлечь только состоятельных и «досужих помещиков» [Романович-Славатинский 1870, с. 460–461]. Подобная позиция представлена и в работе представителя британской школы историков-славистов И. Мадариага [Мадариага 2002, с. 139–140].

А.П. Корелин полагал, что крупные помещики монополизировали должности уездных предводителей, т. к. эти должности были привлекательны для них и имели статичный характер [Корелин 1979, с. 225]. В современной отечественной историографии его точку зрения разделяет В.А. Шаповалов, который, проанализировав срок службы

губернских предводителей Курской губернии за период 1859–1898 гг., пришел к выводу, что «почти 67 % губернских дворянских предводителей в Курской губернии переизбирались на следующий срок, и по несколько раз» [Шаповалов 2014, с. 230].

Современные исследования несколько расширяют взгляд на эту проблему и отмечают зависимость интереса дворянства к участию в деятельности корпоративных организаций от ряда факторов, в том числе степени политической активности сословия. Отметим, что для хронологического периода конца XVIII – начала XIX в. исследователи не выявляют определяющей взаимосвязи между экономическим статусом дворянина и его общественной активностью. Анализируя выборные практики Московской губернии, А.И. Куприянов пришел к выводу, что в данном регионе не наблюдалось значительных диспропорций среди участников. В выборах принимали участие как богатые, так и наиболее бедные группы дворянского сословия [Куприянов 2017]. Т.Н. Литвинова на материалах Воронежской губернии показала, что выборные должности привлекали скорее молодых и небогатых дворян возможностью реализоваться в службе, то есть являлись хорошим стартом в дворянской карьере (Литвинова, 2005, с. 221). К схожему выводу на основе анализа выборных практик в Саратовской губернии пришла Т.В. Платонова, отметив, что именно крупные помещики не проявляли интереса к дворянским выборам [Платонова 2002, с. 9].

Рассматривая деятельность дворянских обществ в средневожских губерниях, С.В. Першин отмечает, что в начале XIX в. престижные выборные должности пензенское дворянство не желало занимать. Автор связывает это с тем, что дворянская корпорация носила весьма формальную самостоятельность и контролировалась фактически местной властью. Значительную роль в активизации деятельности дворянских обществ, по мнению С.В. Першина, сыграли внешние вызовы начала XIX в. [Першин 2010].

О.П. Пенькова выделяет два хронологических этапа, позволяющих проследить эволюцию общественной активности дворянства. Первый совпадает с дореформенным периодом, когда должность уездного предводителя пользовалась популярностью, причем нередко ради того, чтобы ее занять, шли на нарушение закона. На втором этапе, хронологически он относится к 1890-м гг., интерес к данной должности ослабевает, а занимать ее стремились уже состоятельные землевладельцы, «по натуре своей бывшие политическими деятелями» [Пенькова 2009, с. 27].

К.С. Чикаевой выявлены особенности деятельности институтов дворянской корпорации на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., которые связаны с процессом образования и деятельностью дворянского сословия в данном регионе [Чикаева 2010; Чикаева 2014, с. 1783–1798].

Основной тенденцией развития историографии дворянских корпораций является публикация как

фундаментальных монографий, так и статей, посвященных отдельным аспектам деятельности ее институтов, в частности особенностям функционирования дворянской опеки как системы организации социальной помощи [Федосеев 2014, с. 122–125; Вьюнник 2011, с. 119–125; Иерусалимский, Леднева 2020]. Исследовательские статьи интересны еще и потому, что они расширяют территориальные рамки и представляют нам более детальный анализ характеризуемого института.

Переходя к характеристике работ, затрагивающих анализ состава служителей дворянских корпораций, следует отметить, что это направление исследований развито слабо и особый интерес оно приобрело достаточно недавно, хотя интерес с каждым годом к нему возрастает. Как правило, отечественные исследователи предпочитают давать в своих работах анализ отдельных институтов корпоративной организации, избегая комплексного анализа состава служителей корпорации.

В.В. Чижовой проанализирована роль выборных от дворянства в системе местного самоуправления России конца XVIII – первой половины XIX в., представлена их социально-этическая характеристика. С помощью математических методов она вычисляет взвешенные среднеарифметические показатели уровней душевладения и возраста различных категорий избранных на дворянские должности: от предводителей до заседателей в уездных судах и попечителей хлебных запасных магазинов (Чижова 2001, с. 154–165). Автор приходит к выводу, что ротация кадров имела низкий уровень в конце XVIII в., однако в первой половине XIX в. эта ситуация приобрела более сбалансированный характер (Чижова 2001, с. 166–167).

В ряде работ затрагивается анализ состава служителей отдельных институтов, представлена их социально-экономическая характеристика. Делаются попытки выявить долю женской собственности в различных стратах дворянства, скорректировать численность дворянства на основе анализа ранее не используемых источников – дворянских налоговых деклараций [Корчмина 2015; Кончаков, Корчмина 2020].

В.С. Цветковым при помощи метода просографии и других современных методологических подходов реконструирован портрет корпуса служителей дворянской корпорации Московской губернии второй половины XIX – начала XX в. Автор проанализировал состав института губернского предводителя, дворянского собрания, дворянского депутатского собрания, охарактеризовал финансовое обеспечение деятельности дворянской организации и ее благотворительную деятельность. Он отметил изменения в составе служителей институтов московской дворянской корпорации: губернского предводителя, депутата дворянства, заседателя от дворянства, архивариуса, врача, бухгалтера, различных канцелярских служителей. При этом следует подчеркнуть, что институт уездных предводителей почему-то «вы-

пал» из области исследования автора, хотя данный институт по своему функционалу и периоду существования являлся наиболее интересным при изучении дворянского самоуправления в России [Цветков 2013].

Особую значимость имеют работы, в которых в качестве приложений приводятся биографические сведения о служителях дворянских обществ. Так, Е.В. Миронова в своем диссертационном исследовании не представляет комплексного анализа состава служителей, однако собранный и представленный биографический материал по членам Казанского губернского дворянского собрания и избиравшимся по дворянским выборам позволяет исследователям реконструировать деятельность как отдельных участников, так и основного состава дворянской корпорации (Миронова 2011, с. 237–318).

Современными исследователями решается задача провести сравнительно-сопоставительный анализ служителей различных регионов страны, выявить схожие и отличительные черты развития дворянских обществ [Румянцева, Трубицын 2021, 367–377; Трубицын 2019, с. 37–48].

Наибольшая степень интереса к исследованиям, посвященным деятельности современных институтов дворянской корпорации (Российское Дворянское Собрание, Постоянный Совет Объединенного Дворянства), была характерна для 1990-х гг. – начала 2000 гг. Это связано с периодом становления и наиболее активной деятельностью данных общественных организаций. Авторы работ выявили общие черты современных институтов дворянских организаций с дореволюционными учреждениями, а также их взаимодействие с дворянскими организациями в странах Западной Европы, в рамках которой существуют и русские дворянские собрания, возникшие после событий 1917 г. в России. Не обходят вниманием исследователи и анализ издательской деятельности дворянских обществ [Барина 2021, с. 62–64; Горбунова 2012, с. 45–51; Думин 1996, с. 30–33; Трубицын 2021, с. 265–271; Шокарев 2014; Щербачев 2015, с. 84–87]. Активно развиваются историко-генеалогические исследования, поскольку в последние годы история семьи стала не только востребованным научным направлением, но и предметом интереса граждан страны.

Заключение

В современной отечественной историографии отмечается рост интереса к изучению дворянских корпораций. Исследователи традиционно уделяют внимание проблемам взаимодействия дворянских обществ с государственными учреждениями, социальной трансформации сословия, его роли на различных исторических этапах в жизни страны. Не ослабевает интерес к проблеме возникновения и становления дворянских обществ в России. За рубежом исследователями сделана попытка компаративного анализа сословных институтов.

Дискуссионный характер имеет вопрос о времени возникновения корпораций в России и роли государственного начала в данном процессе.

Возрождение дворянских обществ в РФ способствовало росту исследований, направленных на изучение правовых аспектов корпоративной организации, а также выявление преемственности современных общественных организаций с дореволюционными сословными обществами. Среди авторов работ, посвященных современным дворянским объединениям, преобладают представители данных сообществ.

Исследования, посвященные анализу корпуса служащих дворянских обществ, нередко носят междисциплинарный характер. Рост региональ-

ных исследований обуславливает потребность систематизации и обобщения материала на всероссийском уровне с выделением региональных особенностей деятельности корпоративных организаций. По-прежнему перспективным направлением остается изучение роли дворянских обществ на региональном уровне, изучение отдельных представителей дворянских родов, что позволит не только охарактеризовать значение сословия, но и дополнить базу данных дворянских родов, скорректировать ее сведения. Еще одним перспективным направлением дальнейшего исследования является изучение возникших после 1917 г. российских дворянских обществ за рубежом и судеб представителей дворянской эмиграции.

Материалы исследования

Карамышев 1998 – *Карамышев О.М.* Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 18 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24072496>.

Литвинова 2005 – *Литвинова Т.Н.* Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 271 с.

Миронова 2011 – *Миронова Е.В.* Организация и деятельность дворянских учреждений Казанской губернии в 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 318 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19253127>.

Чижова 2001 – *Чижова В.В.* Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тверской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001. 242 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19166827>.

Библиографический список

Berelowitch 2001 – *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVI-e – XVII-e siècles. Paris, Le Seuil, 2001. 480 p.

Griffiths 1989 – *Griffiths D.* Question of Motivation // *Canadian-American Slavic Studies*. 1989. Vol. 23, № 1. P. 58–82.

Баринова 2014 – *Баринова Е.П.* Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2014. Т. 16, № 3–2. С. 548–557. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22796086>. EDN: <https://elibrary.ru/tewafj>.

Баринова 2021 – *Баринова Е.П.* Вспоминая о прошлом: в поисках дворянских корней // *Национальное культурное наследие в России: региональный аспект: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК*. Самара, 2021. С. 62–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341918>. EDN: <https://elibrary.ru/mnuglm>.

Васильева 2004 – *Васильева И.В.* К вопросу об авторстве текста и значении манифеста Петра III о вольности дворянской // *Вестник Чувашского университета*. 2004. № 1. С. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20290486>. EDN: <https://elibrary.ru/rcaldb>.

Вьюнник 2011 – *Вьюнник Е.П.* Процедура и практика установления и снятия опеки в пореформенный период для несовершеннолетних дворян, оставшихся без попечения родителей // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 119–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18924165>. EDN: <https://elibrary.ru/pydbgz>.

Горбунова 2012 – *Горбунова Н.В.* Дворянство и казачество: исторические основы сословной самоорганизации и особенности возрождения сословных структур в современной России // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2012. № 4 (170). С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17924328>. EDN: <https://elibrary.ru/pcgeuh>.

Гриффитс 2013 – *Гриффитс Д.* Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 536 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=265967&p=1>.

Думин 1996 – *Думин С.В.* Перспективы возрождения исторических дворянских корпораций – губернских дворянских собраний // *История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: материалы ко Второму научному семинару*. Санкт-Петербург, 1996. С. 30–33.

Иванова, Желтова 2010 – *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). Москва: Новый хронограф, 2010. 741 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19086059>.

Иерусалимский, Леднева 2013 – *Иерусалимский Ю.Ю., Леднева Н.К.* Современная отечественная литература о российском дворянстве XIX – начала XX в.: региональный аспект // *Вестник Ярославского государственного*

университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 23–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18882871>; https://vk.com/doc35528094_473241441?hash=UQLEfC3Bkp4klAWtEeerW92Iq0ZjSBfPYwa4IlgkQoHX&dl=NtSqAV79q7ZuKzAFdrP5fBzowZ0KJ0imR6KpzHvf2D.

Иерусалимский, Леднева 2020 – *Иерусалимский Ю.Ю., Леднева Н.К.* Первое сословие ушедшей империи: ярославское дворянство и его корпоративные организации во второй половине XIX – начале XX в. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова, 2020. 312 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43150696>. EDN: <https://elibrary.ru/osnjeg>.

Кончаков, Корчмина 2020 – *Кончаков Р.Б., Корчмина Е.С.* Кто кормил московских дворян? О структуре душевладений дворян Московской губернии в 1812 г. // История. 2020. Т. 11, вып. 3 (89). DOI: <http://doi.org/10.18254/S207987840009536-8>. EDN: <https://elibrary.ru/rnudkz>.

Корелин 1979 – *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. Москва: Наука, 1979. 304 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21683945>; <https://library6.com/3596/item/632987>. EDN: <https://elibrary.ru/sngkv>.

Корчмина 2015 – *Корчмина Е.С.* «Набрать ноболее дамских уполномочий»: участие дворянок в сословных выборах в первой половине XIX в. (по материалам Рязанской губернии) // Российская история. 2015. № 6. С. 18–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25333857>. EDN: <https://elibrary.ru/vjxhd>.

Куприянов 2017 – *Куприянов А.И.* Выборы в русской провинции (1775–1861 гг.). Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 400 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29748007>. EDN: <https://elibrary.ru/zazjhd>.

Лавров 2002 – *Лавров А.С.* А. Берелович. Иерархия равных. Русское дворянство при Старом порядке (XVI–XVII вв.) // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 173–175. URL: https://vk.com/wall-80383896_7329.

Мадариага 2002 – *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. Москва, 2002. 976 с. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/madariaga_ros/00.aspx.

Марасинова 2007 – *Марасинова Е.Н.* Вольности российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4. С. 21–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9522355>; <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12435252>. EDN: <https://elibrary.ru/iajvfg>.

Милешина 2010 – *Милешина Н.А.* Повседневная жизнь российского дворянства XVIII – начала XX столетия в оценках советских и современных исследователей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84, № 5. С. 200–207. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15549043>; <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/18864/1/iurp-2010-84-27.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/ncgtld>.

Миронов 2015 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: сочинение в 3 т. Санкт-Петербург: Изд-во Дмитрия Буланова, 2015. Т. 1. 896 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26608393>; https://vk.com/wall-23433303_14063. EDN: <https://elibrary.ru/uebdto>.

Платонова 2002 – *Платонова Т.В.* Корпоративные органы Саратовского дворянского общества в конце XVIII – первой половине XIX в. // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 3–12. URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9815/g1.pdf>.

Пенькова 2009 – *Пенькова О.П.* Дворянство Тамбовской губернии (1861–1906 гг.). Тамбов: Пролетарский светоч, 2009. 188 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44174253>. EDN: <https://elibrary.ru/gtdarv>.

Першин 2010 – *Першин С.В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века по материалам дворянских и городских обществ средневолокских губерний. Саранск: Изд. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 2010. 316 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19723677>. EDN: <https://elibrary.ru/oyltjq>.

Романович-Славатинский 1870 – *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII до отмены крепостного права. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1870. 593 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book19619/579488>.

Румянцева, Трубицын 2021 – *Румянцева Н.М., Трубицын И.О.* Социально-экономический портрет депутата дворянского собрания во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 367–377. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-367-377>. EDN: <https://elibrary.ru/tduwby>.

Трубицын 2019 – *Трубицын И.О.* Среднестатистический портрет предводителя дворянской корпорации Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Московской и Самарской губерний) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3 (51). С. 37–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41442589>. EDN: <https://elibrary.ru/rtoxgz>.

Трубицын 2021 – *Трубицын И.О.* Дворянские объединения в современной России // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 265–271. DOI: <http://doi.org/10.17816/snv2021101213>. EDN: <https://elibrary.ru/zrohsn>.

Фаизова 1999 – *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. Москва: Наука, 1999. 222 с. URL: https://imwerden.de/pdf/faizova_osvoboazhdenie_dvoryanstva_v_18_veke_1999.pdf.

Федосеев 2014 – *Федосеев Р.В.* Деятельность дворянских опеков в губерниях Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 122–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22635938>. EDN: <https://elibrary.ru/tbixdz>.

Цветков 2013 – *Цветков В.С.* Дворянское самоуправление Московской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: Старая Басманная, 2013. 364 с.

Чикаева 2010 – Чикаева К.С. Дворянская организация Северного Кавказа и ее предводители. Краснодар, 2010. 88 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20638853>.

Чикаева 2014 – Чикаева К.С. Состав дворянского сословия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 104. С. 1783–1798. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22843043>. EDN: <https://elibrary.ru/tfwsvt>.

Шаповалов 2014 – Шаповалов В.А. Поместное дворянство Европейской России в 50-е – 90-е гг. XIX века. (По материалам Центрально-Черноземных губерний). Белгород, 2014. 541 с. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/9819/1/Shapovalov_Dvorynstvo_Rossii.pdf.

Шокарев 2014 – Шокарев С.Ю. Российское дворянство: подвиги, тайны, трагедии (XII–XXI вв.). Москва: Центрполиграф, 2014. 476 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42465824>. EDN: <https://elibrary.ru/hlogpg>.

Щербачев 2015 – Щербачев О.В. Дворянство в России: тысячелетие и четверть века // Русская история. 2015. № 4. С. 84–87. URL: http://www.nobility.ru/rus/actualmater/actualmater_37.html.

References

Berelowitch 2001 – Berelowitch A. (2001) La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVI – XVII siècles. Paris, Le Seuil, 480 p. (In French.)

Griffiths 1989 – Griffiths D. (1989) Question of Motivation. *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 23, no. 1, pp. 58–82.

Barinova 2014 – Barinova E.P. (2014) Russian nobility since the middle of the 19th to the early 20th century: contemporary historiography. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 16, no. 3–2, pp. 548–557. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22796086>. EDN: <https://elibrary.ru/tewafj>. (In Russ.)

Barinova 2021 – Barinova E.P. (2021) Remembering the past: in search of noble roots. In: National cultural heritage in Russia: regional aspect: materials of the IX all-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 50th anniversary of SSIC. Samara, pp. 62–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341918>. EDN: <https://elibrary.ru/mnuglm>. (In Russ.)

Vasilieva 2004 – Vasilieva I.V. (2004) To the question of the authorship of the text and the meaning of the manifesto of Peter III on the freedom of the nobility. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 1, pp. 3–10. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20290486>. EDN: <https://elibrary.ru/realdb>. (In Russ.)

Vyunnik 2011 – Vyunnik E.P. (2011) Procedure and practice of the guardianship's establishment and removal during post-reform period for minor noblemen without parental support (on materials of Kursk province). *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Economics. Information Technologies*, no. 13 (108), pp. 119–125. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18924165>. EDN: <https://elibrary.ru/pydbgz>. (In Russ.)

Gorbunova 2012 – Gorbunova N.V. (2012) Nobility and Cossacks: historical background of class self-organizing and features of revival of class structures in modern Russia. *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences*, no. 4 (170), pp. 45–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17924328>. EDN: <https://elibrary.ru/pcgeuh>. (In Russ.)

Griffiths 2013 – Griffiths D. (2013) Catherine II and her world: articles from different years. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 536 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=265967&p=1>. (In Russ.)

Dumin 1996 – Dumin S.V. (1996) Prospects for the revival of historical noble corporations – provincial noble assemblies. In: *History of Russian noble organizations and institutions, their current state and development prospects: materials for the Second Scientific Seminar*. Saint Petersburg, pp. 30–33. (In Russ.)

Ivanova, Zheltova 2010 – Ivanova N.A., Zheltova V.P. (2010) Class society of the Russian Empire (XVIII – early XX century). Moscow: Novyi khronograf, 741 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19086059>; https://vk.com/doc35528094_473241441?hash=UQLEfC3Bkp4klAWtEeerW92lq0ZjSBfPYwa4lqkQoHX&dl=NtSqAV79q7ZuKzAFdrP5fBzowZ0KJ0imR6KpzHvfh2D. (In Russ.)

Ierusalimsky, Ledneva 2013 – Ierusalimskij Ju.Ju., Ledneva N.K. (2013) Modern domestic literature about the Russian nobility of the 19th – early 20th centuries: a regional aspect. *Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series Humanities*, no. 1, pp. 23–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18882871>. (In Russ.)

Ierusalimsky, Ledneva 2020 – Ierusalimsky Yu.Yu., Ledneva N.K. (2020) First estate of bygone empire: Yaroslavl nobility and its corporate organizations in second half of 19th and early XX centuries. Yaroslavl: Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova, 312 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43150696>. EDN: <https://elibrary.ru/osnjeg>. (In Russ.)

Konchakov, Korchmina 2020 – Konchakov R.B., Korchmina E.S. (2020) The Structure of Noble Property of the Moscow Gentry in 1812. *Istoriya*, vol. 11, no. 3 (89). DOI: <http://doi.org/10.18254/S207987840009536-8>. EDN: <https://elibrary.ru/rnudkz>. (In Russ.)

Korelin 1979 – Korelin A.P. (1979) Nobility in post-reform Russia. 1861–1904. Composition, number, corporate organization. Moscow: Nauka, 304 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21683945>; <https://library6.com/3596/item/632987>. EDN: <https://elibrary.ru/sngkv>. (In Russ.)

Korchmina 2015 – Korchmina E.S. (2015) «To collect more ladies' votes»: noble women's participation in the gentry's elections of the first half of the nineteenth century (Ryazan region case). *Rossiiskaia Istorii = Russian History*, no. 6, pp. 18–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25333857>. EDN: <https://elibrary.ru/vijxfd>. (In Russ.)

- Kupriyanov 2017 – *Kupriyanov A.I.* (2017) Elections in the Russian provinces (1775–1861). Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 400 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29748007>. EDN: <https://elibrary.ru/zazjhd>. (In Russ.)
- Lavrov 2002 – *Lavrov A.S.* (2002) A. Berelovich. Hierarchy of equals. Russian nobility under the Old Order (XVI–XVII centuries). *Voprosy istorii = Questions of History*, no. 4, pp. 173–175. Available at: https://vk.com/wall-80383896_7329. (In Russ.)
- Madariaga 2002 – *Madariaga I.* (2002) Russia in the Era of Catherine the Great. Moscow, 976 p. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/madariaga_ros/00.aspx. (In Russ.)
- Marasinova 2007 – *Marasinova E. N.* (2007) The liberties of Russian nobility: Peter's III manifesto and the legislation of Catherine II. *Rossiiskaia Istorii = Russian History*, no. 4, pp. 21–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9522355>; <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12435252>. EDN: <https://elibrary.ru/iajvgf>. (In Russ.)
- Mileshina 2010 – *Mileshina N.A.* (2010) Daily life of Russian nobility of the 18th – early 20th centuries in the estimates of Soviet and modern historians. *Izvestia of the Ural federal university. Series 1. Problems of education, science and culture*, vol. 84, no. 5, pp. 200–207. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15549043>; <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/18864/1/iurp-2010-84-27.pdf>. EDN: <https://elibrary.ru/negtld>. (In Russ.)
- Mironov 2015 – *Mironov B.N.* (2015) Russian Empire: from tradition to modernity: essay in 3 vols. Saint Petersburg: Izd-vo Dmitriya Bulanova, vol. 1, 896 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26608393>; https://vk.com/wall-23433303_14063. EDN: <https://elibrary.ru/uebdto>. (In Russ.)
- Platonova 2002 – *Platonova T.V.* (2002) Corporate bodies of the Saratov noble society at the end of the XVIII – first half of the XIX century. In: *Saratov collection of local lore: scientific works and publications*. Saratov, pp. 3–12. Available at: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9815/g1.pdf>. (In Russ.)
- Penkova 2009 – *Penkova O.P.* (2009) Nobility of the Tambov province (1861–1906). Tambov: Proletarskii svetoch, 188 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44174253>. EDN: <https://elibrary.ru/gtdarv>. (In Russ.)
- Pershin 2010 – *Pershin S.V.* (2010) Class institutions in Russia in the first half of the XIX century based on the materials of noble and urban societies of the Middle Volga provinces. Saransk: Izd. Tsentr ISI MGU im. N.P. Ogareva, 316 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19723677>. EDN: <https://elibrary.ru/oyltiq>. (In Russ.)
- Romanovich-Slavatinsky 1870 – *Romanovich-Slavatinskii A.V.* (1870) The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom. Saint Petersburg: Etipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 593 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book19619/579488>. (In Russ.)
- Rumyantseva, Trubitsyn 2021 – *Rumyantseva N.M., Trubitsyn I.O.* (2021) Socio-economic portrait of a noble assembly deputy in the second half of the 19th – early 20th century. *Vestnik arkhivista = Herald of Archivist*, no. 2, pp. 367–377. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-367-377>. EDN: <https://elibrary.ru/tduwby>. (In Russ.)
- Trubitsyn 2019 – *Trubitsyn I.O.* (2019) The average portrait of the leader of the noble corporation of the Russian Empire in the second half of the XIX – the early XX century (based on materials from the Moscow and Samara governorates). *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve respubliki Mordoviya*, no. 3 (51), pp. 37–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45765148>. EDN: <https://elibrary.ru/rtoxgz>. (In Russ.)
- Trubitsyn 2021 – *Trubitsyn I.O.* (2021) Noble Associations in Modern Russia. *Samara Journal of Science*, vol. 10, no. 1, pp. 265–270. DOI: <http://doi.org/10.17816/snv2021101213>. EDN: <https://elibrary.ru/zrohsn>. (In Russ.)
- Faizova 1999 – *Faizova I.V.* (1999) «Manifesto on Liberty» and the Service of the Nobility in the XVIII Century. Moscow: Nauka, 222 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/faizova_osvobozhdenie_dvoryanstva_v_18_veke_1999.pdf (In Russ.)
- Fedoseev 2014 – *Fedoseev R.V.* (2014) Functioning of noble trusteeships in the provinces of the Middle Volga region in the second half of the 19th century. *Theory and practice of social development*, no. 19, pp. 122–125. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22635938>. EDN: <https://elibrary.ru/tbixdz>. (In Russ.)
- Tsvetkov 2013 – *Tsvetkov V.S.* (2013) Noble self-government of the Moscow province (second half of the XIX – beginning of the XX century). Moscow: Staraya Basmannaya, 364 p. (In Russ.)
- Chikaeva 2010 – *Chikaeva K.S.* (2010) Noble organization of the North Caucasus and its leaders. Krasnodar, 88 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20638853>. (In Russ.)
- Chikaeva 2014 – *Chikaeva K.S.* (2014) The composition of the nobility of the North Caucasus in the late XIX – early XX centuries. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, no. 104, pp. 1783–1798. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22843043>. EDN: <https://elibrary.ru/tfwsvt>. (In Russ.)
- Shapovalov 2014 – *Shapovalov V.A.* (2014) Local nobility of European Russia in the 50-ies – 90-ies of the XIX century. (According to the materials of the Central Black Earth provinces). Belgorod, 541 p. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/9819/1/Shapovalov_Dvorynstvo_Rossii.pdf (In Russ.)
- Shokarev 2014 – *Shokarev S.Yu.* (2014) Russian nobility: exploits, secrets, tragedies (XII–XXI centuries). Moscow: Tsentrpoligraf, 476 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42465824>. EDN: <https://elibrary.ru/hlogpg>. (In Russ.)
- Shcherbachev 2015 – *Shcherbachev O. V.* (2015) Nobility in Russia: millennium and a quarter of a century. *Russkaia istoriia = Russian History*, no. 4, pp. 84–87. Available at: http://www.nobility.ru/rus/actualmater/actualmater_37.html. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(437.6)

Дата поступления: 07.02.2022
рецензирования: 18.03.2022
принятия: 28.05.2022

«Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация: Цель статьи – анализ деятельности институтов памяти в славянских странах Центральной и Восточной Европы в контекстах ревизии истории Второй мировой войны в Чехии и Словакии. Автор анализирует роль институтов памяти в формировании нового мемориального канона об истории войны в национальных версиях исторической памяти. Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти, принадлежащих к парадигме интеллектуальной истории и истории идей. Новизна исследования состоит в сравнительном анализе активностей институций, которые определяют основные векторы и траектории исторической политики как политики памяти об истории войны. В статье проанализированы: 1) активность Института памяти нации (Ústav pamäti národa) в Словакии как участника ревизии истории Второй мировой войны; 2) роль Института исследования авторитарных режимов (Ústav pro studium totalitních režimů) в Чехии в восприятии войны в чешской исторической памяти; 3) стратегии развития и функционирования моделей памяти о войне в исторических памятниках Словакии и Чехии в сравнительной перспективе. В статье показан вклад институтов памяти в ревизию и формирование новых мемориальных канонов о Второй мировой войне. Результаты исследования позволяют предположить, что институты памяти являются важным фактором в развитии современных восприятий войны и ее места в современных национальных идентичностях.

Ключевые слова: институты памяти; Институт памяти нации (Ústav pamäti národa); Институт исследования авторитарных режимов (Ústav pro studium totalitních režimů); историческая память; Вторая мировая война; политика памяти; ревизия истории; мемориальный канон.

Цитирование. Кирчанов М.В. «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кирчанов М.В., 2022

Максим Валерьевич Кирчанов – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет, 394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.02.2022
Revised: 18.03.2022
Accepted: 28.05.2022

«Institutions of memory» in the Czech Republic and Slovakia and the formation of the Second World War images

M.V. Kirchanov

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract: The purpose of the article is to analyze the activities of memory institutions in the Slavic countries of Central and Eastern Europe in contexts of the revision of the history of the Second World War in the Czech Republic and Slovakia. The author analyzes the role of memory institutions in the formation of a new memorial canons about the history of the war in national versions of historical memories. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the memorial turn and the analysis of the politics of memory, belonging to the paradigm of intellectual history and the history of ideas. The novelty of the study lies in a comparative analysis of the activities of institutions that determine the main vectors and trajectories of historical politics as a politics of memory about the history of war. The article analyzes: 1) the activity of the Institute of National Memory (Ústav pamäti národa) in Slovakia as a participant in the revision of the history of the Second World War; 2) the role of the Institute for the Study of Authoritarian Regimes (Ústav pro studium totalitních režimů) in the Czech Republic in the perception of the war in Czech historical memory; 3) strategies for the

development and functioning of war memory models in the historical memories of Slovakia and the Czech Republic in a comparative perspective. The article shows the contribution of the institutes of memory to the revision and formation of new memorial canons about the Second World War. The results of the study suggest that the institutions of memory are an important factor in the development of contemporary perceptions of war and its place in modern national identities.

Key words: institutes of memory; Institute of National Memory (Ústav pamäti národa); Institute for the Study of Authoritarian Regimes (Ústav pro studium totalitních režimů); historical memory; World War II; politics of memory; revision of history; memorial canon.

Citation. Kirchanov M.V. «Institutions of memory» in the Czech Republic and Slovakia and the formation of the Second World War images. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologija* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kirchanov M.V., 2022

Maxim V. Kirchanov – Doctor of Historical Sciences, associate professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, associate professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University, 1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation.

Введение

В современной Центральной и Восточной Европе одной из универсальных стратегий, используемых элитами при формировании компромиссного мемориального канона, является политика памяти, представляющая собой набор методов, применяемых для определения приоритетных направлений исследований, выделения финансирования и создания условий для привилегированного доступа к архивам. Все эти практики представляют собой политически мотивированную проработку прошлого, которая, как правило, развивается в двух направлениях.

С одной стороны, современная историческая политика предусматривает ревизию истории, последовательный пересмотр более ранних интерпретаций, которые воспринимаются как устаревшие в силу политических мотивов. Следует признать, что академическая историография в Восточной и Центральной Европе, а также на Балканах относительно быстро отказалась от схем более ранней исторической науки, сделав ставку на национализм и националистическое воображение как основные факторы, содействующие консолидации общества.

С другой стороны, историческая политика не только демонтирует те версии памяти, которые доминировали в левоавторитарных режимах до момента их распада в конце 1980-х – начале 1990-х гг., но и предлагает новые мемориальные каноны, основанные как на результатах развития историографии транзитных обществ, так и на новых политических мифах, сложившихся после падения коммунизма. Историческая политика Восточной и Центральной Европы, а также балканских стран решает несколько задач, важнейшие из которых связаны с демонтажом коммунистического наследия и связанных с ним версий исторической памяти.

Политика памяти может быть направлена на ревизию истории Второй мировой войны и формирование нового мемориального канона в отношении событий 1939–1945 гг. Если современные политики памяти Чехии, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии солидарны в негативном вос-

приятии истории коммунизма и деконструкции его наследия из национальной идентичности, то в отношении Второй мировой войны такая солидарность отсутствует. Вторая мировая война была крайне сложным этапом для истории этих стран, но, анализируя современные версии исторической памяти о войне, во внимание следует принимать то, что государства подошли к 1939 и 1945 гг. в разном качестве.

Чехословакия и Польша как независимые государства были ликвидированы, что привело к значительным потерям, став ударом по национальной идентичности – это существенно травмировало национальную память. Словакия, наоборот, на раннем этапе войны формально стала независимой, а Венгрия и Румыния были среди союзников Германии. Поэтому к 1945 г. они оказались среди проигравших стран. В силу того, что все эти государства на протяжении второй половины 1940-х – конца 1980-х гг. развивались в рамках социалистической модели, будучи участниками региональных экономических и военно-политических интеграционных объединений СЭВ и ОВД, спорные моменты исторического наследия подвергались маргинализации и не придавались широкой огласке.

Распад социалистической системы, дезинтеграция ЧССР, процессы демократизации положили начало переоценке доминировавших ранее версий истории Второй мировой войны. Если в 1990-е гг. эти задачи решала академическая историография, то в XXI в. в процесс включились новые участники, представленные специально созданными учреждениями, «институтами памяти», призванными координировать проведение исторической политики и формировать новый мемориальный канон, в том числе и в отношении истории Второй мировой войны.

В центре авторского внимания в представленной статье – проблемы восприятия истории Второй мировой войны в исторической политике Чехии и Словакии на институционализированном уровне. Поэтому целью статьи является анализ особенностей ревизии исторической памяти и формирования чешского и словацкого мемориального канона о событиях 1939–1945 гг. в со-

временных политиках памяти, инициаторами которых являются Институт памяти нации (Ústav pamäti národa, далее: ИПН) в Словакии и Институт исследования тоталитарных режимов (Ústav pro studium totalitních režimů, далее – ИИТР) в Чехии; задачами – изучение особенностей восприятия истории войны в контекстах национальной травмы, анализ мемориальных практик ревизии истории 1939–1945 гг., выделение общего и особенного в стратегиях и тактиках «проработки прошлого» в словацкой и чешской моделях исторической политики в отношении периода войны.

Чешская модель исторической памяти о Второй мировой войне

Современный чешский мемориальный канон памяти о Второй мировой войне отражает те противоречия, которые становятся видимыми, когда «пишется коллективная память», которая не только отражает «определенную политическую и общественную конъюнктуру», но и «повествует о давно минувших событиях» [Траба 2009, с. 53]. Именно в подобной логике выдержано большинство проектов ИИТР в Чехии. Проект *Tři osudové březnové dny: 14–16. březen 1939* («Три роковых мартовских дня: 14–16 марта 1939 г.») ИИТР в Чехии направлен на переосмысление в современной исторической памяти того, как и почему Чехословацкое государство стало жертвой немецкой агрессии. В рамках современной политики «проработки прошлого» ответственность за исчезновение Чехословакии в чешской исторической памяти возлагается преимущественно на внешних акторов, в первую очередь на Германию, ответственную за наступление периода, который в мемориальном каноне Чехии известен как *doba nesvobody* («время несвободы»). Второй такой страной, по мнению участников чешской политики памяти, стал Советский Союз, на который возлагается участие в разделе Европы совместно с нацистской Германией, а поражение Польши и ликвидация ее государственности в 1939 г. позиционируется как часть совместной, германо-советской, ответственности (*Polské tažení...*).

Формирование нового канона о Второй мировой войне в рамках институционализированной политики памяти в современной Чехии подчинено лозунгу: «Мы хотим лучше понять причины несвободы» (*Ústav pro studium totalitních režimů*). Во внимание следует принимать, что в качестве еще одной ответственной стороны позиционируется Словакия (*Tři osudové...*), что указывает на достаточно глубокое разделение и разграничение историографических нарративов и, как результат, версий исторической памяти в Чехии и Словакии, что позволяет чешским интеллектуалам воспринимать чехов как Других в политическом и этническом плане. В современном чешском каноне памяти Словакия, как Германия и Венгрия, предстает как страна, принявшая в 1939 г. участие в ликвидации Чехословакии как государства.

Последующие события участниками политики памяти с чешской стороны описываются в категории национальной трагедии, а чешскими интеллектуалами одновременно актуализируются две тенденции – немецкая ответственность за оккупацию (*Okupace Čech...*) и отсутствие на территории Чехии коллаборационизма с чешской стороны. В подобной ситуации политика памяти «выполняла терапевтическую функцию», в рамках которой «обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации» [Шеррер 2009, с. 101]. В этой интеллектуальной ситуации чехи превращаются в нацию-жертву, а судетские немцы последовательно демонизируются. Что касается Венгрии, то на нее возлагается ответственность за оккупацию Подкарпатской Руси, которая в рамках современного мемориального канона вообразается как исконно и исторически чешская территория, что не только маргинализирует на ее территории нечешское, венгерское и украинское население, но и актуализирует фактор националистического воображения как определяющего в генезисе и функционировании актуального мемориального канона в Чешской Республике.

Относительно Протектората Богемии и Моравии в современной чешской исторической политике подчеркивается, что он радикально отличался от других образований (*Tři osudové...*), созданных по инициативе Германии и ее союзников, так как не имел «государственного характера», что практически полностью исключало такое явление, как коллаборационизм. Поэтому Эмиль Гаха в рамках современного мемориального канона не наделяется классическими характеристиками коллаборациониста и предателя, превращаясь в политика, который «воспринимал пост президента скорее как службу и жертву... со временем он становился все более и более безнадежным: с одной стороны, была оккупационная нацистская власть, с другой – его непонимание и осуждение, пусть и не всегда заслуженное, собственного народа. Эта судьба повлияла на его здоровье и навсегда поместила его в число трагических личностей чешской истории» (*Začátek 2. světové války...*).

Поэтому современный мемориальный чешский канон основан на последовательной виктимизации не только жертв и потерь, понесенных чехами в период оккупации, но и даже формальных коллаборационистов, сотрудничество которых с оккупантами воспринимается как вынужденное. История Протектората в современном мемориальном каноне Чехии в целом выдержана в традициях чешского политического и этнического национализма, воспринимаясь как национальная катастрофа, связанная с ликвидацией Чехословакии, редуцируемой в актуальном историческом воображении до почти исключительно чешского государства.

Современная историческая память Чехии в вину немцам ставит отмену праздников (*Tři osudové...*), принципиально важных для чешской

политической нации, которые актуализировали ее государственные традиции, а проекты ИИТР направлены на последовательную виктимизацию образов чехов в период немецкой оккупации, что редуцирует историю до репрессий и сопротивления им. Именно на этом сфокусирован проект *Perzekuce za nacistické okupace* («Преступления нацистской оккупации»). Германия и немцы позиционируются как ответственные за преступления против гражданского чешского населения [Plachá 2021], в том числе и в мае 1945 г., когда «молодые нацисты, вне зависимости от общего положения Третьего рейха, продолжали пытаться и казнить заложников» (*Válečné zločiny...*). Действия немецких частей 7 мая 1945 г. в Логовице определяются и позиционируются как «героическая, но и трагическая жертва» чешского населения (*Válečné zločiny v Lahovicích...*). История немецкой политики в мае 1945 г. воспринимается как «массовые убийства мирных жителей в ряде мест протектората, у которых не было много шансов защититься от хорошо вооруженных немцев (например, в Велке Мезиржичи)... было немало и примеров откровенного произвола, при которых казнили людей, мешавших отступающим немцам» (*Válečné zločiny v Živošticích...*).

Составление истории Чехии периода Второй мировой войны и ее интеграция в мемориальный канон подчинены логике виктимизации чешского политического проекта [Vajskebr, Kaňák 2020], что превращает изучение репрессий [Gebhart 2015] и военных преступлений Германии [Kokoška 2015] в одну из приоритетных задач современной чешской политики памяти. Поэтому в мемориальный канон в одинаковой степени оказываются интегрированы гетерогенные культурные и социальные памяти, которые не только последовательно формируют негативный образ Германии [Zimr 2021], но и визуализируют репрессии против детства [Šustrová 2010], чешской интеллигенции [Sedláková 2019], духовенства [Vodičková 2010] и политической элиты [Hazdra 2010], еврейского населения [Fiamová 2019], женщин [Burešová 2010], верующих [Jindra 2017] и деятелей чешской культуры [Bednařík 2019]. Доминирование подобных нарративов в современной политике памяти, которая практикуется в Чехии, содействует одновременно национализации мемориального канона и редукции истории до почти исключительно чешской, что позволяет деконструировать из ее контекстов историю немецкого меньшинства [Vlček 2010], на которое возлагается ответственность за добровольную коллаборацию с оккупационными властями, а в силу того, что судетские немцы до 1939 г. были чехословацкими гражданами, позволяет интерпретировать их действия как государственную измену.

Изучение военных преступлений Германии проводится и в рамках проекта «Немецкие силы безопасности и репрессии» (*Německé bezpečnostní...*). В ходе реализации этого проекта в

открытом доступе были опубликованы списки сотрудников и агентов Гестапо, которые действовали на территории Чехии во время оккупации (*Seznam příslušníků...*), что не только формировало негативный образ немцев как универсальных политических и этнических Других, но и могло использоваться как аргумент в защите чешской позиции в 2000–2010-е гг., основанной на последовательном отрицании прав потомков выселенных представителей немецкого меньшинства на реституцию собственности на территории Чешской Республики.

В целом в рамках современного мемориального канона восприятия Второй мировой войны чехи позиционируются в качестве жертв германской оккупации, а сама война – как тот фактор, который ослабил Германию и привел ее к военному и политическому поражению. Официальная современная чешская позиция, представленная на сайте ИИТР, сводится к нескольким положениям, а именно: «...первый день сентября 1939 года вселил энтузиазм и надежду в умы большинства чехов. Только что разразилась очередная мировая война... С точки зрения чешского общества, она должна была привести к поражению нацистской Германии, только что вторгшейся в Польшу, и к восстановлению Чехословакии... неудивительно, что жители Протектората Богемии и Моравии желали войны. Победа в ней была единственным шансом вернуть Чехословакию на карту Европы» (*Válečný prožitek...*).

Не менее важную роль в функционировании современной памяти о войне в Чехии играют нарративы, описывающие сопротивление, направленное на ликвидацию оккупации, приведшей к «временной утрате чешской государственности» (*Válečný prožitek...*). По мнению российского исследователя Д. Аникина распад СЭВ и ОВД институционализировал «новые национальные режимы, возникшие на месте прежних “народных демократий”, активно погрузились в “войны памяти”. Идея непогрешимости и жертвенности собственной нации пришла на смену прежнему интернационализму. Восторжествовала концепция “двух оккупаций”, в рамках которой завершение Второй мировой войны стало рассматриваться не как освобождение, а лишь как промежуточный переход от одной оккупации к другой» [Анкин 2021]. Именно поэтому современный официальный канон чешской национальной памяти, представленный на институционализированном уровне, формируя образ войны, позиционирует чехов как жертв двух тоталитаризмов – «черного», т. е. немецкого и «красного» (*Válečný prožitek...*), соотносимого с Советским Союзом, превращая Чехию одновременно в жертву двух авторитарных режимов, что существенным образом влияет на восприятие в исторической политике образа ЧССР, сложившейся в результате Второй мировой войны.

Словацкая модель политики памяти в отношении Второй мировой войны

Словацкая модель исторической памяти в отношении Второй мировой войны развивается в

иной системе координат, которая в значительной степени отличается от тех стратегий и тактик, которые имеют место в «проработке прошлого» в современной Чехии. По мнению В. Аусвэйта и Л. Рэя, «пересмотр прошлого произошел после краха коммунизма» потому, что авторитарное наследие воспринималось как «эрозия памяти в “режиме забывания”» [Аўтўэйт, Рэй 2006, с. 30], что позволяет не только актуализировать политически и идеологически нужные моменты истории, но и маргинализировать, вытеснять и забывать то, что в канон новой памяти не вписывается. Подобная специфика исторической политики связана со статусом Словакии в период войны, когда словаки формально получили свою независимую государственность, в чем частично ответственны и чешские политические элиты, которые на протяжении 1920–1930-х гг. игнорировали словацкий вопрос, стремясь проводить политику ассимиляции, преследуя национальное духовенство и интеллигенцию.

Вместе с тем современные словацкие интеллектуалы, вовлеченные в реализацию исторической политики, понимают, что идеализация политического режима Словакии периода войны не соотносится ни с национальной, ни с европейской идеологической конъюнктурой. Поэтому некоторыми исследователями подчеркивается «прагматический характер» [Медушевский 2021] словацкой политики памяти. ИПН в своей интерпретации Второй мировой войны действует крайне избирательно. На фоне информации и документов, посвященных как Словацкому государству, его парламенту и армии, а также преследованию евреев, что является косвенным признанием ответственности за участие в Холокосте, сайт института практически не дает оценок и не интерпретирует фигуру Йозефа Тисо – лидера Первой Словацкой Республики. Противоречия, связанные с трудностями локализации и формирования образа Й. Тисо в современном мемориальном каноне, указывают на «невозможность положительно оценивать образ Словакии Й. Тисо», что связано «не только с критическим отношением к нацистской идеологии и коллаборационизму, принятым в Европе, но и необходимостью борьбы с действующей праворадикальной оппозицией» [Попов 2021]. Это вовсе не означает, что Й. Тисо в современном мемориальном каноне Словакии отсутствует – дискуссии о его месте в исторической памяти мигрировали в пространства СМИ и академической историографии в то время, как ИПН стремится сформировать компромиссный мемориальный канон о войне, интегрируя в него темы, которые связаны с преследованием евреев и ролью армии в Словакии. Политически и идеологически мотивированная «проработка» этих тем в словацкой исторической памяти в меньшей степени содействуют фрагментации общества, формируя компромиссный мемориальный канон.

Поэтому они вынуждены лавировать между ценностями словацкого национализма и внешни-

ми факторами, включая европейскую интеграцию и необходимость выстраивания отношений с чешскими соседями. Институты памяти в такой ситуации играют роль «общественных институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов» [Астров 2009, с. 110], связанных с памятью, но фактически содействуют замалчиванию неудобных моментов для мемориального канона. В этой ситуации Первая Республика в Словакии признается уникальным политическим словацким проектом, который обладал необходимыми атрибутами государственности [Podolec 2017], отличаясь при этом недемократическим характером и преследованием еврейского населения. Подобная политика памяти ставит интеллектуалов в двойственное положение: с одной стороны, признается важность Первой Республики [Lacko 2008] для словацкого национального политического проекта; с другой – интеллектуалы вынуждены учитывать внешнюю ситуацию, связанную с попытками создания общеевропейского канона исторической памяти.

В рамках современной словацкой политики памяти формируется комплексный образ Словацкого государства периода Второй мировой войны [Lacko 2010 b], который является компромиссным, для чего ИПН активно публикует в открытом доступе документы о Словакии военного времени не только как исторической форме словацкого государства (Ústavný zákon 21. júla 1939), но и особенностях ее недемократического и авторитарного характера, а также внешних факторах в ее появлении [Kubík 2010] и кратковременной истории. Именно в рамках последнего элемента политики памяти издаются документы, касающиеся политических репрессий в целом (Vládne nariadenie...) и преследования еврейского населения в частности (Ústavný zákon 15. mája 1942).

ИПН в рамках формирования нового канона памяти о Второй мировой войне избегает политически и идеологически неудобных тем, но особое внимание уделяет потерям, которые словаки понесли в период войны. Вооруженные силы Словакии периода Второй мировой войны активно интегрируются в современный мемориальный канон. При этом история армии воспринимается комплексно, что интегрирует в национальную память как моменты ее участие в войне против Польши [Lacko 2007 b] и Советского Союза [Lacko 2007 a], так и факты дезертирства [Lacko 2010 a], что делает память множественной.

Именно с этой целью ИПН собирает и публикует данные о погибших с июня 1941 г. по август 1944 г. на Восточном фронте словацких солдатах. Публикация этих данных воспринимается как восстановление исторической справедливости, так как, согласно официальной позиции ИПН, «эти жертвы были табу во времена коммунистического тоталитаризма. Память о павших с 1945 года замалчивалась, имена павших не указывались даже до памятников в родных селах и городах, а многие

из выживших стали жертвами дискриминации в послевоенный период» (Padlí, zomrelí...). К настоящему моменту ИПН систематизировал и опубликовал в открытом доступе данные о 1281 словацком военнослужащем, погибшем в годы Второй мировой войны (Padlí, zomrelí...).

Обнародование данных о потерях в рамках современного мемориального канона воспринимается как «заполнение одного из белых пятен в нашей истории» и шаг словацкого общества в направлении к «примирению со своим прошлым» (Padlí, zomrelí...). В рамках словацкой модели политики памяти особое внимание уделяется не словацким националистам, которые были союзниками Германии, но жертвам национал-социалистического тоталитарного режима, что, впрочем, не исключает попыток локализации в новом мемориальном опыте истории словацкого национализма, бывшего среди системных факторов в истории Словакии периода Второй мировой войны.

В такой стратегии «проработки прошлого» история национализма интегрируется в более широкие контексты исторической памяти – поэтому история, например, Глинковой гвардии вписывается в национальную историческую память на политическом [Sokolovič 2009], национальном [Milla 2008] и локальном [Hruboň 2012] уровнях. Подобная идеологически мотивированная ревизия исторической памяти не мешает словацким интеллектуалам интегрировать в мемориальный канон нарративы о евреях как жертвах национал-социализма. ИПН реализует проект, который актуализирует ответственность властей Словацкого государства не только за преследование евреев [Hlavinka 2011], но и конфискацию предприятий, для чего создан специализированный ресурс (Arizácie...), позволяющий выяснить особенности изъятия собственности еврейских предпринимателей. В этом контексте политика памяти, проводимая ее акторами, в том числе и ИПН, содействует «формированию официального исторического нарратива касательно словацкого прошлого», который «базируется на тоталитарной парадигме с акцентом на репрессивный характер власти и деформационный характер развития общества» [Ластоўскі 2016, с. 39], что позволяет именно в рамках концепта «тоталитаризм» локализовать опыт Первой Республики, объясняя именно им преследование еврейского населения, что частично снимает ответственность с самих словацких националистов.

Современная политика памяти в ее словацком варианте активно продвигает нарративы, призванные актуализировать образы жертв тоталитарного режима [Perzekúcie na Slovensku... 2008], установленного под влиянием Германии. Электронная база данных основана на учетных записях Центрального экономического управления, Министерства экономики и Глинковской гвардии как тех институциях, которые несут ответственность за нарушение прав еврейского населения в Словакии. Зная имя и фамилию первоначального собственника, тип

предприятия и форму бизнеса, город и округ, можно путем автоматического поиска в базе из 2223 записей выяснить время изъятия собственности и данные о том лице, которое ее получило.

ИПН составил базу ликвидированных еврейских предприятий, систематизировав 10 112 записей из архивов, что позволяет выяснить как фамилии бывших собственников, так и тех, кто непосредственно принимал решение о конфискации имущества (Likvidácie...). ИПН активно участвует в публикации данных из национальных архивов Словакии о количестве еврейского населения к 1938 г. (Počty Židov...), что позволяет оценить как его потери и масштабы Холокоста, так и ответственность властей Словацкого государства. В рамках актуализации еврейского измерения национальной исторической памяти о Второй мировой войне ИПН реализован проект «Судьбы словацких евреев 1939–1945» (Osudy...), который актуализирует ответственность властей Словацкого государства в геноциде еврейского населения, так как фактически вскрывает механизм переписи 1942 г. как подготовки к депортации евреев в нацистские концентрационные лагеря.

Выводы

Политика памяти в отношении истории Второй мировой войны в Чехии и Словакии существенным образом отличается, имея при этом некоторые общие черты.

Для чешской модели исторической политики характерно развитие нарратива о Чехии как жертве двух диктатур – национал-социалистической и советской. Оккупация Чехии Германией оценивается исключительно негативно, что превращает чехов в жертву, содействуя виктимизации их образа. Освобождение Чехии Красной армией признается как освобождение от одной диктатуры и начало новой. Поэтому и оккупационный режим Германии, и режим, установленный после 1945 г., интерпретируются в одной системе координат, оцениваясь как период «несвободы». Отсутствие на территории оккупированной Германией Чехии активного чешского коллаборационизма автоматически освобождает современных интеллектуалов от решения этических проблем, связанных с интеграцией проблем военно-политической коллаборации с оккупантами в канон исторической памяти. В этой интеллектуальной ситуации основными отрицательными героями в чешской памяти являются вермахт, СС, СД и судетские немцы, образы которых последовательно демонизируются.

Для словацкой исторической памяти характерны другие стратегии и тактики формирования образа Второй мировой войны. Современные словацкие интеллектуалы формируют в значительной степени компромиссный образ войны. С одной стороны, признается, что именно в условиях войны стало возможно появление Словацкого государства как первой современной формы именно словацкой государственности. С другой – не отри-

чается и то, что Первая Республика не была демократическим государством, на территории которого преследовалось еврейское население. Поэтому в рамках такого мемориального канона на Словакию возлагается часть ответственности за организацию Холокоста. Словацкая модель памяти основана как на замалчивании некоторых моментов истории войны, что связано с ролью Й. Тисо, так и попытками локализации Словацкой Республики в исторической памяти, что призвано содействовать если не ее легитимации, то нормализации ее образа в рамках современного исторического нарратива.

Таким образом, модели исторической политики, применяемые на институциональном уровне Института исследования тоталитарных режимов и Института памяти нации в отношении истории Второй мировой войны в современной Чехии и

Словакии, реализуют различные модели развития памяти, основанные как на последовательной виктимизации образа чехов как жертв немецкой оккупации, так и на попытках формирования компромиссного мемориального канона, в одинаковой степени учитывающего национальные и европейские нарративы восприятия собственного опыта словаков. Историческая политика памяти в отношении Второй мировой войны в Чехии и Словакии не ограничивается только участием рассмотренных акторов и выдвигаемыми ими концепциями. «Проработка прошлого» проявляется в национализации истории, ее декоммунизации, сносе советских памятников, активных дискуссиях в СМИ, активность которых в рамках формирования нового «мемориального канона» относится к числу тем, нуждающихся в дальнейшем изучении.

Материалы исследования

Arizácie... – *Arizácie podnikov Židov*. URL: <https://www.upn.gov.sk/projekty/arizacie>.

Likvidácie... – *Likvidácie podnikov Židov (1941–1942)*. URL: <https://www.upn.gov.sk/projekty/likvidacie>.

Německé bezpečnostní... – *Německé bezpečnostní a represivní složky*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/dobanesvobody-1938-1945/nemecke-bezpecnostni-a-represivni-slozky/>

Okupace Čech... – *Okupace Čech a Moravy*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/doba-nesvobody-1938-1945/tri-osudovebreznove-dny-14-16-brezen-1939>.

Osudy... – *Osudy slovenských Židov 1939 – 1945*. URL: <https://www.upn.gov.sk/projekty/supis-zidov>.

Padlí, zomreli... – *Padlí, zomreli a zabití slovenskí vojaci v priebehu protisovietskeho ťaženia (jún 1941 – august 1944)*. URL: <https://www.upn.gov.sk/sk/padli-zomreli-a-zabiti-sl-vojaci>.

Počty Židov... – *Počty Židov na južnom Slovensku a na Podkarpatskej Rusi po Viedenskej arbitráži na základe sčítania obyvateľov v roku 1938*. URL: <https://www.upn.gov.sk/projekty/pocty-zidov-juzne-slovensko>.

Polské ťaženie... – *Polské ťaženie 1939*. URL: <https://www.ustrcr.cz/konference/valecny-prozitek-ceske-spolecnosti-v-konfrontaci-s-nacistickou-okupaci-polske-tazeni-1939>.

Seznam příslušníků... – *Seznam příslušníků gestapa v Čechách a na Moravě*. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/projekty/doba-nesvobody/gestapo-seznam.pdf>.

Tři osudové... – *Tři osudové březnové dny: 14.–16. březen 1939*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/dobanesvobody-1938-1945/tri-osudove-breznove-dny-14-16-brezen-1939>.

Válečné zločiny... – *Válečné zločiny ve škole «Na Pražačce» (5. – 8. května 1945)*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/doba-nesvobody-1938-1945/perzekuce-za-nacisticke-okupace>.

Ústav pro studium totalitních režimů – *Ústav pro studium totalitních režimů*. URL: <https://www.ustrcr.cz>.

Ústavný zákon 15. mája 1942 – *Ústavný zákon zo dňa 15. mája 1942 o vyst'ahovaní Židov*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/zak-15maj-1942.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).

Ústavný zákon 21. júla 1939 – *Ústavný zákon zo dňa 21. júla 1939 o Ústave Slovenskej republiky*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/ustava1939.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).

Válečné zločiny v Lahovce – *Válečné zločiny v obci Lahovice (7. května 1945)*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/dobanesvobody-1938-1945/perzekuce-za-nacisticke-okupace>.

Válečné zločiny v Živohošti – *Válečné zločiny v Živohošti (7. května 1945)*. URL: <https://www.ustrcr.cz/uvod/dobanesvobody-1938-1945/perzekuce-za-nacisticke-okupace>.

Válečný prožitek... – *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací (1939–1945) – Symposium k 70. výročí vypuknutí druhé světové války*. URL: <https://www.ustrcr.cz/konference/valecny-prozitek-ceske-spolecnosti-v-konfrontaci-s-nacistickou-okupaci>.

Vládne nariadenie... – *Vládne nariadenie zo dňa 24. marca 1939 o zaisťovacom uväznení nepriateľov Slovenského štátu*. URL: https://www.upn.gov.sk/data/32_1939.pdf.

Začátek 2. světové války – *Začátek 2. světové války a reakce českých protektorátních úřadů*. URL: <https://www.ustrcr.cz/konference/valecny-prozitek-ceske-spolecnosti-v-konfrontaci-s-nacistickou-okupaci/zacatek-2-svetove-valky-a-reakce-ceskych-protektoratnich-uradu>.

Библиографический список

- Bednařík 2019 – *Bednařík P.* Arizace české kinematografie // *Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Sudety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945* / eds. J. Pažout, K. Portmann. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, 2019. S. 186–203.
- Burešová 2010 – *Burešová J.* Ženy a druhá světová válka // *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací* / ed. L. Kudrna. Praha: ÚSTR, 2010. S. 79–96.
- Fiamová 2019 – *Fiamová M.* «Čo Židia dnes v Slovenskej republike vlastnia, to je v podstate majetkom slovenského národa». Příprava, priebeh a dôsledky arizácie židovského majetku na Slovensku v rokoch 1938–1945 // *Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Sudety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945* / eds. J. Pažout, K. Portmann. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, 2019. S. 158–185.
- Gebhart 2015 – *Gebhart J.* Dopady totálního válečného nasazení na život protektorátního obyvatelstva ve druhé polovině roku 1944 // *Válečný rok 1944 v okupované Evropě a v Protektorátu Čechy a Morava* / ed. P. Zeman. Praha: ÚSTR, 2015. S. 83–97.
- Hazdra 2010 – *Hazdra Z.* Česká šlechta v časech nacistické okupace (malé zamyšlení) // *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací* / ed. L. Kudrna. Praha: ÚSTR, 2010. S. 33–50. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/hazdra-zdenek.pdf>.
- Hlavinka 2011 – *Hlavinka J.* Židovská komunita v okrese Medzilaborce v rokoch 1938 – 1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2011. 278 s. URL: https://www.upn.sk/publikacie_web/zidovska-komunita-medzilaborce-1938-1945.pdf.
- Hruboň 2012 – *Hruboň A.* Hlinkova garda na území Pohronskej župy (Organizácia a aktivity 1938–1945). Ružomberok: Historia nostra, 2012. 181 s. URL: https://www.academia.edu/4430224/Hlinkova_garda_na_%C3%BAzem%C3%AD_Pohronskej_%C5%BEupy_Organiz%C3%A1cia_a_aktivity_1938-1945_The_Hlinka_Guard_in_the_Pohronsk%C3%A1_County_Region_Organisation_and_Activities_1938-1945.
- Jindra 2017 – *Jindra M.* Sáhnut si do ran tohoto světa. Perzekuce a rezistence Církve československé (husitské) v letech 1938–1945. Praha: ÚSTR – Církev československá husitská, 2017. 704 s.
- Kokoška 2015 – *Kokoška S.* Nacistická okupační politika v Protektorátu Čechy a Morava v roce 1944 // *Válečný rok 1944 v okupované Evropě a v Protektorátu Čechy a Morava* / ed. P. Zeman. Praha: ÚSTR, 2015. S. 70–82.
- Kubík 2010 – *Kubík P.* Slovensko-talianske vzťahy v rokoch 1939–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. 355 s.
- Lacko 2010 a – *Lacko M.* Dezercie a zajatia príslušníkov Zaisťovacej divízie v ZSSR v rokoch 1942–1943. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. 342 S. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/dezercie-a-zajatia.pdf.
- Lacko 2007 a – *Lacko M.* Dotyky s boľševizmom (Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941). Bratislava: Ústav pamäti národa, 2007. 262 S. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/dotyky-s-bolesevizmom.pdf.
- Lacko 2007 b – *Lacko M.* Proti Poľsku. Odraz ťaženia roku 1939 v denníkoch a kronikách slovenskej armády. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2007. 256 S. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/proti-polsku.pdf.
- Lacko 2008 – *Lacko M.* Slovenská republika 1939–1945. Bratislava: Perfekt, 2008. 208 S.
- Lacko 2010 b – *Lacko M.* Zrod Slovenského štátu v kronikách slovenskej armády. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. 182 S. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/zrod-slovenskeho-statu-v-kronikach-slovenskej-armady.pdf.
- Milla 2008 – *Milla M.* Hlinkova mládež 1938–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2008. 282 S. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/hlinkova-mladez-1938-1945.pdf.
- Perzekúcie na Slovensku... 2008 – *Perzekúcie na Slovensku v rokoch 1938 – 1945. Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov VII: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, Bratislava 21.–23. apríla 2008.* Bratislava: Ústav pamäti národa, 2008. 499 s.
- Plachá 2021 – *Plachá P.* Zpřetřhané životy. Československé ženy v nacistickém koncentračním táboře Ravensbrück v letech 1939–1945. Praha: ÚSTR – Pulchra, 2021. 496 s.
- Podolec 2017 – *Podolec O.* Prvý slovenský parlament. Snem Slovenskej republiky a jeho legislatívna činnosť. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2017. 455 S.
- Sedláková 2019 – *Sedláková M.* Arizace v Protektorátu Čechy a Morava se zaměřením na podnikový majetek // *Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Sudety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945* / eds. J. Pažout, K. Portmann. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, 2019. S. 122–157.
- Sokolovič 2009 – *Sokolovič P.* Hlinkova garda 1938 – 1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2009. 562 s. URL: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/hlinkova-garda.pdf.
- Šustrová 2010 – *Šustrová R.* Děti a válka. České a německé děti v Protektorátu Čechy a Morava // *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací* / ed. L. Kudrna. Praha: ÚSTR, 2010. S. 67–78. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/sustrova-radka.pdf>.
- Vajskebr, Kaňák 2020 – *Vajskebr J., Kaňák P.* Kariéry ve službách nacismu. Nejvyšší velitelé německého potlačovacího aparátu v protektorátu Čechy a Morava. Praha: ÚSTR – Nakladatelství Lidové noviny, 2020. 396 S.
- Vlček 2010 – *Vlček L.* Němci v Protektorátu Čechy a Morava v prvních měsících okupace // *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací* / ed. L. Kudrna. Praha: ÚSTR, 2010. S. 97–110. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/vlcek-lukas.pdf>.

Vodičková 2010 – *Vodičková S.* Sřet idejí – křesřané v protinacistickém odboji. Formy odboje na příkladech duchovních a laiků // *Válečný prožitok české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací* / ed. L. Kudrna. Praha: ÚSTR, 2010. S. 51–66. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/vodickova-stanislava.pdf>.

Zumr 2021 – *Zumr J.* Obyčejná elita. Historie SS v Dolních Rakousích a na jižní Moravě. Praha: ÚSTR, 2021. 388 S.

Аникин 2021 – *Аникин Д.* «Проработка прошлого»? Историческая память о Второй мировой войне в Европе // Российское Историческое Общество. 2021. 29 января. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/prorabotka-proshlogo-istoricheskaya-pamyat-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-evrope.html> (дата обращения: 30.01.2022).

Астров 2009 – *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et contra*. 2009. № 3–4. С. 109–124. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf.

Аўтэўйт, Рэй 2006 – *Аўтэўйт Ў., Рэй Л.* Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // *Палітычная сфера*. 2006. № 6. С. 27–43.

Ластоўскі 2016 – *Ластоўскі А.* Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // *Палітычная сфера*. 2016. № 1. С. 37–55.

Медушевский 2021 – *Медушевский Н.А.* Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2021. № 3. С. 36–51. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-36-51>.

Попов 2021 – *Попов Дм.* Сложности восприятия Второй мировой войны в современной Словакии // *Российский Совет по международным делам* 2021. 11 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/slozhnosti-vospriyatiya-vtoroy-mirovoy-voyny-v-sovremennoy-slovakii> (дата обращения: 30.01.2022).

Траба 2009 – *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. С. 43–64. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48804>; https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf.

Шерпер 2009 – *Шерпер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. № 3–4. С. 89–108. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf.

References

Bednařík 2019 – *Bednařík P.* (2019) Arizace české kinematografie. In: *Pažout J., Portmann K. (Eds.) Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Súdety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945*. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, pp. 186–203. (In Czech.)

Burešová 2010 – *Burešová J.* (2010) Ženy a druhá světová válka. In: *Kudrna L. (Ed.) Válečný prožitok české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací*. Praha: ÚSTR, pp. 79–96. (In Czech.)

Fiamová 2019 – *Fiamová M.* (2019). «Čo Židia dnes v Slovenskej republike vlastnia, to je v podstate majetkom slovenského národa». Príprava, priebeh a dôsledky arizácie židovského majetku na Slovensku v rokoch 1938–1945. In: *Pažout J., Portmann K. (Eds.) Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Súdety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945*. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, pp. 158–185. (In Czech.)

Gebhart 2015 – *Gebhart J.* (2015) Dopady totálního válečného nasazení na život protektorátního obyvatelstva ve druhé polovině roku 1944. In: *Zeman P. (Ed.) Válečný rok 1944 v okupované Evropě a v Protektorátu Čechy a Morava*. Praha: ÚSTR, pp. 83–97. (In Czech.)

Hazdra 2010 – *Hazdra Z.* (2010) Česká šlechta v časech nacistické okupace (malé zamyšlení). In: *Kudrna L. (Ed.) Válečný prožitok české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací*. Praha: ÚSTR, pp. 33–50. Available at: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/hazdra-zdenek.pdf>. (In Czech.)

Hlavinka 2011 – *Hlavinka J.* (2011) Židovská komunita v okrese Medzilaborce v rokoch 1938–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 278 p. Available at: https://www.upn.sk/publikacie_web/zidovska-komunita-medzilaborce-1938-1945.pdf. (In Czech.)

Hruboň 2012 – *Hruboň A.* (2012) *Hlinkova garda na území Pohronskej župy (Organizácia a aktivity 1938–1945)*. Ružomberok: Historia nostra, 181 p. Available at: https://www.academia.edu/4430224/Hlinkova_garda_na_%C3%BAzem%C3%AD_Pohronskej_%C5%BEupy_Organiz%C3%A1cia_a_aktivity_1938-1945_The_Hlinka_Guard_in_the_Pohronsk%C3%A1_County_Region_Organisation_and_Activities_1938-1945_. (In Czech.)

Jindra 2017 – *Jindra M.* (2017) *Sáhnout si do ran tohoto světa. Perzekuce a rezistence Církve československé (husitské) v letech 1938–1945*. Praha: ÚSTR – Církev československá husitská, 704 p. (In Czech.)

Kokoška 2015 – *Kokoška S.* (2015) Nacistická okupační politika v Protektorátu Čechy a Morava v roce 1944. In: *Zeman P. (Ed.) Válečný rok 1944 v okupované Evropě a v Protektorátu Čechy a Morava*. Praha: ÚSTR, pp. 70–82. (In Czech.)

Kubík 2010 – *Kubík P.* (2010) *Slovensko-talianske vzťahy v rokoch 1939–1945*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 355 p. (In Slovak.)

Lacko 2010, a – *Lacko M.* (2010) *Dezercie a zajatia príslušníkov Zaisťovacej divízie v ZSSR v rokoch 1942–1943*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 342 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/dezercie-a-zajatia.pdf. (In Slovak.)

Lacko 2007, a – *Lacko M.* (2007) *Dotyky s bolševizmom (Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941)*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 262 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/dotyky-s-bolsevizmom.pdf. (In Slovak.)

- Lacko 2007 b – Lacko M. (2007) *Proti Polsku. Odras ťaženia roku 1939 v dennikoch a kronikách slovenskej armády*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 256 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/proti-polsku.pdf. (In Slovak.)
- Lacko 2008 – Lacko M. (2008) *Slovenská republika 1939–1945*. Bratislava: Perfekt, 208 p. (In Slovak.)
- Lacko 2010 b – Lacko M. (2010) *Zrod Slovenského štátu v kronikách slovenskej armády*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 182 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/zrod-slovenskeho-statu-v-kronikach-slovenskej-armady.pdf. (In Slovak.)
- Milla 2008 – Milla M. (2008) *Hlinkova mládež 1938–1945*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 282 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/hlinkova-mladez-1938-1945.pdf. (In Slovak)
- Perzekúcie na Slovensku... 2008 – *Perzekúcie na Slovensku v rokoch 1938–1945. Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov VII: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, Bratislava 21.–23. apríla 2008*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 499 p. (In Slovak.)
- Plachá 2021 – Plachá P. (2021) *Zpřetrhané životy. Československé ženy v nacistickém koncentračním táboře Ravensbrück v letech 1939–1945*. Praha: ÚSTR – Pulchra, 496 p. (In Czech)
- Podolec 2017 – Podolec O. (2017) *Prvý slovenský parlament. Snem Slovenskej republiky a jeho legislatívna činnosť*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 455 p. (In Slovak.)
- Sedláková 2019 – Sedláková M. (2019) Arizace v Protektorátu Čechy a Morava se zaměřením na podnikový majetek. In: Pažout J., Portmann K. (Eds.) *Ve stínu války. Protektorát Čechy a Morava, Slovenská republika, Říšská župa Šudety a další odtržená československá území v letech 1938/39–1945*. Liberec – Praha: Technická univerzita v Liberci – ÚSTR, pp. 122–157. (In Czech.)
- Sokolovič 2009 – Sokolovič P. (2009) *Hlinkova garda 1938–1945*. Bratislava: Ústav pamäti národa, 562 p. Available at: https://www.upn.gov.sk/publikacie_web/hlinkova-garda.pdf. (In Slovak.)
- Šustrová 2010 – Šustrová R. (2010) Děti a válka. České a německé děti v Protektorátu Čechy a Morava. In: Kudrna L. (Ed.) *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací*. Praha: ÚSTR, pp. 67–78. Available at: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/sustrova-radka.pdf>. (In Czech.)
- Vajskebr, Kaňák 2020 – Vajskebr J., Kaňák P. (2020) Kariéry ve službách nacismu. Nejvyšší velitelé německého potlačovacího aparátu v protektorátu Čechy a Morava. Praha: ÚSTR – Nakladatelství Lidové noviny, 396 p. (In Czech.)
- Vlček 2010 – Vlček L. (2010) Němci v Protektorátu Čechy a Morava v prvních měsících okupace. In: Kudrna L. (Ed.) *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací*. Praha: ÚSTR, pp. 97–110. Available at: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/vlcek-lukas.pdf>. (In Czech.)
- Vodičková 2010 – Vodičková S. (2010) Střet idejí – křesťané v protinacistickém odboji. Formy odboje na příkladech duchovních a laiků. In: Kudrna L. (Ed.) *Válečný prožitek české společnosti v konfrontaci s nacistickou okupací*. Praha: ÚSTR, pp. 51–66. Available at: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/sborniky/valecny-prozitek/vodickova-stanislava.pdf>. (In Czech.)
- Zumr 2021 – Zumr J. (2021) *Obyčejná elita. Historie SS v Dolních Rakousích a na jižní Moravě*. Praha: ÚSTR, 388 p. (In Czech.)
- Anikin 2021 – Anikin D. (2021) «Working through the past?» Historical memory of World War II in Europe. *Rossiiskoe Istoricheskoe Obshchestvo*, January 29. Available at: <https://historyrussia.org/sobytiya/prorabotka-proshlogo-istoricheskaya-pamyat-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-evrope.html> (accessed 30.01.2022). (In Russ.)
- Astrov 2009 – Astrov A. (2009) Estonia: political struggle for a place in history. *Pro et contra*, no. 3–4, pp. 109–124. Available at: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf. (In Russ.)
- Outwaite, Ray 2006 – Outwaite W., Ray L. (2006) Modernity, memory and post-communism. *Belorussian Political Science Review*, no. 6, pp. 27–43. (In Belarusian.)
- Lastovsky 2016 – Lastovsky A. (2016) Studying the communist past in Slovakia: the main factors and dynamics. *Belorussian Political Science Review*, no. 1, pp. 37–55. (In Belarusian)
- Medushevsky 2021 – Medushevsky N.A. (2021) Memory policy in Slovakia at the present historical stage. *RSUH/RGGU Bulletin Series «Political Science. History. International relations»*, no. 3, pp. 36–51. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-36-51>. (In Russ.)
- Popov 2021 – Popov Dm. (2021) Difficulties in Perceiving World War II in Modern Slovakia. *Russian International Affairs Council*, June 11. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/slozhnosti-vospriyatiya-vtoroy-mirovoy-voyny-v-sovremennoy-slovakii> (accessed 30.01.2022). (In Russ.)
- Traba 2009 – Traba R. (2009) Polish disputes about history in the 21st century. *Pro et Contra*, no. 3–4, pp. 43–64. Available at: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48804>; https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf. (In Russ.)
- Scherrer 2009 – Scherrer J. (2009) Germany and France: working through the past. *Pro et contra*, no. 3–4, pp. 89–108. Available at: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47)084.2

Дата поступления: 11.02.2022
рецензирования: 23.03.2022
принятия: 28.05.2022

Мещанское сословие: опыт семиотического анализа

З.М. Кобозева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

Аннотация: В статье анализируется язык мещанских обращений во власть как семиотическая проблема. Культурно-семиотический подход к проблеме мещанской языковой картины мира предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих мещан. Чтобы анализировать картину мира мещанина, отраженную в его письме во власть, приходится учитывать много факторов, связанных с уровнем образования городской мещанской среды, воспитания, принятого в мещанских семьях, круга чтения, возможности получения информации о так называемой «высокой культуре», к которой имели доступ представители высшего сословия. В этом отношении значительную роль играет еще один семиотический фактор – мода. Мода подобна камню, брошенному в воду. Кто-то создает модный знак. И он подхватывается и распространяется в обществе. Романтизм как историко-художественный стиль оказывал воздействие не только на тексты поведения высшего российского привилегированного сословия. Дворяне же не находились в изолированном от остального общества положении. Их жизнь протекала и в русских городах. Эмоциональность эпохи романтизма постепенно, как круги на воде, становилась модой и для горожан. Их «жестокый романс», становясь неким текстом поведения, постепенно охватывал и эпистолярную культуру, следы которой очень трудно обнаружить в традиционных для историка источниках личного происхождения, но можно уловить в обращениях во власть. В статье анализируются культура этих обращений, жесты вежливости, некая надрывность и попытки стирания иерархических границ. Автор приходит к выводу о семииосфере города, находившейся в общей бинарной оппозиции русской культуры XIX столетия: между добром и злом, между властью и обществом.

Ключевые слова: методология; метод; история повседневности; мещанское сословие; семиотика, тексты поведения, дискурс, образование, картина мира, круг чтения, социокультурное пространство.

Цитирование. Кобозева З.М. Мещанское сословие: опыт семиотического анализа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-27-33>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кобозева З.М., 2022

Зоя Михайловна Кобозева – доктор исторических наук, профессор исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2022
Revised: 23.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Petty-bourgeois estate: experience of semiotic analysis

Z.M. Kobozeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

Abstract: The article analyzes the language of petty-bourgeois appeals to power as a semiotic problem. The cultural-semiotic approach to the problem of philistine linguistic picture of the world involves an appeal to the inner point of view of the philistines themselves. In order to analyze the picture of the world of a philistine reflected in his letter to the authorities, it is necessary to take into account many factors related to the level of education of the urban philistine environment, the upbringing adopted in philistine families, the reading circle, the possibility of obtaining information about the so-called «high culture», to which representatives of the upper class had access. In this regard, another semiotic factor plays a significant role: fashion. Fashion is like a stone thrown into water. Someone is creating a fashion sign. And it is picked up and spread in society. Romanticism, as a historical and artistic style, influenced not only the texts of behavior of the highest Russian privileged class. The nobles were not in an isolated position from the rest of society. Their life also took place in Russian cities. The emotionality of the romantic era gradually, like circles on the water, became fashionable for the townspeople. Their cruel romance, becoming a kind of text of behavior, gradually covered the epistolary culture, traces of which are very difficult to detect in the sources of personal origin traditional for the historian, but can be caught in appeals to the authorities. The article analyzes the culture of these appeals, gestures of politeness, a certain strain and attempts to erase hierarchical boundaries. The author comes to the conclusion about the semiosphere of the city, which

was in the general binary opposition of the Russian culture of the XIX century: between good and evil, between power and society.

Key words: methodology; method; history of everyday life; history of concepts; philistine class; semiotics; texts of behavior; discourse; education; worldview; reading circle; socio-cultural space.

Citation. Kobozeva Z.M. Petty-bourgeois estate: experience of semiotic analysis. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-27-33>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kobozeva Z.M., 2022

Zoya M. Kobozeva – Doctor of Historical Sciences, professor of the Faculty of History, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

История вторгается в жизнь. Историк призван адекватно реагировать на изменения окружающего мира. Методология всегда была и остается выразителем картины мира историка, маркером его не только профессиональных, но и человеческих качеств в этом меняющемся мире ценностей и приоритетов. Я всегда опиралась на утверждение Ю.М. Лотмана о том, что литература определяет тексты бытового поведения, «оправданием реалистического сюжета служит утверждение, что именно так ведут себя люди в действительности. Классицизм полагал, что по образцам искусства люди должны себя вести в идеальном мире. Романтизм предписывал читателю поведение, в том числе и бытовое» [Лотман 2020, с. 516]. Ю.М. Лотман выдвигал данное утверждение в отношении высшего российского сословия рубежа XVIII–XIX вв. Определенный текст прочитывается социумом, и на его основе возникают бытовые, повседневные, интерпретирующие этот литературный текст тексты поведения. Б.А. Успенский, в свою очередь, в статье «История и семиотика» утверждал, что «исторический процесс предстает как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т. п.; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [Успенский 2002, с. 12]. Я полагаю, что коммуникация между литературным текстом и бытовым поведением происходила повсеместно, в любых социальных стратах, с большей или меньшей интенсивностью, в зависимости от образовательного уровня, круга чтения. В границах данной статьи нас будет интересовать сословие Российской империи, мещанство, чей коллективный сословный текст поведения был на протяжении XIX века значительно удален от литературных образцов в силу уровня образованности горожан. Это дало основание условно обозначить данное сословие «внетекстовым» и прийти к выводам о том, как организовывался язык самого мещанского общества городов. «То, что значимо с точки зрения данной эпохи и данного культурного ареала, может вообще не иметь значения в системе представлений иного культурно-исторического ареала, – и наоборот», – писал Б.А. Успенский [Успенский 2002, с. 14]. Следовательно, интерес-

но проследить методом исключения за системой ценностей самого большого городского сословия: какие тексты «высокой культуры» доходили до его среды, представляя определенное значение, и формировали повседневные тексты поведения, к каким знакам культуры данное сословие в массе своей оставалось безучастным, что и позволяло выдвинуть им обвинение в «мещанской позиции». Равнодушие к определенным знакам русской культуры – это тоже объект исторической реконструкции. Сразу же следует оговориться, что те показатели, которые были бы при таких задачах наиболее информативны: уровень образования, круг чтения, фольклор, аутентичные мещанские авторы литературных произведений, – исключаются. По той простой причине, что автор располагает обширным массивом делопроизводительной документации, той ее части, которую можно было бы определить как «письма во власть» простых представителей мещанского сословия по разным поводам их повседневной жизни. Таким образом, используя схему, предложенную Ю.М. Лотманом и всей семиотической школой, о том, что текст формирует поведение, я прослежу реакцию на текст русской культуры XIX столетия той части эпистолярной культуры мещан русских городов, которая очерчивается письмами во власть. Считаю возможным подобный подход к историческому исследованию, солидаризируюсь с мнением, высказанным И.Н. Данилевским в статье «Исторические реконструкции: Методологические ограничения» в отношении того, что «единственная реальность, с которой историк имеет дело непосредственно, – исторические источники, тексты... То, что происходило на самом деле, неизбежно отличается (порой радикально) от того, что и как отображается в историческом источнике» [Данилевский 2012, с. 4]. Таким образом, семиотический анализ эпистолярной реакции мещан на тексты русской культуры представляет собой часть реконструкции исторической картины прошлого, связанного с картиной мира бытовым поведением русского мещанства.

Мещанин и его сословные тексты

Уровень образования в среде мещан в Российской империи – ускользающая тема. Те немногие исследователи, которые занимались мещанским

сословием, не уделяли специально внимания вопросам образования горожан. В границах диссертационного исследования, посвященного мещанам территории войска Донского, И.Н. Смирнов отмечает, что «Показатели грамотности также различались в зависимости от того, где проживали мещане В крупных городах Области войска Донского – Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге – показатели грамотности мещан были самыми высокими Это было связано с активностью местных мещанских организаций, прилагавших максимум усилий для образования членов сословия В малых городах Области, таких как посад Азова, Ейское укрепление, а также в сельской местности общее число грамотных среди мещан было наименьшим. Здесь их доля составляла десятую часть от числа всех мужчин, тогда как в крупных городах Области она достигала 40 %» (Смирнов 2007, с. 25–26). Л.А. Одинцова, исследуя мещан Нижнего Поволжья, также в своем исследовании отмечала: «В городах Нижнего Поволжья постепенно увеличивалось число учебных заведений. Возросло число грамотных среди мещан, некоторые продолжали образование в средних специальных и высших учебных заведениях. Повышение общего уровня образования мещан обязательно имело следствием и повышение их культурного уровня. Живя в городах, мещане были ближе к газетам, музеям, выставкам, просветительским обществам» (Одинцова 2011, с. 19–20). В фундаментальном труде Л.В. Кошман находим итоговое утверждение о том, что «общеобразовательный и профессиональный уровень этого городского слоя был важной основой модернизации общества. Однако в силу объективных факторов исторического развития России, причин, среди которых не последней была политика правительства по отношению к мещанству, это сословие не стало базой для становления среднего класса, что не могло не отразиться на судьбах демократии в России того времени» [Кошман 2008, с. 429]. Б.Н. Миронов, в своем труде по социальной истории России, рассуждая о менталитете городских низов, отмечает, что «грамотность населения в больших городах, куда направлялся основной поток мигрантов, росла медленнее, чем в малых городах и в деревне» [Миронов 2003, с. 342]. Исходя из тезиса об окрестьянивании больших городов, Б.Н. Миронов делает вывод о низком уровне образования в них городских низов. Л.В. Кошман также пишет об отсутствии в России широкого среднего культурного слоя, сосредоточенного в городе [Кошман 2018, с. 81]. В качестве основного городского образовательного учреждения автор называет начальную школу, включавшую в себя: училища Министерства народного просвещения (так называемые министерские школы), церковно-приходские, земские, ведомственные училища, школы грамотности, существовавшие еще в далекое дореформенное время, школы для инородцев [Кошман

2018, с. 84]. Обращает на себя внимание и распространение публичных библиотек в жизни города, что являлось свидетельством роста грамотности и образованности в стране [Кошман 2018, с. 92]. Еще одним каналом распространения книг среди городского населения являлись открывавшиеся книжные лавки. К началу XIX века книжные лавки имелись в 17 провинциальных городах, в столицах – около 40 [Кошман 2018, с. 95]. Репертуар книг, как отмечает Л.В. Кошман, был достаточно разнообразен. Но больше всего просили присылать в книжные лавки учебники, книги для народной школы, сочинения по философии, античной истории, физиологии, анатомии, гигиене, а среди художественной литературы – Лермонтова, Гоголя, Добролюбова, Тургенева, Достоевского [Кошман 2018, с. 95, 96]. В своих знаменитых «Этюдах о русской читающей публике» Н.А. Рубакин замечал, что грамотность вызывает стремление к книге, спрос на книги идет быстрее развития грамотности» [Рубакин 1895]. Как правило, в современных исследованиях, посвященных уровню образования в среде горожан, показатели даются в целом по городу, а не по сословиям, проживавшим в городе. К примеру, в знаменитом исследовании «Очерки русской культуры» дается статистика, иллюстрирующая тот факт, что если в 1900 г. грамотность по России в целом составляла 30 процентов, в городах – 60,1 процента. К 1917 году происходил рост показателей [Очерки русской культуры... 2011, с. 31]. Г.Н. Ульянова, исследуя досуг и развлечения горожан рубежа XIX–XX вв., также отмечает, что возрастает уровень грамотности демократических городских слоев, трансформируются культурные и литературные запросы и интересы горожан, период начала XX века становится временем «массификации культурных процессов» [Очерки русской культуры... 2011, с. 456]. В первой половине XIX века городские сословия еще не отличались любовью к просвещению. А.И. Куприянов, анализируя культуру города первой половины XIX века, приводит мнение одного из авторов того времени В. Флорикса, который с горечью отмечал, что «Каждый мещанин скорее согласится отдать сына своего в самую трудную работу, нежели в школу, отговариваясь тем, что его дед и отец не учились, так и внукам не к чему забивать голову бестолковщиною» [Куприянов 2007, с. 41]. А.И. Куприянов объясняет этот факт тем, что в первой половине XIX века горожане в русских городах жил в доиндустриальном обществе, в котором еще только формировалась потребность во всеобщем начальном образовании [Куприянов 2007, с. 57]. А анализируя состав читателей городских библиотек в границах изучаемого периода, ученый приходит к выводу, что это были в основном лица, занятые на государственной службе, и демократические слои населения [Куприянов 2007, с. 101]. Еще один уровень сложности в изучении проблемы именно мещанского сословного

образования и круга чтения на протяжении XIX – начала XX вв. представляет специфика сословной парадигмы в России, размытости границ, пористости сословных рамок и т. д. От сословия, его правовых границ и законом определенных обязанностей в Российской империи можно было «сбежать». И это бегство было возможно не столько в силу четко очерченного пути – через образование и профессионализацию, попав в категорию разночинцев, сколько в силу чрезвычайной запутанности сословной парадигмы, о чем пишут и Грегори Фриз, и Элис К. Виртшафтер, и другие авторы [Фриз 2000, с. 135; Виртшафтер 2002]. Поэтому представляется чрезвычайно сложным в составе русского города определить картину мира именно мещанского сословия, без так называемых инородных элементов, крестьян, разночинцев, проживающих в городе, адвокатов, писателей, артистов и так далее. Таким образом, можно констатировать два момента. Первое – это то, что, безусловно, на протяжении XIX века и к концу так называемого имперского периода, уровень образования, общности к чтению представителей самого большого городского сословия возрастал. Даже изменявшаяся сама инфраструктура города, захваченного модернизационными процессами в пореформенный период, приводила к просвещению низшей и бедной городской среды. Второе – это затруднения, вызванные социальной многоликостью города, где все труднее найти те каналы, в которых бы проявлялась именно картина мира мещанского сословия. Но все эти так называемые каналы могут быть «пойманы в исследовательские сети» спецификой источников. А основным источником, сгруппированным именно по сословному принципу, выступает делопроизводственная документация, сосредоточенная в фондах мещанских управ и городских дум городов Российской империи.

Мещанская управа вводится в качестве сословного органа власти после реформы 1870 г., данный фонд включает в себя дела предшествующего периода, связанные с компетенцией мещанского старосты и собраниями мещанского общества города (ЦГАСО). За традиционной номенклатурой дел скрываются удивительные истории – анекдоты из повседневности мещан-обывателей. Все они так или иначе связаны с такими «болевыми точками» в жизни мещан, как собственность, статус, паспорт, налоги, рекрутство, семья, любовь. Фонд Мещанской управы г. Самары состоит из 448 единиц хранения (одна опись), включающих в себя традиционную номенклатуру дел с 1848 по 1916 год. Фонд включает в себя указы Самарской городской думы, предписания, уведомления Самарской городской управы и Казенной палаты, наряды приговоров, постановлений, уведомлений и отношений Самарской мещанской управы, книги на запись приговоров мещанского общества, окладные, кассовые и памятные книги, учетные тетради по сбору податей и повинностей с мещан, алфавиты, по-

семейные списки, паспорта и ревизские сказки. В фондах мещанских управ и мещанских старост сосредоточено значительное количество письменных обращений населения к представителям власти, в основном к мещанским старостам (председателям мещанских управ) и к городским головам, то есть к тем «близким» и «своим» представителям власти, через которых осуществлялись многочисленные городские интеракции. Как правило, это прошения, жалобы, заявления, ходатайства и прочие виды обращений во власть, которые мещане, зачастую, именовали в произвольной форме. Подобные документы представляют важное значение для исследования повседневной жизни сословия, так как представляют собой и практику обращения к власти как модель политической активности, и «дискурсивный аспект репрезентации, т. е. текстовое конструирование отношений, аргументов, легитимности, условий и – ultima ratio (последний довод) – угроз» [Шперлин 2004, с. 154].

Первое, на что обращаешь внимание при анализе мещанских писем во власть, – это попытка соблюдать определенные «изысканные» формулы вежливости. Несмотря на известную цитату А.С. Пушкина о том, что «мы всякий день подписываемся покорнейшими слугами, и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры» (Пушкин 1999, с. 122), в мещанских текстах иные коннотации. Как правило, от тех представителей власти, к которым писалась жалоба или заявление (называться этот документ мог по-разному), зависело очень много в жизни просителя: возможность поехать торговать в другой город, получив паспорт, то есть заработать на жизнь. Или решить вопрос с рекрутом. Или усыновить ребенка. Или жене получить возможность устроиться на работу, получив для этого в обход мужа паспорт, то есть здесь, безусловно, отражена небогато нюансированная тончайшая этикетная рефлексия высшего сословия. Но умалять знания о культуре эпистолярной вежливости у представителей городских низов тоже не представляется возможным. Вот примеры некоторых таких писем. Выборку можно делать, потому что это достаточно широкий пласт подобных писем во власть. «Милостивый Государь Никанор Семенович (Минаев) / Первым долгом поздравляю Вас с торжественным праздником – рождеством христовым – желаю в оный насладиться всех благ. А потом надеясь на ваше ко мне дружеское расположение, которое вы всегда оказывали... и я в настоящее время решился прибегнуть к вам с моей покорнейшей просьбою – просьба моя состоит в трех предметах...» (ЦГАСО. Д. 26. Л. 1033); «Милостивый государь Лев Алексеевич! Решился особу Вашу беспокоить, потому что не имея в Самаре родственников и знакомых, сделайте милость не оставить меня своим покровительством, примите на себя труд приказать мне написать и выслать паспорт...» (ЦГАСО. Л. 1033); «от Платона Яковлева Пермякова / Ми-

лостивый Государь / Господин Градской Голова / По имени вас Милостивый Государь и отечеству не знаю/ осмеливаюсь Ваше Степенство беспокоить и просить, т. к. я, самарский мещанин...» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 1042); «Так как я, зная ваше доброе сердце и Душу, то осмелился прибегнуть к стопам Вашим с своей нижайшей просьбой и утруждать вас моим искренним прошением как я известный вам по обществу вашему мещанин Федор Сухов...» (ЦГАСО. Д. 26. Л. 1052 (об.)). Как отмечал Ю.М. Лотман, «бюрократическое государство создало огромную лестницу человеческих отношений... Право на уважение распределялось по чинам. В реальном быту это наиболее ярко проявилось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом... Чин пишущего и того, к кому он обращается, определял ритуал и форму письма» [Лотман 2020, с. 29–31]. Некоторые должности органов мещанского самоуправления, а во многих провинциальных городах и городского управления, долгое время считались общественными и не оплачивались. Им могли отпускатся небольшие суммы на жалование по приговору общества. Так, например, в 1861 г. должность помощника податного старосты по условию, заключенному в «мещанской конторе», должна была предполагать оплату 52 рубля серебром в год (ЦГАСО. Д. 43. Л. 898). Можно предположить, что чиновный мир для мещан города не был однородным и делился на «своих» и «чужих». «Иррациональные страхи, связанные с “чужими”, всегда были присущи горожанам... в традиционном обществе. ... “Чужими” в провинциальном русском городе... почти весь XIX век были люди, принадлежавшие к дворянской культуре» [Куприянов 2007, с. 398]. Разницу между «своим» и «чужим» чиновничеством А.И. Куприянов весьма точно характеризует, строя оппозицию: коронная служба – общественная служба. «Социальная идентичность этого “нового гражданства”, – пишет автор, – выстраивалась первоначально на обособлении горожан от дворян и чиновников. В дальнейшем – на представлениях о необходимости отмены сословных привилегий и уничтожении чиновничества как касты. Так, служащий в Красноярском самоуправлении И.Ф. Парфентьев в 1862 г. на предложение перейти в штат губернатора Восточной Сибири Муравьева заявил: “Я родился служилым и умру таким же... Да и пресса убеждает, что мы все скоро будем гражданами. Чиновничества не будет”. Для Парфентьева, отец которого, мещанин, постоянно занимал выборные должности в самоуправлении, в том числе городского судьи, “служилый” – это не человек, состоящий на коронной службе, а человек, служащий обществу» [Куприянов 2007, с. 404–405]. В таком значении обращения к людям, занимающим общественные должности, со стороны однообщественников приобретают совершенно иную коннотацию, связанную не с чиновничеством или раболепием, а с уважением.

Титул «Ваше степенство» получал в мещанских письмах и такой персонаж «паспортной повседневности», как податный староста, фигура также весьма значительная в мещанской жизни, в том числе связанной с паспортом, который выдавался при условии отсутствия недоимок. Самарский мещанин Николай Любимов, посылая за себя подати за 1860 г., писал: «Вашему степенству Старосте податей... пришлите мне полугодичный паспорт в г. Оренбург в дом госпожи Г... (неразборчиво. – З. К.) постояльцу рещику... прошу вас покорнейше не задержите высылкою паспорта» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 898).

Ю.М. Лотман, анализируя тексты поведения русского дворянства рубежа XVIII–XIX вв., отмечает их двойственность: «...в сфере идей и “идеологической речи” усвоены были нормы европейской культуры», но сфера практического поведения выпадала из области идеологического осмысления. «Выделялся низший – чисто практический – пласт, который с позиций теоретического сознания “как бы не существовал”» [Лотман 2020, с. 502]. Мещанство со своей картиной мира, отраженной в таких повседневных и бесхитростных письменных обращениях во власть, представляет собой такой «практический пласт» культуры, который несет в себе следы и высокой культуры, доходящий, безусловно, и до низших городских слоев. И следы народной бытовой традиции. Там сочетаются и переплетаются и некая социальная гордость, или пафос горожанина, и приниженность и сервильный комплекс маленького человека перед начальником любого уровня. Мещанин поздравляет начальника, которому пишет с праздниками, что придает его обращению в некотором смысле личный характер, сокращает дистанцию: «Милостивый государь Василий Ефимович! Имею честь поздравить Вас с новым годом и новым счастьем. Желаю Вам ровно начальству Вашему от бога доброго здравия в делах ваших счастливого успеха» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 729–730). Помимо поздравлений с праздником, мещанин пытается выстроить с начальством некие дружеские взаимосвязи, нащупать знакомых, родственников: «Великопочтеннейший Филипп Платонович, / осмеливаюсь вас беспокоить своей просьбой с согласия вашего и личной просьбой и надеясь на вашу добрую душу, что вы не откажете мне. Потрудитесь внести деньги в число податей... За сим... засвидетельствовать мое нижайшее почтение Николаю Филипповичу и всему вашему семейству, причем скажу вам случай после того, когда мы с вами виделись в ваксале на Николаевской железной дороге, я, шедши в квартиру к себе, встретил супругу Михаила Ивановича Орлова, / Назвал ее по имени, а она мне удивляется, почему бы ее знаю, я сказал ей, кто я и что вы имели до М.Н. надобность, пожелали его видеть... после этого случая показала, квартиру свою где найти...» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 809). Как мы видим, многое роднит стиль письма мещанина во власть с жанром «мещанского романа» («же-

стокого романса»), в котором мелодраматическое чувство создает несколько экзальтированный балладный стиль повествования. Падать в обмороки и заливаться слезами, кстати, было приуще дворянским девушкам эпохи романтизма как элемент высокой культуры [Лотман 2020, с. 124]. Город, таким образом, с его мещанским дискурсом находился на середине между миром высокой культуры и миром народной, традиционной культуры. Исследование русского города, картины мира горожан натывается на недостаточную источниковую базу, в которой бы отразилась культура речи основного городского сословия. Письма мещан во власть не в каждом городе имеют такой ярко выраженный личный характер, как это проявилось в Самаре. Вчерашний уездный город, город «внутренней окраины империи», Самара, по всей видимости, представляла собой ту пошехонскую естественность в диалоге человека с властью, которая может возникнуть лишь на краю властной ойкумены. Поэтому изучение провинциальных делопроизводственных массовых источников, связанных с мещанским сословием, заключает в себе большие перспективы для исследования урбанистических сторон русской истории. Да, русский город утопал в аграрной округе. Но он остро ощущал себя городом. Формировалась картина мира, менталитет горожанина, носителя культуры «городского гражданства».

Заключение

Язык мещанских обращений во власть позволяет рассматривать мещанский социум как коллективную личность. Он организует информацию определенным образом, выделяет иерархию символических жестов, которая является отражением картины мира. Изучение картины мира «маленького человека» большой империи представляется крайне актуальной и важной. Однажды на исторической конференции коллега мне заметил, что изучение «маленького человека» так уже всем надоело, «как вилкой по стеклу». Но вот ситуация кризисная обнаруживается в современности, требует сплочения народа. А мы не знаем, как поведет себя народ. Не представляем эту картину мира снизу. Поэтому источники, которые позволяли бы изучать низовую городскую культуру, их исторический анализ и синтез представляются актуальными и важными наряду с теми глобальными проблемами, которые изучает так называемая «большая история», сверху. Диалог возможен только в том случае, если понимаешь друг друга, то есть знаешь язык. «Язык», или семиосфера самого большого сословия русских городов, мещанства, до сих пор остается мало изученной исследователями и требует серьезного внимания научного сообщества.

Материалы исследования

Пушкин 1999 – *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. Санкт-Петербург, 1999. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/>; <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-075.htm>.

Одинцова 2011 – *Одинцова Л.А.* Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Астрах. гос. ун-т. Астрахань, 2011.

Смирнов 2007 – *Смирнов И.Н.* Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2007.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.* Ф. 217. Оп. 1.

Библиографический список

Виртшафтер 2002 – *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Рос. империи; пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. Москва: Логос, 2002. 272 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29390247>. EDN: <https://elibrary.ru/ytduzd>.

Данилевский 2012 – *Данилевский И.Н.* Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций: сб. ст. под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Москва, 2012. С. 3–24.

Кошман 2018 – *Кошман Л.В.* Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. Москва, 2018. 192 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/118621012>.

Кошман 2008 – *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия социальные и культурные аспекты. Москва, 2008. 448 с. URL: <https://libr.link/nachale-rossii-istoriya/gorod-gorodskaya-jizn-rossii-xix-stoletiya.html>.

Куприянов 2007 – *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века; Рос. акад. наук, ин-т российской истории. Москва: Новый Хронограф, 2007. 480 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19708918>. EDN: <https://elibrary.ru/qphobb>.

Лотман 2020 – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, 2020. 558 p. URL: https://imwerden.de/pdf/lotman_besedy_o_russkoj_kulture_1994__ocr.pdf.

Миронов 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократ. семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. URL: [https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii\(XVIII-nachaloXXv\).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf](https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii(XVIII-nachaloXXv).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf).

Очерки русской культуры 2011 – *Очерки русской культуры: конец XIX – начало XX века.* Т. 1. Общественно-культурная среда. Москва: Издательство Московского университета. 2011. 384 p. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=719101>.

Рубакин 1895 – *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Москва, 1895. С. 35–104. URL: https://fictionbook.ru/author/litagent_rshba/rubakin_nikolayi_aleksandrovich_hrestomatiya/read_online.html?page=2.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. Санкт-Петербург, 2002. 474 с.

Фриз 2000 – *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. URL: <http://rushist.samsu.ru/rusistika2/freeze.doc>.

Шперлин 2004 – *Шперлин В.* Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. Санкт-Петербург, 2004. С. 152–168.

References

Wirtschaftler 2002 – *Wirtschaftler E.K.* (2002) Structures of Society; translation from English by Vecherina T.P.; Kamensky A.B. (Ed.). Moscow: Logos, 272 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29390247>. EDN: <https://elibrary.ru/ytduzd>.

Danilevskiy 2012 – *Danilevskiy I.N.* (2012) Historical reconstructions: methodological restrictions. In: *Togoeva O.I., Danilevskiy I.N. (Eds.) From text to reality: (Im)possibilities of historical reconstructions: collection of articles.* Moscow, pp. 3–24. (In Russ.)

Koshman 2018 – *Koshman L.V.* (2018) City in post-reform Russia. Socio-cultural and legal aspects. Moscow, 192 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/118621012>. (In Russ.)

Koshman 2008 – *Koshman L.V.* (2008) City and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects. Moscow, 448 p. Available at: <https://libr.link/nachale-rossii-istoriya/gorod-gorodskaya-jizn-rossii-xix-stoletiya.html>. (In Russ.)

Kupriyanov 2007 – *Kupriyanov A.I.* (2007) Urban culture of the Russian province. Late XVIII – first half of the XIX century. Moscow: Novyi Khronograf, 480 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19708918>. EDN: <https://elibrary.ru/qphobb>. (In Russ.)

Lotman 2020 – *Lotman Yu.M.* (2020) Conversations about Russian culture: Life and traditions of Russian nobility (XVIII – early XIX century). Saint Petersburg, 558 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/lotman_besedy_o_russkoj_kulture_1994__ocr.pdf. (In Russ.)

Mironov 2003 – *Mironov B.N.* (2003) Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): the genesis of personality, democratic families, civil society and the rule of law: in 2 vols. 3rd edition, revised, enlarged. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, vol. 1. Available at: [https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii\(XVIII-nachaloXXv\).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf](https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii(XVIII-nachaloXXv).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf). (In Russ.)

Essays on Russian culture 2011 – *Essays on Russian culture* in the late XIX – early XX century. Vol. 1. Social and cultural environment. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 384 p. Available at: <http://www.bookre.org/reader?file=719101>. (In Russ.)

Rubakin 1895 – *Rubakin N.A.* (1895) Sketches about the Russian reading public. Moscow, pp. 35–104. Available at: https://fictionbook.ru/author/litagent_rshba/rubakin_nikolayi_aleksandrovich_hrestomatiya/read_online.html?page=2. (In Russ.)

Uspensky 2002 – *Uspensky B.A.* (2002) Sketches about Russian history. Saint Petersburg, 474 p. (In Russ.)

Freeze 2000 – *Freeze G.L.* (2000) Estate paradigm and social history of Russia. In: American Russian studies: milestones of historiography in recent years. Imperial period: anthology. Samara. Available at: <http://rushist.samsu.ru/rusistika2/freeze.doc>. (In Russ.)

Shperlin 2004 – *Shperlin V.* (2004) Bargaining with the authorities: petitions and complaints as a form of political communication in post-reform Russia. In: *New political history.* Saint Petersburg, pp. 152–168.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930 (470.4)

Дата поступления: 01.04.2022
рецензирования: 05.05.2022
принятия: 28.05.2022

Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века

П.К. Соловьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Аннотация: В статье представлен исторический обзор возникновения и становления учебных заведений единоверцев Самарской губернии в дореволюционный период. История единоверческих церковно-приходских школ рассматривается в двух основных аспектах. С одной стороны, они являлись неотъемлемой частью системы народного просвещения в Самарской губернии и находились в общем контексте развития «школьного дела» в данном регионе. С другой стороны, «православно-старообрядческие» школы часто возникали по инициативе самих единоверцев не только с целью распространения грамотности, но и в качестве одного из необходимых инструментов сохранения и передачи конфессиональной традиции. В связи с этим обстоятельством единоверческие учебные заведения имели характерные особенности, которые отличали их от остальных церковно-приходских школ губернии. В числе своеобразных признаков образовательных учреждений единоверцев указаны следующие черты: акцент учебной программы на преподавание по «старопечатным» книгам, тесная связь обучения с участием в церковном богослужении и ярко выраженный миссионерский характер деятельности единоверческих церковно-приходских школ. В начале XX в. единоверческие школы сформировались как часть системы народного просвещения Самарской губернии, имея конфессиональную специфику в организации образовательного процесса. В статье приведены статистические данные о количестве единоверческих школ, численности учеников, педагогическом составе и материальном обеспечении учебных заведений. При подготовке статьи использованы метод анализа исторических документов, историко-системный, историко-сравнительный методы. В основу источниковой базы исследования легли архивные документы, а также материалы официальных отчетов школьных наблюдателей и миссионеров, опубликованных как отдельными изданиями, так и на страницах «Самарских епархиальных ведомостей».

Ключевые слова: единоверие; старообрядцы; церковно-приходская школа; Самарская губерния; история Русской православной церкви.

Цитирование. Соловьев П.К. Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 34–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-34-43>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловьев П.К., 2022

Павел Константинович Соловьев – соискатель кафедры истории России и археологии, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11, ком. 420.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.04.2022
Revised: 05.05.2022
Accepted: 28.05.2022

Coreligionist parochial schools of the Samara province in the second half of the XIX – early XX century

P.K. Soloviev

Saratov State University, Saratov, Russian Federation
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Annotation: The article presents a historical overview of the emergence and formation of educational institutions of the coreligionists of the Samara province in the pre-revolutionary period. The history of coreligionist parochial schools is considered in two main aspects. On the one hand, they were an integral part of the public education system in the Samara province and were in the general context of the development of «school business» in this region. On the other hand, «Orthodox-Old Believers» schools often arose on the initiative of the coreligionists themselves, not only with the aim of spreading literacy, but also as one of the necessary tools for preserving and transmitting confessional traditions. In connection with this circumstance, the coreligionist educational institutions had characteristic features that distinguished them from the rest of the parochial schools of the province. Among the peculiar features of the «school business» of coreligionists, the following features are indicated: the emphasis of the curriculum on teaching according to «old-printed»

books, the close connection of the educational process with church worship, the pronounced missionary nature of the activities of coreligionist parochial schools. At the beginning of the XX century, coreligionist schools were formed as part of the public education system of the Samara province, having confessional specifics in the organization of the educational process. The article presents statistical data on the number of coreligionist schools, the number of students, the teaching staff and the material support of educational institutions. In the preparation of the article, the method of analysis of historical documents, historical-system, historical-comparative methods were used. The source base of the research is based on archival documents of the Central State Archive of the Samara region, as well as materials of official reports of school observers and missionaries published both in separate publications and on the pages of the «Samara Diocesan Gazette» («Samarskiye eparkhialnye vedomosti»).

Key words: coreligionists; Old Believers; parish school; Samara province; history of the Russian Orthodox Church.

Citation. Soloviev P.K. Coreligionist parochial schools of the Samara province in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 34–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-34-43>. (In Russ.)

© Soloviev P.K., 2022

Pavel K. Soloviev – external doctorate student of the Department of Russian History and Archaeology, Institute of History and International Relations, Saratov State University, room 420, bldg. 11, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

История церковно-приходских школ (далее – ЦПШ) достаточно подробно освещена в ряде работ по истории Церкви и народного просвещения в Самарской губернии второй половины XIX – начала XX века [Ваганова 1999; Кокарев 2016; Мендюков 2016; Самбурова 2002; Якунин 2018; Якунин 2011] (Филиппов 2002). Между тем в историографии по данной теме существуют лакуны, которые необходимо заполнить. В частности, одним из таких пробелов является история единоверческих ЦПШ. Так, в монографии В.Н. Якунина они упоминаются лишь в связи с описанием иргизских единоверческих монастырей, а в другой краеведческой работе рассказывается о деятельности только одной школы в селе Балакове [Якунин 2011, с. 65–66; Соловьев 2018, с. 35–40]. Другими словами, в настоящий момент в научном обороте отсутствуют работы, посвященные истории единоверческих школ в Самарской губернии. В то же время имеющиеся в распоряжении исследователей опубликованные источники (Никольский 1912; Никольский 1914; Никольский 1916) и архивные материалы, основной массив которых находится в фондах Центрального государственного архива Самарской области, дают возможность воссоздать более или менее целостную картину развития «православно-старообрядческих» учебных заведений в регионе. Клировые ведомости, отчеты единоверческих благочинных, административно-хозяйственная переписка позволяют проследить процесс организации единоверческих ЦПШ в Самарской губернии, установить статистические характеристики ученического и педагогического составов, определить материальную базу школ, источники финансирования и многое другое (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4202, 4389, 5582, Оп. 11. Д. 134, 441, 443, Оп. 13. Д. 12, Оп. 15. Д. 91, Оп. 17. Д. 274, 342, 354, Оп. 18. Д. 253, Оп. 19. Д. 41, Оп. 23. Д. 402, Оп. 29. Д. 484; Ф. 356. Оп. 1. Д. 39, 90, 151, 167, 531).

Несмотря на свое скромное место в системе народного образования Самарской губернии, единоверческие ЦПШ все же сыграли немаловажную

роль в становлении местного единоверия как профессионального феномена, а также в миссионерской деятельности РПЦ. Данное исследование является попыткой дать обзор возникновения и развития единоверческих учебных заведений в контексте формирования системы ЦПШ в дореволюционный период, а также проанализировать особенности образовательного процесса единоверцев Самарской губернии.

Первые учебные заведения единоверцев в Самарской губернии

Единоверцы представляли собой группу старообрядцев, которые присоединились к РПЦ на условиях сохранения дониконовского богослужебного уклада, и в момент образования Самарской губернии приходская жизнь «православных старообрядцев» проходила сложный этап становления. Наличие «собственного» школьного образования в этом смысле являлось для единоверцев одним из способов сохранения себя в качестве самобытной конфессиональной группы РПЦ и давало возможность трансляции традиционного религиозного уклада следующим поколениям.

К началу 1860-х гг. на территории Самарской епархии действовало всего пять единоверческих приходов (не считая монастырских). Согласно имеющимся данным, в трех из них в этот период возникли церковные «училища для обучения единоверческих детей». Первая школа в Самарской губернии для детей единоверцев была открыта в августе 1859 г. в Самаре – согласно прошению настоятеля Казанской единоверческой церкви Павла Кустова. В учебную программу входили следующие предметы: Закон Божий, краткий катехизис (основы вероучения), краткая Священная история, чтение, «славянское письмо», арифметика и церковное «гласовое» пение. Закон Божий вел священник, другие предметы – приходские уставщики. Обучение было формализовано: «велся список» учеников, по окончании курса выпускникам выдавалось свидетельство с подписью учителя и надзирателя школы, каковым являлся Павел Кустов. В школе обучались 17 мальчиков и 6 девочек

в возрасте от 8 до 12 лет. В дальнейшем количество учеников предполагалось увеличить до 50 человек. Курс обучения в «училище» был рассчитан на два года (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–3 об., 5).

В 1865 г. в Самарской губернии открылись еще две единоверческие школы: мужская и смешанная. В селе Красный Яр Новоузенского уезда священник Роман Старцев по собственной инициативе стал обучать мальчиков частным образом в здании церковной сторожки (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 8). В селе Балакове Николаевского уезда по предложению прихожан причетник местной единоверческой церкви Ф.Л. Волгин организовал «училище», в котором детей обоего пола обучали грамоте по старопечатным книгам и книгам, изданным в единоверческой типографии, «равно как и по гражданским – Священной истории, катехизису, <...> церковному пению и чистописанию». В 1865 г. в школе числился 31 ученик [Соловьев 2018, с. 35]. Есть указания на то, что в 1860-х – начале 1870-х гг. грамоте по старопечатным книгам обучали детей и в единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 4 об.; Оп. 11. Д. 134. Л. 6 об.), но, по всей видимости, эта деятельность была неофициальной.

Первые успехи единоверия в области народного просвещения в это время могут показаться весьма скромными, но следует учитывать, что сама система образования в Самарской губернии находилась в стадии формирования. По некоторым данным, к концу 1850-х гг. в епархии действовало не более десяти церковных начальных школ. По большому счету история церковно-приходской школы в Самарской епархии начинается с 1860-х гг.: в 1861 г. «в духовном ведомстве» насчитывалось уже до 100 «училищ», а в 1866 г. – 243 ЦПШ с 5933 учащимися (Церковно-приходские школы 1901, с. 561–562).

Появление единоверческих ЦПШ, таким образом, вписывается в общий контекст бурного развития системы народного просвещения в Самарской губернии, как, впрочем, и в последовавшую затем тенденцию к упадку. После введения в действие «Положения о начальных народных училищах», утвержденного 25 мая 1874 г., в Самарской губернии происходит резкое сокращение количества ЦПШ: часть из них закрылась по недостатку средств и помещений, другая перешла в ведение земств. Эта неблагоприятная тенденция затронула всю систему «школьного дела» в Самарской губернии. К середине 1880-х гг. в Самарской епархии осталась всего 101 ЦПШ, из которых только 35 соответствовали правилам, позволявшим их отнести к разряду одноклассных школ; остальные учебные заведения были отнесены к разряду школ грамоты. Уездные земства выделяли на содержание ЦПШ ограниченные средства, передавая их в ведение училищных советов; священников отстраняли от преподавания, оставляя им лишь «законоучительство» за незначительную плату. Новоузенское земство осенью 1868 г. пошло еще дальше: оно сочло

необходимым отстранить духовенство от занятий почти во всех школах уезда, оставив священников только на должности учителей Закона Божьего с двумя уроками в неделю (Церковно-приходские школы Самарской епархии... 1901, с. 566–567, 570–571). Деятельность единоверческой школы в с. Красный Яр «гражданское начальство» Новоузенского уезда посчитало излишней, поскольку в селе была открыта земская народная школа. В конце 1869 г. новоузенский мировой посредник Шафрат лично явился в единоверческую школу Красного Яра и запретил священнику Роману Старцеву «частное» обучение детей по старопечатным книгам (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 3 об.).

Однако земские школы не могли стать полноценной заменой образовательных учреждений для единоверцев, учитывая, с каким недоверием старообрядцы относились к «гражданским» учебным заведениям (Ушмарский 1889, с. 138). При этом, имея в виду специфический статус единоверцев внутри РПЦ и их особый религиозный уклад, необходимость в деятельности «собственных» приходских школ оставалась для них актуальной. К тому же действовавшие в этот период единоверческие школы не нуждались в финансировании со стороны земств, поскольку содержались за счет прихожан. В марте 1880 г. самарскому епископу Серафиму (Протопопову) красноярский священник Роман Старцев подал прошение с «приговором» от прихожан вновь открыть единоверческую школу в Красном Яре: «Со времени закрытия в нашем селе частного единоверческого обучения детей ни одного нет мальчика, который бы маломальски мог участвовать в богослужении, читать и петь на единоверческом напеве, без чего хор пения в настоящее время пришел в упадок, и даже некому, кроме причта, читать и петь; а прихожане положительно на все это обижаются» (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–2 об., 8). Самарский архиерей оказал содействие красноярским единоверцам, и с 1882 г. школа стала вновь действовать (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 274. Л. 63 об.).

Сведений о деятельности в 1870–1880-е гг. других единоверческих училищ Самарской губернии сохранилось крайне мало, что объясняется недостаточной осведомленностью о них местных властей. Например, о существовании балаковской единоверческой школы самарский губернатор Ф.Д. Климов узнал случайно, во время рабочего визита в с. Балаково в 1873 г., когда на одном из зданий увидел вывеску «Училище по старопечатным книгам». Выяснилось, что в архивах Самарской духовной консистории и среди документов губернских учреждений народного просвещения не оказалось никаких бумаг, подтверждавших официальное существование единоверческой школы. Подлинник предписания покойного архиерея Феофила (Надеждина) от 19 сентября 1864 г. о разрешении открыть в Балакове единоверческое училище был обнаружен спустя некоторое время у местного единоверческого благочинного, и только

после этого инспектор народных училищ включил школу в список учебных заведений губернии. Эта история весьма показательна: в с. Балакове единоверческая школа почти десять лет действовала автономно от системы церковного и народного образования Самарской губернии. Впрочем, в клировой ведомости единоверческой Никольской церкви с. Балакова за 1882 г. было отмечено, что училища при храме не имеется [Соловьев 2020, с. 193]. Во всяком случае, можно констатировать, что к середине 1880-х гг. процесс становления школьного образования единоверцев был приостановлен. В это время во всей епархии действовало лишь два единоверческих училища: в Самаре и Красном Яре. Эти школы содержались на частные средства, а обучение детей в них было бесплатным (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 151. Л. 8 об.). Учителя за свой труд не получали никаких пособий, занятия проводились в непригодных помещениях: в Самаре – на квартире псаломщика, в Красном Яре – в церковной сторожке (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 167. Л. 7 об.–8).

Развитие единоверческих ЦПШ Самарской губернии в рамках системы народного просвещения в дореволюционный период

Возрождению системы церковно-приходских школ в стране способствовало издание «Правил о церковно-приходских школах», утвержденных Александром III 13 июня 1884 года. РПЦ получала на развитие школьного дела государственные средства, которые могла расходовать самостоятельно. Она же самостоятельно определяла программы и содержание образовательного процесса. В административном плане церковный характер школы был обеспечен путем включения учебных заведений в общую систему епархиального управления [Рожков 2004, с. 115–125]. Результаты изменения государственной политики не заставили себя долго ждать. В Самарской губернии с 1884 по 1900 г. число школ церковного ведомства увеличилось более чем в 9 раз (со 101 до 997), а численность учащихся – в 24 раза (с 2144 до 51701 учащегося) [Якунин 2018, с. 281]. На 1890-е годы приходится особенно быстрый рост числа церковно-приходских школ в Самарской епархии, дополнительный импульс которому придало определение Самарской духовной консистории 1892 г.: «...В приходах, где нет никакой школы, обязательно открыть, если не церковно-приходскую школу, то хотя школу грамоты» [Жокарев 2016, с. 227–228].

Резкое увеличение количества единоверческих ЦПШ в Самарской губернии также пришлось на 1890-е – начало 1900-х гг. – время архиерейского служения епископа Гурия (Буртасовского), который поднял миссионерскую деятельность РПЦ в своей епархии на новый уровень. Единоверие он рассматривал как один из главных инструментов в борьбе со старообрядческим расколом. Благодаря энергичной деятельности епископа в конце XIX – начале XX в. появилось 15 новых единоверческих

приходов [Якунин 2011, с. 74]. В тех населенных пунктах епархии, где у новоиспеченных единоверцев не было церковного здания, в конце 1901 г. архиерей предложил организовать деятельность единоверческого походного храма. Святейший Синод отклонил это ходатайство, сопроводив отказ рекомендацией: «...Лучшим и наиболее верным средством для обратившихся из раскола в лоно Православной Церкви является, как показывает опыт, устройство среди них постоянных единоверческих приходов и церковных школ» (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. 4389. Л. 17 об.). Однако синодальная рекомендация явно запоздала. Епископ Гурий с самого начала своей деятельности в епархии предпринимал все необходимые меры для создания во вновь открытых единоверческих приходах ЦПШ, в которых он видел важное средство организации приходской жизни. Так, для нового прихода д. Озерки Николаевского уезда, который не имел возможности содержать церковный причт, архиерей добился выплаты «казенного» жалования священнику как миссионеру, а псаломщику – в качестве учителя церковной школы. Школу епископ лично обревизовал в 1896 г. во время архиерейского визита в Озерки (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. 5582. Л. 3, 14).

Кстати, в начале XX в. самарские архиереи и епархиальные школьные наблюдатели (инспекторы) «обозревали» единоверческие школы так же, как и обычные ЦПШ Самарской губернии. Например, в ноябре 1904 г. епископ Константин (Бульчев) в числе других ЦПШ г. Самары посетил единоверческую школу, где испытывал учащихся в знании Закона Божия (молитв, Священной истории ветхозаветной и новозаветной, катехизиса и православного богослужения), в чтении Евангелия по-славянски и по-русски, затем просматривал тетради учеников (Епархиальная жизнь 1904, с. 1081).

В отчетах по Самарской губернии конца 1900-х гг. наблюдается некоторое снижение общего числа ЦПШ и количества учащихся. В 1906 г. в губернии было зафиксировано 1154 школы с 22 391 учащимся, а в 1909 г. ЦПШ уже только 1100 с 20 757 учениками [Мендюков 2016, с. 126]. После учреждения в 1908 г. в составе Самарской епархии Уральского викариатства единоверческие ЦПШ Самарской губернии оказались в непосредственном ведении викарного епископа Уральского Тихона (Оболенского), равно как и школы Уральской области. Двойная церковная юрисдикция, когда единоверческие школы входили в статистику по Самарской губернии и одновременно включались в число учебных заведений Уральского викариатства (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 484. л. 4 об.–5), может в числе других причин [Жокарев 2016, с. 237–238] объяснить довольно заметное статистическое «уменьшение» количества губернских ЦПШ конца 1900-х гг.

К началу Первой мировой войны единоверческие ЦПШ Самарской губернии располагались в тех местностях, где проживало население с наибольшей долей старообрядчества. Это были четыре уезда – Бугурусланский, Николаевский,

Новоузенский и Самарский. Количество школ по уездам сильно разнилось. Наибольшее число ЦПШ действовало в Николаевском уезде – 18 с общим количеством 1157 учеников. В Бугурусланском и Самарском уездах находилось по три школы (126 и 116 учеников соответственно) и в Новоузенском – две (135 учащихся). По «разряду» школы делились на двухклассные (одна мужская при единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре с учительским и миссионерским курсами) и одноклассные с четырехгодичным курсом обучения. По составу учащихся подавляющее количество единоверческих ЦПШ относилось к смешанным (количество мальчиков превышало две трети учащихся). В 1912 г. всего в распоряжении епископа Уральского было 26 единоверческих школ Самарской губернии, в которых обучалось 1534 ученика (Никольский 1914, с. 95). Правда, есть и другие данные за тот же год: епархиальный миссионер протоиерей Дмитрий Александров указывал, что в Самарской губернии действовало более 30 единоверческих ЦПШ (Труды 2012, с. 251–252). По всей видимости, такое расхождение вызвано различными методами классификации ЦПШ. Так, по официальным документам, в с. Малый Кушум действовали две единоверческие школы – мужская и женская, несмотря на то что у них был один заведующий и занятия проходили в одном здании. Таким же образом классифицировалась школа в Криволучье (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 22, 23 об.).

Количество учеников по школам сильно разнилось. Так, в 1915 г. Спасо-Преображенская мужская школа насчитывала 91 ученика [Якунин 2011, с. 64], школа Большого Красного Яра – 86 (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 354. Л. 37 об.), а в школе при единоверческом Средне-Никольском женском монастыре на рубеже XIX–XX вв. обучалось всего 13 девочек (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 443. Л. 28). Кстати, до конца XIX столетия ЦПШ имелись во всех трех единоверческих монастырях губернии. Однако к 1903 г. школа при Нижне-Воскресенском монастыре перестала действовать, поскольку в близлежащем селе Криволучье была открыта своя (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 22), которая находилась на полном обеспечении за счет средств обители [Якунин 2011, с. 64–66]. В Средне-Никольском женском монастыре к этому времени, как отмечалось в благочинническом отчете, «особой» школы не было, но «поступающие в монастырь девушки обучаются в кельях правоспособными сестрами» (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 13).

В 1913 г. основной педагогический состав в единоверческих ЦПШ губернии насчитывал 42 чел., среди которых было 3 священника, 4 диакона, 5 псаломщиков, 25 светских учителей и 5 учительниц. Приходские священники в количестве 27 чел. находились на должности заведующих и учителей Закона Божия. Из них 17 чел. имели домашнее образование, двое закончили курс Саратовской миссионерской школы, 6 – получили образование

в Спасо-Преображенской монастырской школе, один окончил уездное училище и только один – духовную семинарию. Для сравнения: всего «учащих» в церковных школах Самарской епархии в 1910/1911 учебном году было 2124 чел.; из них законоучителей – 861, учителей и учительниц – 1263 (Никольский 1912, с. 408).

Необходимо отметить, что образовательный ценз единоверческого духовенства менялся достаточно медленно. По данным за вторую половину 1860-х – начало 1870-х гг., в единоверческих приходах всей епархии служило 9 чел., из них только один обучался в духовной семинарии (причем это был священник из «новообрядных»), двое получили начальное образование при Спасо-Преображенском монастыре, остальные имели домашнее образование (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 41. Л. 1; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 3 об., 4 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 23. Д. 402. Л. 2 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 12. Л. 1, 3 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 134. Л. 4 об., 6 об.). К 1913 г. в одном только Самарском единоверческом благочинии служили уже 14 священников и церковнослужителей. Среди них 9 чел. имели домашнее образование (в том числе 6 священнослужителей), один окончил земское училище, остальные – ЦПШ при Спасо-Преображенском монастыре и Саратовском миссионерском училище (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 253. Л. 4 об.–59 об.).

Особенности «школьного дела» в единоверческих ЦПШ Самарской губернии

Формально курс обучения в единоверческих школах практически во всем соответствовал той программе, которая применялась в остальных «новообрядных» ЦПШ губернии того времени: русский язык, «счисление», чистописание и Закон Божий, который, в свою очередь, включал изучение основ православной веры и богослужения, Священную историю Нового и Ветхого завета. Преподавание церковного пения и «славянского» чтения имело свои особенности и осуществлялось по дониконовским образцам старопечатных богослужебных книг. В некоторых школах, как, например, в Новоузенском уезде, преподавание велось по особой программе и указаниям епископа Уральского Тихона (Оболенского) (Никольский 1912, с. 412). В школе единоверческого Нижне-Воскресенского мужского монастыря для учеников также использовалась своя учебная программа. В первой половине учебного дня три часа были посвящены крюковому¹ пению и «единоверческому» чтению, следующие три часа – остальным предметам. Вечерами ученики попеременно обучались «простому» единоверческому напеву или «обличению раскола» (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 441. Л. 22 об.).

¹ Крюковое (знаменное) пение – тип певческой богослужебной традиции, применявшийся в РПЦ в XI–XVII вв. Запись мелодии осуществлялась с помощью специальных знаков – крюков (знамен). Существует несколько видов знаменного пения: кондакарный, иргизский, столповой, демественный, путевой и другие. С конца XVII в. крюковое пение стало атрибутом старообрядческого богослужения.

«Главной» среди единоверческих ЦПШ губернии считалась двухклассная школа с миссионерским и учительским классами при единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре. Здесь, помимо обычных предметов, дети единоверцев обучались «по повышенному курсу» Закону Божию, им давались знания по минералогии, зоологии, ботанике, химии, истории, географии, «землемерию». Ученики получали сведения в области дидактики и педагогики, овладевали искусством миссионерской полемики с раскольниками и сектантами. Выпускники школы славились своим мастерством в старинном церковном пении по «крюкам» и «демеством». Перед Первой мировой войной из 42 учителей в единоверческих ЦПШ 30 являлись выпускниками двухклассной Спасо-Преображенской школы. На Первом Всероссийском съезде единоверцев 1912 г. выпускников этого учебного заведения настоятельно рекомендовали брать в качестве высококвалифицированных певчих в единоверческие приходы других епархий РПЦ (Труды 2012, с. 248).

Епархиальные наблюдатели отмечали, что в единоверческих школах был более высокий уровень преподавания «старопечатной» церковно-славянской грамоты и церковного пения по сравнению с «новообрядными» ЦПШ. Вместе с механическими навыками «мастерского» чтения богослужебных текстов ученики к завершению школьного курса изучали практический устав церковных служб. Искусством церковного старообрядческого пения многие ученики овладевали настолько, что «одиночно и хором могли бы править службы Божии» (Никольский 1914, с. 98).

Тем не менее проблема подготовки будущих кадров священства и церковнослужителей в предреволюционный период для единоверцев Самарской губернии была достаточно актуальной. Общий уровень образования единоверческого духовенства заметно уступал образовательному цензу «новообрядного» духовенства [Соловьев 2020, с. 93, 193]. Впрочем, наличие домашнего «старообрядческого» образования у священника, преподававшего в единоверческой ЦПШ, иногда рассматривалось как некое преимущество, позволявшее решать определенные миссионерские задачи (Никольский 1914, с. 96). Опасения единоверцев возникали по другому поводу. На Первом Всероссийском единоверческом съезде высказывалось мнение о возможной конфессионально-культурной ассимиляции единоверческих ЦПШ в рамках сложившейся системы церковного и светского народного просвещения (Труды 2012, с. 141–142). С целью сохранить «истинно православный быт» делегаты от Самарской губернии высказали предложение организовать «чисто единоверческие училища» для подготовки учителей в ЦПШ при Спасо-Преображенском и Нижне-Воскресенском монастырях. Эта идея получила свое развитие в 1917 г. на Втором Всероссийском съезде единоверцев, когда вниманию участников

были представлены результаты «обревизования» Нижне-Воскресенского мужского монастыря, при котором предполагалось создание духовного учебного заведения на 300 чел. для подготовки «православно-старообрядческих» церковнослужителей и священства. Учитывая масштаб планируемого заведения и цели преподавания, речь фактически шла о единоверческой духовной семинарии. Дополнительно предлагалось в некоторых больших городах открыть богословские школы для подготовки диаконов и священников, а при единоверческих монастырях – создать духовные училища и краткосрочные курсы для подготовки церковнослужителей. Октябрьская революция 1917 г. помешала реализации этих планов [Соловьев 2018, с. 37–40].

Другая особенность деятельности единоверческих ЦПШ – наличие утилитарного подхода в обучении. Образовательный процесс находился в неразрывной связи с религиозной жизнью прихода и в этом смысле имел к ней прямо подчиненное отношение. Цели и задачи, которые ставились единоверцами при организации ЦПШ, не сводились исключительно к распространению грамотности и религиозному воспитанию, которое заключалось во «внушении <...> ученикам истин Св. Веры, правил христианской нравственности, благоразумия и честности гражданского общежития» (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). Учеба в школе рассматривалась как важный подготовительный этап к участию учеников в богослужении в качестве церковнослужителей – чтецов и певчих. Например, в с. Красный Яр под руководством священника ученики «начали прилично петь и читать», так что некоторые даровитые мальчики стали ходить на клирос (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1 об.). Впоследствии в этой школе сформировался детский церковный хор – один из лучших в епархии (Никольский 1916, с. 22). Школьные хоры принимали участие в богослужении в единоверческих храмах Балакова [Соловьев 2020, с. 192–193] и Малого Кушума (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 23 об.–24).

В единоверческих ЦПШ большое значение придавалось нравственному воспитанию подрастающего поколения в контексте норм «древлего благочестия». Внутришкольная дисциплина стояла на высоком уровне (Никольский 1914, с. 103). Особенно были известны своим примерным поведением выпускники двухклассной Спасо-Преображенской школы, которых воспитывали согласно монастырскому уставу (Труды 2012, с. 351–352). Ученики здесь именовались «послушниками» (Пятидесятилетний юбилей 1901, с. 23). В качестве чтецов, певчих и пономарей они участвовали в богослужении, несли послушания в монастырском хозяйстве. При школе имела мастерская, в которой обучали книжному переплету, золочению церковных книг и канцелярскому делу [Якунин 2011, с. 65].

Единоверческое духовенство прилагало все усилия для того, чтобы оградить детей своих при-

хожан от негативного влияния окружающего мира. Осенью 1894 г. от причта Никольской церкви с Балакова на имя епископа Гурия поступила жалоба на работников пожарной части, которая располагалась в непосредственной близости от единоверческого храма и церковной школы: «Служащие же в пожарной части – народ вольный, безнравственный, а потому игра их на гармонике, пляска и ругательства продолжаются без разбора времени и дней, особенно все это угнетает в дни богослужбных и назначенных для занятий школьных; так как ученикам во время перемен, кроме ограды, выйти некуда, то и приходится слышать и видеть всякое безобразие». Единоверцы просили архиерея похотатайствовать перед губернатором о перенесении пожарной части в другое место, «дабы не оскорблялся храм Божий» и не было «соблазна» ученикам школы (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4202. Л. 1, 3–4).

Формализация образовательного процесса позволяла расширить сферу использования старообрядческой богослужбной традиции, поскольку обучение чтению, письму и церковному пению совершалось по старопечатным книгам. Это обстоятельство служило дополнительным аргументом для легитимации дониконовского обряда и единоверия в целом как среди самих единоверцев, так и старообрядцев, остававшихся в расколе. Поэтому важно отметить, что инициатива по организации первых единоверческих ЦПШ исходила «снизу» – от самих прихожан и единоверческого духовенства [Соловьев 2020, с. 179] (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–2; Д. 39. Л. 1–3 об.; ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). В конце XIX – начале XX в. ситуация несколько меняется. Инициатором открытия новых приходов и строительства храмов часто становилась не только единоверческая община, но и правящий архиерей, епархиальный миссионер или благочинный Спасо-Преображенского монастыря. Не всегда члены нового прихода имели материальные возможности для содержания школы. По данным второго единоверческого благочиннического округа за 1913 г., в Балакове, Красном Яре ЦПШ содержались за счет прихода, в Большом Кушуме средства выделялись из государственной казны, в Малом Кушуме школа получала средства от сельского общества, уездного отделения Епархиального училищного совета и прихода, в Новоузенске – от городской управы, в Криволучье – находилась на полном обеспечении единоверческого Нижне-Воскресенского монастыря, в Озерках финансирование школы шло из казенных сумм и средств сельского общества (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 342. Л. 5–74). В Самаре практически все расходы на содержание школы полностью взял на себя богатый прихожанин – купец Л.С. Аржанов (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 253. Л. 3 об.). Видимо, вследствие такого разнообразия в финансировании отмечалась неравномерная обеспеченность ЦПШ учебной и школьной литературой, в некоторых школах учеников не хватало в 2–3 раза от необходимого коли-

чества. Если в Балакове школьная библиотека насчитывала 187 книг для внеклассного чтения, то в Малом Кушуме – всего 10 книг, а в десяти школах библиотек вообще не было (Никольский 1914, с. 102–103, 105). Самый большой фонд имела Спасо-Преображенская школьная библиотека: в 1903 г. он насчитывал 683 учебных пособия и 361 книгу для внеклассного чтения (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 13 об.).

Нельзя обойти вниманием такую важную составляющую образовательного процесса в единоверческих ЦПШ, как миссионерская деятельность в отношении старообрядцев-раскольников. Она была неизбежна, поскольку единоверие по своей сути представляло миссионерский проект, который давал старообрядцам возможность сохранить свою богослужбную традицию в единстве с РПЦ. Одним из инструментов привлечения раскольников к единоверию стали ЦПШ. Священники указывали на то, что народные школы могут быть «верным средством» в деле обращения раскольников, поскольку публичные миссионерские собеседования охватывали только взрослых старообрядцев (Ушмарский 1889, с. 138).

Привлечение детей раскольников в «новообрядные» и единоверческие ЦПШ не предполагало прямой миссионерской проповеди и обязательного обращения учащихся в православие. Обучение в ЦПШ рассматривалось как подготовительный этап к возможному воссоединению с Церковью в будущем. Главными задачами декларировались воспитание религиозности, гражданственности, а также формирование положительного образа РПЦ и «нравственной симпатии» к православному духовенству (Ушмарский 1889, с. 140; Никольский 1912, с. 410–412).

Раскольники весьма редко отдавали своих детей учиться в земские и министерские школы, считая их «мирскими». К «новообрядным» ЦПШ старообрядцы также относились довольно скептически, поскольку полагали, что в их школьной программе недостаточно содержится религиозной составляющей, «божественного». Это признавали сами православные священники: «В наших же школах дети действительно Священное Писание читают мало» (Ушмарский 1889, с. 13).

Единоверческие ЦПШ, напротив, вызывали у раскольников большее доверие: «Раскольники <...> слышат здесь и чтение школьников по старопечатным Псалтирям, и пение их излюбленным своим своеобразно-монотонным распевом, и даже пение “по крюкам”, видят скромность и религиозную благонастроенность учащихся и с охотой ведут своих детей в эти школы». Учителями Закона Божия и заведующими в школах были бывшие старообрядческие начетчики и опытные полемисты, хорошо знакомые с учением раскола, прекрасно знавшие дониконовский богослужбный устав. Как правило, учителя имели достаточную квалификацию для того, чтобы преподавать церковное пение и чтение по старопечатным книгам (Николь-

ский 1912, с. 421). Немаловажное значение для раскольников имело то обстоятельство, что выпускники единоверческих ЦПШ, в отличие от «негласных» старообрядческих школ, получали официальное свидетельство об образовании: в 1913 г. среди 161 выпускника единоверческих ЦПШ 49 чел. были из семей раскольников (Никольский 1914, с. 99). Степень вовлеченности детей старообрядцев-раскольников в образовательный процесс ЦПШ часто определялась состоянием раскола в той или иной местности. В Малом Кушуме некоторые раскольники не только отдавали своих детей в единоверческую школу, но и позволяли им посещать богослужения в единоверческом храме, где они «пели и читали» службу на клиросе (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 24).

Если собственно миссионерская функция была возложена на все ЦПШ «Положением о церковных школах ведомства православного исповедания» от 1 апреля 1902 г. (Никольский 1912, с. 407), то в единоверческих училищах детей раскольников массово принимали в качестве учащихся с самого начала их возникновения. В балаковском единоверческом училище за 1865–1867 гг. прошли обучение 54 ученика, из них – 26 детей единоверцев, 21 ученик был из семей старообрядцев-поповцев, 5 – из поморцев и 2 – из лютеран (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). Учитель школы – псаломщик Ф.Л. Волгин активно и безуспешно занимался миссионерством среди родителей и родственников тех учащихся, которые еще находились в расколе [Соловьев 2020, с. 180]. В начале XX в. учителя единоверческих школ официально привлекались к систематической противораскольнической деятельности РПЦ в Самарской губернии в качестве так называемых «миссионеров-сотрудников» (Пряхин 1914, с. 68).

В конце XIX – начале XX в. наблюдалось значительное увеличение численности учащихся в единоверческих ЦПШ за счет детей старообрядцев-раскольников. В начале 1910-х гг. доля учащихся из семей раскольников составляла чуть более трети от общего числа учеников единоверческих ЦПШ Самарской губернии: 520 из 1534 чел. По мнению епархиальных наблюдателей, это происходило «в значительной степени от симпатий раскольнической части населения к школам имен-

но единоверческим как наиболее отвечающим взглядам ее на школу и ее просветительную работу» [Никольский 1914, с. 95–96]. В некоторых школах эта доля была значительно выше. В 1915 г. в ЦПШ с. Яблонов Гай из 28 учеников 19 были старообрядцами-раскольниками, в Малом Красном Яре из 62 учеников – 48; в школе Малой Таволожки из 40 учащихся только один ученик был православным (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 354. Л. 3 об., 29 об., 47 об.). Отмечалось, что «лица, прошедшие через школу, более сознательно относятся к обрядовой стороне религии, менее жестоки и грубы по отношению к православию и что фанатизм раскола при существовании церковных школ значительно слабеет» (Никольский 1914, с. 412).

Заключение

В заключение можно констатировать, что единоверческое «школьное дело» в Самарской губернии возникло и развивалось как неотъемлемая часть системы народного просвещения. Вместе с тем с момента возникновения единоверческие ЦПШ имели свои отличительные черты, обусловленные особым статусом единоверия как уникальной внутриконфессиональной группы РПЦ. Несмотря на то что школьная программа в целом соответствовала программе «новообрядных» ЦПШ, основной акцент в ней делался на преподавание тех предметов, которые позволяли сохранять религиозную идентичность единоверцев. Важно отметить, что образовательный процесс был тесно связан с богослужебной практикой, что создавало кадровую базу для подготовки единоверческого духовенства. Административный статус единоверческих учебных заведений также носил специфический характер. С первых лет своей деятельности единоверческие училища обладали некоторой автономией (например, педагогический состав формировался почти полностью из единоверцев), к концу 1900-х гг. они перешли в ведение викарного епископа Уральского, формально оставаясь в «ведомстве» самарского архиерея. И наконец, нельзя не отметить ярко выраженную миссионерскую функцию единоверческих ЦПШ, которые стали одним из инструментов борьбы РПЦ со старообрядческим расколом в Самарской губернии.

Материалы исследования

Епархиальная жизнь – *Епархиальная жизнь* / Самарские епархиальные ведомости. 1904. № 22. Часть неофициальная. С. 1081–1090.

Никольский 1912 – *Никольский Александр, свящ.* Деятельность церковных школ Самарской епархии на пользу православной миссии // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 10. Часть неофициальная. С. 407–414.

Никольский 1914 – *Никольский Александр, свящ.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1912–1913 учебном году. Самара: Тип. Азеринского Л. Москва, 1914. 116 с.

Никольский 1916 – *Никольский Александр, свящ.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1914–1915 учебном году. Самара: Тип. Азеринского Л. Москва, 1916. 107 с.

Пряхин 1914 – *Пряхин Сергей, свящ.* О состоянии и действиях противораскольнической миссии в 1913 году // Самарские епархиальные ведомости. 1914. № 24. Часть официальная. С. 46–76.

Пятидесятилетний юбилей 1901 – *Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии (30 декаб. 1850 – 31 декаб. 1900 гг.)*. Самара: Тип. Сам. дух. консистории, 1901. 61 с.

Труды 2012 – *Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев)* / сост. иерей Евгений Саранча, Н. Кузин. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. 565 с.

Ушмарский 1889 – *Ушмарский А., свящ.* Школа и раскол // Самарские епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 138–140.

ФГАСОП – *Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве.*

Филиппов 2002 – *Филиппов С.А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX в.: По материалам Самарской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 20 с.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Церковно-приходские школы Самарской епархии... 1901 – *Церковно-приходские школы Самарской епархии до возрождения (1851–1884 гг.)* // Самарские епархиальные ведомости. 1901. № 10. Часть неофициальная. С. 561–571.

Библиографический список

Ваганова 1999 – *Ваганова Н.М.* Основные виды начальных школ на территории Самарской губернии в пореформенный период // Платоновские чтения: материалы Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 3–4 дек. 1999 г. Самара: Сам. ун-т, 1999. С. 63–65. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Sborniki/Platonovskie-chteniya-Elektronnyi-resurs-materialy-XI-Vseros-konf-molodyh-istorikov-g-Samara-34-dek-2005-g-77557>.

Кокарев 2016 – *Кокарев Максим, протоиерей.* История Самарской епархии в предсоборный период (1894–1917 гг.). Москва: Спасское дело, 2016. 456 с.

Мендюков 2016 – *Мендюков А.В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 176 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=578733&p=1>.

Рожков 2004 – *Рожков Владимир, протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004. 560 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/tserkovnye-voprosy-v-gosudarstvennoj-dume>.

Самбунова 2002 – *Самбунова Е.И.* К вопросу о подготовке кадров для церковно-приходских школ Самарской губернии в 1884–1914 гг. // Шестые Иоанновские чтения: материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита СПб. и Ладожского. Самара, 2002. С. 53–58.

Соловьев 2020 – *Соловьев П.К.* История православных храмов г. Балаково (1762–1917). Саратов: ИП Кирсанова М.В., 2020. 300 с.

Соловьев 2018 – *Соловьев П.К.* Материалы по истории духовного образования балаковских единоверцев (1867–1917 гг.) // «Рождественское тож...»: Очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на балаковской земле / ред. М.В. Благушина. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2018. С. 35–40.

Соловьев 2021 – *Соловьев П.К.* Православные старообрядцы Самарской губернии на всероссийских единоверческих съездах в предсоборный период (1912–1917 гг.) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК. Самара, 2021 / под ред. М.В. Курмаева, Л.М. Артамоновой. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2021. С. 92–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341930&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/svbmxb>.

Якунин 2019 – *Якунин В.Н.* Духовное образование, церковно-приходские и воскресные школы в Самарской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>. EDN: <https://elibrary.ru/xargiz>.

Якунин 2011 – *Якунин В.Н.* История Самарской епархии. Тольятти: Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2011. 625 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.\(2011\).\[djb-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.(2011).[djb-fax].zip).

References

Vaganova 1999 – *Vaganova N.M.* (1999) Main types of primary schools on the territory of the Samara province in the post-reform period. In: Platonov readings: materials of the All-Russian conference of young historians, Samara, December 3–4, 1999. Samara: Sam. un-t, pp. 63–65. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Sborniki/Platonovskie-chteniya-Elektronnyi-resurs-materialy-XI-Vseros-konf-molodyh-istorikov-g-Samara-34-dek-2005-g-77557>. (In Russ.)

Kokarev 2016 – *Kokarev Maxim, Archpriest* (2016) History of the Samara Diocese in the pre-council period (1894–1917). Moscow: Spasskoe delo, 456 p. (In Russ.)

Mendyukov 2016 – *Mendyukov A.V.* (2016) Russian Orthodox Church in the Middle Volga region at the turn of the XIX–XX centuries. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 176 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=578733&p=1>. (In Russ.)

Rozhkov 2004 – *Rozhkov Vladimir, Archpriest* (2004) Church issues in the State Duma. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 560 p. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/tserkovnye-voprosy-v-gosudarstvennoj-dume>. (In Russ.)

Samburova 2002 – *Samburova E.I.* (2002) On the issue of personnel training for parochial schools of the Samara province in 1884–1914. In: *Sixth St. John readings: materials of the scientific conference, dedicated in memory of His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga*. Samara, 2002. pp. 53–58. (In Russ.)

Soloviev 2020 – *Soloviev P.K.* (2020) History of Orthodox churches in Balakovo (1762–1917). Saratov: IP Kirsanova M.V., 300 p. (In Russ.)

Soloviev 2018 – *Soloviev P.K.* (2018) Materials on the history of spiritual education of Balakovo co-religionists (1867–1917). In: *Blagushin M.V. (Ed.) «Rozhdestvenskoye also ...»: Essays on the history of Orthodoxy, coreligionism and Old Believers in the Balakovo land*. Saratov: GAU DPO «SOIRO», pp. 35–40. (In Russ.)

Soloviev 2021 – *Soloviev P.K.* (2021) Orthodox Old Believers of the Samara province at All-Russian coreligionist congresses in the pre-council period (1912–1917). In: *Kurmaev M.V., Artamonova L.M. (Ed.) National cultural heritage of Russia: regional aspect: materials of the IX all-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 50th anniversary of the SSIC. Samara, 2021*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, pp. 92–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341930&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/svbmxb>. (In Russ.)

Yakunin 2019 – *Yakunin V.N.* (2019) Theological education, parish and Sunday schools in the Samara diocese in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 3 (31), pp. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>. EDN: <https://elibrary.ru/xargiz>. (In Russ.)

Yakunin 2011 – *Yakunin V.N.* (2011) History of the Samara Diocese. Togliatti: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa, 625 p. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.\(2011\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.(2011).[djv-fax].zip). (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47).084.8, 94(47).084.9

Дата поступления: 14.02.2022
рецензирования: 17.03.2022
принятия: 28.05.2022

**Борьба принципов универсализма и специализации в советском высшем медицинском образовании послевоенного периода
(на примере Куйбышевского медицинского института в 1945–1955 гг.)**

С.Ю. Заводюк

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: swetlana89277056763@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

О.Д. Столяров

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: belomor2012@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

Аннотация: В статье предпринята попытка на основании анализа источников и литературы дать характеристику результатов борьбы между сторонниками универсализма и специализации в сфере высшего медицинского образования в послевоенный период. Сделан вывод, что в 1945–1955 гг. тенденция к специализации оказалась более влиятельной. Выделены основные формы специализации, характерные для данного периода: субординатура, нахождение которой было отведено шестой курс лечебно-профилактических факультетов, и специализированные факультеты. Выявлены важнейшие факторы, повлиявшие как на процесс усиления специализации в целом, так и на отдельные его формы. В частности, установлена взаимосвязь между реформой Е.И. Смирнова и введением субординатуры, а также усилением консультативной и лечебной работы сотрудников медицинских вузов. Сделан вывод, что формирование военно-медицинских и санитарно-профилактических факультетов в послевоенное десятилетие стало следствием напряженной международной обстановки и государственных преобразований в области контроля над соблюдением санитарно-гигиенических норм соответственно. Кроме того, в статье затронуты вопросы, связанные со сворачиванием курса на специализацию в середине 1950-х гг. Анализируется проблема взаимосвязи между дискуссией об индустриальной и территориальной организации здравоохранения, с одной стороны, и противостоянием тенденций к универсализму и специализации – с другой. Выдвинута гипотеза, согласно которой реорганизация системы охраны здоровья населения в соответствии с идеями сторонников индустриального подхода способствовала усилению специализации в сфере медицинского образования. Изменения, произошедшие в данный период в высшей медицинской школе, рассмотрены на примере развития Куйбышевского государственного медицинского института.

Ключевые слова: высшее медицинское образование; Куйбышевский государственный медицинский институт; принципы универсализма и специализации в области образования; военно-медицинское образование; санитарно-профилактическое образование; субординатура; реформа Е.И. Смирнова; санитарно-гигиенический надзор.

Цитирование. Заводюк С.Ю., Столяров О.Д. Борьба принципов универсализма и специализации в советском высшем медицинском образовании послевоенного периода (на примере Куйбышевского медицинского института в 1945–1955 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 44–53. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-44-53>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Заводюк С.Ю., Столяров О.Д., 2022

Светлана Юрьевна Заводюк – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443013, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.
Олег Дмитриевич Столяров – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443013, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.

SCIENTIFIC ARTICLE

**Struggle of the principles of universalism and specialization
in the Soviet higher medical education of the post-war period
(on the example of the Kuibyshev Medical Institute in 1945–1955)**

Submitted: 14.02.2022
Revised: 17.03.2022
Accepted: 28.05.2022

S.Yu. Zavodyuk

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation
E-mail: swetlana89277056763@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

O.D. Stolyarov

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation

E-mail: belomor2012@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

Annotation: The article attempts to characterize the results of the struggle between the supporters of universalism and specialization in the field of higher medical education in the post-war period, based on the analysis of sources and literature. It is concluded that in 1945–1955 the trend towards specialization was more influential. The main forms of specialization characteristic of this period are singled out – subordination, for the passage of which the sixth year of medical and preventive faculties was assigned, and specialized faculties. The most important factors that influenced both the process of strengthening specialization as a whole and its individual forms are identified. In particular, the relationship between the reform of E.I. Smirnov and the introduction of subordination, as well as strengthening the advisory and medical work of employees of medical universities. It is concluded that the formation of military medical and sanitary-prophylactic faculties in the post-war decade was the result of a correspondingly tense international situation and government changes in the field of control over compliance with sanitary and hygienic standards. In addition, the article touches upon issues related to the curtailment of the course towards specialization in the mid-1950-ies. The problem of the relationship between the discussion about the industrial and territorial organization of health care, on the one hand, and the opposition of tendencies towards universalism and specialization, on the other hand, is analyzed. A hypothesis has been put forward, according to which the reorganization of the public health system in accordance with the ideas of the supporters of the industrial approach contributed to the strengthening of specialization in the field of medical education. The changes that have taken place in this period in the higher medical school are considered on the example of the development of the Kuibyshev State Medical Institute.

Key words: higher medical education; Kuibyshev State Medical Institute; principles of universalism and specialization in the field of education; military medical education; sanitary and preventive education, subordination; reform by E.I. Smirnov; sanitary and hygienic supervision.

Citation. Zavodyuk S.Yu., Stolyarov O.D. Struggle of the principles of universalism and specialization in the Soviet higher medical education of the post-war period (on the example of the Kuibyshev Medical Institute in 1945–1955). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 44–53. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-44-53>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Zavodyuk S.Yu., Stolyarov O.D., 2022

Svetlana Yu. Zavodyuk – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of the History of the Fatherland, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevsky Street, Samara, 443013, Russian Federation.

Oleg D. Stolyarov – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of the History of the Fatherland, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevsky Street, Samara, 443013, Russian Federation.

Введение

Столкновение человечества в XXI веке с вызовами новой глобальной эпидемии актуализирует проблемы продуцирования и распространения медицинских знаний, в связи с чем возникает необходимость в разработке новых моделей осмысления и концептуализации исторического опыта в этой области. Интерес к традициям медицинского образования в СССР имеет и более глубокие основания, связанные с устойчивой тенденцией распространения в российском массовом сознании постсоветской ностальгии. Как отмечают социологи, причины такого рода симпатий многообразны и противоречивы, но в последние годы все большую популярность приобретают идеи возрождения лучших советских социальных практик, связанных с представлениями о качественном, бесплатном образовании и здравоохранении [Бараш 2017, с. 128, 132, 139; Сожаление россиян...], а к периодам особой исторической гордости большинство россиян относят не только время Великой Отечественной войны, но и послевоенное восстановление страны [Бараш 2017, с. 126]. При этом очевидно, что советское прошлое, атрибуты которого остаются неотъемлемой частью повседневности настоящего, актуализируется в массовом сознании в виде упрощенного, отчасти мифологизированного концепта.

В работах начала XXI в., посвященных советскому образованию и здравоохранению последних

лет войны и последующего периода, исследователи стали в большей степени акцентировать внимание на противоречивости тенденций развития. В отдельных статьях и монографиях наряду с определением повседневности позднего сталинизма в терминах «борьбы за выживание», отсутствия «эффективного механизма защиты от социальных рисков» [Иванова 2011, с. 36], голода, репрессий, авторитарного характера медицинского управления [Бартон 2007, с. 557] отмечаются тенденции и расширения доступа разных слоев населения к здравоохранению [Бартон 2007, с. 556; Иванова 2011, с. 273], и «предвестия “оттепели”» в образовании [Майофис 2015, с. 35].

Однако проблема специфики советского высшего медицинского образования послевоенного десятилетия в исторической и историко-медицинской литературе изучена в весьма незначительной степени. Пожалуй, более или менее комплексно данная тема рассматривается только в одной из глав диссертационной работы Н.Т. Ерегиной «Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.» (Ерегина 2010, с. 434–512) и отчасти, применительно к региону Нижнего Поволжья, затрагивается в кандидатской диссертации и публикациях Л.В. Хариной (Харина 2012). Также этот период рассматривается в одной из глав монографии, посвященной развитию Самарского государственного медицинского университета [Столяров, Заводюк, Занин 2019, с. 133–169].

В данной статье проблемы подготовки медицинских кадров в советской высшей школе 1945–1955 гг. исследуются с позиций борьбы принципов универсализма и специализации в сравнении с предыдущим и последующим периодами и в контексте общих тенденций развития советского здравоохранения и высшего образования.

Работа базируется на документах Центрального государственного архива Самарской области, правительственных постановлениях, публикациях теоретиков и практиков советского здравоохранения и образования послевоенного десятилетия, мемуарах, материалах периодической печати.

Основная часть

Противоречивые тенденции идейных и организационных основ советского здравоохранения и медицинского образования прослеживались с начала их формирования. Болевыми точками, вызывающими ожесточенные дискуссии, были: принципы организации здравоохранения на основе территориальной участковой системы или на основе индустриальной (цеховой) системы по месту работы; профилактические подходы, первый из которых преимущественно базировался на изучении профессиональной заболеваемости и условий труда, второй – на исследовании совокупного влияния среды, бытовых и других социально-экономических условий; противоречие между идеями универсализации и специализации медицинского образования. Последняя проблема являлась, пожалуй, ключевой для медицинского образования. Сторонники первого подхода предполагали, что кадровой основой советской медицины должны быть узкие специалисты, в совершенстве владеющие той или иной областью лечебной и профилактической деятельности, тогда как их оппоненты считали, что врач должен в первую очередь обладать фундаментальными знаниями, касающимися медицины в целом, т. е. являться врачом широкого профиля.

Очевидно, что эти три проблемы были тесно связаны между собой, и подходы к подготовке медицинских кадров часто менялись в зависимости от преобладания той или иной тенденции в развитии здравоохранения. Безусловно, на развитие медицинского образования непосредственное влияние оказывали также особенности социально-экономического развития страны и внешнеполитические факторы.

Специализация в подготовке медиков на уровне факультетов и однопрофильных институтов определенного направления сложилась в СССР с начала 1930-х гг. Это было лечебно-профилактическое, санитарно-профилактическое (санитарно-гигиеническое), педиатрическое, стоматологическое и фармацевтическое образование. Но медицинские вузы с несколькими факультетами к 1945 г. составляли меньшинство – около 29 % (Ерегина 2010, с. 629–630). Перед Великой Отечественной войной в некоторых институтах вводили военные факуль-

теты, многие из которых на фоне общей демилитаризации были позже ликвидированы, и создавались военно-медицинские академии. Подготовка более узких специалистов в рамках вузовского образования (не считая клинической ординатуры и факультативных) до 1945 г. в СССР считалась нецелесообразной.

Куйбышевский медицинский институт (КГМИ) в послевоенный период готовил студентов на одном лечебно-профилактическом факультете. Специализация появилась в начале 1950-х гг. Во-первых, наряду с лечебно-профилактическим формировались военный и санитарно-профилактический факультеты, во-вторых, студенты, обучающиеся по введённому с 1944 г. учебному плану, стали проходить на шестом курсе субординатуру. Но обе тенденции оказались нестойкими. Собственно, задача данной статьи как раз состоит в анализе факторов, повлиявших на противоречивые организационные решения, связанные со специализацией высшего медицинского образования этого периода.

Этапы в развитии советского военно-медицинского образования напрямую связаны с особенностями внешнеполитической ситуации. Послевоенная демилитаризация социально-экономической и политической жизни в СССР оказалась недолговременной и незавершенной по причинам усиления напряженности в международных отношениях и начала холодной войны.

Военно-медицинский факультет в составе Куйбышевского медицинского института появился в 1951 г., в период обострения конфликта в Корее, а был закрыт в 1958 г., что, очевидно, было связано с проведением масштабных сокращений в армии. Изначально на факультет было набрано 200 человек (Савин, Стегунин 1994, с. 15–16), в 1954–1955 гг. там обучалось 400 курсантов (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 122. Л. 18; Д. 136).

В 1953 г. в составе института появился санитарно-профилактический факультет (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 168), но ни одного выпуска он не сделал, так как 1 сентября 1956 г. по распоряжению Минздрава СССР был ликвидирован, а обучавшиеся на нем студенты переведены на лечебно-профилактический факультет (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 143. Л. 64).

Столь скоротечные реорганизации, вероятно, коренились в противоречивых тенденциях развития профилактической советской медицины. В конце войны санитарно-гигиенические факультеты были в восьми медицинских институтах РСФСР, в Поволжье это был Казанский медицинский институт, ежегодно набиравший на данное направление по 200 студентов. В результате только набор 1944/1945 учебного года должен был к началу 50-х гг. увеличить в РСФСР число специалистов в области санитарно-профилактической медицины почти на 1525 человек (Ерегина 2010, с. 629–630).

Однако нужно учитывать, что сама санитарно-профилактическая и санитарно-противоэпидемиологическая служба подвергалась в это время посто-

янным и не всегда оправданным реорганизациям (Постановление... от 16 октября 1939 г.). В 1949 г. в СССР изменилась концепция гигиенической и санитарно-противоэпидемиологической работы, а вместе с этим и структура санитарных органов. Провозглашались приоритет государственного контроля в области охраны окружающей среды от загрязнения промышленными и хозяйственными выбросами, надзор за соблюдением санитарно-гигиенических норм при проектировании, строительстве и реконструкции новых объектов, гидротехнических сооружений, при разработке ГОСТов для изделий и продуктов питания, контроль над качеством отдельных групп препаратов, выпускаемых для нужд здравоохранения. По новому Положению деятельность санитарной инспекции и санитарно-эпидемиологической службы была разграничена. Всесоюзная (с 1953 г. – Главная) государственная санитарная инспекция при Министерстве здравоохранения СССР имела самостоятельный статус и заметное влияние, в том числе на крупных промышленных объектах и стройках через своих уполномоченных. Предполагалось, что Госсанинспекция будет осуществлять предупредительный надзор, а санитарно-эпидемиологическая служба – текущий (Постановление... от 21 ноября 1949 г.; Болдырев 1950, с. 14–16).

«Положение о санитарной противоэпидемической службе СССР» было введено Постановлением Совета Министров СССР № 199 от 23 января 1951 г. В связи с этим появились санитарные управления в министерствах здравоохранения СССР и РСФСР, а также должности главных санитарных врачей на уровне краев, областей, городов, районов, водных бассейнов, портов и т. п., на которые назначались руководители санитарно-эпидемических станций. В тех районах, где этих станций не было, предполагалась их срочная организация. Таким образом, с 1951 г. уже в санитарно-эпидемических станциях были сконцентрированы как государственный надзор в этой области, так и вся противоэпидемическая деятельность (Постановление... от 23 января 1951 г.), что, в свою очередь, требовало дополнительного числа квалифицированных специалистов соответствующего профиля.

Сформированная к 1951 г. система выглядит как отражение сложного и довольно противоречивого баланса двух господствующих в советской медицине взглядов на профилактику заболеваний. Сторонники первой позиции ориентировались на приоритетное изучение профессиональных заболеваний и коррекцию условий труда, а их оппоненты настаивали на необходимости исследований совокупного влияния среды, быта и других социально-экономических условий (Кувшинников, Мазур 1952, с. 9–10). Эти подходы были тесно связаны с ключевой дискуссионной проблемой советского здравоохранения, возникшей фактически с момента его становления, вопросом о территориальной или «индустриальной» организации системы охраны здоровья граждан. Территориальная

участковая система предполагала равное медицинское обслуживание всего населения по месту проживания, цеховой принцип – лечение по месту работы, с сохранением значительных преференций для рабочих крупных предприятий,строек и акцентом на санитарно-профилактической деятельности. На практике эти системы, как правило, сосуществовали, но в разные периоды развития советского государства преимущество отдавалось одной из них. В 1953 г. временно возобладала вторая линия [Бартон 2007, с. 557], к тому же Куйбышевская область в тот период была уже довольно крупным промышленным регионом, и спрос на врачей профилактического направления мог вырасти в связи со строительством в 1950–1957 гг. Куйбышевской ГЭС.

Представляется, что весьма серьезное в сравнении с предшествующим периодом внимание к вопросам контроля над соблюдением санитарно-гигиенических норм в послевоенный период (особенно с конца 40-х гг.) было связано не только с тем, что в это время начали появляться значительные возможности для развития профилактического направления в области здравоохранения, но также и с идейными тенденциями данной эпохи. Как известно, в это время в сфере ботаники, зоологии и сельскохозяйственных наук господствующим стало учение Т.Д. Лысенко [Музрукова, Чеснова 1994, с. 51–56], одной из основных идей которого было положение о почти неограниченных возможностях воздействия на живую природу посредством создания соответствующих внешних условий (Лысенко 1948, с. 616). Разумеется, в тех отраслях комплекса биологических наук, которые были связаны с человеческим организмом, мысли такого рода не могли получить столь рельефного выражения, однако в целом можно сказать, что эти же самые идеи были одной из основ физиологического учения И.П. Павлова, которое в этот период приобрело идеологическую окраску (Бородулин 1961, с. 196–197) и стало официальной государственной доктриной.

Однако работа медицинских структур санитарно-эпидемического надзора и профилактики в начале 50-х гг. постоянно критиковалась, отмечались недостаток кадров, особенно в сельской местности, и их низкая квалификация. Соответственно, для оптимизации работы и ликвидации параллелизма в 1955 г. структуры Главной государственной санитарной инспекции и санитарно-эпидемических органов были объединены. Но уже в 1956 г. решение проблемы стали искать в противоположной плоскости. Инспекция вновь была восстановлена, а в сельских районах проведена масштабная реорганизация органов здравоохранения. Районные отделы здравоохранения и санитарно-эпидемические станции упразднялись, руководящим и организационно-методическим центром всей лечебно-профилактической и санитарно-эпидемиологической работы становилась районная больница (Тремба 1956, с. 14). Таким образом,

санитарно-эпидемиологические структуры в районах потеряли свою независимость, особенно в контроле над осуществлением лечебной деятельности, но проблема расширения и укрепления их кадрового и материального потенциала перестала быть актуальной. Очевидно, именно с этим и связана ликвидация санитарно-профилактического факультета КГМИ.

Можно предположить также, что санитарно-профилактическое образование давало меньше возможностей выпускникам и было менее привлекательно в качестве социального лифта, чем лечебное. В довоенное и военное время санитарно-гигиенические факультеты не пользовались большой популярностью у абитуриентов и комплектовались с большим трудом (Ерегина 2010, с. 330). Эта тенденция могла сохраняться и в первой половине 50-х гг., тем более что высшее образование до 1956 г. для основной части студентов оставалось платным. Количество обучающихся на санитарно-профилактическом факультете КГМИ в первые два года его функционирования росло незначительно (в 1954 г. – 227 человек, в 1955 г. – 315) (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 122. Л. 18; ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 136).

Качество подготовки будущих медиков должно было обеспечиваться их постепенным переводом на шестилетний срок обучения. Согласно Постановлению СНК СССР от 1 декабря 1944 г. «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей», медицинские институты делились на 4 группы, для каждой группы устанавливались сроки перехода на новый учебный план, типовые штаты профессорско-преподавательского состава и плановые показатели по набору студентов. КГМИ относился ко 2-й группе, вузы этой категории переводились на шестилетний срок обучения с 1946 г. с постоянным контингентом набора на первый курс 450 студентов (Постановление... от 1 декабря 1944 г.).

В Куйбышевском медицинском институте к концу 1945 г. уже обучалось 2117 студентов (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 13), к концу 1950 г. их было 1718 (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 85), в 1954 г. – 2654 (2027 на лечебном факультете, 227 – на санитарно-гигиеническом, 400 – на военно-медицинском) (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 122. Л. 18), в 1955 г. – 2895 (2235 на лечебном факультете, 315 – на санитарно-гигиеническом, 400 – на военно-медицинском) (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 136).

Студентов, поступивших в КГМИ в 1946 г., предполагалось обучать на шестом курсе как субординаторов. До этого советские медицинские вузы никогда не выпускали узких специалистов, только врачей общего профиля. Следующий этап специализации врач мог пройти в системе здравоохранения на базе крупных больниц. Сторонники этой позиции ссылались на прежний опыт, потребности здравоохранения, особенно сельского, в комплектовании низового звена участковыми врачами и тем, что у студентов нет достаточного опыта и знаний для выбора более узкой специаль-

ности (Петров. О задачах 1950, с. 6; Хомутов 1957, с. 6–7).

К тому же тем, кто отстаивал право студентов шестого курса на специализацию, приходилось преодолевать устоявшееся в советской традиции недоверие к узким специалистам-технократам, доказывая, что новая программа обучения не ограничит теоретическую и идейную подготовку врачей, напротив, на шестом курсе она может продолжаться в рамках самостоятельной работы студентов или факультативных лекций (Гукасян 1951, с. 6), указывая на то, что саму специализацию шестого курса следует рассматривать очень условно и речь идет скорее о первичном профилировании врача-субординатора (Петров. Шестой год 1951, с. 11).

Сторонники специализации отмечали также, что она является первейшим и важнейшим условием повышения качества медицинской помощи, обращали внимание на нетерпимость такого положения, при котором «медицинские институты с их сотнями клиник и тысячами высококвалифицированных специалистов» отстранены от этой задачи. Б.Д. Петров приводил в качестве аргумента и стремление молодежи к специализации в стенах института, опираясь на двухлетние опросы студентов I Московского медицинского института (Петров. О задачах 1950, с. 6).

С переходом на шестилетнее обучение появились возможности не только для специализации студентов, но и для увеличения часов на медицинскую практику, в связи с чем субординаторская практика вводилась уже при переходе с четвертого курса на пятый, а затем при переходе на шестой курс. За каждым институтом закреплялись области для ее прохождения, чтобы студенты имели возможность «испробовать свои силы, получить “вкус к работе” на периферии» (Гецов 1947, с. 21). Студенты КГМИ в основном проходили практику в Куйбышевской и Ульяновской областях (Стегунин 1959, с. 413).

На организацию практической подготовки студентов значительное влияние оказала реформа 1948 г., проведенная министром здравоохранения Е.И. Смирновым. Уже в мае 1947 г. на собрании работников здравоохранения резкой критике подверглась деятельность врачей амбулаторий и поликлиник. В первую очередь отмечались частые, до 77,6 %, ошибки в первичной диагностике заболеваний, отсутствие связи между поликлиниками и больницами, преемственности в лечении больных (Виноградов 1955, с. 11–12). В качестве одной из основных причин такого положения вещей называлась невозможность постоянного профессионального совершенствования специалиста-медика вне стационара, где врач всегда находится у постели больного. Организационная разобщенность учреждений здравоохранения была признана серьезным недостатком, в связи с чем началось объединение больниц и поликлиник, а также больниц с медико-санитарными частями на промышленных предприятиях и родильных домов с женскими

консультациями. В объединенном медицинском учреждении назначался один руководитель, а все врачи-практики сочетали работу в стационаре с поликлиническим обслуживанием населения. Городской врачебный участок охватывал около 4000 человек, типовой цеховой участок – около 1500 рабочих (Виноградов 1955, с. 15). В 1949 г. 92 % больниц в городах уже были объединены с амбулаториями и поликлиниками (Виноградов 1955, с. 16).

Вторым блоком программы Е.И. Смирнова стали укрепление стационаров в сельских районах и комплектование их узкими специалистами различного профиля. Идея универсализации медицинского обслуживания через интеграцию поликлиник и больниц и первые попытки комплексного развития сельской медицины относились еще к 1938 г. Последние, очевидно, были связаны с завершением массовой коллективизации. Поскольку число сельских жителей в СССР до начала 1960-х гг. превышало численность городского населения [Иванова 2011, с. 138], отсутствие в районах медицинских специалистов приводило к тому, что городские больницы «на 50 процентов занимали больные из деревень и сел» (Митерев 1975, с. 10). Г.А. Митерев, назначенный в 1939 г. наркомом здравоохранения РСФСР, а затем – СССР, пишет об открытии в 1938 г. новых фельдшерских пунктов, направлении на село выпускников медицинских вузов и врачей-специалистов из городов, выделения Куйбышевским крайздравотделом автомашин для сельских больниц и т. п. При этом в 30-е гг. Наркомздрав пытался привлекать к строительству новых врачебных пунктов, поликлиник, домов для медицинского персонала средства колхозов и совхозов (Митерев 1975, с. 7, 9, 10).

Как отмечается в статье К. Бартона, «выбранный способ повышения компетентности докторов из поликлиник путем вмешательства больничных специалистов был весьма знаменателен. Программа Смирнова полностью соответствовала международной тенденции на усиление специализации в области медицины и на доминирование специалистов над врачами общей практики...» [Бартон 2007, с. 544].

В 1948 г. была опубликована специальная инструкция о работе профессорско-преподавательского состава медицинских институтов и институтов усовершенствования врачей в поликлинических учреждениях. Однако, как отмечал Н.А. Виноградов, отдельные директора медицинских институтов и некоторые заведующие клиническими кафедрами недооценили значения реформы и самоустранились от ее осуществления (Виноградов 1955, с. 13).

Консультативная деятельность вузовских преподавателей практиковалась и ранее. Как отмечал Г.А. Митерев, «вопрос о консультантах являлся частью все той же проблемы кадров и имел исключительное значение. Нехватка на местах специалистов в некоторой мере восполнялась в больницах квалифицированными консультантами – сотруд-

никами клиник и различных институтов. Они служили проводниками новейших достижений медицины в практику больниц, санаториев, поликлиник. Особенно важной система консультантов представлялась для сельских лечебных учреждений» (Митерев 1975, с. 45).

Реформа 1948 г. предполагала регулярную работу преподавателей высшей школы и научно-исследовательских институтов не только в городских, но и в сельских учреждениях здравоохранения. В КГМИ постоянная помощь оказывалась с 1953 г. Сергиевскому и Большеглушицкому районам, куда выезжали бригады под руководством профессоров Н.Е. Кавецкого и А.А. Павлова (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 107. Л. 127). Большое внимание уделялось медицинскому обслуживанию работников, участвовавших в строительстве Куйбышевской ГЭС (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 107. Л. 124–126). Для оказания консультативной помощи институт регулярно два раза в месяц посылал бригады, состоящие из известных специалистов – терапевтов, хирургов, гинекологов, педиатров. Только за 1954 г. в район строительства ГЭС сотрудниками института было произведено 138 выездов, во время которых в числе прочего проводились сложные операции. В Клиниках института были выделены специальные койки для рабочих Куйбышевской ГЭС (Глинский 1955, с. 13–14). Помимо краткосрочных выездов были и длительные – пять ординаторов работали в районе строительства в течение нескольких месяцев (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 143. Л. 114).

Инструкция 1948 г. также обращала особое внимание на усиление поликлинического преподавания, для чего каждый медицинский институт должен был получить по одной поликлинике в качестве базы практического обучения студентов (Очерки истории... 1958, с. 117). Ставилась задача достижения тесной связи поликлиники с клиникой и в практических занятиях, и в производственной практике [Харина, Харинин 2015]. В связи со специализацией студенты шестого курса должны были выполнять обязанности субординаторов в клиниках и поликлиниках, для чего им предоставлялось определенное рабочее место (Очерки истории... 1958, с. 118). Профессора КГМИ в связи с реализацией положений реформы с 1948 г. организовали центры по борьбе с гипертонической болезнью в поликлинике № 5 и медсанчасти завода им. Масленникова (Савин, Стегунин 1994, с. 18).

С середины 1950-х гг. вновь возобладала тенденция к универсализации высшего медицинского образования. Новый учебный план, принятый в апреле 1955 г., предполагал отмену специализации на шестом курсе и углубленное изучение терапии с инфекционными болезнями, хирургии, акушерства и гинекологии, что позволяло выпускать более подготовленных врачей широкого профиля (Стегунин 1959, с. 380). Весьма скептически о периоде подготовки в вузах «так называемых специалистов» отзывался заместитель министра здра-

воохранения СССР М.В. Хомутов, указывая на то, что «соответствующая справка, выданная институтом, нередко давала выпускнику повод считать себя узким специалистом и отказываться от работы на селе» (Хомутов 1957, с. 6–7). Действительно, сложившаяся с 1948 г. практика распределения выпускников была полностью ориентирована на потребности местных органов здравоохранения и в целом противоречила идее специализации. Молодые врачи направлялись не на определенную должность, а в распоряжение руководителя соответствующего здравотдела. Последний, учитывая потребности региона, определял, где именно и каким образом будет использован выпускник. В сельские участки молодые специалисты должны были направляться только после стажировки в районных и крупных сельских больницах, где были другие опытные врачи (Виноградов 1955, с. 42–43).

С 1955 г. подготовка узких специалистов сохранялась только в клинической ординатуре, институтах усовершенствования и на курсах усовершенствования при медицинских институтах. В вузах работа по специализации сотрудников практического здравоохранения началась еще в 1947 г. по распоряжению Совета Министров СССР № 12002-р от 28 августа «О подготовке врачей-специалистов для сельских районных больниц». В Клиниках Куйбышевского института первая группа из двадцати девяти врачей, в том числе четырнадцати хирургов, прошла, по свидетельству А.М. Аминова, специализацию в октябре 1947 г. (Аминов 1948, с. 43–44). В клиниках к тому времени уже существовали уникальные специализированные отделения. В 1945 г. было открыто первое в стране проктологическое отделение, в 1947 г. – ортопедическое, позднее, в 1949 г., – стоматологическое, в 1955 г. – торакальное (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 133. Д. 1. Л. 95).

В 1954 г. при КГМИ в порядке помощи горздравотделу были организованы четырехмесячные курсы повышения квалификации врачей города по таким специальностям, как терапия, акушерство и гинекология, педиатрия, психиатрия. Всего в течение первого года работы курсов на них повысили квалификацию девятнадцать городских врачей (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 122. Д. 143. Л. 112). Кафедра кожно-венерических болезней ежегодно организовывала трехмесячное повышение квалификации дерматовенерологов (Стегунин 1959, с. 450).

Заключение

Одной из важнейших осей развития советского высшего медицинского образования на протяжении всей истории его развития была борьба между двумя тенденциями – универсализмом и идеями о необходимости специализации. Эта проблема была тесно связана с дискуссией, касавшейся структурных основ советского здравоохранения, – со спором между сторонниками индустриальной и

территориальной систем организации лечебной и профилактической деятельности.

Сторонники индустриальной системы, для которых в центре внимания стоял промышленный пролетариат и в какой-то мере городская среда в целом, естественным образом тяготели к идее специализации врачей, поскольку в тех условиях, которые они имели в виду, существовали довольно широкие возможности для создания крупных лечебных центров, в которых работало бы большое количество врачей разного профиля. С другой стороны, территориальная система организации здравоохранения, представлявшая собой дальнейшее развитие традиций земской медицины, требовала, особенно если дело касалось сельской местности, врачей максимально широкого профиля. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что проводившиеся в области здравоохранения преобразования, шедшие в русле идей об индустриально-цеховой организации медицины, соответствующим образом влияли на перемены в сфере высшего медицинского образования и соображения сторонников специализации в той или иной мере воплощались в жизнь. И наоборот – в те периоды, когда в государственной политике доминировала тенденция к территориальной организации лечебной и профилактической деятельности, медицинское образование чаще всего характеризовалось господством идей универсализма в области подготовки врачей. На рубеже 20-х и 30-х гг. явное преобладание получили сторонники индустриальной системы организации здравоохранения (БСЭ 1933, с. 518) и, соответственно, узкой специализации в области высшего медицинского образования. Так, в созданном в 1930 г. Самарском медицинском институте первоначально предполагалось обучение по девяти специальностям (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 1–11), а фактически уже в 1931 г. велось обучение по трем (ЦГАСО. Ф. Р-1230. Оп. 7. Д. 15. Л. 21–25; 106–115).

При этом необходимо иметь в виду, что борьба между тенденциями к специализации и к универсализму была тесно связана с рядом других факторов, в частности с динамикой развития здравоохранения. С одной стороны, накопление знаний и все более усложняющееся разветвление медицинской науки чем дальше, тем более порождали необходимость специализированной подготовки врачей, а с другой – кадровые, материальные и другие трудности, напротив, способствовали тому, что некоторые особенности дореволюционного здравоохранения, в том числе универсализм в области медицинского образования, продолжали сохранять силу.

Во второй половине 40-х и первой половине 50-х гг. идеи сторонников специализации вновь стали преобладающими и стали воплощаться в жизнь, что приняло главным образом две формы – во-первых, начали открываться новые факультеты (в КГМИ это были военно-медицинский и санитарно-профилактический), во-вторых, на лечебно-

профилактических факультетах вводилась субординатура, на прохождение которой отводился шестой год обучения.

Что касается второго аспекта, он был тесно связан с реформой здравоохранения 1948 г. Кроме того, более широкое внедрение специализации диктовалось самой логикой развития медицинской науки и практики, поскольку середина XX в. ознаменовалась выделением из клиники внутренних болезней и общей хирургии многочисленных самостоятельных направлений, в связи с чем общемировой тенденцией в здравоохранении стало доминирование авторитета специалистов над врачами общей практики. Но в традициях советской медицины профессиональная специализация осуществлялась исключительно «у постели больного», на базе крупных больниц. К узким специалистам-технократам относились с подозрением, поэтому предполагалось, что до специализации будущий советский врач должен получить в институте широкую теоретическую, клиническую, идейную подготовку и несколько лет проработать в практическом здравоохранении, и даже зачисление выпускников в ординатуру сразу после окончания вуза вызывало серьезную критику. Сторонники универсального базового медицинского образования опирались также на сформировавшееся представление о необходимости изучения организма как единой, целостной, открытой системы и догматическое восприятие «павловской физиологии». Нельзя сбрасывать со счетов и постоянную потребность низового звена здравоохранения в участковых врачах. Все это привело к тому, что в 1955 г. специализация студентов была отменена и вузы вернулись к подготовке врачей общей практики.

Еще одним важным фактором была международная обстановка, тормозившая начавшуюся в

послевоенный период демилитаризацию медицинского образования. В частности, в КГМИ в 1951–1958 гг. функционировал военно-медицинский факультет.

Наконец, в профилактической медицине смена курса наблюдалась в ходе реформ 1949–1951 гг. и 1955–1956 гг. При этом важно, на наш взгляд, обратить внимание на то, что в 1949 г. была законодательно закреплена идея развития государственного контроля в области охраны окружающей среды от загрязнения промышленными и хозяйственными выбросами, надзора над соблюдением санитарно-гигиенических норм при проектировании, строительстве, реконструкции новых объектов и т. п., чего не было в Положении о Всесоюзной государственной санитарной инспекции 1935 г. Реализацию этой концепции можно увидеть в организации работ по строительству Куйбышевской ГЭС. Однако краткосрочная тенденция, связанная с попыткой внедрения контроля над соблюдением экологических стандартов, не получила дальнейшего серьезного развития, поскольку явно противоречила господствующей мобилизационной командно-иерархической экономической модели.

В 1951 г. создавалась сеть санитарно-эпидемиологических станций и вводились должности санитарных врачей на всех административных уровнях, включая сельские районы. Однако новая реорганизация 1955–1956 гг. привела в итоге к ликвидации самостоятельности санитарно-эпидемиологических структур и переподчинению их руководителям районных больниц.

Перемены в развитии профилактического здравоохранения нашли отражение и в системе медицинского образования, в частности, в истории КГМИ это был кратковременный период (1953–1956 гг.) существования санитарно-профилактического факультета.

Материалы исследования

Аминев 1948 – *Аминев А.М.* Первый опыт специализации врачей на местах // Советское здравоохранение. № 3. 1948. С. 43–44.

Болдырев 1950 – *Болдырев Т.Е.* Новый этап советского здравоохранения в области гигиенической и санитарно-противоэпидемиологической работы // Советское здравоохранение. 1950. № 1. С. 13–19.

БСЭ 1933 – *Большая советская энциклопедия.* Т. 26. Москва: Советская энциклопедия, 1933. 816 с.

Бородулин 1961 – *Бородулин Ф.Р.* История медицины. Избранные лекции. Москва: Медгиз, 1961. 253 с.

Виноградов 1955 – *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в послевоенный период. Москва: Медгиз, 1955. 68 с.

Гецов 1947 – *Гецов Г.Б.* О работе медицинских институтов в прикрепленных областях // Советское здравоохранение. № 1. 1947. С. 21–24.

Глинский 1955 – *Глинский А.М.* Опыт творческого сотрудничества ученых и практических врачей на Куйбышевской ГЭС // Советское здравоохранение. 1955. № 5. С. 14–18.

Гукасян 1951 – *Гукасян А.Г.* Преподавание на VI курсе медицинских институтов // Советское здравоохранение. № 6. 1951. С. 3–9.

Ерегина 2010 – *Ерегина Н.Т.* Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2010. 650 с.

Кувшинников, Мазур 1952 – *Кувшинников П.А., Мазур М.М.* Угроза повторения ошибок // Советское здравоохранение. № 3. 1952. С. 9–14.

Лысенко 1948 – *Лысенко Т.Д.* Агробиология. Москва: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1948. 683. с.

Митирев 1975 – *Митирев Г.А.* В дни мира и войны. Москва: Медицина, 1975. 256 с.

Очерки истории... 1958 – *Очерки истории профилактического направления советской медицины* / В.Ф. Давыдова, Х.И. Идельчик, Л.О. Каневский [и др.]; под ред. Б.Д. Петрова. Москва: Медгиз, 1958. 195 с.

Петров. О задачах... 1950 – *Петров Б.Д.* О задачах высшей медицинской школы // Советское здравоохранение. 1950. № 3. С. 3–10.

Петров. Шестой год... 1951 – *Петров Б.Д.* Шестой год обучения в медицинских институтах // Советское здравоохранение. № 6. 1951. С. 10–15.

Постановление... от 21 ноября 1949 г. – *Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1949 г. № 5272 «О Всесоюзной государственной санитарной инспекции и органах санитарно-противоэпидемической службы»* // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=36135&req=doc#P0IDGrS07mjoiyGyK> (дата обращения: 27.11.2021).

Постановление... от 23 января 1951 г. – *Постановление Совета Министров СССР № 199 от 23 января 1951 г. «О санитарно-противоэпидемической службе СССР»* и «Положение о санитарно-противоэпидемической службе СССР» // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=25308&req=doc#ZkIqLrSJWJctfG1Q> (дата обращения: 27.11.2021).

Постановление... от 16 октября 1939 г. – *Постановление СНК СССР от 16 октября 1939 г. № 1717 «О консультантах медицинских учреждений»* // СПС «Гарант»: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70316936> (дата обращения: 20.08.2021).

Постановление... от 1 декабря 1944 г. – *Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. № 1642 «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей»* // Документы советской эпохи: [сайт]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/411556/images> (дата обращения: 10.11.2021).

Савин, Стегунин 1994 – *Савин А.М., Стегунин С.И.* Самарский государственный медицинский университет. Страницы истории // Самарскому государственному медицинскому университету – 75. Его научно-педагогические и административные школы. История, поиск, интеллект / под ред. А.Ф. Краснова. Самара: СамГМУ, 1994. С. 10–33.

Стегунин 1959 – *Стегунин С.И.* История Куйбышевского медицинского института в связи с развитием высшего медицинского образования в СССР: дис. ... канд. мед. наук. Куйбышев: КГМИ, 1959. 564 с.

Тремба 1956 – *Тремба О.Л.* Новая структура сельского здравоохранения // Советское здравоохранение. 1956. № 6. С. 14–17.

Харина 2012 – *Харина Л.В.* Восстановление и развитие высших учебных заведений Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2012. 290 с.

Хомутов 1957 – *Хомутов М.В.* О мерах повышения квалификации и расстановки кадров // Советское здравоохранение. 1957. № 1. С. 4–9.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Библиографический список

Бараш 2017 – *Бараш Р.Э.* О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 4. С. 124–151. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5523>.

Бартон 2007 – *Бартон К.* Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 годы // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558. URL: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180200/Barton_Zdravohranenie_v_period_pozdnego_stalinizma.pdf.

Иванова 2011 – *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). Москва: Институт российской истории РАН, 2011. 284 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/GalinaMihaylovaIvanova_Naporoge<<gosudarstvavseobshchegoblagosos toyaniya>>_RuLit_Me_440407.pdf.

Майофис 2015 – *Майофис М.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 35–106. URL: <https://document.wikireading.ru/54941>.

Музрукова, Чеснова 1994 – *Музрукова Е.Б., Чеснова Л.В.* Советская биология в 30–40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессивная наука. Вып. II / под ред. М.Г. Ярошевского. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 45–56. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/os2/45-56.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21666996&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgdprz>.

Сожаление россиян... – *Сожаление россиян об утрате СССР усилилось: «На первый план выходит тяга к социальному государству»* // НАКАНУНЕРУ: [сайт]. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/01/17/22530216> (дата обращения: 12.08.2021).

Столяров, Заводюк, Занин 2019 – *Столяров О.Д., Заводюк С.Ю., Занин С.В.* История Самарского государственного медицинского университета. Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2019. 337 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40951682>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dntiat>.

Харинина, Харинин 2015 – *Харинина Л.В., Харинин А.И.* Социальные льготы при поступлении и обучении в вузах в 1945–1953 гг. (на примере Нижневолжского региона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. Т. 20, № 2. С. 89–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.9>.

References

Barash 2017 – *Barash R.E.* (2017) Some of the reasons for «Soviet» nostalgia and historical memory of Russians about the Soviet period. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 124–151. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5523>. (In Russ.)

Barton 2007 – *Barton K.* (2007) Healthcare in the period of late Stalinism and the spirit of the post-war welfare state, 1945–1953. *The Journal of Social Policy Studies*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 541–558. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180200/Barton._Zdravohranenie_v_period_pozdnego_stalinizma.pdf. (In Russ.)

Ivanova 2011 – *Ivanova G.M.* (2011) On the threshold of the «welfare state». Social policy in the USSR (mid-1950-ies – early 1970-ies). Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2011, 284 p. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/GalinaMihaylovnaIvanova_Naporoze<<gosudarstvavseobshchegoblagosostoyaniya>>_RuLit_Me_440407.pdf. (In Russ.)

Mayofis 2015 – *Mayofis M.* (2015) Harbingers of the «thaw» in the Soviet school policy of the late Stalin period. In: *Islands of Utopia: Pedagogical and social design of the post-war school (1940-ies–1980-ies)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, pp. 35–106. Available at: <https://document.wikireading.ru/54941>. (In Russ.)

Muzrukova, Chesnova 1994 – *Muzrukova E.B., Chesnova L.V.* (1994) Soviet biology in the 30-ies–40-ies: crisis in a totalitarian system. In: *Yaroshevsky M.A. (Ed.) Repressive science. Issue II*. Saint Petersburg: Nauka, pp. 45–56. Available at: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/os2/45-56.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21666996&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sgdprz>. (In Russ.)

Regret of Russians... – *Regret of Russians about the loss of the USSR has intensified: «The craving for a social state comes to the fore»*. Retrieved from the website *НАКАНУНЕРУ*. Available at: <https://www.nakanune.ru/news/2019/01/17/22530216> (accessed 12.08.2021). (In Russ.)

Stolyarov, Zavodyuk, Zanin 2019 – *Stolyarov O.D., Zavodyuk S.Yu., Zanin S.V.* (2019) History of Samara State Medical University. Samara: АНО «Izdatel'stvo SNTs», 337 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40951682>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dntiat>. (In Russ.)

Kharinina, Kharinin 2015 – *Kharinina L.V., Kharinin A.I.* (2015) Social benefits during entrance and education in higher education institutions in 1945–1953 (on the example of the Lower Volga region). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 20, no. 2, pp. 89–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.9>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47)

Дата поступления: 17.03.2022
рецензирования: 23.04.2022
принятия: 28.05.2022

Составы областных советов регионов Среднего Поволжья (1947–1953)

А.Г. Горбунов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: art89084870505@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5369-3507>

Аннотация: В статье при помощи просопографического метода анализируются составы Куйбышевского и Ульяновского областных советов депутатов трудящихся послевоенного периода II–IV созывов. Анализ составов областных советов был проведен по шести признакам (возрастной, образовательный, партийный, половой, национальный, а также признак, различающий депутатов областных советов по социальному положению). Автором была предпринята попытка проследить динамику повышения образовательного уровня депутатов областных советов II–IV созывов. На примере Ульяновского областного совета было установлено постепенное сокращение депутатов русской национальности в составе областного совета, но данная категория депутатов по-прежнему сохраняла свое подавляющее присутствие в этом органе власти. В ходе исследования было установлено количество женщин-депутатов в процентном исчислении в составах областных советов. Показано количество беспартийных депутатов, рассчитана их доля в процентном исчислении от общего числа депутатов. Следует отметить тот факт, что количество беспартийных депутатов, а также женщин-депутатов в областных советах депутатов трудящихся контролировалось партийными комитетами на местах. При исследовании областных советов была обнаружена тенденция к увеличению количества служащих среди депутатов областных советов, в то же время наблюдается сокращение количества депутатов, являющихся по своему социальному положению рабочими и крестьянами. В статье исследовался также возрастной состав областных советов, в результате была определена самая представительная группа депутатов. Определено количество депутатов, имеющих почетные звания, знаки отличия и награды советского государства. Основываясь на отчетах мандатных комиссий и проведенного нами анализа, был составлен коллективный портрет депутатов областных советов регионов Среднего Поволжья в первых трех послевоенных созывах.

Ключевые слова: СССР; поздний сталинизм; Среднее Поволжье; местные советы; органы власти; просопография; состав советов.

Цитирование. Горбунов А.Г. Составы областных советов регионов Среднего Поволжья (1947–1953) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 54–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-54-59>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Горбунов А.Г., 2022

Артем Геннадьевич Горбунов – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.03.2022
Revised: 23.04.2022
Accepted: 28.05.2022

Composition of the regional Councils of the Middle Volga regions (1947–1953)

A.G. Gorbunov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: art89084870505@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5369-3507>

Abstract: The article analyzes the compositions of the Kuibyshev and Ulyanovsk regional Councils of Workers' Deputies of the post-war period of the II–IV convocations using the prosopographic method. The analysis of the composition of regional Councils was carried out on six grounds (age, educational, party, gender, national and a sign distinguishing deputies of regional councils by social status). The article attempts to show the dynamics of improving the educational level of deputies of regional councils of the II–IV convocations. On the example of the Ulyanovsk Regional Council, a gradual reduction of deputies of Russian nationality in the composition of the regional Council was established, but this category of deputies still maintained its overwhelming presence in this authority. In the course of the study, the number of women deputies in percentage terms in the composition of regional Councils was established. The number of non-party deputies is shown and their percentage of the total number of deputies is calculated. It should be noted that the number of non-party deputies, as well as women deputies in the regional Councils of Workers' Deputies was controlled by local party committees. The study of regional Councils revealed a tendency to increase the number of employees among the deputies of regional Councils, and at the same time there is a decrease in the number of deputies who are workers and

peasants by their social status. The article attempts to study the age composition of regional councils and as a result of the study the most representative group of deputies was determined. The article defines the number of deputies who have honorary titles, insignia and awards of the Soviet state. Based on the reports of the mandate commission and our analysis, a collective portrait of the deputies of the regional Councils of the Middle Volga regions in the first three post-war convocations was compiled.

Key words: USSR; late Stalinism; Middle Volga region; local Councils; authorities; prosopography; composition of Councils.

Citation. Gorbunov A.G. Composition of the regional Councils of the Middle Volga regions (1947–1953). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 54–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-54-59>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gorbunov A.G., 2022

Artyom G. Gorbunov – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Согласно Основному закону РСФСР 1937 г., на местные советы возлагалось решение множества задач. Эти советы «руководили культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливали местный бюджет, руководили деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивали охрану государственного порядка, содействовали усилению обороноспособности страны, обеспечивали соблюдение законов и охрану прав» (Конституции и конституционные акты 1940, с. 274). В послевоенный период (1945–1953 гг.) возложенные на местные органы власти решения вышеуказанных проблем осложнялось послевоенной разрухой в стране, а также нуждой – на начальном этапе – в переводе советской промышленности в мирное русло. В связи с этим возникает вопрос, из кого в этот период был сформирован депутатский корпус местных советов, которые являлись самыми представительными органами власти? Насколько опытными были представители депутатского корпуса местных советов? На кого были возложены столь сложные задачи восстановления народного хозяйства? В этом исследовании нами была совершена попытка отчасти ответить на эти вопросы.

На современном этапе историографии тема местных советов подвергается не столь интенсивному изучению, чем прежде. Можно отметить ряд диссертационных исследований посвященных местным советам различных регионов РСФСР. В 2003 г. была защищена исследователем С.О. Гавриловым докторская диссертация, посвященная теме местных советов. Рассматривая итоги выборов в местные советы I созыва (1939 г.), автор отмечает, что в советы пришли новые люди, многие из которых были фактически не подготовлены к исполнению депутатских обязанностей (Гаврилов 2003, с. 22). Также можно выделить диссертационные исследования, основанные на материалах Среднего Поволжья (Морозкина 2004; Филимонова 1992). В указанных работах авторы уделяли внимание деятельности советов в области здравоохранения, изучали вопросы развития местными органами власти региональной промышленности и улучшения социально-бытовых условий поволжских рабочих. А.И. Назарова в своем диссертаци-

онном исследовании изучает вопрос формирования городских советов Чувашской АССР позднесталинского и хрущевского периодов. В частности, исследователь Назарова утверждает, что начиная с 1950 г. сменяемость в горсоветах Чувашской АССР была не такой заметной, что позволило соблюдать преемственность в работе, передавая опыт и знания одного созыва депутатов другому (Назарова 2005, с. 19). На современном этапе историографии анализ составов местных советов проводился в исследованиях Л.Н. Метелкиной и Г.В. Удавихина [Метелкина 2019; Удавихин 2014]. В ходе исследований были выявлены коллективные портреты депутатов местных советов Иркутского и Пермского регионов. Правовую основу, регулирующую местные советы в послевоенный период, изучают целый ряд исследователей [Местные Советы... 2016; Палазян 2012; Палазян, Дудников 2012; Попов, Упоров, Штруба 2015; Упоров 2017]. Исследуя данную проблему, авторы утверждают, что в основном законодательная база деятельности местных советов депутатов трудящихся в РСФСР, будучи сформированной в предвоенное время, в послевоенный период в целом не претерпела существенных изменений [Местные Советы... 2016, с. 22–23].

В ходе исследования нами был использован просопографический метод, который позволил из разрозненных биографических данных депутатов областных советов, находящихся в отчетах мандатных комиссий, составить более четкое представление об изменениях, происходивших в депутатском корпусе областных советов первых трех послевоенных созывов (II–IV созывы). Впоследствии по результатам проведенного анализа нам удалось составить коллективный портрет депутатов областных советов регионов Среднего Поволжья.

Анализ состава областных советов депутатов трудящихся

Всего в послевоенный период прошли три выборные кампании (1947, 1950, 1953). Окончание выборной кампании в послевоенной РСФСР означало скорое проведение I сессии областного совета. Важным для местных органов власти данное мероприятия делает тот факт, что в рамках

I сессии избиралась мандатная комиссия, которая проверяла и рассматривала все материалы, которые ей предоставлялись областной избирательной комиссией: протоколы регистрации кандидатов в депутаты и протоколы голосования окружных избирательных комиссий. При оценке завершившихся выборов мандатная комиссия подтверждала, что в каждом избирательном округе региона выборы прошли согласно нормам Основного закона РСФСР и Положению о выборах, которое во многом повторяло статьи Конституции. Следующим важным вопросом, рассмотренным на сессии, был вопрос формирования исполнительного комитета и избрание постоянных комиссий при нем.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу составов областных советов II–IV созывов, нужно уточнить количество избираемых депутатов. Нами было установлено, что состав куйбышевского областного Совета имел тенденцию расширяться на всем протяжении рассматриваемого нами послевоенного периода, тогда как Ульяновский областной совет был в этом плане более консервативен и сохранял свой депутатский корпус в количестве 101 депутата на протяжении первых трех послевоенных созывов. Состав Куйбышевского областного совета после выборов 1947 г. составлял 152 депутата, после выборов следующего созыва областной совет расширился до 160 депутатов и в 1953 г. вновь увеличился до 172 депутатов.

При анализе состава областных советов по национальному признаку было обнаружено, что в Ульяновском совете подавляющее большинство занимали депутаты русской национальности. Отчеты мандатной комиссии и отдела кадров облизполкома показывают следующий результат: русские – 93 депутата (92,08 %), по 2 представителя от татар, украинцев, а также 1 белорус, 1 армянин, 1 мордвин и 1 чуваш (ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 272. Л. 1–10; Ульяновская правда. 1948. 9 января). Аналогичные цифры обнаруживаются и в составе Ульяновского областного совета III созыва, где русскими по национальности были 87 депутатов (86,14 %), 5 депутатов татарской национальности (4,95 %), по 3 представителя от украинцев и чувашей, 2 депутата мордвина и 1 белорус (Ульяновская правда. 1951. 7 января). В национальный состав областного совета, избранного в 1953 г., входили депутаты 5 национальностей. Как и в предыдущих созывах областного совета, большую часть избранных депутатов составляли депутаты русской национальности: 88 (81,13 %), по 4 представителя татарской и украинской национальности (по 3,96 %), 3 представителя мордовской национальности и 2 депутата чувашской (Ульяновская правда. 1953. 4 марта). Данные по национальному составу Куйбышевского областного совета II–IV созывов не обнаружены. Всего в составе Куйбышевского областного совета было представлено 8 национальностей, проживающих на территории данного региона (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1597. Л. 100).

При анализе возрастного состава Ульяновского областного совета II созыва нами было выяснено, что самая большая возрастная группа депутатов была в возрасте от 35 до 44 лет, в ней находилось 55 чел. (54,46 %). Самая малая возрастная группа от 21 до 24 лет насчитывала всего 5 чел. (4,95 %). Похожие показатели можно обнаружить в Куйбышевском областном совете II созыва: здесь представительство депутатов в возрасте от 35 до 44 лет было 50,66 % от общего числа. Особенностью данного состава является и тот факт, что в нем были представлены депутаты в возрастной группе младше 20 лет в количестве 2 чел. (1,98 %). Представительство столь юных депутатов было уникальным случаем для составов Куйбышевского и Ульяновского областных советов II–IV созывов (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1597. Л. 101). Самая представительная возрастная группа в последующих созывах остается прежней, но становится заметным некоторое уменьшение доли депутатов данного возраста в областных советах IV созыва. Так, в Куйбышевском и Ульяновском областных советах III созыва депутатов данной возрастной категории было 49,38 и 49,5 % соответственно, а для IV созыва характерны следующие показатели: Куйбышевский совет – 38,95 %, Ульяновский – 38,61 %.

Одним из критериев, учитываемых при подборе кандидатов в депутаты местных советов, было наличие партийного билета. Норма общего количества беспартийных в составах местных советов была в пределах 30–40 % (ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 10. Д. 244. Л. 34–35). Зачастую в случае областных советов Среднего Поволжья этот показатель несколько снижался. По Ульяновскому областному совету данные выглядят следующим образом: во II созыве было 26 чел. беспартийных (25,74 %), 32 депутата (31,68 %) были беспартийными в III созыве, и в IV созыве их процентный показатель вновь падает до 25 (24,75 %). Если кратко проанализировать данные по Куйбышевскому областному совету, то количество беспартийных, находящихся в его составах, варьируется от 26 до 30 % (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1597. Л. 97–104; ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1900. Л. 88–96; ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 2190г. Л. 107–115).

В изучаемых нами составах советов послевоенного периода была обнаружена закономерность в виде повышения образовательного уровня депутатов областных советов. Указанная нами закономерность проявилась в том, что количество депутатов с высшим образованием как в Куйбышевском, так и в Ульяновском областных советах на временном промежутке от 1947 до 1953 г. (период от II созыва к IV созыву) увеличилось примерно на 7 %. Куйбышевский областной совет II созыва имел в своем составе 31,58 % депутатов с высшим образованием, а в IV созыве данный показатель поднялся до 38,95 % от общего числа. Похожее явление можно обнаружить и в Ульяновском областном совете, где в 1947 г. депутатов с высшим образованием было 32,67 против 39,61 %

депутатов в составе IV созыва. Параллельно с вышеуказанным произошло и увеличение количества депутатов, имеющих среднее образование, как в Куйбышевском, так в Ульяновском областном совете – на 10,5 и 2 % соответственно.

В местных советах женщины-депутаты присутствовали наряду с мужчинами, но их количество уступало мужской части депутатского корпуса. В ходе исследования не было выявлено какой-либо тенденции к увеличению или, наоборот, к уменьшению представительства женщин в местных советах. Самый большой показатель депутатов женского пола по отношению к общему числу депутатов был зафиксирован в Ульяновском областном совете III созыва (1950 г.) и равен 35 женщинам депутатам, или 34,65 %. Самая малая доля женщин была представлена в IV созыве Куйбышевского совета и равнялась 48 депутатам, или 27,91 %. Процентное соотношение депутатов мужчин колебалось от 65 до 72 %. В советский период наличие в местных органах власти женщин, участвующих в политической жизни своей страны, было скорее пропагандистским орудием в руках партии. Зачастую отмечалось, что в советской стране женщина является полноправным и активным участником политической, государственной и общественной жизни. За всем этим скрывался реальный факт, что «практически бесконтрольная власть была все больше сосредоточена в руках бюрократического аппарата» [Куликова 2001, с. 240–241].

Еще одним важным критерием, по которому мы исследовали составы областных советов депутатов трудящихся, является социальное положение депутатов. Из отчетов мандатных комиссий прослеживается тенденция увеличения количества служащих среди депутатов областных советов во II–IV созывах. В Куйбышевском областном совете в 1947 г. служащих было представлено 53,95 % депутатов, в следующем созыве данный показатель повысился до 76,88 %. Состав IV созыва обнаружил максимальное значение данного показателя в 78,49 %. Таким образом, доля служащих в Куйбышевском областном совете увеличилась на 24 % в послевоенный период. В Ульяновском областном совете доля служащих также возросла после незначительного спада в составе III созыва с 55,45 до 77,23 %, т. е. увеличение доли служащих практически произошло на 22 %.

Депутатами Куйбышевского областного совета II созыва было избрано 45 руководящих работников областных государственных, партийных и общественных организаций и учреждений, 34 руководящих работника городских и районных советских, партийных и общественных учреждений, или 51,97 %. В 1950 г. в составе III созыва их доля возросла до 90 чел., или 56,25 %, а в составе IV созыва их было в общей сложности 98 депутатов с опытом в руководящей сфере, или 56,98 % от общего числа.

В Ульяновский областной совет III созыва было избрано 32 руководящих работника област-

ных партийных и советских органов, 18 городских и районных руководящих работника партийных и советских органов, 4 руководителя предприятий, 2 председателя сельсоветов. В общем итоге доля депутатов, занимающих руководящие должности, равнялась 55,45 %. В составе депутатов Ульяновского областного совета IV созыва опытных руководителей различного уровня и депутатов, имеющих опыт работы в местных органах власти, в общей сложности было 56 депутатов. В эту категорию входили: партийные и советские работники, председатели колхозов, директора совхозов и МТС, руководители хозяйственных организаций и предприятий (Ульяновская правда. 1953. 4 марта).

Некоторая часть народных избранников была награждена почетными званиями, орденами и наградами. В числе депутатов областного совета II созыва – один Герой Советского Союза, один лауреат Сталинской премии, 3 депутата Верховных Советов СССР и РСФСР. 63 депутата имеют правительственные награды – ордена и медали СССР (Ульяновская правда. 1948. 9 января). Данными о депутатах III созыва, имеющих почетные звания и награды, мы не обладаем. В IV созыве имелись два героя Социалистического Труда, 6 депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР, 79 чел. награждены орденами и медалями СССР (Ульяновская правда. 1953. 4 марта). Куйбышевский областной совет II созыва также имел в своем составе 3 героев Социалистического Труда; 141 депутат, или 92,7 %, награжден орденами и медалями Советского Союза за выдающиеся заслуги перед Родиной (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1597. Л. 99). Несколькими повысилось количество депутатов, награжденных почетными званиями и знаками отличия. В составе депутатского корпуса областного совета III созыва было 5 героев Социалистического Труда, 1 Герой Советского Союза и 144 депутата, или 90 %, награждены орденами и медалями (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 1900. Л. 90). Следующий, IV созыв в своем составе насчитывал 149 чел., или 87 %, награжденных медалями и орденами. Среди депутатов находились 4 героя Советского Союза и Социалистического Труда, 2 лауреата Сталинской премии (ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 2190 г. Л. 111).

Стоит также отметить количество депутатов, повторно избранных в областные советы. В 1950 г. в Куйбышевский областной совет было переизбрано 72 депутата, в составе IV созыва число переизбранных депутатов было равно 84. Все эти факты говорят о том, что в составах областных советов имелась большая группа депутатов с опытом работы на руководящих должностях, а также имеющих представление о работе местных органов власти, таких как областные советы.

Заключение

В ходе нашего исследования было выяснено, что большинство депутатов были русскими по национальности. В процентном соотношении на-

блюдается незначительное снижение доли русских депутатов приблизительно на 5 %. Лишь незначительная часть депутатов была избрана от народов Среднего Поволжья (мордва, чуваша, татары), а также из народов союзных республик – украинцы, белорусы, армяне. Данные выводы, как уже говорилось выше, мы составили на основе данных по Ульяновской области, но есть возможность предположить, что данные, характеризующие национальный состав Куйбышевского областного совета, не будут сильно разниться. Национальный состав депутатского корпуса в целом соответствовал территориальному национальному составу исследуемых нами регионов. Взглянув на возрастной состав областных советов изучаемого нами периода, можно сделать вывод, что самая представительная группа депутатов находится в возрасте 35–44 лет. Количество беспартийных депутатов II–IV созывов приблизительно равнялось 25–32 % от общего числа депутатов. В областных советах количество беспартийных депутатов в процентном исчислении зачастую было меньше 30 %. Это также характерно, в частности, и для составов Иркутского региона, что подтверждается исследованием Л.Н. Метелкиной [Метелкина 2019, с. 190]. При анализе данных мандатных комиссий обнаруживается тенденция к увеличению образованности депутатов областных советов исследуемых нами регионов. Возможно, увеличение количества депутатов с высшим образованием в этих регионах было связано с расширением сети вузов, а также увеличения количества выпускников-специалистов по сравнению с предыдущими годами [История Самарского 2000, с. 141, 172].

В депутатском корпусе областных советов II–IV созыва регионов Среднего Поволжья количество женщин-депутатов никогда не превышало 35 % от общего числа депутатов. Явной тенденции по изменению количества женщин-депутатов для исследуемых нами регионов не обнаружено.

В составы областных советов избиралась небольшая часть депутатов, имеющих опыт на руководящих должностях в областных государственных, партийных и общественных учреждениях и организациях, руководители предприятий, председатели сельсоветов, инженеры, работающие непосредственно на производстве, ученые и военные. Как было выяснено в ходе исследования, группа депутатов, занимающая руководящие должности вне областного совета, постоянно незначительно увеличивалась. Их доля от общего числа депутатов колебалась в районе 52–57 %. Следовательно, значительная часть депутатов имела некоторый опыт работы в органах власти и народного хозяйства.

Обобщая вышесказанное, мы составили коллективный портрет депутата областного совета регионов Среднего Поволжья. Коллективный портрет депутата Ульяновского и Куйбышевского областных советов II–IV созывов выглядит следующим образом: мужчина, русский, член партии ВКП(б), в возрасте 35–44 лет, по социальному положению служащий, образование имеет высшее или среднее и, скорее всего, опыт работы в партийных или советских органах власти, награжден правительственной наградой.

Материалы исследования

Гаврилов 2003 – *Гаврилов С.О.* Местные Советы Российской Федерации в период подготовки и реализации конституционной реформы второй половины 1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 49 с.

ГАНИУО – *Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.*

Конституции и конституционные акты... 1940 – *Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918–1937).* Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

Морозкина 2004 – *Морозкина Е.А.* Городские советы Среднего Поволжья в годы второй и третьей пятилеток: опыт и проблемы: 1933 – июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. 26 с.

Назарова 2005 – *Назарова А.И.* Городские советы Чувашской АССР в 1946–1964: формирование и состав депутатского корпуса: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005. 22 с.

Ульяновская правда – *Ульяновская правда.* 1947, 1950, 1953.

Филимонова 1992 – *Филимонова Е.Н.* Городские советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1992. 19 с.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Библиографический список

История Самарского 2000 – *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998).* Москва: Наука, 2000. 232 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Istoriya-Samarskogo-Povolzhya-s-drevneishih-vremen-do-nashih-dnei-XX-vek-1918-1998-Tekst-elektronnyi-84918?mode=full>.

Куликова 2001 – *Куликова Г.Б.* Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Этот противоречивый XX век. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 240–253.

Местные Советы... 2016 – *Местные Советы* депутатов трудящихся в послевоенное время (1945–1953 гг.): организационно-правовые основы формирования и деятельности / А.Ю. Звягольский, И.В. Турицын, И.В. Упоров, А.А. Епифанцев. Москва: НИИ ИЭП, 2016. 131 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25947778>.

Метелкина 2019 – *Метелкина Л.Н.* Статистические отчеты о выборах в местные Советы депутатов трудящихся Иркутской области (1939–1957 гг.) как источник просопографического анализа (по материалам ГАИО) // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы конференции. Иркутск, 01–30 апреля 2018. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. С. 189–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41748963>.

Палазян 2012 – *Палазян А.С.* Правовое регулирование института местных Советов депутатов трудящихся в послевоенный период // *Общество и право*. 2012. № 5. С. 35–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-instituta-mestnyh-sovetov-deputatov-trudyaschihsya-v-poslevoennyi-period/viewer>.

Палазян, Дудников 2012 – *Палазян А.С., Дудников А.С.* Правовые основы деятельности местных Советов депутатов трудящихся по осуществлению исполнительно-распорядительных функций в послевоенное время (1945–1953 гг.) // *Общество и право*. 2012. № 3. С. 29–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-mestnyh-sovetov-deputatov-trudyaschihsya-po-osuschestvleniyu-ispolnitelno-rasporyaditelnyh-funktsiy-v/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18953399>.

Попов, Упоров, Штруба 2015 – *Попов М.Ю., Упоров И.В., Штруба В.Е.* Местные советы депутатов трудящихся в «сталинской» Конституции СССР (1936 г.) и их последующее организационно-правовое развитие до «брежневской» Конституции СССР (1977 г.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7, № 7–1. С. 22–28. DOI: <http://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-22-28>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlmlxl>.

Удавихин 2014 – *Удавихин Г.В.* Коллективный портрет депутатов местных Советов Пермской области накануне политической реформы 1988–1991 гг. // *Власть*. 2014. № 6. С. 114–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21716014>. EDN: <https://www.elibrary.ru/shfmvb>.

Упоров 2017 – *Упоров И.В.* Первые послевоенные (1947 г.) выборы депутатов местных советов в РСФСР: отражение выборной кампании в советских газетах // *Инновационное развитие*. 2017. № 3 (7). С. 14–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28874875>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yhwppd>.

References

The history of the Samara 2000 – *The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day. XX century (1918–1998)*. Moscow: Nauka, 232 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Istoriya-Samarskogo-Povolzhya-s-drevneishih-vremen-do-nashih-dnei-XX-vek-19181998-Tekst-elektronnyi-84918?mode=full>. (In Russ.)

Kulikova 2001 – *Kulikova G.B.* (2001) Some problems of formation and evolution of the Soviet state. In: *This contradictory XX century*. Moscow: ROSSPEN, pp. 240–253. (In Russ.)

Local Councils... 2016 – *Zvyagolsky A. Yu., Turitsyn I.V., Uporov I.V., Epifantsev A.A.* (2016) *Local Councils of Workers' Deputies in the post-war period (1945–1953): organizational and legal foundations of formation and activity*. Moscow: НИИ ИЭП, 131 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25947778>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvvevp>. (In Russ.)

Metelkina 2019 – *Metelkina L.N.* (2019) Statistical reports on the elections to local Councils of Deputies of Workers of the Irkutsk region (1939–1957) as a source of pro-graphic analysis (based on of GAIO materials). In: *Twelfth Baikal socio-humanitarian readings: conference materials*. Irkutsk, April 01–30, 2018. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 189–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41748963>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zyzxu>. (In Russ.)

Palazyan 2012 – *Palazyan A.S.* (2012) The legal regulation of the institute of the local councils deputy toiling in postwar era. *Society and Law*, no. 5, pp. 35–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-instituta-mestnyh-sovetov-deputatov-trudyaschihsya-v-poslevoennyi-period/viewer>. (In Russ.)

Palazyan, Dudnikov 2012 – *Palazyan A.S., Dudnikov A.S.* (2012) Legal bases of activity of local councils of deputies of workers on implementation executive administrative functions during post-war time (1945–1953). *Society and Law*, no. 3, pp. 29–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-mestnyh-sovetov-deputatov-trudyaschihsya-po-osuschestvleniyu-ispolnitelno-rasporyaditelnyh-funktsiy-v/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18953399>. (In Russ.)

Popov, Uporov, Sturba 2015 – *Popov M. Yu., Uporov I.V., Sturba V.E.* (2015) Local Councils of People's Deputies in the «Stalinist» Constitution of the USSR (1936) and their subsequent organizational and legal development up to the «Brezhnev» Constitution of the USSR (1977). *Historical and social-educational idea*, vol. 7, no. 7–1, pp. 22–28. DOI: <http://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-22-28>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlmlxl>. (In Russ.)

Udavikhin 2014 – *Udavikhin G.V.* (2014) Collective portrait of the members of local councils of the Perm region on the eve of political reform of 1988–1991. *Vlast' = The Authority*, no. 6, pp. 114–119. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21716014>. EDN: <https://www.elibrary.ru/shfmvb>. (In Russ.)

Uporov 2017 – *Uporov I.V.* (2017) First post-war (1947) elections of deputies of local councils in the RSFSR: reflection election campaign in Soviet newspapers. *Innovatsionnoe razvitie*, no. 3 (7), pp. 14–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28874875>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 9. 94

Дата поступления: 16.01.2022
рецензирования: 27.02.2022
принятия: 28.05.2022

Историко-текстологический анализ проектов нового государственного гимна СССР 1955–1956 гг.

Г.Е. Козловская

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kozlovskayaGE@mgpu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3699-6064>

А.П. Артюков

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: artiukov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1391-6969>

Г.Д. Дробинин

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: drobininGD@mgpu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1008-5058>

Аннотация: Актуальность данной темы в том, что на основе широкого круга архивных источников рассматривается работа специальной комиссии под руководством Д.Т. Шепилова, которая была создана по решению Президиума ЦК КПСС в конце 1955 года. Комиссия организовывала конкурс по созданию нового государственного гимна и отбирала текстовые произведения среди большого количества участников, представивших более полусотни работ. Для исследования данной темы применялся текстологический анализ, что позволило не только выявить смысловые значения содержания произведения, заложенные автором, но и увидеть различия в стилистике произведений конкурса. Также использовался сравнительный метод исследования как при сопоставлении содержательной части текстов произведений, так и при сравнении с тестом официального гимна СССР образца 1943/44 гг. Применялся и проблемно-хронологический подход при рассмотрении этапов работы специальной конкурсной комиссии. Конкурс по созданию нового гимна проходил в несколько этапов. Отобранные на первом этапе тексты поэтов-песенников ко второму этапу дорабатывались для лучшего соответствия новым целям и задачам, стоящим перед страной. Тексты победителей второго этапа также являлись неокончательными и в будущем могли быть подвергнуты корректировке содержания. Это позволяет сделать вывод, что четкие параметры по содержательной части текстов, видимо, отсутствовали или корректировались в течение работы всей комиссии. Участие в данном конкурсе строилось не на альтруистских началах поэтов и музыкантов, а предполагало хорошее финансовое поощрение участникам и победителям конкурса. Тексты победителей по своей структуре и содержанию отличались как между собой, так и от официального гимна СССР образца 1943/44 гг.

Ключевые слова: гимн; десталинизация; коллективное руководство; проекты гимна; Г.М. Маленков; культ личности; культ И.В. Сталина; доклад П.Н. Поспелова; XX съезд ЦК КПСС; закрытое заседание; доклад о культе личности и его последствиях.

Цитирование. Козловская Г.Е., Артюков А.П., Дробинин Г.Д. Историко-текстологический анализ проектов нового государственного гимна СССР 1955–1956 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 60–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-60-66>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Козловская Г.Е., Артюков А.П., Дробинин Г.Д., 2022

Галина Ефимовна Козловская – профессор, доктор исторических наук, директор Самарского филиала Московского городского педагогического университета (СФ ГАОУ ВО МГПУ), 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Антон Петрович Артюков – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал Московского городского педагогического университета (СФ ГАОУ ВО МГПУ), 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Григорий Дмитриевич Дробинин – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета (СФ ГАОУ ВО МГПУ), 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2022
Revised: 27.02.2022
Accepted: 28.05.2022

Historical and textual analysis of the drafts of the new national anthem of the USSR of 1955–1956

G.E. Kozlovskaya

Samara branch of the Moscow City University Samara, Russian Federation
E-mail: kozlovskayaGE@mgpu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3699-6064>

A.P. Artyukov Samara branch of the Moscow City University Samara,
Samara, Russian FederationE-mail: artiuikov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1391-6969>**G.D. Drobinin**Samara branch of the Moscow City University Samara,
Samara, Russian FederationE-mail: drobininGD@mgpu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1008-5058>

Abstract: The relevance of this topic is that on the basis of a wide range of archival sources, the work of a special commission under the leadership of D.T. Shepilov, which was created by the decision of the Presidium of the Central Committee of the CPSU at the end of 1955, is being considered. The Commission organized a competition to create a new national anthem and selected text works among a large number of participants who submitted more than fifty works. Textual analysis was used to study this topic, which allowed not only to identify the semantic meanings of the content of the work laid down by the author, but also to identify and see the differences in the stylistics of the works of the competition. A comparative research method was also used when comparing both the content of the texts of the works and when comparing with the text of the official anthem of the USSR of the 1943/44 model. A problem-chronological approach was also applied when considering the stages of the work of a special competition commission. The competition to create a new anthem took place in several stages. The texts of the songwriters selected at the first stage were refined by the second stage to better match the new goals and tasks facing the country. The texts of the winners of the second stage were also not final and could be subject to content adjustments in the future. This allows us to conclude that there were apparently no clear parameters for the content of the texts or were corrected during the work of the entire commission. Participation in this competition was not based on the altruistic principles of poets and musicians, but assumed a good financial incentive to the participants and winners of the competition. The texts of the winners differed in their structure and content both among themselves and from the official anthem of the USSR of the 1943/44 model.

Key words: anthem; de-Stalinization; collective leadership; anthem projects; G.M. Malenkov; cult of personality; cult of I.V. Stalin; report by P.N. Pospelov; XX Congress of the Central Committee of the CPSU closed meeting; report on the cult of personality and its consequences.

Citation. Kozlovskaya E.G., Artyukov A.P., Drobinin G.D. Historical and textual analysis of the drafts of the new national anthem of the USSR of 1955–1956. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 60–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-60-66>. (In Russ.)

Conflict of interest information: authors declare no conflict of interest.

© Kozlovskaya G.E., Artyukov A.P., Drobinin G.D., 2022

Galina E. Kozlovskaya – Doctor of Historical Sciences, professor, director of the Samara branch of the Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

Anton P. Artyukov – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Samara branch of the State Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

Grigory D. Drobinin – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of the Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

Введение

Традиционно в исторической науке начало процесса десталинизации соотносят с выступлением на XX съезде коммунистической партии первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева с докладом о культе личности и его последствиях. Но к настоящему времени вышло большое количество исследований, объективно показывающих, что начало процесса десталинизации следует искать в первых трех постсталинских годах. Это и определяет актуальность выбранной темы, которая на ряду с историческим исследованием архивных материалов была дополнена литературным анализом.

Целью работы является проведение историко-текстологического анализа проектов нового государственного гимна СССР.

Для более подробного рассмотрения необходимо выполнить ряд **задач**: выявить причины возникновения вопроса о создании нового гимна; рассмотреть вопрос создания и работы специальной комиссии под руководством Д.Т. Шепилова; отразить этапы работы комиссии и участников конкурса; провести сравнительный и текстологический анализ стихотворных произведений победителей второго этапа конкурса.

Научная новизна

статьи заключается в том, что не только проведено комплексное исследование вопроса создания нового государственного гимна на рубеже 1955–1956 гг., но и дополнено проведением текстологического анализа произведений авторов, отобранных как материал для написания нового музыкального произведения.

Основная часть

События марта 1953 года значительно повлияли на ход истории. С уходом с политического олимпа одной из масштабных политических фигур XX века И.В. Сталина во внешней политике для решения старых политических проблем начали применяться новые подходы, что позволило не только взглянуть на проблемы с новой стороны, но и некоторые из них разрешить. Например, подписано перемирие в Корею, СССР отправил запрос на вступление в НАТО, прекращение взимания репараций с ГДР, урегулирование отношений с Югославией, установление дипломатических отношений с ФРГ и др.

Во внутренней политике болезнь и смерть вождя тоже привели к целому ряду изменений. Например, пересмотр программы строительных

работ на 1953 год, проведение амнистии, освобождение лиц иностранных государств, попавших под амнистию, пересмотр следственных дел, находившихся в разработке, а именно – дела о врачах-вредителях, дела сотрудников МГБ, дела работников Главного артиллерийского управления Военного министерства СССР, дела арестованных МГБ Грузинской ССР группы местных работников и др. (Лаврентий Берия 1999, с. 17–18), а также начало процесса амнистии и тихой реабилитации лиц осужденных в предыдущие годы. Так, в записке министра МВД СССР Л.П. Берии, направленной в Президиум ЦК КПСС от 17 апреля 1953 года, говорилось о необходимости реабилитации Н.Д. Яковлева, И.И. Волкотрубенко, И.А. Мирзаханова, М.М. Кагановича и др. Позднее поступали и новые записки в Президиум ЦК КПСС (Лаврентий Берия 1999, с. 41–42).

Отметим, что в рамках реабилитации М.М. Кагановича проверялись архивные документы НКВД, которые были признаны клеветническими. В записке от 6 мая 1953 года, направленной Л.П. Берией Г.М. Маленкову, отмечалось, что все показания были добыты в результате применения в следственной работе извращенных методов (Лаврентий Берия 1999, с. 41–42).

Еще в период болезни И.В. Сталина, 5 марта 1953 года, было созвано совместное заседание ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. На его заседании были приняты решения, которые привели к изменениям в системе управления страной. Так, кардинально были пересмотрены решения Пленума ЦК КПСС от 16 октября 1952 года. При еще живом И.В. Сталине, занимавшем пост председателя Совета Министров СССР, был назначен новый руководитель исполнительной власти, им стал Г.М. Маленков. У него появились четыре заместителя, которыми стали Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович (РГАСПИ. Ф. 83. Л. 3).

Видимо, с целью концентрации системы управления в руках узкой группы лиц также произошло объединение ряда министерств с назначением новых министров и был сокращен более чем в два раза состав Президиума ЦК КПСС, который вновь вернулся по числу участников заседаний к двенадцати персонам. Важно отметить, что прекратил свое функционирование и неуставный партийный орган Бюро Президиума ЦК КПСС (РГАСПИ. Ф. 83. Л. 3).

Хотя официально председателем Совета Министров СССР и был назначен Г.М. Маленков, который как бы являлся политическим наследником, а следовательно, и гипотетически новым лидером партии, но в реальности всю полноту власти в своих руках сосредоточило «коллективное руководство», которое состояло из лиц ближнего сталинского окружения. Именно они и получили все значимые посты в системе управления страной – от министерских до заместителей председателя Совета Министров СССР.

После смерти И.В. Сталина и в связи с назначением Г.М. Маленкова на должность председателя Совета Министров СССР, исходя из многолетней

практики на страницах печати и в эфирах радиопередач, лица, возглавлявшие СМИ, стали создавать культ нового лидера партии и правительства. Это привело к тому, что траурная речь Г.М. Маленкова была визуально выделена в тексте, от речей других сталинских наследников начало возрастать количество упоминаний его имени в СМИ и др. Все это свидетельствует о переносе существовавшей практики культа на личность Г.М. Маленкова. Отметим факт, что данные действия руководителей СМИ отвечали и социальным ожиданиям как граждан РСФСР, так и союзных республик, которые массово отправляли запросы в редакции о более полном освещении жизни и деятельности нового руководителя (ГАРФ. Ф. 6903. Л. 4).

Данный факт не мог устроить членов «коллективного руководства», и главные редакторы были вызваны на «ковер» в ЦК КПСС, где им было указано на допущенные ошибки. Так, на первое пост-сталинское заседание Президиума ЦК КПСС, состоявшееся уже 10 марта 1953 года, были вызваны главные редакторы центральных периодических изданий: газет «Правда» – Д.Т. Шепилов, «Известия» – К.А. Губин, «Красная звезда» – В.П. Московский, «Литературная газета» – К.М. Симонов, «Комсомольская правда» – Д.П. Горюнов, «Труд» – М.Ф. Стрепухов и др., которым не только указали на ошибки, допущенные при освещении и расположении новостной информации о траурном мероприятии прощания с И.В. Сталиным, но и дали рекомендации по дальнейшей работе. После этого в СМИ с периодичностью в течение трех лет стали появляться статьи и материалы, посвященные коллективности и коллегиальности в руководстве¹. Следуя взятому направлению по пресечению существовавшей практики культа и ее переноса на нового председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова, он уже в апреле 1953 года подготовил доклад о культе личности, в содержании которого осуждалась существовавшая практика культа личности, но не личность И.В. Сталина. Наоборот, происходит обращение к его личности, причем Сталин неоднократно просил данную практику прекратить (РГАСПИ. Ф. 83. Л. 26–28). Отметим, что в историографии по данному докладу существуют другие точки зрения [Одесский, Фельдман 2004, с. 95–96; Млечин 2003, с. 344–345].

Хотя доклад, подготовленный Г.М. Маленковым, так и не был озвучен на заседании Президиума ЦК КПСС, в СМИ он нашел свое отражение. По этому вопросу появляются отдельные статьи и материалы в статьях, в содержании которых осуждаются явление и практика культа².

Отказ членами коллективного руководства от выдвижения нового лидера партии и правительства и создания его нового культа неизменно ставил вопрос о существовавших культах В.И. Ленина и И.В. Сталина, сохранение которых в информационном пространстве было большим диссонансом для новой политики партии и правительства и также способствовало формулированию неудобных вопросов для сталинских наследников в советском социуме.

Поэтому до середины лета 1953 года в информационном пространстве СССР идет как бы забвение упоминаемых лидеров партии и правительства, этому же соответствовало решение о проведении первомайских демонстраций без портретов [Аксютин, Пыжиков 1999, с. 27].

После ареста и осуждения Л.П. Берии в начале июля 1953 года на заседании пленума ЦК КПСС в рамках направления по отказу от практики культа происходит некоторая коррекция по ее реализации. Культ В.И. Ленина как бы «возрождается» в информационном пространстве, динамика упоминания увеличивается [Артюков 2018, с. 97, 116]. Таким образом, получается, что направление прекращения практики культа затрагивает теперь только культ Сталина и не перенос ее на членов коллективного руководства. Отметим, что сама личность вплоть до февраля 1956 года оставалась сакральной и переоценке не подлежала. Это очень хорошо прослеживается в ряде официальных документов исследуемого периода³.

Хотя из года в год о И.В. Сталине в СМИ говорили все меньше, переписывались учебники, справочная литература, где роль и его действия пересматривались. Но все происходившие изменения не так ярко бросались в глаза современникам, хотя некоторые подмечали их и просили объяснить. Например, в редакцию журнала «Коммунист» поступали вопросы от граждан «о роли личности в истории» (РГАСПИ. Ф. 599. Д. 64. Л. 45); «как относиться к роли Суворова, Стаханова, Ломоноса, Радищева и др.» (РГАСПИ. Ф. 599. Д. 73. Л. 75). Редакция отвечала на вопросы граждан, но чаще ограничивалась тем, что отправляла список литературы для индивидуального ознакомления. Но некоторые вопросы граждан оставляла без ответа, среди них вопрос о гимне. Так, гражданин Кудрявцев просил пояснить редакцию «Можно ли в некоторых строках гимна Советского Союза усматривать культ личности?» (РГАСПИ. Ф. 599. Д. 430. Л. 5).

Вопрос гражданина Кудрявцева был неслучайным. Главная торжественная песня Советского Союза не соответствовала новым направлениям в СМИ и роли в ней И.В. Сталина. Во втором четверостишье государственного гимна 1944 года И.В. Сталин представлен не только единственно верным продолжателем дел и начинаний великого В.И. Ленина, но и отцом советского народа, возраставшим и вдохновившим народные массы на различные свершения и достижения. Вот как это звучало:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,

И Ленин великий нам путь озарил.

Нас вырастил Сталин – на верность народу,

На труд и на подвиги нас вдохновил... (РГАСПИ. Ф. 82. Л. 16).

Понятно, что это четверостишие гимна в корне не соответствовало новым направлениям и задачам, даже в некоторой степени оно сводило на нет все предпринимаемые усилия по очищению информационного пространства СССР, в спешном темпе избавлявшегося от проявлений культа

личности и его возможных вариаций, в частности сталинского. Но, несмотря на это, население союзного государства «...по радио два раза в сутки в 6 утра и 12 часов ночи...» (ГАРФ. Ф. 7523. Л. 4, 6–12) слышало государственный гимн со словами, прославляющими и возвеличивающими вождя и его деяния. Поэтому обновление государственного гимна был только вопросом времени, который настал 7 декабря 1955 года. Именно в эту дату по постановлению ЦК КПСС была образована специальная комиссия во главе с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым (РГАСПИ. Ф. 82. Л. 185). Согласно архивным документам, специальная комиссия должна была выбрать новую торжественную песню для союзного государства. Отметим, что словосочетание «новый государственный гимн» следует понимать в самом широком смысле, так как планировалось не просто изменить содержание второго четверостишья гимна 1944 года или его стихотворную часть, а создать совершенно новое произведение с новой музыкой и песенной частью.

Участникам конкурса по созданию нового гимна предполагалось довольно щедрое денежное вознаграждение. Так, для победителей было предусмотрено две премии по 100 тыс. рублей, для финалистов – по 10 тыс. рублей и участникам (номинантам) – по 3 тыс. рублей (РГАНИ. Ф. 5. Л. 98–99, 102).

Согласно утвержденному регламенту ЦК КПСС, конкурс стихотворной части для нового государственного гимна проходил в два этапа. Первый этап был закрытым, то есть участники конкурса «...свои произведения должны были принести в конверте с надписанными на них девизами» (РГАСПИ. Ф. 82. Л. 185). Видимо, закрытый этап был сделан для того, чтобы члены комиссии не знали авторства представленных на конкурсе девизов и не смогли заранее отдать кому-либо из поэтов свое предпочтение, а выбрали девизы, которые бы наиболее полно соответствовали новым направлениям государственных задач и отражали новую повестку в информационном пространстве. Кроме того, предоставление девизов, а не самих произведений позволяло членам комиссии очень быстро просмотреть большое количество представленных работ.

Всего в конкурсе приняло участие 67 авторов, предоставивших 84 текста для нового государственного гимна. Так, в конкурсе приняли участие Н.Н. Асеев, М.В. Исаковский, Б.Н. Кушелев, С.В. Михалков, М.Ф. Рылевский, Р.Г. Гамзатов, С.Я. Маршак Л.И. Ошанин, К.М. Симонов, А.Т. Твардовский, А.А. Сурков и другие знаменитые поэты и писатели советского времени (РГАНИ. Ф. 5. Л. 100–101)].

Согласно утвержденному регламенту, отобранные конверты с девизами были вскрыты и комиссией было отобрано 11 произведений авторов – Н.А. Заболоцкого, М.В. Исаковского, Б.Н. Кушелева, С.В. Михалкова (два текста), С.Г. Островова, П.М. Панченко, Н.И. Рыленкова, М.Ф. Рильского, В.М. Саянова, С.И. Чиковани. Финалистам первого тура было рекомендовано «...доработать свои произведения, чтобы они... лучше соответство-

вали требованиям ЦК КПСС» (РГАСПИ. Ф. 82. Л. 185).

Второй отборочный тур был открытым, то есть члены комиссии знали, чьему перу принадлежит работа. Доработав свои произведения, финалисты первого тура вновь представили их на оценку членам специальной комиссии. Наиболее удачными оказались работы М.В. Исаковского, С.В. Михалкова, М.Ф. Рьльского. Именно тексты этих авторов были рекомендованы советским композиторами для «...создания музыкального произведения для нового государственного гимна СССР, но с учетом того, что они (тексты) могут быть улучшены в дальнейшем» (РГАСПИ. Ф. 82. Л. 186).

Отметим, что в число композиторов, приглашенных к созданию новой музыки для гимна, были приглашены Б.А. Александров, Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян, А.Г. Новиков, Д.Б. Кабалевский, В.Г. Захаров, Т.Н. Хренников, В.И. Соловьев-Седой и др. знаменитые советские композиторы (РГАНИ. Ф. 5. Л. 100–101).

Текстологический анализ стихотворных произведений трех победителей второго этапа конкурса по созданию нового гимна позволит ответить на вопрос о создании новой торжественной песни и отразить отличие. Так, стихотворение Михаила Васильевича Исаковского, стоящего в подборке победителей первым, структурно похоже на припев официального гимна 1944 года. Сам текст стиха состоит из двух четверостиший и двух рефренов, что в музыкальном оформлении соответствует двум куплетам и двум припевам. Ритмическая структура куплета укладывается в формат четырехстопного дактиля с небольшим расхождением в количестве безударных слогов в последней стопе и усеченной до трех стоп последней строкой четверостишия. Рассмотрим детально стихотворение М.В. Исаковского:

*Первая в мире страна трудовая / Братства и дружбы
народной страны,*

*Славься, Советская наша держава, / Славься во все
времена.*

Как мы видим, структура куплета соответствует четырехстопному дактилю с усечением одного безударного слога в последней стопе – первой и третьей строках. Четырехстопный дактиль с двумя усеченными безударными слогами в последней стопе – вторая строка. Трехстопный дактиль с двумя усеченными безударными слогами в последней стопе – четвертая строка.

В силе и правде бессмертной твоей /

Славься на радость и счастье людей.

Здесь также структура куплета представлена четырехстопным дактилем с двумя усеченными безударными слогами в последней стопе.

Славься, Великого Ленина знамя,

Свет и надежда великой земли,

Славься, страна, где прямые дороги

К светлым годам коммунизма легли.

Также структура куплета – четырехстопный дактиль с усечением одного безударного слога в последней стопе – первой и третьей строках. Че-

тырехстопный дактиль с двумя усеченными безударными слогами в последней стопе – второй и четвертой строк.

В определенной мере М.В. Исаковский переносит дактилическую структуру припева официального гимна СССР образца 1944 года. Этим как бы подчеркивается преемственность стихотворения возможного нового гимна по отношению к предшествовавшему, однако примечательно, что ни в одной строчке гимна М.В. Исаковского не повторяется «чистый» четырехстопный дактиль сохранившейся и по сей день первой строки припева официального гимна («Славься, Отечество наше свободное»). Вероятно, это напрямую связано с тем, что музыка на текст М.В. Исаковского также предполагалась абсолютно новая.

Отметим, что из-за постоянных небольших изменений в слоговой длине строк текст нового гимна М.В. Исаковского более отрывист и менее гармоничен, чем ритм официального гимна 1944 года, одним из авторов которого являлся Сергей Владимирович Михалков. Он тоже принимал активное участие в конкурсе. Его стихотворный текст также был отобран специальной комиссией как, возможно, новый вариант гимна. В его произведении мы видим идентичную структуру куплета:

Славься, республик союз нерушимых,

Славься, советская наша страна!

Ленинской правдой твоей негасимой

Дружба народа навек скреплена.

Первая строка нового текста буквально вторит началу официального гимна 1944 года, Первая строка – это наиболее сильная позиция текста, и в ее формулировке, по-видимому, также заложена идея преемственности. Так, услышав знакомую словесную формулу с первых нот, гражданин СССР воспримет изменения в государственной символике гораздо более лояльно. Однако припев имеет кардинально другую ритмику:

Нам светит солнце – солнце коммунизма!

Мы победим! Нас партия ведет

Живи, цвети, свободная Отчизна,

Тебя хранит Великий наш народ!

На смену дактилической матрице куплета приходит пятистопный ямб припева. При этом ритм припева неоднороден: есть ряд позиций, на которые сделан особый акцент. Например, во второй строке «Мы победим! Нас партия ведет!» личное местоимение «мы» оба раза (и в именительном, и в винительном («нас») падежах) оказывается в безударном положении, если отталкиваться от матрицы стихотворного размера. Акцент смещен на глаголы («победим» и «ведет»). Вероятно, это связано с особенностями музыкальной структуры припева. Также ритмически выделена последняя строка припева: в первых трех строках припева мы видим пятистопный ямб с большим количеством пиррихий, с выбивающимися из размера тактовыми ударениями. Строка «Тебя хранит Великий наш народ!» – образец идеального пятистопного ямба. Структура текста нового гимна С.В. Михалкова идентична структуре текста гимна М.В. Иса-

ковского: 2 припева и 2 куплета, – однако припев и куплеты в тексте С.В. Михалкова в отличие от текста М.В. Исаковского имеют принципиально разную ритмическую структуру.

Третьим финалистом второго этапа конкурса стал песенный текст Максима Фадеевича Рыльского. Также известно, что подобный конкурс проводился и среди композиторов. Руководствуясь материалами анализа, можно предположить, что одна из аранжировок, дошедшая до финального конкурса, была ориентирована на конкретную композицию текста из двух куплетов и двух припевов. Дальнейший текстологический анализ текстов в определенной мере подтвердит данную гипотезу, так как подобной песенной структуры мы уже не увидим. Итак, рассмотрим текст гимна М.Ф. Рыльского:

Славься, Отчизна родная, / Славься, советский народ, / Наша семья молодая

/ Шагом крылатым идет. / В битвах сердца мы сроднились, / Счастье в труде мы куем, / Родину мы оза-

рили / Дружбы великим огнем. / Славься, заводы и нивы, / Шахты, леса и моря, / Путь осеняет счастливый / Нам коммунизма заря.

Абсолютно иной принцип построения демонстрирует нам песенный текст третьего финалиста. Во-первых, гимн состоит из трех четверостиший, написанных одним размером (трехстопный дактиль), что предопределяет единство ритма и отсутствие какого-либо куплетно-припевного деления строф. Более того, все три строфы объединяет перекрестная рифмовка с чередованием мужской и женской рифм, предопределенным количеством усеченных слогов в третьей стопе.

Строфы в данном тексте образуют тематические блоки, и одним из главных средств формирования данных блоков является подбор глагольных форм. Первая строфа построена вокруг глаголов в повелительном наклонении («Славься»), соединяющихся с глаголом настоящего времени. Первая строфа рисует великолепное настоящее.

Вторая строфа строится вокруг глаголов прошедшего времени (и в большинстве своем совершенных) и логически предполагает экскурс в прошлое с видимыми результатами этого прошлого. В этой связи и глагол «куем», хотя и настоящего времени, настоящим не исчерпывается, а предполагает длительный процесс, начавшийся в прошлом.

Последняя же строфа имеет четкую перспективную направленность: счастливый путь, осененный зарей коммунизма, пророчит безоблачное будущее. Песенный текст М.Ф. Рыльского с большей долей вероятности был предназначен для другой музыки, однако композиционно прошлое, прошедшее в борьбе, сражениях (ситуативно) и труде, приводит к славному, братскому, единому настоящему и в дальнейшем сулит процветание, озаренную солнечным светом коммунистическую утопию.

В данном тексте гимна подчеркивается коллективное, трудовое начало, имена Ленина и Сталина не фигурируют в тексте вовсе, более того, от-

сутствует прямое упоминание партии: речь идет только о советском народе и объединяющих этот народ идеях коммунизма. Деперсонализация текста приводит к сакрализации (теми же методами) советского народа – трудовые и военные заслуги прошлого, как и неизбежное счастье будущего – заслуга людей и их инициатива. Текст гимна М.Ф. Рыльского в анализируемой подборке завершает список финалистов общего конкурса.

Решение о создании комиссии по подготовке нового государственного гимна было в некоторой степени связано и со стремлением членов коллективного руководства успеть к приближавшемуся XX съезду КПСС, чтобы вынести вопрос с уже предложенными вариантами на одобрение делегатов партийного съезда как высшего органа власти в стране. Об этом красноречиво говорит выступление Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. В докладе «О культе личности и его последствиях» отмечалось, что в гимне нет слов о коммунистической партии, зато, как это было подчеркнуто докладчиком, есть «...беспримерное славословие Сталину...» (Хрущев 1989, с. 159). Хотя надо отметить, что в исторической науке существует точка зрения, о том, что работа специальной комиссии Д.Т. Шепилова не завершилась, а продолжилась и после XX съезда КПСС [Шадрин 2021, с. 36–45].

Заключение

Таким образом, историко-текстологический анализ позволяет прийти к следующим выводам: удалось выявить причины создания специальной комиссии Д.Т. Шепилова по созданию нового государственного гимна, которые были вызваны изменением в системе государственного управления, отсутствием персонифицированного наследника и отказом в информационном пространстве от многолетней практики создания культа лидера партии и правительства.

Финальной целью работы комиссии было создание совершенного новой государственной торжественной песни, для чего к конкурсу были привлечены именитые композиторы и писатели советской эпохи данного исторического периода.

Сам конкурс был щедро профинансирован государством. Его участники и финалисты получали внушительные денежные гонорары.

Быстрота и оперативность работы специальной комиссии Д.Т. Шепилова, свидетельствует о торопливости и ограниченности времени. Окончательный вариант по лидерам второго этапа конкурса на лучший стих уже был известен к 6 февраля 1956 года.

Текстологический анализ показал, что стихи победителей конкурса имеют отличительную стилистику написания по сравнению с гимном 1943 года, что косвенно свидетельствует о реальном желании написания нового музыкального произведения и отказе от музыкального произведения гимна большевиков.

Проведенный текстологический анализ позволил выявить взаимосвязь с предшествующим текстом гимна. Это вполне могло способствовать благожелательному восприятию населением новой государственной торжественной песни и подчеркивало историческую преемственность.

Примечания

¹ См., например: Строжайше соблюдать принцип коллективного руководства // Правда. 1953. 13 июля; Коллективность – высший принцип партийного руководства // Правда. 1953. 13 апреля и др.

² См., например: Несокрушимое единение партии, правительства и советского народа // Правда. 1953. 10 июля; Коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила советского общества // Правда. 1953. 10 июня и др.

³ См., например: Проект доклада о культуре личности подготовленный Г.М. Маленковым к заседанию Президиума ЦК КПСС; Документы Пленума ЦК КПСС, посвященные аресту Л.П. Берии; Отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, Проект доклада о культуре личности подготовленный П.Н. Поспеловым и др.

Материалы исследования

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Лаврентий Берия 1999. – *Лаврентий Берия. 1953*. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под. ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МДФ, 1999. 512 с.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Хрущев 1989 – *Хрущев Н.С.* О культуре личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС от 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

Библиографический список

Аксютин, Пыжиков 1999 – *Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В.* Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. Москва: Научная книга, 1999. 423 с.

Артюков 2018 – *Артюков А.П.* Первые годы после смерти И.В. Сталина: идеологическая трансформация пропаганды. Самара, 2018. 224 с.

Млечин 2003 – *Млечин Л.М.* Смерть Сталина. Вождь и его соратники. Москва: ЗАО «Центрполиграф», 2003. 414 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mlchin-leonid-mihajlovich/smertj-stalina>.

Одесский, Фельдман. 2004 – *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика «оттепели». Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 75–114. URL: <https://voplit.ru/article/poetika-ottepeli-materialy-k-izucheniyu-propagandistskoj-modeli-xx-sezda-kpss-ideologema-kult-lichnosti/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21986187>. EDN: <https://elibrary.ru/sndfft>.

Шадрин 2021. – *Шадрин С.* Конкурс по созданию государственного гимна СССР как поиск консолидирующего общенационального символа в период оттепели // Вестник Российской нации. 2021. № 5. (82) С. 35–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47208408>. EDN: <https://elibrary.ru/cqdxgl>.

References

Aksyutin, Pyzhikov 1999 – *Aksyutin Yu.V., Pyzhikov A.V.* (1999) Post-Stalinist society: the problem of leadership and transformation of power. Moscow: Nauchnaya kniga, 423 p. (In Russ.)

Artyukov 2018 – *Artyukov A.P.* (2018) First years after the death of I.V. Stalin: ideological transformation of propaganda. Samara, 224 p. (In Russ.)

Mlechin 2003 – *Mlechin L.M.* (2003) The death of Stalin. The leader and his associates. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 414 p. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mlchin-leonid-mihajlovich/smertj-stalina>. (In Russ.)

Odesskiy, Feldman 2004 – *Odesskiy M., Feldman D.* (2004) Poetics of «thaw». Materials for the study of the propaganda model of the XX Congress of the CPSU. The ideology of the «cult of personality». *Voprosy Literature = Russian Studies in Literature*, no. 5, pp. 75–114. Available at: <https://voplit.ru/article/poetika-ottepeli-materialy-k-izucheniyu-propagandistskoj-modeli-xx-sezda-kpss-ideologema-kult-lichnosti/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21986187>. EDN: <https://elibrary.ru/sndfft>. (In Russ.)

Shadrin 2021 – *Shadrin S.* (2021) Competition to create the state anthem of the USSR as a search for a consolidating all-national symbol during the «thaw». *Bulletin of Russian nation*, no. 5 (82), pp. 35–45. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47208408>. EDN: <https://elibrary.ru/cqdxgl>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93+930+328+352/354

Дата поступления: 14.01.2022

рецензирования: 27.02.2022

принятия: 28.05.2022

**Перераспределение полномочий и финансов
между органами местного самоуправления Самары в ходе реформы
внутригородского деления в 2015–2020 гг.****М.Н. Матвеев**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская ФедерацияE-mail: matveev-mn@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7434-5018>

Аннотация: В 2015 году в Самаре была реализована реформа местного самоуправления в форме создания внутригородских районов. Формально каждый внутригородской район становился самостоятельным муниципальным образованием, со своим представительным органом, Советом депутатов, избираемым им главой администрации, собственным бюджетом. Это потребовало перераспределения полномочий между городским уровнем власти и внутригородскими районами. При старте реформы декларировалось, что главной ее целью является «приближение власти к народу». Поэтому ожидалось, что многие важные полномочия будут переданы на уровень районов, а с ними и финансовые ресурсы. Только в этом случае вновь созданные на уровне городских районов Самары муниципалитеты смогли бы стать полноценными органами власти. И население районов смогло бы получать большинство муниципальных услуг непосредственно там, где они живут. Также и депутаты многочисленных районных советов смогли бы исполнять свои полномочия более качественно. Однако на практике выяснилось, что городские чиновники не желают делиться властью и финансовыми ресурсами. А многие полномочия не могут работать на уровне района из-за того, что их реализация требует постоянного согласования с мэром города. В 2019–2020 гг. комитетом по местному самоуправлению Самарской губернской думы под руководством автора был проведен анализ результатов реформы, давший большой фактический материал. Одним из направлений анализа стало перераспределение полномочий, показавшее, что большая часть ранее переданных на районный уровень полномочий затем вместе с финансами были забраны обратно, самоуправление районов оказалось фикцией. Результаты анализа полномочий представлены в настоящей публикации. Неработоспособность модели местного самоуправления с внутригородским делением, очевидно, не проистекает из ее природы, а напрямую связана с ситуацией отсутствия реальных полномочий и финансовых ресурсов.

Ключевые слова: местное самоуправление; реформа; внутригородское деление; Самара.

Цитирование. Матвеев М.Н. Перераспределение полномочий и финансов между органами местного самоуправления Самары в ходе реформы внутригородского деления в 2015–2020 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 67–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-67-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Матвеев М.Н., 2022

Михаил Николаевич Матвеев – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2022

Revised: 27.02.2022

Accepted: 28.05.2022

**Redistribution of powers and finances between Samara local self-government
bodies during the intracity division reform in 2015–2020****M.N. Matveev**

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: matveev-mn@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7434-5018>

Abstract: In 2015, a local self-government reform in the form of the creation of intracity districts has been implemented in Samara. Formally, each intracity district became an independent municipality, with its own representative body, the Council of Deputies, the head of administration elected by it, and its own budget. This required a redistribution of powers between the city level of government and intracity areas. At the start of the reform, it was declared that its main goal was «bringing the government closer to the people». Therefore, it was expected that many important powers would be transferred to the district level. It was also expected that financial resources would be transferred along with these powers. Only in this case, the newly created municipalities at the level of Samara's urban districts could become full-fledged authorities. And the population of the districts would be able to receive most municipal services directly where they live. Also, deputies of numerous district councils would be able to perform their duties more efficiently. However, in practice it turned out that city officials are unwilling to share power and financial resources. And many powers cannot

work at the district level due to the fact that their implementation requires constant coordination with the mayor of the city. In 2019–2020, the Local Self-Government Committee of the Samara Provincial Duma, under the leadership of the author, analyzed the results of the reform, which provided a lot of factual material. One of the areas of analysis was the redistribution of powers, which showed that most of the powers previously transferred to the district level were then taken back as well as finances, the self-government of the districts turned out to be a fiction. The results of the analysis of powers are presented in this publication. It should be said that the inefficiency of the model of local self-government with intra-city division obviously does not stem from its nature, but is directly related to the situation when the city level of government, together with the governor's, actually discredit it in the eyes of the population, depriving it of real powers and financial resources.

Key words: local self-government; reform; intracity division; Samara.

Citation. Matveev M.N. Redistribution of powers and finances between Samara local self-government bodies during the intracity division reform in 2015–2020. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 67–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-67-71>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Matveev M.N., 2022

Mikhail N. Matveev – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В 2015 году в Самаре стартовала реформа местного самоуправления, которую начал тогдашний губернатор Самарской области Н.И. Меркушкин. Опираясь на новеллы федерального законодательства, предусматривающие возможность создания в областных центрах двухуровневой модели местного самоуправления (город – внутригородской район), он предложил трансформировать работающую модель в схему, по которой каждый городской район Самары становился формально отдельным муниципальным образованием, со своим представительным органом, советом, избираемым им главой и своим бюджетом. При этом всенародные выборы в городскую думу менялись на делегирование в нее депутатов из составов райсоветов по специальной квоте. Данная модель на всероссийском уровне была провозглашена наиболее приближенной к интересам населения и позиционировалась как предполагаемая к широкому применению в рамках развития агломераций [Сборник Госдума 2019, с. 143], хотя критики полагали, что истинный ее смысл был как раз в обратном: сконцентрировать муниципальные рычаги в руках губернаторов, отменить всенародные выборы мэра и городской думы и сделать их зависимыми от губернатора. Комитет гражданских инициатив, активно ратовавший за внедрение двухуровневой модели в городах, при этом отмечал, что к моменту принятия соответствующих норм федерального законодательства в 2/3 субъектов Российской Федерации данная модель не обсуждалась [Максимов, Соснин, Озяков 2017]. Предложенная модель подразумевала как возможность присоединения, так и выделения внутригородского района из городского округа с внутригородским делением.

Отметим, что двухуровневая модель местного (само)управления в городах существовала в советские годы и в начале 90-х годов XX века, когда на уровне внутригородских районов были свои советы народных депутатов и органы исполнительной власти. В административном центре Самарской области – городе Самаре, в советский период – Куйбышеве (Куйбышевская область), в 1987 году су-

ществовало 12 внутригородских советов народных депутатов (городских районов). Такое положение сохранилось в 1990–1993 гг. В 2015 году в Самаре было образовано 9 внутригородских муниципальных единиц [Дементьев 2020, с. 185]. В этом смысле возврат к подобной практике после 2014 года был как бы «хорошо забытым старым». Однако восстановление самостоятельности внутригородских районов оказалось делом непростым.

Следует подчеркнуть, что двухуровневое местное самоуправление в городах с созданием внутригородских районов в итоге было реализовано на основании принятых в 2014 году в федеральное законодательство о местном самоуправлении изменений (ФЗ 2014) только в Самаре, Челябинске и Махачкале. В этих субъектах были восстановлены спустя достаточно большой промежуток времени внутригородские муниципальные единицы в границах внутригородских районов. В Махачкале образовалось 3 внутригородских района (до 1993 г. было такое же число), в Самаре – 9 (до 1993 года было 12), в Челябинске – 7 (до 1993 г. было 12). Если посмотреть критерии границ их установлений, во всех региональных законах это были «исторически сложившиеся границы» [Дементьев, Дементьева, Бондарь 2021, с. 242]. В принятом на момент данной публикации (2022 г.) в первом чтении федеральном законе № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» внутригородское деление (за исключением городов федерального значения) как модель местного самоуправления было исключено вместе с поселковым уровнем из законодательства.

В 2019 году, накануне завершения работы районных советов первого созыва в Самаре, автором, являвшимся тогда председателем комитета Самарской губернской думы по местному самоуправлению, было инициировано на базе комитета масштабное исследование результатов реформы, итоги которого обобщены в сборнике «Реформа местного самоуправления Самары в 2015–2020 гг. Сборник документов и материалов», изданном Самарской губернской думой под редакцией автора

[Реформа местного самоуправления Самары 2021]. Ключевым направлением стал анализ перераспределения полномочий и их финансовое обеспечение. При этом внимание уделялось обоснованию предоставления местным бюджетам финансовых ресурсов из вышестоящих бюджетов при делегировании полномочий, т. к. очевидно, что необходимо выравнять сбалансированность и самостоятельность бюджетов [Шайхутдинов 2017, с. 483; Шугрина 2018].

Основная часть

В рамках проведения анализа практики реализации закона Самарской области от 30.03.2015 № 23-ГД «Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области» (ЗСО № 23-ГД 2015) и специального закона от 06.07.2015 № 74-ГД «О разграничении полномочий между органами местного самоуправления городского округа Самара и внутригородских районов городского округа Самара по решению вопросов местного значения внутригородских районов» (ЗСО № 74-ГД 2015) комитетом Самарской губернской думы по местному самоуправлению под руководством автора были проанализированы полномочия вновь созданных муниципальных образований – внутригородских районов.

С 2015 года на уровень районов из города передано 15 полномочий частично и 3 полностью (создание условий для развития народного художественного творчества, создание и развитие лечебно-оздоровительных местностей, курортов местного значения, осуществление муниципального лесного контроля), 4 закреплены исключительно за районами (владение и пользование (распоряжение) имуществом, обеспечение условий для развития физкультуры и спорта, создание условий для массового отдыха, организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью). Стоит отметить, что первоначально за органами местного самоуправления районов было закреплено больше полномочий [Реформа местного самоуправления Самары 2021, с. 169–170].

Следует понимать, что источники доходов и расходов местного бюджета важны не сами по себе в абсолютной величине, но в контексте соотношения с тем объемом полномочий, который возложен на органы местного самоуправления [Шугрина 2018, с. 72]. При старте реформы много слов было сказано о том, что население «должно дотянуться до власти рукой», из чего анонсировалось существенное перераспределение полномочий и финансов в пользу районов, которые должны были стать истинным центром власти для жителей. Однако на практике очень скоро выяснилось, что городские чиновники не очень хотят выпускать из своих рук полномочия и финансы, передавая их в районы. При этом 9 полномочий частично были переданы обратно на уровень города с районного (в т. ч. в сфере налогообложения, формирования и исполнения бюджета, правил благоустройства и т. д.). И еще 4 полномочия переданы обратно в город

полностью (охрана общественного порядка, признание права собственности на бесхозные сети и объекты, обеспечение жильем, оказание медицинской помощи) [Реформа местного самоуправления Самары 2021, с. 6].

При этом анализ финансирования полномочий показывает, что абсолютное большинство имеющих в районах полномочий специально не предусматривается бюджетами районов, в т. ч. по дорожной деятельности и созданию парковок, организации электро-, тепло-, газо-, водоснабжения населения, обеспечению жилыми помещениями нуждающихся, организации транспортного обслуживания в границах района, содержания детей в муниципальных образовательных учреждениях, охране объектов культурного наследия местного значения, выдаче разрешений на установку рекламных конструкций и т. д. Иными словами, центр принятия решений по абсолютному большинству вопросов остался в городе, а многие полномочия, которые передавались в районы, затем были забраны обратно. Одним из главных постулатов обратной передачи этих полномочий являлось то, что исполнение этих полномочий на уровне города будет более эффективным. При этом анализ финансирования полномочий внутригородских районов показал следующее.

По 13 полномочиям районов с 2016 по 2019 год не было вообще финансирования, то есть были полномочия с графой «ноль». Не финансировались вообще дорожная деятельность в районе, использование объектов культурного наследия, полномочия по созданию условий для предоставления транспортных услуг населению и другие. По утвержденным доходам и расходам бюджетов районов в сравнении с городским бюджетом между ними существует пропасть: почти все деньги (92,5 %), несмотря на проведенную реформу МСУ, остались в городе. Диспропорция бюджетов выглядела следующим образом: бюджет г. о. Самара составлял 25 млрд 456 млн руб., а суммарный бюджет районов – 1 млрд 900 млн руб. При таком распределении средств очевидно, что районы осуществляют свои полномочия номинально и не могут в полном мере вести свою деятельность в интересах населения. Реальная власть осталась в городе [Реформа местного самоуправления Самары 2021, с. 172].

Содержание местных администраций в год составило от 49483,7 тыс. до 100554,4 тыс. рублей, что составляет основную часть бюджетов районов. При этом суммы, заложенные в бюджетах районов, на содержание местной администрации в большинстве районов, выросли, дополнительно появились и повысились расходы на содержание управляющих микрорайонами, в итоге содержание местных администраций по сравнению с дореформенным 2014 годом увеличилось существенно (в среднем на 23 %). В большинстве районов (6 из 9) источником увеличения расходов на содержание чиновников и райсоветов стало перераспределение средств со статьи расходов на благоустройство (совокупно по районам за четыре года

около 270 млн руб., не считая 2015 года, когда со статей благоустройства для целей реформы были сняты еще большие суммы). Таким образом, введение внутригородского деления привело к росту управленческих расходов и аппарата и снижению районных расходов на значимые для населения направления, в частности благоустройство.

Заключение

Результаты анализа перераспределения полномочий между городом и районами в ходе реформы внутригородского деления в Самаре показали, что, во-первых, самостоятельность районов во многих вопросах противоречит сложившейся практике единства хозяйственного управления городом, а во-вторых, городской уровень не желает выпустить из своих рук вместе с полномочиями финансы. Декларируемое самоуправление внутригородских районов оказалось фикцией, реформа заявленных целей «приближения власти к народу» не достигла [Матвеев 2021, с. 9; Матвеев 2020].

На прошедшем в сентябре 2019 года семинаре-совещании «О практике реализации Закона Самарской области от 30.03.2015 г. № 23-ГД «Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области» состоялась обширная дискуссия, в которой приняли участия депутаты Самарской губернской думы и органов местного самоуправления Самары разных созывов, главы внутригородских районов Самары, ученые, экс-губернатор Самарской области К.А. Титов и первый председатель Самарской губернской думы Л.И. Ковальский. В итоге были приняты рекомендации рассмотреть возможность восстановления действующей до 2015 года модели организации местного самоуправления на территории городского округа Самара, то есть вернуться к одноуровневому местному самоуправлению [Реформа местного самоуправления Самары 2021, с. 177], которые, впрочем, были проигнори-

рованы органами власти, и в 2020 году модель была перезапущена на новый 5-летний срок.

Избиратели Самары оказались равнодушны к ней – явка на выборы в райсоветы Самары в 2020 году в среднем по городу составила 9–11 %. В 2021 году в федеральном законодательстве стали происходить серьезные изменения, вытекающие из внесенного в ст. 132 Конституции принципа «единства публичной власти» (Конституция Российской Федерации 2020). В 2022 году в Госдуму был внесен законопроект, предполагающий ликвидацию двухуровневой системы местного самоуправления. Его инициаторы сообщали, что одноуровневая система позволит повысить эффективность местных органов власти, укрепить финансовую основу их деятельности и избавиться от бесконечного перераспределения полномочий между администрациями поселений и администрациями муниципальных районов и городских округов [Проект закона... 2022]. На момент написания данной статьи он принят в первом чтении. И если ликвидация поселкового уровня местного самоуправления вызвала множество негативных отзывов в Комитет по региональной политике и местному самоуправлению, то идея ликвидации в областных центрах внутригородского уровня местного самоуправления ожесточенного сопротивления не встретила. Возможно, потому, что большинство субъектов Российской Федерации о нем давно забыло, а три города – Самара, Махачкала и Челябинск – не могли похвастаться результатами реализации.

В завершение следует сказать, что неработоспособность модели местного самоуправления с внутригородским делением, очевидно, не происходит из ее природы, а напрямую связана с ситуацией, когда городской уровень власти совместно с губернаторским фактически дискредитируют ее в глазах населения, лишая реальных полномочий и финансовых ресурсов.

Материалы исследования

ЗСО № 23-ГД 2015 – Закон Самарской области от 30.03.2015 № 23-ГД «Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области». URL: <https://base.garant.ru/8404943>.

ЗСО № 74-ГД 2015 – Закон Самарской области от 6 июля 2015 года № 74-ГД «О разграничении полномочий между органами местного самоуправления городского округа Самара и внутригородских районов городского округа Самара по решению вопросов местного значения внутригородских районов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/464020056>.

Конституция Российской Федерации 2020 – Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

ФЗ 2014 – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 27.05.2014 № 136-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524.

Библиографический список

Дементьев 2020 – Дементьев А.Н. Территориальная организация местного самоуправления в Российской Федерации (1990–2018 годы): монография. Москва: Норма, 2020. 230 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=357048>.

Дементьев, Дементьева, Бондарь 2021 – Дементьев А.Н., Дементьева О.А., Бондарь В.Н. Территориальная организация местного самоуправления: тенденции, критерии, перспективы: монография; под ред. А.Н. Дементьева. Москва: Норма, 2021. 360 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=377949>.

Максимов, Соснин, Озяков 2017 – *Максимов А., Соснин Д., Озяков А.* Аналитический доклад «Опыт создания городских округов с внутригородским делением: проблемы и перспективы» / Комитет гражданских инициатив. URL: <https://www.komitetgi.ru/upload/iblock/708/7087a1b267a35c7d19e541b7c7ac402a.docx>.

Матвеев 2020 – *Матвеев М.Н.* Об опыте регулирования вопросов разграничения полномочий органов местного самоуправления городского округа Самара и внутригородских районов в 2015–2019 годах // Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления / отв. ред. В.В. Балытников. Москва: ИИУ МГОУ, 2020. С. 44–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44908612&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/xmrcdg>.

Матвеев 2021 – *Матвеев М.Н.* Об опыте модели местного самоуправления с внутригородским делением в Самаре // Реформа местного самоуправления Самары в 2015–2020 гг.: сб. док. и матер. / под ред. М.Н. Матвеева. Самара: Самарская губернская дума, 2021. 214 с.; ил. 28., С. 5–11.

Реформа местного самоуправления Самары 2021 – *Реформа местного самоуправления Самары в 2015–2020 гг.* Сборник документов и материалов / под ред. М.Н. Матвеева. Самара: Самарская губернская дума, 2021. 214 с., илл. 28.

Проект закона... 2022 – *Проект закона о местном самоуправлении* // Российская газета. 24.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/24/pavel-krasheninnikov-predstavliaet-proekt-zakona-o-mestnom-samoupravlenii.html>.

Сборник Госдума 2019 – *Сборник материалов основных мероприятий, проведенных Комитетом Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления в седьмом созыве.* Москва: Издательство Государственной думы, 2019. 320 с. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/23_Sbornik_mat-lov_po_samoupravleniyu_V_PChAT.pdf.

Шайхутдинов 2017 – *Шайхутдинов А.Ф.* Проблемы финансового обеспечения органов местного самоуправления при реализации отдельных государственных полномочий в России // Молодой ученый. 2017. № 3 (137). С. 481–483. URL: <https://moluch.ru/archive/137/38293/> (дата обращения: 22.04.2022); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28102619>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqzffp>.

Шугрина 2018 – *Шугрина Е.С.* Местные бюджеты как финансовая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 67–74. URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2019/02/E.Shugrina_Local_budgets.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36455179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yofegd>.

References

Dementiev 2020 – *Dementiev A.N.* (2020) Territorial organization of local self-government in the Russian Federation (1990–2018): monograph. Moscow: Norma, 230 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=357048>. (In Russ.)

Dementiev, Dementieva, Bondar 2021 – *Dementiev A.N., Dementieva O.A., Bondar V.N.* (2021) Territorial organization of local self-government: trends, criteria, prospects: monograph; Dementiev A.N. (Ed.). Moscow: Norma, 360 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=377949>. (In Russ.)

Maksimov, Sosnin, Ozyakov 2017 – *Maksimov A., Sosnin D., Ozyakov A.* (2017) Analytical report «Experience of creating urban districts with intracity division: problems and prospects». Retrieved from the official website of the Committee of civil initiatives. URL: <https://www.komitetgi.ru/upload/iblock/708/7087a1b267a35c7d19e541b7c7ac402a.docx>. (In Russ.)

Matveev 2020 – *Matveev M.N.* (2020) On the experience of regulating the issues of delimitation of powers of local governments of the city district of Samara and intracity districts in 2015–2019. In: Balytnikov V.V. (Ed.) Unity of public authority in modern society: collection of works of the Center for Research on Problems of Territorial Administration and Self-Government. Moscow: IIU MGOU, pp. 44–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44908612&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/xmrcdg>. (In Russ.)

Matveev 2021 – *Matveev M.N.* (2021) On the experience of the model of local self-government with intra-city division in Samara. In: *Matveev M.N. (Ed.) Reform of local self-government of Samara in 2015–2020: collection of documents and materials.* Samara: Samarskaya gubernskaya дума, 214 p.; illustrations 28, pp. 5–11. (In Russ.)

Proekt zakona... 2022 – *Proekt zakona o mestnom samoupravlenii Rossiiskaya gazeta.* 24.01.2022. Available at: <https://rg.ru/2022/01/24/pavel-krasheninnikov-predstavliaet-proekt-zakona-o-mestnom-samoupravlenii.html>. (In Russ.)

Collection of the State Duma 2019 – *Collection of materials of the main events held by the State Duma Committee on the federal structure and issues of local self-government in the seventh convocation.* Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennoi dumy, 320 p. Available at: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/23_Sbornik_mat-lov_po_samoupravleniyu_V_PChAT.pdf. (In Russ.)

Shaikhutdinov 2017 – *Shaikhutdinov A.F.* (2017) Problems of financial support of local self-government bodies in the implementation of certain state powers in Russia. *Molodoi uchenyi*, no. 3 (137), pp. 481–483. Available at: <https://moluch.ru/archive/137/38293/> (accessed 22.04.2022); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28102619>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xqzffp>. (In Russ.)

Shugrina 2018 – *Shugrina E.S.* (2018) Local budgets as a financial basis for exercising of powers of local self-government authorities. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 67–74. Available at: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2019/02/E.Shugrina_Local_budgets.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36455179>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yofegd>. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.09

Дата поступления: 12.03.2022
рецензирования: 17.04.2022
принятия: 28.05.2022

Становление субъектной позиции обучающегося в вузе

Н.П. УстиноваИжевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова,
г. Ижевск, Российская ФедерацияE-mail: usti-natalya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-5719>

Аннотация: Модернизация образования и приобретение им ценностно-целевого основания государственной политики России предполагает, что основой педагогической деятельности в вузе становится создание условий для саморазвития молодого человека, понимания им роли и личного участия в развитии экономики государства. В настоящее время существует проблема включенности и вовлеченности учащегося в обучение, что напрямую влияет на становление его активной позиции в жизнедеятельности и перспективе развития. Одним из решений может стать формирование его субъектной позиции в процессе обучения и воспитания. В статье дается определение субъектности как интегративного свойства личности, системообразующего компоненты (мотивационный, познавательный и деятельностный), которые отражают направленность личности на понимание личного образовательного результата. На основе предложенной структуры рассмотрены этапы становления субъектной позиции учащегося. Каждый этап способствует формированию определенного вида универсальных учебных действий, благодаря чему идет поэтапное приращение субъектности. Как итог возникает понимание собственного обучающего результата, что способствует формированию заданных компетенций в рамках внешних образовательных целей.

Ключевые слова: субъектность; субъектная позиция; личный образовательный результат; становление субъектной позиции.

Цитирование. Устинова Н.П. Становление субъектной позиции обучающегося в вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 72–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Устинова Н.П., 2022

Наталья Павловна Устинова – кандидат педагогических наук, начальник отдела организационно-воспитательной работы, доцент кафедры инженерной графики, профессиональной педагогики и технологии рекламы, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 426069, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.03.2022

Revised: 17.04.2022

Accepted: 28.05.2022

Formation of a student's subjective position at a university

N.P. Ustinova Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: usti-natalya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-5719>

Abstract: Modernization of education and its acquisition of a value-oriented foundation of the state policy of Russia assumes that the basis of pedagogical activity at the university is the creation of conditions for the self-development of a young person, his understanding of the role and personal participation in the development of the economy of the state. Currently, there is a problem of inclusion and involvement of the student in learning, which directly affects the formation of his active position in life and development prospects. One of the solutions may be the formation of a student's subjective position in the process of learning and upbringing. In the article, the author defines subjectivity as an integrative property of personality, the system-forming components of which (motivational, cognitive and activity) reflect the orientation of the individual to understand the personal educational result. Based on the proposed structure, the stages of the formation of the student's subjective position are considered. Each stage contributes to the formation of a certain type of universal educational actions, as a result of which there is a gradual increment of subjectivity. As a result,

the student has an understanding of his own learning result, which contributes to the formation of specified competencies within the framework of external educational goals.

Key words: subjectivity; subjective position; personal educational result; formation of a subjective position.

Citation. Ustinova N.P. Formation of a student's subjective position at a university. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 72–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-72-75>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Ustinova N.P., 2022

Natalia P. Ustinova – Candidate of Pedagogical Sciences, head of the Department of Organizational and Educational Work, associate professor of the Department of Engineering Graphics, Professional Pedagogy and Advertising Technology, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 7, Studencheskaya Street, Izhevsk, 426069, Russian Federation.

Введение

Одними из основных стратегических ориентиров развития современной России являются экономический рост и национальное благосостояние. Именно интеллектуальный капитал страны определяет темп и характер обновления технологий, влияет на результат производственной деятельности. Ведущие российские компании, предъявляя требования к выпускникам вузов, наряду с профессиональными компетенциями рассматривают умение самостоятельно работать, принимать конструктивные решения, саморазвиваться, проявлять ответственность. В настоящее время образование становится ценностно-целевым основанием государственной политики России, а любая педагогическая деятельность направляется на создание условий, которые позволяют молодому человеку стать субъектом культуры, собственного развития и собственной жизни. Сегодня много говорится о субъект-субъектном обучении, где учащийся становится не просто исполнителем, а автором своей деятельности. Но сложившаяся ситуация в образовании свидетельствует о противоположном. Одной из острых проблем является отсутствие мотивации и вовлеченности учащихся в образовательный процесс. Причин здесь много и решений, соответственно, тоже. Одним из ориентиров может стать формирование субъектной позиции обучающегося.

В современной педагогической науке изучению субъектности и становлению субъектной позиции в учебно-воспитательном процессе уделяется особое внимание. Ряд авторов рассматривают субъектность учащегося как важную характеристику будущего современного специалиста, способного к самостоятельному принятию решений, прогнозированию последствий выбора, обладающего чувством ответственности за судьбу страны [Блиева 2007; Левицкая 2014; Менщикова 2014].

Структура субъектности учащегося

Анализ теоретических подходов к решению обозначенной проблемы показал, что современные исследователи определяют субъектную позицию личности как целенаправленную, активную и рациональную позицию человека в повседневной жизнедеятельности и по мере его развития [Борытко 2007; Битянова, Беглова 2016; Ленглер 2012]. Однако формирование субъектной позиции учащегося также может стать способом вовлече-

ния в предметную область. Только позиция субъекта, активно участвующего в своем образовании при принятии ответственности за его результат, может обеспечить мотивацию к получению знаний, умений и навыков. Важно осознавать, что и формирование субъектности, и ее проявление в поведении личности происходят только в ходе активной деятельности на основе личностных целей и ценностей. Таким образом, субъектность может рассматриваться как интегративное свойство личности, системообразующие компоненты (мотивационный, познавательный и деятельностный), отражающие направленность личности на понимание личностного образовательного результата, проявляющегося сформированной системой ценностей, вовлеченностью в процесс обучения и умением применять полученные знания в реальных жизненных ситуациях (рис. 1).

Практическая значимость предложенной структуры заключается в том, что ее структурные компоненты и их показатели могут стать инструментом для проведения эмпирических исследований в области становления субъектной позиции обучающегося. Предложенная структура позволяет определять взаимосвязь субъектной позиции с уровнем учебной и социальной активности, вовлекая в процесс обучения слабо мотивированных обучающихся [Битянова, Беглова 2016; Борытко, Мацкайлова 2002].

Формирование субъектной позиции

В педагогической теории существует ряд моделей, описывающих формирование субъектной позиции учащихся. Развитие субъектности представляет собой постепенное приращение способности управлять своей активностью, своими действиями и деятельностью в целом (Исаев, Слободчиков 2013). Для развития субъектной позиции необходимо превратить внешнее событие учащегося в событие его внутренней жизни. Задача педагога заключается в том, чтобы связать внешние образовательные цели, педагогические цели и личные цели с измеримым личным образовательным результатом [Руднева 2021].

Предложенная нами структура субъектности позволяет представить формирование субъектной позиции учащегося в виде конструкта, состоящего из пяти этапов, каждый из которых способствует росту определенного вида универсальных учебных действий, что дает поэтапное приращение субъектности (рис. 2).

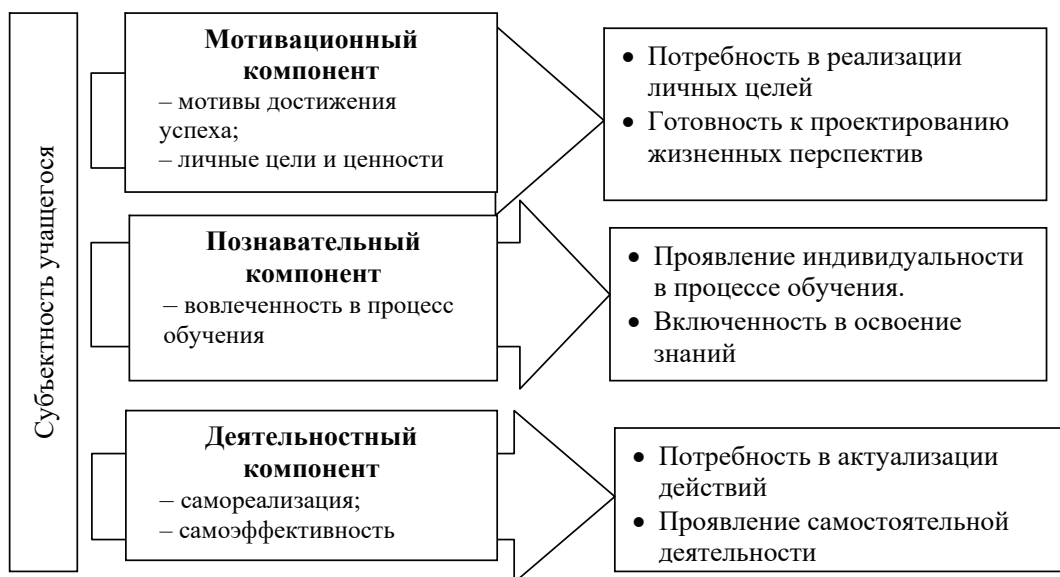

Рис. 1. Структура субъектности обучающегося

Fig. 1. Structure of the student's subjectivity

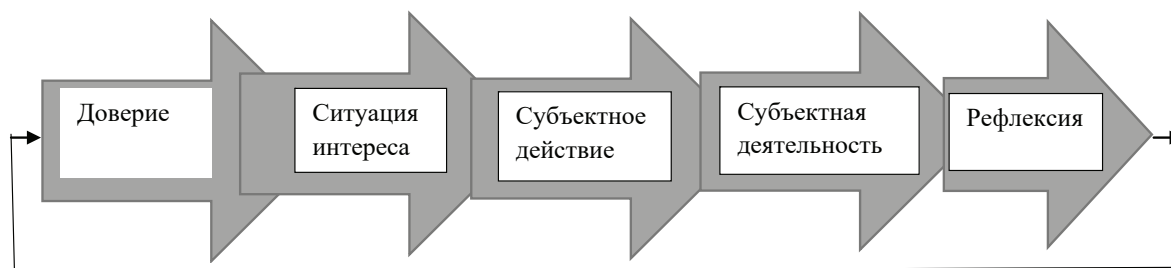

Рис. 2. Этапы формирования субъектной позиции обучающегося

Fig. 2. Stages of formation of the student's subjective position

Первый – этап доверия, где происходит понимание педагогом и обучающимся своей субъектной роли в процессе обучения. На данном этапе выстраиваются между субъектами доверительные отношения. Педагог принимает роль наставника в организации самостоятельной деятельности, чему способствуют правила взаимодействия и коммуникации.

Второй этап – создание ситуации интереса. На данном этапе уточняется интерес к изучению материала на основе личных целей и ценностей каждого субъекта обучения. Это может происходить в форме эссе, гугл-опроса, общей беседы и т. д. Задача педагога – приблизить педагогические цели к личным целям обучающегося.

Следующий этап – субъектное действие, обусловленное целью и задачами, собственными ценностями. Происходит осознание выбранного способа действия, его оценка, нахождение перспектив усовершенствования. В рамках заданных образовательных целей возникает ситуация выбора, адекватность которой определяется индивидуальностью и творчеством при организации собственной деятельности.

Следующий этап – субъектная деятельность по достижению целей сопровождается вовлечением в процесс деятельности субъектов взаимодействия: педагог выполняет роль наставника, обучающийся – роль организатора собственной деятельности. Последний этап – рефлексия, осознание субъектом достижений личных целей, полноты получения результата обучения, осмысления и анализа приобретенных знаний в общей структуре образовательного результата, планируемых компетенций, потребности в обретении новых знаний и навыков.

Выводы

В целях достижения личностных образовательных результатов обучающихся в вузе педагогическая деятельность направляется на создание условий для развития субъектной позиции. Осознание своих возможностей и понимание личностного образовательного результата стимулируют к активной деятельности, в ходе которой происходит становление субъектной позиции, задающей образец поведения в учебной деятельности и профессиональной.

Материалы исследования

Исаев, Слободчиков 2013 – *Исаев Е.И., Слободчиков В.И.* Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах: учебное пособие / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. 431 с.

Библиографический список

Битянова, Беглова 2016 – *Битянова М.Р., Беглова Т.В.* Развитие субъектной позиции учащихся: модель и технология // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 5. С. 112–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektnoy-pozitsii-uchaschihsya-model-i-tehnologiya>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27279190>. EDN: <https://elibrary.ru/wyysid>.

Блиева 2007 – *Блиева Ф.И.* Структура профессиональной субъектной позиции будущего специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2007. № 3. С. 123–129. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.4/577/blieva2007_4.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11933827>. EDN: <https://elibrary.ru/kbdvxl>.

Борытко, Мацкайлова 2002 – *Борытко Н.М., Мацкайлова О.М.* Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока: монография / науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: Изд-во ВГИПКРО, 2002. 132 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25947616>. EDN: <https://elibrary.ru/vvvcmh>.

Левицкая 2014 – *Левицкая Л. В.* Субъектная позиция личности как этап на пути к профессиональной самореализации студенческой молодежи // Концепт. 2014. Т. 20. С. 4066–4070. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55078.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21806632>. EDN: <https://elibrary.ru/sjfbid>.

Ленглер 2012 – *Ленглер О.А.* Субъектность человека: психолого-педагогические основы // Молодой ученый. 2012. № 11 (46). С. 440–442. URL: <https://moluch.ru/archive/46/5654/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18091296>. EDN: <https://elibrary.ru/pfxest>.

Менщикова 2014 – *Менщикова И.А.* Субъектная позиция профессионального самоопределения студентов университета на завершающем этапе их обучения // Фундаментальные исследования. 2014. № 1. С. 154–159. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33523>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21247540>. EDN: <https://elibrary.ru/rwyyst>.

Руднева 2021 – *Руднева Т.И.* Профессиональное развитие – фактор профессиональной успешности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://elibrary.ru/pgdbnk>.

References

Bityanova, Beglova 2016 – *Bityanova M.R., Beglova T.V.* (2016) Development of a subject position students: model and technology. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 5, pp. 112–117. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektnoy-pozitsii-uchaschihsya-model-i-tehnologiya>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27279190>. EDN: <https://elibrary.ru/wyysid>. (In Russ.)

Blieva 2007 – *Blieva F.I.* (2007) Structure of the professional subjective position of the future specialist. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology»*, no. 3, pp. 123–129. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.4/577/blieva2007_4.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11933827>. EDN: <https://elibrary.ru/kbdvxl>. (In Russ.)

Borytko, Matskailova 2002 – *Borytko N.M., Matskailova O.M.* (2002) Formation of the student's subjective position in the humanitarian space of the lesson: monograph; Sergeev N.K. (Ed.). Volgograd: Izd-vo VGIPKRO, 132 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25947616>. EDN: <https://elibrary.ru/vvvcmh>. (In Russ.)

Levitskaya 2014 – *Levitsky L.V.* (2014) Subject position of the person as a stage on the way to professional self-actualization of students. *Scientific-methodological electronic journal «Koncept»*, vol. 20, pp. 4066–4070. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/55078.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21806632>. EDN: <https://elibrary.ru/sjfbid>. (In Russ.)

Langler 2012 – *Langler O.A.* (2012) Human subjectivity: psychological and pedagogical foundations. *Molodoi uchenyi*, no. 11 (46), pp. 440–442. Available at: <https://moluch.ru/archive/46/5654/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18091296>. EDN: <https://elibrary.ru/pfxest>. (In Russ.)

Menshchikova 2014 – *Menshchikova I.A.* (2014) Subject position in professional identity within senior university students. *Fundamental Research*, no. 1, pp. 154–159. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33523>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21247540>. EDN: <https://elibrary.ru/rwyyst>. (In Russ.)

Rudneva 2021 – *Rudneva T.I.* (2021) Professional development – factor of professional success. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. EDN: <https://elibrary.ru/pgdbnk>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 18.02.2022
рецензирования: 23.03.2022
принятия: 28.05.2022

Готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий

Л.И. Родина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: larisa_rodina2010@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2404-4465>

Аннотация: Готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий имеет модульную основу, представленную личностным, гностическим и процессуальным компонентами. В статье анализируется наличный уровень знаний преподавателей Самарского государственного института культуры и Самарского университета о специфических возможностях обучающихся с различными нозологиями. Эти знания касаются вопросов психического развития обучающихся; способностей к приему, переработке, хранению и использованию информации; трудностей словесного опосредования хранения и использования информации; технических возможностей организации процесса обучения; готовности к совместному обучению. Подготовка преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися различных нозологий выстраивается на основе системно-целостного подхода, его основных принципов: системности, целостности, структурности, управляемости, преобразования.

Ключевые слова: системный-целостный подход; нозологии; взаимодействие; готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий.

Цитирование. Родина Л.И. Готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 76–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-76-84>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Родина Л.И., 2022

Лариса Игоревна Родина – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2022
Revised: 23.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Readiness of teacher the interact with students of different nosologies

L.I. Rodina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: larisa_rodina2010@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2404-4465>

Abstract: The readiness of a university teacher to interact with students of different nosologies has a modular basis, represented by personal, gnostic and procedural components. The article analyzes the current level of knowledge of teachers of the Samara State Institute of Culture and Samara University about the specific capabilities of students with various nosologies. This knowledge relates to the mental development of students; abilities to receive, process, store and use information; difficulties in verbal mediation of information storage and use; technical possibilities of organizing the learning process; readiness for collaborative learning. The preparation of university teachers for interaction with students of various nosologies is built on the basis of a system-holistic approach, its main principles: consistency, integrity, structurality, controllability, transformation.

Key words: system-holistic approach; nosology; interaction; readiness of a university teacher to interact with students of different nosologies.

Citation. Rodina L.I. Readiness of teacher the interact with students of different nosologies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 76–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-76-84>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Rodina L.I., 2022

Larisa I. Rodina – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Процесс подготовки преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий основан на позициях системно-целостного подхода, который представлен онтологическими, гносеологическими и методологическими основаниями [Блаунберг, Юдин 1997]. Данные основания определяют основные компоненты готовности преподавателей. В онтологическом контексте взаимодействие представляет собой пространственно-временную структуру реальности, в результате которой организуется общение, основанное на партнерских отношениях, общих интересах, потребностях, создаются технологии взаимодействия, вырабатывается общая позиция. В онтологии взаимодействие иллюстрирует интерактивную сторону общения. Онтологическое основание дает возможность выстроить взаимодействие на осознании своей роли в данном процессе, что создает возможность посмотреть на себя со стороны.

Е.Б. Агошкова, Б.В. Ахлибинская, анализируя гносеологию как систему научного знания, разделяют ее на две составляющие. Одна представляет гносеологию как системность самого знания; другая сопряжена с понятием «закон» и «закономерность» [Агошкова, Ахлибинская 1998]. Знаниевая составляющая определяет потребность преподавателя в активной деятельности, в организации взаимодействия с пониманием специфических особенностей обучающихся разных нозологических групп, их индивидуальных возможностей. Гносеологический аспект позволяет выстроить содержание процесса подготовки преподавателей к взаимодействию с особой категорией обучающихся.

Методологическое основание системно-целостного подхода как учение о методе научного познания и организации учебной деятельности дает понимание сущности системных исследований, которые положены в основу подготовки преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий (Краевский 2001) [Новиков 2006]. Поскольку методология рассматривает деятельность во всех гранях, то она одновременно затрагивает спектр онтологических, гносеологических и методологических аспектов, не прибегая к четкому их разграничению [Садовский 1978].

Анализируя взаимодействие с обучающимися различных нозологий, успех которого прежде всего зависит от способности преподавателя организовать свою работу на основе межличностного общения с субъектом, мы придерживаемся мнения Б.Ф. Ломова, что педагогическая деятельность как таковая строится в соответствии с системой психологических законов общения, взаимодействия [Ломов 1984]. А.А. Бодалев разделяет взаимодействие и коммуникацию. При осуществлении коммуникации информацию получает только реципиент. Так как она идет в одну сторону, то количество информации уменьшается в ходе ее движения от коммуникатора к реципиенту. Во взаимодействии же информация циркулирует между партнерами,

но, поскольку оба они равно активны, информация не убывает, а увеличивается, обогащается, расширяется в процессе ее циркуляции [Бодалев 2018].

Исследуя готовность преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий, анализу подвергаем психолого-педагогические и дефектологические знания, а целью педагогической деятельности становится развитие технических возможностей преподавателя. Ценности, мотивы, направленность являются основными характеристиками личностной готовности к выстраиванию взаимодействия, важным условием формирования субъект-субъектных отношений [Родина 2019]. Преподаватель вуза отвечает за организацию условий успешного обучения, где актуальность проблемы успешного обучения студентов коррелирует с успешностью в профессиональной деятельности [Руднева 2021].

Степень разработанности проблемы

Проблема подготовки преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий реализуется в системе дополнительного образования, которая опирается на системно-целостный подход к взаимодействию, эффективному педагогическому общению [Зимняя 2016].

С.В. Кондратьева, А.А. Леонтьев рассматривают общение как системный, многоплановый процесс организации и развития коммуникации взаимопонимания и взаимодействия между педагогом и учащимся с учетом бытийности, знаний и умений выстраивать его [Леонтьев 2012]. В основе готовности преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий лежит организация продуктивного общения, предполагающая наличие высокого уровня развития коммуникативных умений [Кузьмина 2012].

В.П. Гудонис, Л.И. Плаксина, рассматривая основные уровни поражения зрительной системы, выделяют определенные функциональные отклонения, а, анализируя особенности зрительной дисфункции, Э.С. Аветисов, Л.И. Плаксина выделяют такие ее характеристики, как миопия, гиперметропия, астигматизм, катаракта, глаукома [Гудонис 2005] (Плаксина 1999). Изучая возможности слепых и слабовидящих, И.П. Волкова в своих исследованиях отмечает, что слуховое и осязательное восприятие являются основными компенсирующими механизмами слепых при понимании окружающего мира. Значение слуха в жизни слабовидящих неизмеримо больше, чем у людей с нормальным зрением [Волкова 2005]. Однако следует отметить, что такие качества внимания, как активность, направленность, интенсивность, сосредоточенность, устойчивость, оказываются способны достигать уровня развития, свойственного нормально видящим людям, а иногда и превышать его (Дружинина, Осипова, Плаксина 2017). У обучающегося наблюдается чувство усталости слухового анализатора и дезориентации в пространстве в условиях повышенного уровня шума,

вибрации, длительных звуковых воздействий [Гудонис 2005]. При организации взаимодействия следует учитывать данные особенности студента и общение выстраивать с учетом их индивидуальных возможностей. Л.С. Выготский так определял компенсаторные возможности слепого человека: «Слепота, создавая новый, особенный склад личности, вызывает к жизни новые силы, изменяет нормальные направления функций, творчески и органически пересоздает и формирует психику человека. Следовательно, слепота есть не только дефект, минус, слабость, но и в каком-то смысле источник выявления способностей, плюс сила» [Выготский 2003].

Глухота проявляется в полном нарушении слуховой функции. Неудовлетворенность потребности в общении ведет к определенной изоляции, эмоциональным и поведенческим нарушениям, раздражительности и агрессивности [Базоев 1996] (Учебное пособие... 2017). Неслышащие люди отличаются меньшей социальной зрелостью [Пархалина, Сафонова 2000]. Глухота появляется в связи с нарушениями внутреннего уха, а также проблемами слухового нерва, возникающими вследствие таких инфекционных заболеваний, как менингит, отит, грипп и т. д. Если возникновение глухоты происходит после освоения человеком речи, то речь сохраняется, даже при абсолютной глухоте, а ситуация глухоты до начала освоения человеком речи приводит к немоглухоте [Андреева 2005]. В адаптации к окружающему миру люди с нарушением слуха могут проявлять повышенную тревожность, беспокойство, фрустрацию, апатичность, что приводит к нарушению эмоционального контроля, боязни принимать самостоятельные решения [Пархалина, Сафонова 2000].

Расстройство аутистического спектра может выражаться в любом нарушении поведения: гиперактивности, неумении организовать жизненное пространство, апатичности в деятельности, нежелании совместной работы и иных поведенческих деформациях. О.С. Никольская выделяет основные группы людей с нарушением аутистического спектра, которые дифференцированы с учетом тяжести проявления болезни, что позволяет с учетом специфики взаимодействия в процессе обучения проводить психологическую коррекцию, опираясь на реальные возможности человека (Григоренко 2018) [Никольская, Баенская, Либлин 2010]. В целом аутизм характеризуют нетипичные модели поведения, трудности, связанные с переходом от одного вида деятельности к другому, большая сосредоточенность на деталях [Никольская, Баенская, Либлин 2010]. Ведущим психопатологическим синдромом людей этой группы является ранимость. Они могут выглядеть пугливыми, рассеянными, однако могут демонстрировать лучшие результаты своей деятельности [Никольская, Баенская, Либлин и др. 2005].

Шалина Т.И., Петрова Л.А. различают следующие виды патологии опорно-двигательного ап-

парата: заболевания нервной системы, врожденную патологию опорно-двигательного аппарата, детский церебральный паралич, приобретенные заболевания и спинальные нарушения (Шалина, Петрова 2011). Среди большого количества поражений опорно-двигательного аппарата детский церебральный паралич как врожденная патология нервной системы в большей степени доминирует у обучающихся. Данное нарушение ведет к потере опороспособности, равновесия, вертикальной позы, ориентировки в пространстве, координации микро-и/или макромоторики [Бадалян, Журба, Тимонина 1988]. Возможными проявлениями спинальных нарушений являются контрактуры, нарушающие подвижность организма (Спинальный мозг 2018). К врожденным заболеваниям опорно-двигательного аппарата относят также различные виды деформаций позвоночника, бедренного сустава, стоп, кистей рук и врожденные уродства. Приобретенные заболевания связаны с такими нарушениями функций организма, как системные заболевания скелета (хондродистрофия, рахит), повреждениями головного и спинного мозга, травмами опорно-двигательного аппарата [Изель 2014].

И.Ю. Левченко, О.Г. Приходько, рассматривая клинику психолого-педагогическую характеристику обучающихся с нарушением опорно-двигательного аппарата, выделяют специфические особенности студентов данной категории. Это изолированность, связанная с ограничением движения, сниженный запас сведений и представлений об окружающем мире, нарушение познавательно-интеллектуальной сферы, снижение способности к концентрации внимания, преобладание слуховой памяти над зрительной, снижение объема механической памяти, повышенная истощаемость психических процессов (Левченко, Приходько 2001). В силу своеобразности патологии одной из основных задач во взаимодействии становятся ориентировка человека на перспективы, реконструкция нарушенных межличностных отношений, когнитивная перестройка его представлений [Гордиевская, Овчинников 2008].

Результаты исследования

При определении готовности преподавателя вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий обратились к изучению их возможностей, которые позволяют независимо от патологии понять индивидуальные психолого-педагогические особенности обучающегося, специфику мыслительной деятельности, поведения, техническую составляющую организации процесса обучения.

Выпадение или глубокое нарушение функции зрения ведут к уменьшению количества получаемой человеком информации. Зрительная дисфункция вызывает отклонения практически во всех видах жизнедеятельности, так как происходит нарушение таких психических процессов, как речь, внимание, память, мыслительные процессы, из-

меняются ценности, окружающий мир и общение. У слепых и слабовидящих наблюдается быстрая утомляемость, так как в своей деятельности они используют дополнительные средства усвоения информации, кроме взаимодействия с преподавателем. Нарушение осанки, пластики, точности движения, координации в пространстве являются основными проблемами передвижения слепых и слабовидящих. У них можно выделить и ряд заболеваний: сердечно-сосудистые нарушения, проблемы органов дыхания, мозговую дисфункцию, снижение слуха, часто проявляющиеся неврозы. Обозначенные нарушения ведут к быстрой утомляемости человека, изменению его самоконтроля и проблемам в самореализации.

В ходе исследования было выявлено, что преподаватели не знакомы с особенностями психического развития слепых и слабовидящих обучающихся, в связи с чем сложно выстраивают с ними взаимодействие, не имеют технической возможности организовать процесс совместного обучения студентов. Мышление человека неразрывно связано с его речью, а если речь глухого, тугоухого не развита, то длительное время мышление продолжает оставаться на уровне наглядно-действенного и наглядно-образного, а в грамматическом, лексическом и фонетическом восприятии речи возникают проблемы.

Взаимодействие с обучающимися с нарушением слуха начинается со знакомства с особенностями их психического развития, способности к приему, переработке, хранению и использованию информации. Вследствие искажения слухового восприятия и замедленного процесса формирования понятий у глухих и тугоухих обучающихся возникают трудности словесного опосредования. В связи с этим преподавателям сложно понять обучающегося и выстроить с ним взаимодействие.

Расстройство аутистического спектра – это ментальные нарушения, связанные со способностью к социальному взаимодействию и поведению. Аутизм является достаточно неординарной болезнью и проявляется у каждого заболевшего человека по-разному. Выделяем общие признаки аутизма:

- отсутствует восприятие прямого зрительного контакта;
- отсутствует реакция на мимическое выражение, жестикуляцию, яркое выражение эмоций, громкий голос, резкие движения;
- фиксация взгляда на неодушевленных предметах, а не на окружающих людях;
- непонимание подтекстного уровня информации;
- несформированность социальных и эмоциональных связей и зависимостей с микросоциумом;
- склонность к повторяющемуся поведению либо выстраивание собственного поведения на повторяющихся сценариях;
- аутоагрессия (как механизм психологической защиты), выражающаяся в повреждениях самого

себя (укусы, удары, телесные повреждения и иные психопатологические выпадки);

- специфическое развитие речи (спонтанная речь, монологи без конкретного адресата, эхолалия, стереотипная речь)

Преподаватели не знакомы с особенностями психического развития обучающихся с нарушением аутистического спектра, отсутствуют знания об уклонении обучающихся от вербального общения, о неумении поддерживать общие беседы, проявить активность на занятии. Преподаватели также не имеют знаний о немативированном поведении обучающихся (пассивность или, наоборот, чрезмерная активность), потере чувства реального времени; отсутствию желания к совместной деятельности (как правило, это студенты-одиночки). Поскольку людям с синдромом аутизма свойственны стереотипные движения, повторения фраз, зачастую заимствованных из фильмов, песен, может быть, СМИ, то у преподавателей не всегда складываются взаимоотношения с обучающимися [Калуцкая, Поддъяков 2007].

Двигательный дефект выражается в разной степени патологии двигательной сферы.

Так, при легкой степени люди не теряют способности к самостоятельной деятельности (движение, самообслуживание, манипулирование предметами). Тяжелая степень характеризуется отсутствием навыков передвижения и неспособностью взаимодействовать с предметами. Общие признаки людей с нарушением опорно-двигательного аппарата:

- нарушение привычного общения, изолированность, связанная с ограничением движения;
- отсутствие желания осваивать новый вид деятельности;
- нарушение познавательно-интеллектуальной сферы, ведущее к потере интереса к жизни в целом;
- снижение способности к концентрации внимания, преобладание слуховой памяти над зрительной, снижение объема механической памяти;
- повышенная истощаемость психических процессов.

Особую сложность вызывают ампутационные патологии. У человека, перенесшего ампутацию, возникает множество психологических, бытовых проблем, ведущих к личностным расстройствам – это депрессия, потеря смысла жизни, финансовая неустроенность, само качество жизни. Поэтому одной из основных задач становится ориентировка человека на его будущее перспективы, реконструкция нарушенных межличностных отношений, когнитивная перестройка его представлений.

Результаты проведенного исследования (выборку составили преподаватели Самарского государственного института культуры и Самарского университета) показали низкий уровень готовности преподавателей к взаимодействию с обучающимися разных нозологий (табл. 1).

Таблица 1

Готовность преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий

Table 1

Readiness of a university teacher to interact with students of different nosologies

Исследуемые показатели	Уровень готовности преподавателей к взаимодействию с обучающимися разных нозологий, в %			
	Нарушение зрения	Нарушение слуха	Нарушение аутистического спектра	Нарушение опорно-двигательного аппарата
1. Преподаватели не знакомы со специфическими особенностями здоровья обучающихся	79	79	79	71
2. Преподаватели не знакомы с психолого-педагогическими особенностями обучающихся	82	74	75	68
3. Преподаватели не знакомы со специфичностью поведения обучающихся	70	75	69	69
4. Преподаватели не готовы к совместному обучению	49	82	64	64
5. Преподаватели не знакомы со спецификой мыслительной деятельности обучающихся	82	83	83	83
6. У преподавателей отсутствует умение выстраивать взаимодействие с обучающимися	69	69	69	69
7. Преподаватели не имеют знаний о техниках организации учебного процесса	90	90	44	44

Таблица 2

Структура готовности преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий

Table 2

Structure of readiness of a university teacher to interact with students of different nosologies

Содержание	Виды	Показатели	Требования к личности преподавателя
1. М. Л.	Компоненты готовности		
	Личностная готовность	– Направленность на взаимодействие – Ценности взаимодействия – Мотивы взаимодействия	– Поддержка успешного взаимодействия через сотрудничество, доверие обучающихся разных нозологий – Установка на развитие индивидуально-личностного потенциала обучающихся – Конфиденциальность взаимодействия с обучающимися – Чуткость, сопереживание во взаимодействии Отсутствие макиавеллизма во взаимодействии – Этическая готовность к взаимодействию
2. М.Г.	Гностическая готовность	– Знание природы и сущности взаимодействия – Знание индивидуальных особенностей студентов разных нозологий – Знание особенностей взаимодействия с обучающимися разных нозологий	– Причины нарушений обучающихся – Закономерности взаимодействия обучающихся разных нозологий – Психологическая готовность преподавателей (эмпатийная готовность, устойчивость в стрессовых ситуациях)
3. М.П.	Процессуальная готовность	– Специфика взаимодействия с обучающимися с нарушением слуха – Специфика взаимодействия с обучающимися с нарушением зрения. – Специфика взаимодействия с обучающимися с ментальными нарушениями – Специфика взаимодействия с обучающимися с нарушением опорно-двигательного аппарата	– Владение методиками моделирования взаимодействия с обучающимися – Владение технологиями взаимодействия – Организация безбарьерной среды взаимодействия

Отсутствие знаний медицинского и дефектологического характера у преподавателей создает барьеры к взаимодействию с обучающимися разных нозологий.

Содержание дополнительной профессиональной программы преподавателей представлено основными знаниями патологии, физиологических и психологических изменений в развитии болезни, спецификой и способами взаимодействия с обучающимися. Профессиональная подготовка предусматривает функционально-ролевую готовность к взаимодействию в условиях процесса обучения. Реализация программы ориентирована на формирование направленности, мотивации и ценности взаимодействия, знание его природы, возможностей обучающихся, специфики организации данного процесса (табл. 2).

Данная модель реализуется через комплекс модулей: 1. М.Л. – выражает личностный аспект в восприятии обучающихся разных нозологий; 2. М.Г – характеризует знаниевую готовность преподавателей к взаимодействию; 3. М.П. – способствует формированию технологической готовности к трансформации процесса взаимодействия. В ходе освоения средств взаимодействия с обучающимися разных нозологий преподаватель вуза знакомится с анатомо-физиологическими особенностями обучающихся, их психолого-педагогическим статусом, возможностями мыслительной деятельности, спецификой общения. Важна этическая готовность к взаимодействию, куда входит принятие приоритета личности обучающегося, естественности его индивидуальных различий, стремление к развитию способностей, а также знание ресурса студентов с особыми образовательными потребностями.

Подготовка преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий в фор-

мате повышения квалификации была проведена согласно документу Министерства науки и высшего образования РФ «Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащённости образовательного процесса (утв. Министерством науки и высшего образования РФ 8 апреля 2014 г. № АК-44/05вн). В Самарском университете повышение квалификации проходило по программе «Основы формирования инклюзивного взаимодействия с обучающимися разных нозологий». Обучение преподавателей общим объемом 108 часов осуществлялось на базе центра инклюзивного образования университета, имеющего необходимую доступную среду, выражающуюся в необходимых технических возможностях. Тематика занятий позволяет компенсировать сведения дефектологического характера, актуализировать индивидуальные возможности обучающихся разных нозологий, их психолого-педагогический ресурс.

Заключение

Основной задачей в подготовке преподавателей вуза к организации взаимодействия с обучающимися разных нозологий является систематическая и целенаправленная работа по познанию ресурса обучающихся, специфики мышления, общения, технических возможностей образовательной организации. Готовность преподавателей к взаимодействию представлена основными видами готовности: личностной, гностической и процессуальной.

Для формирования готовности преподавателей вуза к взаимодействию с обучающимися разных нозологий было разработано и апробировано содержание в виде программы повышения квалификации.

Материалы исследования

Дружинина, Осипова, Плаксина 2017 – Дружинина Л.А., Осипова Л.Б., Плаксина Л.И. Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с нарушениями зрения в условиях инклюзивного образования: учебно-методич. пособие. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман. пед. ун-та, 2017. 254 с. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/1954/Дружинина%20ЛА%2С%20Осипова.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

Краевский 2001 – Краевский В.В. Методология педагогики: пособие для педагогов-исследователей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 244 с. URL: https://si-sv.com/Biblioteka/Knigi-pedag/Kraevskiy_Metodologiya_pedagogiki_2004.pdf?ysclid=1188mz7kp6.

Левченко, Приходько 2001 – Левченко И.Ю., Приходько О.Г. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 192 с. URL: <https://pedlib.ru/Books/6/0011/>.

Плаксина 1999 – Плаксина Л.И. Психолого-педагогическая характеристика детей с нарушением зрения: учебное пособие. Москва: РАОИКП, 1999. URL: <http://prematurebaby.ru/docs/plaksina.pdf>.

Григоренко 2018 – Григоренко Е.Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: учебное пособие для студентов. Москва: Практика, 2018. 280 с. URL: https://outfund.ru/wp-content/uploads/2018/04/RAS_book.pdf?ysclid=11a8br1np7.

Спинной мозг 2018 – Спинной мозг, периферическая нервная система. Топическая диагностика: учебное пособие для студентов / В.В. Берденникова, Ю.Н. Быков, Ю.Н. Васильев, О.В. Юрлова; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра нервных болезней. Иркутск: ИГМУ, 2018. 48 с. URL: https://mir.ismu.baikal.ru/src/downloads/9f5466fc_uchebnoe_posobie_spinnoiy_mozg_perif_n.s._topicheskaya_diagnostics.pdf.

Учебное пособие... 2017 – Учебное пособие по организации обучения инвалидов по слуху в дошкольных образовательных организациях / под рук. Р.Г. Тер-Григорьянц; авт. кол.: О.А. Антонова, Н.Ю. Борзякова,

Ю.В. Богинская, Б.А. Коростелев, Г.Л. Котова, О.Ю. Пискун, В.Э. Ромашкина, Л.И. Руленкова, И.Л. Соловьева, В.Р. Майер, Е.А. Швец. Москва: АНО НМЦ «СУВАГ», 2017. 249 с. URL: https://old.omkpt.ru/sites/omkpt.ru/files/public/uchebnoe_posobie_invalidy_po_sluhu.pdf

Шалина, Петрова 2011 – *Шалина Т.И., Петрова Л.А.* Учебное пособие (Опорно-двигательный аппарат). Иркутск: ГОУ ВПО ИГМУ Минздравсоцразвития России, 2011. 96 с. URL: https://mir.ismu.baikal.ru/src/downloads/560a975d_oporno-dvigatel'naya_sistema.pdf.

Библиографический список

Агошкова, Ахлибинская 1998 – *Агошкова Е.Б., Ахлибинская Б.В.* Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179. URL: http://elibr.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/949/1/system_agoshkova.pdf.

Андреева 2005 – *Андреева Л.В.* Сурдопедагогика / под ред. М.Н. Назаровой, Т.Г. Богдановой. Москва: Академия, 2005. 576 с. URL: <https://sdo.mgaps.ru/books/K17/M11/file/2.pdf>.

Бадалян, Журба, Тимонина 1988 – *Бадалян Л.О., Журба Л.Т., Тимонина О.В.* Детские церебральные параличи. Киев: Здоровье, 1988. 328 с. URL: https://kingmed.info/knigi/Nevrologiya/book_304/Detskie_tserebralnye_paralichi-Badalyan_O_L_Jurba_LT_Timonina_OV-1988-djvu?ysclid=11a91g5hf.

Базоев 1996 – *Базоев В.З.* Профессиональное образование глухих (состояние и перспективы) // Дефектология. 1996. № 6. С. 18–23. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38316892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatwqn>.

Блауберг, Юдин 1997 – *Блауберг И.В., Юдин Б.Г.* Проблемы целостности и системный подход. Москва: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с. Серия «Философы России XX века». ISBN 5-901006-08-9. URL: <http://tlf.msk.ru/school/Blauberg.pdf>.

Бодалев 2018 – *Бодалев А.А.* О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 122–127. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1994/941/941122.htm>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38202537&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvkxxa>.

Волкова 2005 – *Волкова И.П.* Учет индивидуально-типологических особенностей в процессе обучения и воспитания школьников с глубокими нарушениями зрения: теоретические и прикладные аспекты // Семья и здоровье ребенка: Ребенок в современном мире. Семья и дети: материалы XII Международной конференции. Санкт-Петербург, 2005. С. 238–242. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21391170&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sacrlb>.

Выготский 2003 – *Выготский Л.С.* Основы дефектологии. Санкт-Петербург: Лань, 2003. 654 с. URL: <https://pedlib.ru/Books/1/0453/index.shtml?ysclid=11a7i3d146>.

Гордиевская, Овчинников 2008 – *Гордиевская Е.О., Овчинников Б.В.* Индивидуально психологические особенности инвалидов с ампутациями конечностей как значимый фактор их реабилитации // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 2. С. 339–344. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-invalidov-s-amputatsiyami-konechnostey-kak-znachimyy-faktor-ih-reabilitatsii/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17108866&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/okkftb>.

Гудонис 2005 – *Гудонис В.П.* Основы и перспективы социальной адаптации лиц с пониженным зрением. Серия: Библиотека дефектолога. Москва: КАРО, 2005. 288 с. URL: <https://uchebnikfree.com/pedagogika-spetsialnaya-uchebniki/osnovyi-perspektivy-i-sotsialnoy-adaptatsii.html>.

Зимняя 2016 – *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Москва: МПСИ, МОДЭК, 2016. 448 с. URL: <https://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M4/file/2.pdf>.

Изель 2014 – *Изель Т.Н.* Дифференциальная диагностика заболеваний опорно-двигательного аппарата. Практическое руководство. Москва: Медицинское Информационное Агентство (МИА), 2014. 171 с.

Калуцкая, Поддъяков 2007 – *Калуцкая И.Н., Поддъяков А.Н.* Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 4. С. 78–90. doi: <http://doi.org/10.17759/chrp.2007030409>.

Кузьмина 2012 – *Кузьмина Н.В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. Москва: Высш. шк., 2012. 255 с. URL: <https://refdb.ru/download/1169378.html?>

Леонтьев 2012 – *Леонтьев А.А.* Педагогическое общение / под ред. М.К. Кабардова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Нальчик, 2012. 367 с. URL: <https://studfile.net/preview/7363339/>.

Ломов 1984 – *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва: Просвещение, 1984. 138 с. URL: https://www.studmed.ru/view/lomov-bf-metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-psihologii_8e4c7898ccd.html.

Никольская, Баенская, Либлинг 2010 – *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок. Пути помощи. Москва, 2010. 233 с. URL: <https://pedlib.ru/Books/2/0081/?>.

Никольская, Баенская, Либлинг и др. 2005 – *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., Костин И.А., Веденина М.Ю., Аршатский А.В., Аршатская О.С.* Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение. Серия: Особый ребенок. Исследования и опыт помощи. Москва: Теревинф, 2005. 224 с. URL: <https://ikp-gao.ru/txt/1523528887501.pdf?ysclid=11a8o8y25q>.

Новиков 2006 – *Новиков А.М.* Методология образования. Издание второе. Москва: Эгвес, 2006. 488 с. URL: http://anovikov.ru/books/metod_ob.pdf.

Пархалина, Сафонова 2000 – *Пархалина Е.В., Сафонова Ю.А.* (2000) Мотивационный и операционный аспекты коммуникации учащихся с нарушением слуха как условие интеграции в общество // Интегрированное профессиональное образование инвалидов по слуху в МГТУ им. Н.Э. Баумана (разработка научно-методических основ и реализация системы непрерывного интегрированного профессионального образования инвалидов по слуху в МГТУ им. Н.Э. Баумана): сб. науч. тр. / общ. ред. А.Г. Станевского. Москва, 2000. С. 170–180. URL: <https://library.bmstu.ru/Catalog/Details/257490?ysclid=11a8444kq1>.

Родина 2019 – *Родина Л.И.* Готовность преподавателя вуза к организации инклюзивного образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 4. С. 91–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-91-99>.

Руднева 2021 – *Руднева Т.И.* Профессиональное развитие – фактор профессиональной успешности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-2-61-65>.

Садовский 1978 – *Садовский В.Н.* Принцип системности, системный подход и общая теория систем. Системные исследования. Ежегодник 1978. Москва, 1978. 272 с. URL: https://systems-analysis.ru/assets/systems_research_1978.pdf?ysclid=13io77j8cb.

References

Agoshkova, Akhlibinskaya 1998 – *Agoshkova E.B., Akhlibinskaya B.V.* (1998) Evolution of the notion of system. *Voprosy Filosofii*, no. 7, pp. 170–179. Available at: http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/949/1/system_agoshkova.pdf. (In Russ.)

Andreeva 2005 – *Andreeva L.V.* (2005) Surdopedagogy; Nazarova M.N., Bogdanova T.G. (Eds.). Moscow: Akademiya, 576 p. Available at: <https://sdo.mgaps.ru/books/K17/M11/file/2.pdf>. (In Russ.)

Badalyan, Zhurba, Timonina 1988 – *Badalyan L.O., Zhurba L.T., Timonina O.V.* (1988) Infantile cerebral paralysis. Kyiv: Zdorov'e, 328 p. Available at: https://kingmed.info/knigi/Nevrologiya/book_304/Detskie_tserebralnye_paralichi-Badalyan_O_L_Jurba_LT_Timonina_OV-1988-djvu?ysclid=11a91g5hf. (In Russ.)

Bazoev 1996 – *Bazoev V.Z.* (1996) Professional education of the deaf (state and prospects). *Defektologiya*, no. 6, pp. 18–23. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38316892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatwqn>. (In Russ.)

Blauberg, Yudin 1997 – *Blauberg I.V., Yudin B.G.* (1997) Integrity issues and systems approach. Moscow: Editorial URSS, 448 p. Series «Philosophers of Russia of the XX century». Available at: <http://tlf.msk.ru/school/Blauberg.pdf>. (In Russ.)

Bodalev 2018 – *Bodalev A.A.* (2018) On the interrelation between communication and relationship. *Voprosy Psichologii*, no. 1, pp. 122–127. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1994/941/941122.htm>. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38202537&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvkxxa>. (In Russ.)

Volkova 2005 – *Volkova I.P.* (2005) Accounting for individual typological features in the process of teaching and educating schoolchildren with severe visual impairments: theoretical and applied aspects. In: *Family and child health: materials of the XIII International conference «Child in the modern world. Family and children»*. Saint Petersburg, pp. 238–242. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21391170&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sacrlb>. (In Russ.)

Vygotskiy 2003 – *Vygotskiy L.S.* (2003) Foundations of defectology. Saint Petersburg: Lan', 654 p. Available at: <https://pedlib.ru/Books/1/0453/index.shtml?ysclid=11a7i3d146>. (In Russ.)

Gordievskaya, Ovchinnikov 2008 – *Gordievskaya E.O., Ovchinnikov B.V.* (2008) Psychological features of the disabled with amputated limbs as an important factor of rehabilitation process. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12, Psychology, Sociology, Pedagogy*, no. 2, pp. 339–344. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-osobennosti-invalidov-s-amputatsiyami-konechnostey-kak-znachimyy-faktor-ih-reabilitatsii/viewer?https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17108866&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/okkftb>. (In Russ.)

Gudonis 2005 – *Gudonis V.P.* (2005) Fundamentals and prospects of social adaptation of persons with low vision. Series: Defectologist's Library. Moscow: KARO, 288 p. Available at: <https://uchebnikfree.com/pedagogika-spetsialnaya-uchebniki/osnovyi-perspektivy-i-sotsialnoy-adaptatsii.html>. (In Russ.)

Zimnyaya 2016 – *Zimnyaya I.A.* (2016) Pedagogical psychology. Moscow: MPSI, MODEK, 448 p. Available at: <https://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M4/file/2.pdf>. (In Russ.)

Izel 2014 – *Izel T.N.* (2014) Differential diagnosis of diseases of the musculoskeletal system. Practical guide. Moscow: Meditsinskoe Informatsionnoe Agentstvo (MIA), 171 p. (In Russ.)

Kalutskaya, Poddyakov 2007 – *Kalutskaya I.N., Poddyakov A.N.* (2007) The Concept of Machiavellianism: A Diversity of Approaches and Evaluations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, vol. 3, no. 4, pp. 78–90. DOI: <http://doi.org/10.17759/chp.2007030409>. (In Russ.)

Kuzmina 2012 – *Kuzmina N.V.* (2012) Professionalism of the personality of the teacher and master of industrial training. Moscow: Vyssh. shk., 255 p. Available at: <https://refdb.ru/download/1169378.html?> (In Russ.)

- Lomov 1984 – *Lomov B.F.* (1984) Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Prosveshchenie, 138p. Available at: https://www.studmed.ru/view/lomov-bf-metodologicheskie-i-teoreticheskie-problemy-psihologii_8e4c7898ccd.html. (In Russ.)
- Leontiev 2012 – *Leontiev A.A.* (2012) Communication in education; *Kabardov M.K. (Ed.)*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow; Nalchik, 367 p. Available at: <https://studfile.net/preview/7363339/>. (In Russ.)
- Nikolskaya, Baenskaya, Libling 2010 – *Nikolskaya O.S., Baenskaya E.R., Libling M.M.* (2010) Autistic child. Ways to help. Moscow, 233 p. Available at: <https://pedlib.ru/Books/2/0081/>?. (In Russ.)
- Nikolskaya, Baenskaya, Liebling et al. 2005 – *Nikolskaya O.S., Baenskaya E.R., Liebling M.M., Kostin I.A., Vedenina M.Yu., Arshatsky A.V., Arshatskaya O.S.* (2005) Children and adolescents with autism. Psychological support. Series: Special child. Research and experience of assistance. Moscow: Terevinf, 224 p. Available at: <https://ikp-rao.ru/txt/1523528887501.pdf?ysclid=11a8o8y25q>. (In Russ.)
- Novikov 2006 – *Novikov A.M.* (2006) Methodology of education. Second edition. Moscow: Egves, 488 p. Available at: http://anovikov.ru/books/metod_ob.pdf. (In Russ.)
- Parkhalina, Safonova 2000 – *Parkhalina E.V., Safonova Yu.A.* (2000) Motivational and operational aspects of communication of students with hearing impairment as a condition for integration into society. In: *Stanevsky A.G. (Ed.) Integrated vocational education for the hearing impaired at Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (development of scientific and methodological foundations and implementation of the system of continuous integrated vocational education for people with hearing impairments at the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman): collection of scientific papers*. Moscow, pp. 170–180. Available at: <https://library.bmstu.ru/Catalog/Details/257490?ysclid=11a8444kq1>. (In Russ.)
- Rodina 2019 – *Rodina L.I.* (2019) Readiness of a university professor to the organization of inclusive education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 25, no. 4, pp. 91–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-91-99>. (In Russ.)
- Rudneva 2021 – *Rudneva T.I.* (2021) Professional development – factor of professional success. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 61–65. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-2-61-65>. (In Russ.)
- Sadovskiy 1978 – *Sadovskiy V.N.* (1978) The principle of consistency, system approach and general systems theory. In: *Systems research. Yearbook 1978*. Moscow, 272 p. Available at: https://systems-analysis.ru/assets/systems_research_1978.pdf?ysclid=l3io77j8cb. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.14

Дата поступления: 17.01.2022
рецензирования: 20.03.2022
принятия: 28.05.2022

Формирование цифровой компетентности учителей информатики

Т.А. Бороненко

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: kafivm@lengu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>

В.С. Федотова

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: vera1983@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>

Аннотация: Современная социокультурная ситуация требует от учителя понимания общей стратегии цифровой трансформации образования, знания регламентирующей ее нормативно-правовой базы, специфики условий осуществления педагогического процесса в цифровой среде, готовности интегрировать в педагогическую деятельность цифровые технологии. Использование потенциала цифровой образовательной среды требует решения проблемы формирования цифровой компетентности учителя информатики. В статье дается обоснование необходимости формирования цифровой компетентности учителей информатики с опорой на идеи компетентного и деятельностного подходов. При определении структуры цифровой компетентности использованы принципы системного подхода. Представлены сценарии взаимодействия учителя с обучающимися в цифровой образовательной среде. Сделан вывод о необходимости дополнительной подготовки учителя к созданию качественного цифрового образовательного контента, управлению познавательной активностью школьников при обучении с использованием цифровых учебных сред, созданию комфортного и безопасного образовательного пространства, продуктивной коммуникации. Логика формирования цифровых компетенций представлена от применения цифровых технологий в повседневной деятельности до их творческого воплощения в педагогической деятельности.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровая компетентность; учитель; информатика; цифровая образовательная среда.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14185 мк.

Цитирование. Бороненко Т.А., Федотова В.С. Формирование цифровой компетентности учителей информатики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 85–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-85-92>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бороненко Т.А., Федотова В.С., 2022

Татьяна Алексеевна Бороненко – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и информационных систем, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, Российская Федерация, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

Вера Сергеевна Федотова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информатики и информационных систем, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, Российская Федерация, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2022
Revised: 20.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Formation of digital competence of teachers of computer science

T.A. Boronenko

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation
E-mail: kafivm@lengu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-3531>

V.S. Fedotova

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation
E-mail: vera1983@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1974-5809>

Abstract: Current socio-cultural situation requires the teacher to understand the general strategy of the digital transformation of education, knowledge of the regulatory framework regulating it, the specifics of conditions for the implementation of pedagogical process in the digital environment, and the readiness to integrate digital technologies into pedagogical activities. Using the potential of the digital educational environment requires solving the problem of forming the digital competence of an informatics teacher. The authors use the ideas of competency-

based and activity-based approaches in selecting the content of advanced training programs for computer science teachers. The authors use the principles of a systematic approach in determining the structure of digital competence. The authors describe scenarios of interaction between a teacher and students in a digital educational environment. The authors conclude that it is necessary to additionally prepare the teacher to create high-quality digital educational content, manage the cognitive activity of schoolchildren when teaching using digital learning environments; create a comfortable and safe educational space, and productive communication. The programs are united by a logical line of content in the formation of digital competencies from their application in everyday activities to creative use in pedagogical activities.

Key words: digital technologies; digital competence; computer science teacher, digital educational environment.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-29-14185 МК.

Citation. Boronenko T.A., Fedotova V.S. Formation of digital competence of teachers of computer science. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 85–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-85-92>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Boronenko T.A., Fedotova V.S., 2022

Tatyana A. Boronenko – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Informatics and Information Systems, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, 196605, Russian Federation.

Vera S. Fedotova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor, Department of Informatics and Information Systems, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, 196605, Russian Federation.

Введение

В настоящее время традиционные образовательные практики принципиально модифицируются за счет распространения цифровых технологий и их широкого использования во всех сферах общества. Это делает необходимой интеграцию цифровых технологий и в образовательные контексты.

Как следствие, в условиях цифровизации образования учителю информатики необходимо работать в современной цифровой среде и по новым схемам взаимодействовать с другими участниками образовательного процесса: обучающимися, их родителями, другими учителями, администрацией, а также иными приуроченными к делам школы по тем или иным вопросам лицами. В силу того что социальное взаимодействие играет ключевую роль в процессе обучения, современное общество потребовало в условиях продолжающейся пандемии преобразования школьной практики, использования новых подходов к обучению, создания в режиме онлайн пространства для совместной работы обучающихся на основе использования цифровых технологий. Эти пространства должны функционировать как открытые, интерактивные, мотивирующие к активной деятельности площадки и способствовать формированию цифровых навыков у всех участников образовательного процесса. Потенциал цифровых технологий раскрывается в возможности педагогов в ходе совместной работы коллективно решать вопросы реализации учебных предметов для улучшения образовательных результатов, встречаться онлайн для планирования системы и содержания уроков, а также решения иных педагогических вопросов.

В Российской Федерации концепция создания современной и безопасной цифровой среды как гарантия качества и доступности всех видов и уровней образования регламентирована федеральным проектом «Цифровая образовательная среда». Проект направлен на «создание и внедрение в образовательных организациях цифровой образова-

тельной среды, а также обеспечение реализации цифровой трансформации системы образования. В рамках проекта ведется работа по оснащению организаций современным оборудованием и развитию цифровых сервисов и контента для образовательной деятельности» (сайт Министерства просвещения Российской Федерации – <https://edu.gov.ru>).

Очевидно, что подготовка системы общего образования к цифровой трансформации должна начинаться с развития цифровой компетентности педагогов.

На текущем этапе цифровой трансформации общего образования своего решения потребовала проблема разработки профессиональных характеристик учителя информатики для работы в новых условиях. Это предопределено общей наблюдаемой тенденцией развития педагогического образования в цифровую эпоху: поиском лучших практик, приобретением нового опыта, устранением и корректировкой ошибок. Ключевая роль в этом эксперименте отводится учителю информатики, так как именно на предметном содержании школьного курса информатики основано формирование цифровой грамотности школьников, а учитель информатики представляет собой идеал педагогического мастерства в новых условиях «цифры».

Предпринятая учителями в период начала пандемии попытка непосредственно перенести в цифровую образовательную среду традиционные учебные практики в большинстве случаев не принесла ожидаемых результатов, а полученные образовательные эффекты были охарактеризованы самими учителями как не соответствующие поставленным целям, получили неудовлетворительные оценки у обучающихся и их родителей. Причина такого несогласования, по нашему мнению, связана с тем, что в цифровом окружении действуют другие подходы в коммуникации и взаимодействии участников образовательного процесса, которые следует принимать во внимание при планировании уроков, организации контактной работы, разработке ди-

дактических материалов, управлении вовлеченностью обучающихся, организации обратной связи и контроле усвоения материала и успеваемости. Таким образом, в условиях всеобщей цифровизации оперативно из «желательных» цифровые навыки человека становятся естественными и обязательными. Учитель информатики должен понимать общую стратегию цифровой трансформации, знать регламентирующую ее нормативно-правовую базу, понимать специфику новых условий цифровой среды, отличие организационных механизмов осуществления педагогической деятельности, уметь интегрировать в свою деятельность цифровые технологии. Очевидно предположить, что эффективность работы учителя информатики в цифровой образовательной среде заключается в его цифровой компетентности. Формирование цифровой компетентности может быть обеспечено в системе высшего образования при профессиональной подготовке учителей информатики, а также в рамках программ дополнительного профессионального образования (программ повышения квалификации) педагогов. Потребовалось научное обоснование отбора содержания программ повышения квалификации для формирования цифровой компетентности учителей информатики.

В ходе исследования определялся спектр задач: уточнялось понятие «цифровая компетентность учителя»; определялась структура цифровой компетентности на основе системного подхода в составе цифровых компетенций; выделялись особенности цифровой образовательной среды, выявлялся перечень педагогических задач, требующих решения в новых условиях; устанавливалось соответствие между выявленным перечнем задач и составом цифровой компетентности учителя; разрабатывалось содержание программ повышения квалификации, обеспечивающих формирование цифровой компетентности учителя информатики для успешного выполнения педагогической деятельности в цифровой образовательной среде.

Методологическая основа исследования

Методологическую основу исследования составили идеи компетентностного и деятельностного подходов к отбору содержания программ повышения квалификации для учителей информатики, направленных на формирование их цифровой компетентности; индикаторы оценки цифровой компетентности учителя в составе общепользовательских, общепедагогических и предметно-педагогических цифровых компетенций, а также положения системного подхода, позволяющие рассматривать цифровую компетентность как интегративное свойство, устанавливать существующие связи ее с надсистемой (цифровая образовательная среда) и подсистемами (составляющими ее группами цифровых компетенций). При отборе содержания программ повышения квалификации проводился анализ научной литературы, посвященной вопросам цифровой компетентности

учителя, обобщался опыт подготовки учителей информатики, давалась оценка результатов интервью с действующими педагогами и будущими учителями информатики относительно трудностей применения цифровых технологий в практике учителя информатики.

Результаты исследования

Понятие «цифровая компетентность учителя» стало объектом исследования в многочисленных трудах отечественных [Носкова, Петрова 2020; Яковлева 2021] и зарубежных [Cabero-Almenara, Gutiérrez-Castillo, Palacios-Rodríguez, Barroso-Osuna 2020; From 2017; Isoda, Estrella, Zakaryan, Baldin, Olfos, Araya 2021] авторов.

Анализ сути определений цифровой компетентности учителя позволяет сделать вывод, что это средства достижения целей образования. Цифровая компетентность обеспечивает «возможность развития, улучшения педагогической работы с использованием цифровых технологий в профессиональном контексте» [From 2017, с. 47]. Объединяющим признаком большинства определений цифровой компетентности являются такие характеристики деятельности учителя, как понимание смысла использования цифровых технологий, уверенность, критический анализ, ответственность, обоснованность действий в цифровой среде.

Р.А. Крумсвик [Krumsvik 2014] отмечает, что развитие цифровой компетентности происходит в ходе практической деятельности и на основе саморефлексии. Оно предполагает четыре этапа: принятие, адаптацию, присвоение, инновации. На первых двух этапах происходит овладение педагогом базовыми цифровыми навыками, на третьем этапе цифровые технологии проникают в педагогическую деятельность, а на четвертом этапе они позволяют учителю внедрять в практику педагогические инновации с использованием цифровых технологий. При этом развитие цифровой компетентности происходит на протяжении всей жизни, так как развитие техники и цифровых технологий находится в постоянной эволюции [Cabero-Almenara, Gutiérrez-Castillo, Palacios-Rodríguez, Barroso-Osuna 2020].

Все предложенные учеными идеи о толковании сути понятия «цифровая компетентность» представляют интерес для нашего исследования, содержат методически важные указания к совершенствованию процесса формирования цифровой компетентности учителей, однако не устанавливают логической связи между формированием цифровой компетентности учителя и его готовностью стать наставником обучающихся в овладении цифровыми навыками, способным обеспечить развитие их цифровой грамотности для социальной интеграции в цифровом обществе. В многочисленных исследованиях [Mezentceva, Dzhavlahk, Eliseeva, Vagautdinova 2020] определяются причины медленного формирования цифровой ком-

петентности учителей в отсутствие системного подхода к организации их непрерывного профессионального развития в ходе повышения квалификации.

Ученые [Аетдинова, Чоросова, 2021] оценивают риски при обращении учителей к цифровым технологиям, среди которых технологические отставания, когда учителя не успевают осваивать новые цифровые технологии (VR и AR, Интернет вещей), опасаются нарушения авторских прав и кибербезопасности; временные риски, когда учителя отмечают нехватку времени и сложности с переносом учебных материалов в цифровой формат; вынужденная необходимость дублировать материал для традиционной формы обучения и обучения в онлайн; трудности в использовании онлайн-платформ, которые сопровождаются снижением контроля за учащимися в течение онлайн-урока.

Предлагаются возможные варианты улучшения ситуации. Отмечается, что развитию цифровых компетенций учителей может способствовать рефлексивный анализ учебного взаимодействия в режиме онлайн-совещаний (так называемое телесотрудничество, виртуальный обмен) [Dooley 2022]. Соболева Е.В. и др. [Соболева, Суворова, Новоселова, Ниматулаев 2020] считают, что формированию цифровых навыков у учителей способствует включение в их профессиональную подготовку обширной практики разработки многофункциональных интерактивных ресурсов. Предлагаются модели поэтапного внедрения цифровых технологий в педагогическую деятельность как один из подходов к формированию цифровой компетентности. Например, SAMR (Substitution – «замена», Augmentation – «дополнение», Modification – «модернизация», Redefinition – «переопределение»), которая отражает масштаб обновления деятельности учителя и степень включения цифровых инструментов в учебный процесс [Kelsch, Wang 2021]. Эта модель иллюстрирует педагогам способ последовательной интеграции цифровых технологий в их педагогическую практику, начиная с процедуры улучшения, замещения и дополнения (например, простое преобразование какой-либо деятельности в электронную форму или использование онлайн-упражнений в дополнение к традиционным занятиям) и заканчивая модификацией и переопределением (например, перемещение традиционного онлайн-курса в онлайн или создание оригинального онлайн-курса, который невозможно создать без цифровых технологий). Однако эта модель охватывает только один аспект (обучение) и не претендует на системную характеристику цифровой компетентности.

Н.В. Носкова, Л.А. Петрова констатируют, что «формировать цифровую компетентность необходимо только в такой образовательной среде, которая включает в себя современные информационные технологии, поскольку абсолютно новый

дидактический потенциал данной среды создает условия для применения современных технологий в обучении, которые помогают достичь новых результатов в образовании» [Носкова, Петрова 2020, с. 48].

Для нас интерес представляли результаты исследования М. Келентриц [Kelentric, Helland, Arstorp 2017], в котором предложена структура профессиональных цифровых компетенций педагога, позволяющая проводить оценку и мониторинг цифровой компетентности учителей посредством их профессиональных действий, связанных с цифровыми технологиями, цифровыми материалами и цифровым обучением. Данная структура отличается возможностью ее динамичной модернизации в соответствии с влиянием цифровых разработок, содержит рекомендации по повышению качества и непрерывному и систематическому профессиональному развитию учителей. Согласно представлениям автора, профиль компетентного в цифровых технологиях учителя раскрывается в семи областях, среди них:

1) содействие обучению школьников цифровым навыкам при изучении предметов на основе интеграции учебного содержания, цифровых технологий, цифровых учебных материалов;

2) демонстрация обучающимся возможности использования цифровых технологий в жизни, в обучении, проявлении активной гражданской позиции в цифровом обществе, организации взаимодействия в мультикультурном мире;

3) размышление о сетевой этике, критический анализ информации, конструктивный обмен знаниями в цифровой среде;

4) планирование и реализация обучения в цифровой среде индивидуально и в сотрудничестве с другими, создание положительной мотивации среди обучающихся к обучению, взаимодействию, творчеству в цифровой среде;

5) управление образовательным процессом в цифровой среде, создание условий адаптивной, в том числе инклюзивной среды обучения, привлечение обучающихся к участию в инновационных процессах за счет использования цифровых ресурсов, адаптация учителя к принятию различных педагогических ролей (наставник, гид, участник, посредник);

6) критическое обсуждение в профессиональном сообществе используемых в цифровой среде технологий, учебных материалов, ресурсов для улучшения процесса преподавания, развитие у обучающихся навыков продуктивного общения и сотрудничества, использование сетевых профессиональных сообществ для поддержки собственного развития и обмена знаниями с коллегами;

7) перенос сформированных цифровых компетенций в новые ситуации, содействие разработке локальных нормативных актов, связанных с обучением в цифровой среде, самостоятельное развитие цифровых компетенций и содействие

развитию школьников и их родителей, коллег в соответствии с цифровыми изменениями в обществе.

Приведенные характеристики цифровых компетенций учителя частично использованы нами при характеристике цифровой компетентности учителя информатики. Однако в целом они не претендуют на полноту описания решаемых учителем информатики педагогических задач и не учитывают специфики предметной области «Информатика», не охватывают всех областей цифровой грамотности школьников, поэтому требуют переосмысления и дополнительного развития.

Мы учитываем предложенную в Европейской модели цифровых компетенций для образования DigCompEdu 2018 сущность циф-

ровой компетентности в совершенствовании применения цифровых технологий в обучении и развитие необходимых для цифровой трансформации образования навыков. При этом в нашем исследовании цифровая компетентность рассматривается на основе системного подхода и определяется трехкомпонентной структурой: общепользовательскими, общепедагогическими и предметно-педагогическими цифровыми компетенциями. Такое представление фокусируется не только на технических навыках (владении цифровыми технологиями), но и их устойчивом применении в педагогической деятельности с учетом специфики образовательного контекста дисциплины «Информатика» и потребностей обучающихся в овладении цифровой грамотностью (см. рис.).

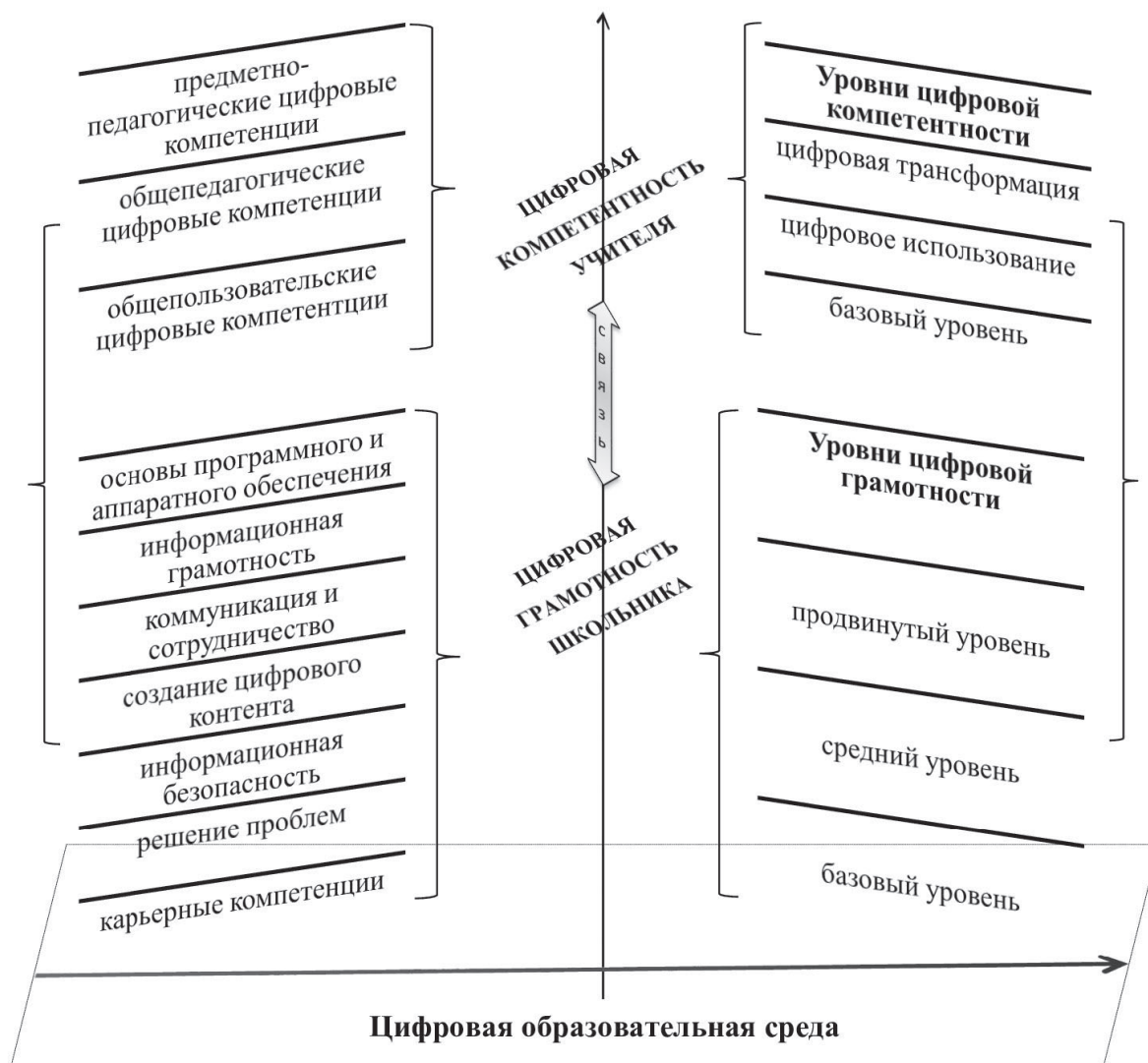

Рис. Корреляция между цифровой компетентностью учителя и цифровой грамотностью школьника

Fig. Correlation between the digital competence of the teacher and the digital literacy of the student

Мы рассматриваем цифровую компетентность на трех уровнях ее сформированности в зависимости от сложности решаемых педагогических задач (базовый уровень, цифровое использование, цифровая трансформация) и устанавливаем ее корреляционную зависимость с цифровой грамотностью обучающихся по всем ее областям на разных уровнях сформированности (базовый, средний, продвинутый).

Цифровизация образования является вызовом, который мы уже приняли, и в руководстве своей деятельностью при проектировании программ повышения квалификации для учителей информатики полагаем: повсеместно внедряемые цифровые технологии, инструменты и сервисы не смогут быть эффективными, пока они не будут осмысленным образом интегрированы в учебный процесс, пока не будут сформированы цифровая компетентность учителя и цифровая грамотность обучающихся.

Цифровая компетентность учителя информатики в цифровой образовательной среде реализуется в составе трех составляющих ее цифровых компетенций:

– *общепользовательские цифровые компетенции* позволяют учителю иметь представление о цифровой действительности, использовать базовые цифровые навыки в повседневной и профессиональной деятельности при решении практических задач;

– *общепедагогические цифровые компетенции* станут основой улучшения педагогической деятельности на основе использования цифровых технологий, дадут возможность эффективно планировать учебные занятия с использованием функционала цифровой образовательной среды;

– *предметно-педагогические цифровые компетенции* позволят использовать цифровые технологии в обучении с учетом особенностей школьного курса информатики.

При этом отмечается [Garzon Artacho, Martínez, Ortega Martín, Marin Marin, Gomez Garcia 2020], что формирование цифровых общепедагогической и предметно-педагогической компетенций является ключевой проблемой при подготовке учителей, так как они служат фундаментальной опорой для продвижения новых способов обучения и являются единственным способом глобального развития образовательных инноваций. При этом существует прямая связь между их успешным формированием и наличием общепользовательских цифровых компетенций.

Структура цифровой грамотности включает семь областей: основы программного и аппаратного обеспечения, информационную грамотность, коммуникацию и сотрудничество, информационную безопасность, решение проблем, карьерные компетенции.

По данным проведенного интервьюирования учителей информатики о существующем опыте использования цифровых технологий, наиболее

востребованными в их практике являются: участие в видео-конференц-связи; использование дидактических материалов цифровых образовательных платформ; эксплуатация сервиса «Дневник», ведение электронного дневника и электронного журнала; использование интернет-порталов об образовании, отдельных онлайн-сервисов для создания цифровых учебных материалов (тестов, презентаций и др.); просмотр видеороликов на Youtube; создание своего сайта или ведение группы в социальной сети для взаимодействия с родителями и друзьями; ведение аккаунта в одном из мессенджеров.

Цифровая образовательная среда способствует повышению качества образования за счет предоставления новых возможностей усовершенствования педагогического труда.

Цифровая образовательная среда предусматривает различные форматы взаимодействия с обучающимися (сценарии), в процессе реализации которых по-разному могут быть использованы ее ресурсы:

1) *сценарий 1*: взаимодействие во время учебных занятий, которые проводятся в очной форме в школе, при этом параллельно в учебный процесс привлекаются дополнительные цифровые инструменты и сервисы для решения конкретных задач в различных учебных ситуациях (демонстрация нового учебного материала с просмотром видеоролика, проверка усвоения учебного материала в электронном тестировании, проведение онлайн-опроса и т. п.);

2) *сценарий 2*: взаимодействие во время учебных занятий, которые проводятся в смешанном формате: занятия идут в очной форме в школе, а, например, выполнение домашнего задания, самостоятельной или контрольной работы – на цифровой образовательной платформе;

3) *сценарий 3*: взаимодействие во время учебных занятий, которые проводятся в дистанционном формате в режиме онлайн. При этом в режиме реального времени идут уроки с использованием видео-конференц-связи, виртуальных онлайн-досок, совместных экранов, мобильных приложений, чатов и др. Такое взаимодействие позволяет поддерживать познавательную активность обучающихся, организовать и управлять деятельностью на онлайн-занятии;

4) *сценарий 4*: взаимодействие в дистанционном формате в режиме офлайн, который предполагает использование записанных уроков, использование контрольных онлайн-тестов и тестов-тренажеров, онлайн-заданий, игр и др., позволяет обеспечить максимально эффективное, непрерывное вовлечение обучающихся в учебный процесс, получать от них обратную связь, использовать индивидуальный темп работы. Такой вид взаимодействия требует наличия специальных ресурсов: цифровых версий учебников, онлайн-занятий в видеозаписи, тренажеров для отработки навыков, быстрой обратной связи, подсказок для поиска правильного решения.

Все представленные форматы взаимодействия при проведении учебных занятий различного типа требуют подготовки учителем качественного дидактического материала, уместного использования конкретного учебного средства цифровой среды в соответствии с поставленной целью и решаемой задачей, умения управлять учебным процессом в разных условиях использования функционала цифровой образовательной среды, обеспечивать условия комфортного и безопасного образовательного пространства, непрерывной продуктивной коммуникации.

Эффективное применение в образовании находят сквозные цифровые технологии. Потенциал технологии больших данных используется для анализа образовательной мотивации обучающихся, выполнения контент-анализа содержания онлайн-дискуссий на форумах и в чатах, персонализированного сопровождения самообразования и саморазвития школьников. Технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют глубоко прорабатывать отдельные вопросы при изучении школьной программы, проводить эксперименты и обогащать приемы индивидуализации представления учебного материала. Технологии искусственного интеллекта – выстраивать адаптированные программы обучения, персонализировать учебную цифровую среду.

Цифровая образовательная среда дает возможность учителю управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию профессионального саморазвития, самообразования,

приобретать и распространять передовой опыт в сфере инновационных цифровых сервисов и технологий [Соболева, Суворова, Новоселова, Ниматулаев 2020].

Выводы

Цифровая образовательная среда предоставляет эффективные инструменты для создания условий, обеспечивающих непрерывное профессиональное развитие учителя информатики, формирование его цифровой компетентности. При проектировании программ повышения квалификации должна реализоваться стратегия развития цифровых компетенций от применения в повседневной деятельности до их творческого воплощения в педагогической деятельности.

Для рассмотрения динамики развития цифровой компетентности педагогов целесообразна контекстная и ситуационная диагностика, охватывающая организационные, технологические и компетентностные измерения цифровых компетенций учителя [Pérez-Sánchez, Lavandera-Ponce, Mora-Jauregui, Martín-Cuadrado 2022]. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются разработка индикаторов для диагностики результатов формирования цифровой компетентности, подготовка контрольно-оценочных материалов для мониторинга общепользовательской, общепедагогической и предметно-педагогической компетенций учителя информатики в ходе освоения программ дополнительного профессионального образования.

Библиографический список

- Cabero-Almenara, Gutiérrez-Castillo, Palacios-Rodríguez, Barroso-Osuna 2020 – Cabero-Almenara J., Gutiérrez-Castillo J.J., Palacios-Rodríguez A., Barroso-Osuna J. Development of the teacher digital competence validation of DigCompEdu check-in questionnaire in the university context of Andalusia (Spain) // Sustainability. 2020. Vol. 12, issue 15. P. 6094. DOI: <http://doi.org/10.3390/su12156094>.
- Dooly 2022 – Dooly M. 'We will have to remember this as teachers' A micro-analytical approach to student-teacher online interaction and teacher identity // Language Learning and Language Teaching. 2022. Vol. 57. P. 67–90. DOI: <http://doi.org/10.1075/llt.57.04doo>.
- From 2017 – From J. Pedagogical Digital Competence--Between Values, Knowledge and Skills // Higher Education Studies. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.5539/hes.v7n2p43>.
- Garzon Artacho, Martínez, Ortega Martín, Marin Marin, Gomez Garcia 2020 – Garzon Artacho E., Martínez T.S., Ortega Martín J.L., Marin Marin J.A., Gomez Garcia G. Teacher training in lifelong learning – The importance of digital competence in the encouragement of teaching innovation // Sustainability. 2020. Vol. 12, issue 7. P. 2852. DOI: <http://doi.org/10.3390/su12072852>.
- Isoda, Estrella, Zakaryan, Baldin, Olfos, Araya 2021 – Isoda M., Estrella S., Zakaryan D., Baldin Y., Olfos R., Araya R. Digital competence of a teacher involved in the implementation of a cross-border lesson for classrooms in Brazil and Chile // International Journal for Lesson & Learning Studies. 2021. Vol. 10, no. 4. P. 362–377. DOI: <http://doi.org/10.1108/IJLLS-05-2021-0045>.
- Kelentric, Helland, Arstorp 2017 – Kelentric M., Helland K. and Arstorp A.T. Professional digital competence framework for teachers // The Norwegian Centre for ICT in Education. 2017. URL: https://www.udir.no/globalassets/filer/in-english/pfdk_framework_en_low2.pdf.
- Kelsch, Wang 2021 – Kelsch J., Wang T. An Action Research of Using SAMR to Guide Blended Learning Adoption During Covid-19 // International Symposium on Emerging Technologies for Education. 2021 (November). P. 207–218. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-92836-0_18.
- Krumsvik 2014 – Krumsvik R.J. Teacher educators' digital competence // Scandinavian Journal of Educational Research. 2014. Vol. 58, no. 3. P. 269–280. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00313831.2012.726273>.
- Mezentceva, Dzhavlahk, Eliseeva, Bagautdinova 2020 – Mezentceva D.A., Dzhavlahk E.S., Eliseeva O.V., Bagautdinova A.Sh. On the Question of Pedagogical Digital Competence // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29, no. 11. P. 88–97. DOI: <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-88-97>.

Pérez-Sánchez, Lavandera-Ponce, Mora-Jauregui, Martín-Cuadrado 2022 – Pérez-Sánchez L., Lavandera-Ponce S., Mora-Jauregui B., Martín-Cuadrado A.M. Training Plan for the Continuity of Non-Presential Education in Six Peruvian Universities during COVID-19 // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, issue 3. P. 1562. DOI: <http://doi.org/10.3390/ijerph19031562>.

Аетдинова, Чоросова 2021 – Аетдинова Р.Р., Чоросова О.М. Источники рисков педагогической деятельности в условиях цифровизации // *Современное педагогическое образование*. 2021. № 8. С. 4–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46540227&>. EDN: <https://elibrary.ru/jzhmdj>.

Носкова, Петрова 2020 – Носкова Н.В., Петрова Л.А. Цифровая компетентность современного педагога: от теории к инновационной практике // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68–4. С. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44478908&>. EDN: <https://elibrary.ru/xmnmwst>.

Соболева, Суворова, Новоселова, Ниматулаев 2020 – Соболева Е.В., Суворова Т.Н., Новоселова С.Ю., Ниматулаев М.М. Возможности интерактивных сервисов для совершенствования подготовки будущих педагогов цифровой школы // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 3 (45). С. 441–458. DOI: <http://doi.org/10.32744/pse.2020.3.32>.

Яковлева 2021 – Яковлева Е.В. Цифровая компетентность будущего педагога: компонентный состав // *Концепт*. 2021. № 4. С. 46–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11021>.

References

Cabero-Almenara, Gutiérrez-Castillo, Palacios-Rodríguez, Barroso-Osuna 2020 – Cabero-Almenara J., Gutiérrez-Castillo J.J., Palacios-Rodríguez A. & Barroso-Osuna J. (2020) Development of the teacher digital competence validation of DigCompEdu check-in questionnaire in the university context of Andalusia (Spain). *Sustainability*, vol. 12, issue 15, p. 6094. DOI: <http://doi.org/10.3390/su12156094>.

Dooly 2022 – Dooly M. (2022) 'We will have to remember this as teachers' A micro-analytical approach to student-teacher online interaction and teacher identity. *Language Learning and Language Teaching*, vol. 57, pp. 67–90. DOI: <http://doi.org/10.1075/llt.57.04doo>.

From 2017 – From J. (2017) Pedagogical Digital Competence--Between Values, Knowledge and Skills. *Higher Education Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 43–50. DOI: <http://doi.org/10.5539/hes.v7n2p43>.

Garzon Artacho, Martínez, Ortega Martín, Marin Marin, Gomez Garcia 2020 – Garzon Artacho E., Martínez T.S., Ortega Martín J.L., Marin Marin J.A. & Gomez Garcia G. (2020) Teacher training in lifelong learning – The importance of digital competence in the encouragement of teaching innovation. *Sustainability*, vol. 12, issue 7, p. 2852. DOI: <http://doi.org/10.3390/su12072852>.

Isoda, Estrella, Zakaryan, Baldin, Olfos, Araya 2021 – Isoda M., Estrella S., Zakaryan D., Baldin Y., Olfos R. & Araya R. (2021) Digital competence of a teacher involved in the implementation of a cross-border lesson for classrooms in Brazil and Chile. *International Journal for Lesson & Learning Studies*, vol. 10, no. 4, pp. 362–377. DOI: <http://doi.org/10.1108/IJLLS-05-2021-0045>.

Kelentric, Helland, Arstorp 2017 – Kelentric M., Helland K. & Arstorp A.T. (2017) Professional digital competence framework for teachers. The Norwegian Centre for ICT in Education, 2017. Available at: https://www.udir.no/globalassets/filer/in-english/pfdk_framework_en_low2.pdf.

Kelsch, Wang 2021 – Kelsch J., Wang T. (2021, November) An Action Research of Using SAMR to Guide Blended Learning Adoption During Covid-19. In: *International Symposium on Emerging Technologies for Education*, pp. 207–218. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-92836-0_18.

Krumsvik 2014 – Krumsvik R.J. (2014) Teacher educators' digital competence. *Scandinavian Journal of Educational Research*, vol. 58, no. 3, pp. 269–280. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00313831.2012.726273>.

Mezentceva, Dzhavlahk, Eliseeva, Bagautdinova 2020 – Mezentceva D.A., Dzhavlahk E.S., Eliseeva O.V., Bagautdinova A.Sh. (2020) On the Question of Pedagogical Digital Competence. *Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 11, pp. 88–97. DOI: <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-88-97>.

Pérez-Sánchez, Lavandera-Ponce, Mora-Jauregui, Martín-Cuadrado 2022 – Pérez-Sánchez L., Lavandera-Ponce S., Mora-Jauregui B., Martín-Cuadrado A.M. (2022) Training Plan for the Continuity of Non-Presential Education in Six Peruvian Universities during COVID-19. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, issue 3, p. 1562. DOI: <http://doi.org/10.3390/ijerph19031562>.

Aetdinova, Chorosova 2021 – Aetdinova R.R., Chorosova O.M. (2021) Sources of risks of pedagogical activity in digitalization. *Modern Pedagogical Education*, no. 8, pp. 4–8. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46540227&>. EDN: <https://elibrary.ru/jzhmdj>. (In Russ.)

Noskova, Petrova 2020 – Noskova N.V., Petrova L.A. (2020) Digital competence of modern educator: from theory to innovative practice. *Problems of modern pedagogical education*, no. 68-4, pp. 45–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44478908&>. EDN: <https://elibrary.ru/xmnmwst>. (In Russ.)

Soboleva, Suvorova, Novoselova, Nиматулаев 2020 – Soboleva E.V., Suvorova T.N., Novoselova S.Yu., Nиматулаев M.M. (2020) Possibilities of interactive services for improving the training of future digital school teachers. *Perspectives of Science and Education*, no. 3 (45), pp. 441–458. DOI: <http://doi.org/10.32744/pse.2020.3.32>. (In Russ.)

Yakovleva 2021 – Yakovleva E.V. (2021) Digital competence of the future teacher: component structure. *Koncept*, no. 4, pp. 46–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11021>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 377

Дата поступления: 17.01.2022
рецензирования: 25.02.2022
принятия: 28.05.2022

Моделирование контрольно-оценочной и рефлексивной деятельности преподавателя

Г.Ф. Ахметшина

Октябрьский нефтяной колледж имени С.И. Кувыкина;
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
г. Октябрьский, Республика Башкортостан, Российская Федерация
E-mail: guzel_fanisovna_ahmetshina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4404-7690>

Аннотация: Проблема повышения качества образовательных услуг занимает ведущее место в обеспечении востребованности на рынке труда и конкурентоспособности выпускников образовательных организаций. Интегрирование понятий «качество процесса образования» и «качество результата образования» дают понятие «качество образовательной услуги». На качество образовательных услуг оказывают влияние качество преподавания и материально-техническое обеспечение образовательного процесса. Результатом образования являются изменения в компетентности студента, сформированность у него профессионально важных качеств личности, оценка которых является значимой составляющей образовательного процесса. В статье проведен анализ работ по организации контрольно-оценочной деятельности в образовательных организациях различного уровня: авторы предлагают собственную модель организации контрольно-оценочной деятельности, соответствующей поставленной цели и состоящей из различных компонентов. Целью контрольно-оценочной деятельности являются мониторинг, контроль, диагностика, анализ, оценка качества освоения знаний, умений и практического опыта по дисциплине или модулю, сформированности компетенций и профессионально важных личностных качеств обучающегося. В ходе исследования выявлено влияние контроля на мотивационную составляющую процесса обучения. Рефлексивная деятельность обучающегося способствует переходу от контроля к самоконтролю, от оценки к самооценке, от анализа к самоанализу. Процесс контроля должен быть систематическим, запланированным и осуществляться в направлении «цель – результат».

Ключевые слова: компетентностный подход; контрольно-оценочная деятельность; модель; профессиональные компетенции.

Цитирование. Ахметшина Г.Ф. Моделирование контрольно-оценочной и рефлексивной деятельности преподавателя // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 93–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-93-99>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ахметшина Г.Ф., 2022

Гузель Фанисовна Ахметшина – преподаватель физики и электротехники, Октябрьский нефтяной колледж, 452602, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Кувыкина, 15; аспирант, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, 452616, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Цюрупы, 28–7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2022
Revised: 25.02.2022
Accepted: 28.05.2022

Modeling of control, evaluation and reflexive activity of a teacher

G.F. Akhmetshina

Oktyabrsky Oil College named after S.I. Kuvykin; Republic of Bashkortostan;
postgraduate student of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah,
Oktyabrsky, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
E-mail: guzel_fanisovna_ahmetshina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4404-7690>

Abstract: The problem of improving the quality of educational services occupies a leading place in ensuring the demand in the labor market and the competitiveness of graduates of educational organizations. The integration of the concepts of «quality of the educational process» and «quality of the result of education» gives the concept of «quality of educational services». The quality of educational services is influenced by the quality of teaching and the material and technical support of the educational process. The result of education is changes in the competence of the student, the formation of professionally important personality qualities, the assessment of which is an important component of the educational process. Providing students with the opportunity to develop in the educational process allows them to fully realize their own capabilities and abilities, which also affects the result of education. The article analyzes the work on the organization of control and evaluation activities in educational organizations of various levels. As this analysis has shown, most authors

offer their own model of the organization of control and evaluation activities corresponding to the set goal and consisting of various components. Teachers-researchers offer various methods, types, forms, stages of control organization. The purpose of control and evaluation activities is to monitor, control, diagnose, analyze, and evaluate the quality of mastering individual knowledge, skills and practical experience in a discipline or module, the formation of competencies and professionally important personal qualities of the student. As part of the study, it was revealed that control has an impact on the motivational component of the learning process. The student's reflexive activity contributes to the transition from control to self-control, from assessment to self-assessment, from analysis to introspection. The control process should be systematic, planned and carried out in the direction of «goal-result».

Key words: competence approach; control and evaluation activities; control and evaluation activities; model; general competencies; professional competencies.

Citation. Akhmetshina G.F. Modeling of control, evaluation and reflexive activity of a teacher. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 93–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-93-99>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Akhmetshina G.F., 2022

Guzel F. Akhmetshina – teacher of physics and electrical engineering of the Oktyabrsky Oil College named after S.I. Kuvykin, 15, Kuvykin Street, Oktyabrsky, 452602, Russian Federation, Republic of Bashkortostan; postgraduate student of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, 28–7, Tsyurupy Street, Oktyabrsky, 452616, Russian Federation, Republic of Bashkortostan.

Введение

Требования, предъявляемые к выпускнику профессиональной образовательной организации, обусловлены социально-экономическими преобразованиями, происходящими в стране, научно-техническими достижениями и изменениями на рынке труда. Социальный заказ, требования работодателей и запросы самой личности студента привели к рассмотрению вопроса о качестве подготовки выпускника колледжа и результатов образовательного процесса [Ахметшина 2018; Белобородова 2012; Ваганова, Лапшина 2020]. Современный подход к профессиональной подготовке студентов среднего профессионального образования позволяет повысить качество образовательных услуг и сформировать специалиста, готового к высокоинтенсивному труду, к проявлению ответственности за выполненную работу, способного самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной деятельности, адаптироваться в любых (производственных) ситуациях, к взаимодействию и сотрудничеству с коллегами, к профессиональному росту, самосовершенствованию, имеющего прочные профессиональные умения и навыки. В настоящее время приоритетным в области образования является становление компетентной и мобильной личности, готовой к самостоятельной деятельности на рабочем месте сразу после окончания обучения.

Грамотно организованная преподавателем контрольно-оценочная деятельность позволяет определить сформированность общих и профессиональных компетенций обучающегося. Преподаватель в ходе контрольно-оценочных мероприятий получает результаты и сравнивает их с запланированными, затем определяет эффективность применяемых методов, форм и средств обучения. Полифункциональность контроля в системе среднего профессионального образования обеспечивается выделением его новой функции: мобилизующей наряду с традиционными (обучающая, развивающая, воспитательная, мотивирующая, оценочно-диагностическая, рефлексивная,

прогностическая, дифференцирующая, обратной связи).

Степень разработанности проблемы

Были изучены предложения современных исследователей по организации и проведению контроля в различных типах профессиональных образовательных организаций. Не претендуя на абсолютную полноту анализа эффективности и продуктивности методов контроля и оценки, используемых в современном профессиональном образовании, отметим, что в трудах ученых особое внимание уделяется не столько контролю как таковому (его необходимость отмечается подавляющим большинством исследователей), сколько его организации, методам его осуществления, современным инструментам. В ряде работ даются выводы о влиянии контроля учебных достижений и успехов на мотивацию учебной деятельности, стремление к самооцениванию, самоактуализации, самореализации [Ваганова, Лапшина 2020; Ваганова, Жидков, Кутепов, Барабина 2020; Воронина, Малыгин 2015].

Общепринятым считается представление о том, что «...модель (франц. *modele* – образец) – это мысленно представляемая или материально реализованная система, которая отображает или воспроизводит объект исследования (природный или социальный) и способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» (Энциклопедия 1998). Модель может быть представлена в виде схемы, рисунка, макета. Нередко встречаются теоретические описания процессов, явлений социальной действительности, которые невозможно «уложить» в схему или рисунок, и потому их авторы ограничиваются только текстом [Плужникова, Берестова, Макаренко 2018]. Зачастую процесс визуального изображения модели дополняется словесным описанием, что наиболее часто практикуется в педагогических изысканиях. В любом случае моделирование есть искусственный способ отображения, построения и воспроизведения изучаемого объекта, явления,

процесса, и эта искусственность задается внутренней позицией автора и его представлением об идеальном воплощении идеи. В реальной практике далеко не всегда удается в чистом виде воплотить в жизнь созданную модель. Однако это не является причиной для исключения метода моделирования из педагогических исследований, напротив, данный способ активизирует проективную деятельность педагогов и исполнительскую деятельность обучающихся [Воронова, Малыгин 2015; Ефремова 2017].

В трудах исследователей встречаем положения, акцентирующие внимание на конкретном влиянии контрольно-оценочных мероприятий. Рассматривается оценочная деятельность студентов как движущая сила, которая позволяет оценить профессиональную подготовку обучающихся, осуществить рефлексию путем преобразования обучения в самообучение, оценки в самооценку (Ломакина 1999). Предлагается (Н.Г. Рыжкова) осуществлять дифференцированный практико-ориентированный подход к контрольно-оценочной деятельности в малых группах как фактор повышения уровня математической подготовки при решении прикладных задач (Рыжкова 2005). Разработанная И.И. Баженовой методика развития контрольно-оценочных умений школьников позволяет, по утверждению автора, развивать адекватную самооценку, качества личности (самостоятельность, организованность и т. д.); реализовывать в полной мере принципы и функции контроля и самоконтроля (Баженова 2000). По нашему мнению, результаты, полученные в данных исследованиях, дополняют друг друга, хотя осуществлены для различных уровней образования. Нами проведена опытно-экспериментальная работа со студентами колледжа.

Система среднего профессионального образования со всеми ее организационными особенностями имеет собственную специфику. На начальном этапе профессионального обучения еще сохранен урок как основная организационная форма обучения. При этом уроки формируются «парами», имеют профессиональную и практико-ориентированную направленность, домашнее задание проверяется ежедневно, сохранена традиция «классного руководства» в виде кураторства и др. Таким образом, система колледжной подготовки, занимая по многим позициям промежуточное положение между школой и вузом, формирует собственную систему контрольно-оценочных мероприятий. Эти позиции накладывают отпечаток на содержание представлений тех исследователей, которые посвящают свои работы системе среднего профессионального образования. В работе С.А. Бычик подчеркивается, что «контрольно-оценочная деятельность педагога колледжа осуществляется как системный, многоуровневый, многокомпонентный процесс, включающий процедуры не только определения педагогом степени успешности студента в освоении профессиональных знаний, умений и навыков, но и выявления

социальной позиции студента и готовности его к профессиональной деятельности, а также установления степени выраженности качественных и количественных признаков данных качеств» (Бычик 2013, с. 53). Автором была предложена «Модель формирования умений осуществления контрольно-оценочной деятельности педагога колледжа», в которой важным элементом являются содержательные характеристики контрольно-оценочной деятельности. Она содержит: мотивационно-ценностную, содержательную, коммуникативную и рефлексивно-оценочную характеристики. В работе представлена таблица соответствия этих характеристик и методов, приемов, средств формирования контрольно-оценочной деятельности, а также выделены этапы формирования умений осуществления контрольно-оценочной деятельности педагогом колледжа. Одним из педагогических условий, по мнению автора, является создание «образовательно-рефлексивной среды, в которой осуществляется технологический процесс формирования умений эффективного использования контрольно-оценочной деятельности». О.П. Керер в своей работе опирается на компетентностный подход и предлагает последовательную логику оценочной деятельности: проектирование, организацию и управление, самоконтроль. Автор считает, что процесс оценочной деятельности в среднем профессиональном образовании заключается не только в определении преподавателем степени усвоения студентом профессиональных знаний, умений, приобретении практического опыта, но и в выявлении готовности к профессиональной деятельности, установлению наличия профессионально значимых качеств. Здесь мы находим согласованную научную позицию с вышеприведенным автором, что подтверждает наше представление о контрольно-оценочной деятельности как об основном инструменте при формировании готовности к профессиональной деятельности. Работа О.П. Керер представляет серьезный интерес для нашего исследования, так как автор опирается на такие принципы оценивания, как объективность, индивидуальность, обоснованность, гласность, и выделяет показатели эффективности оценочной деятельности (оптимальный, нестабильный, критический, недопустимый), при этом каждый выделенный им уровень определяется индикаторами качества (когнитивный, деятельностный, ценностный). Кроме того, в данной работе мы находим структуру оценочной деятельности, которая состоит из следующих компонентов: цели оценочной деятельности; мотивационного компонента; способов организации оценочной деятельности; условий и результата. Автор использует метод моделирования. Опираясь на системный и синергетический подходы, он разработал «Модель совершенствования оценочной деятельности преподавателей». В данной модели описаны этапы, которые соответствуют логике оценочной деятельности, отражают важнейшие направления в систе-

ме повышения квалификации и взаимосвязаны с компонентами (Керер 2009).

Разрабатывая систему оценивания и контроля для среднего профессионального образования, С.Ю. Мальгина представила сравнительный анализ данной системы на основе традиционного обучения и обучения, в основу которого положен компетентностный подход, а также предложила модель оценивания и контроля профессионального модуля. Мы считаем ценной для нашего исследования то, что сбор свидетельств о сформированности компетенций происходит на протяжении всего периода обучения: результаты выполнения заданий по теоретическому и практическому курсу; результаты выполнения проектных работ; результаты экзаменов (по дисциплине, междисциплинарному курсу, квалификационные экзамены); результаты экспертизы портфолио личных достижений обучающихся. Важным инструментом оценивания индивидуальных образовательных достижений обучающихся, который способствует формированию самооценки и самоанализу студентом приобретенного опыта, является портфолио, это отмечено в многочисленных исследованиях ученых-педагогов и методистов. В последние годы стало популярным применение электронного портфолио. Такой метод сегодня повсеместно применяется на всех этапах общего и профессионального образования. Выделены различные его виды и содержательное наполнение, например электронное портфолио в работе С.Ю. Мальгиной состоит из трех частей: портфолио документов, портфолио работ, портфолио отзывов. Автор отмечает, что самостоятельный процесс ведения – заполнения студентом портфолио позволяет повысить его активность и ответственность [Мальгина 2012, с. 21–27].

Переход процесса обучения на балльно-рейтинговую систему оценивания во многих колледжах диктует необходимость создания комплексного подхода к оценке сформированности компетенций на основе преемственности и межпредметного взаимодействия. Благодаря комплексной оценке можно судить о сформированности компетенций конкретного профессионального модуля или всего процесса обучения.

Комплекс оценочных действий требует профессионально-педагогического осознания: что оценивать, в какое время, на основании чего и какими методами. Нами выделены различные типы, виды, формы, методы контроля для среднего профессионального образования, а также предъявляемые к ним требования. Для их осуществления необходима предварительная алгоритмизация действий педагога, которая, с одной стороны, повысит качество и эффективность действий педагога, а с другой – позволит избежать конфликтных ситуаций с обучающимися и их родителями по вопросам организации контроля. Подобие такого алгоритма мы встретили в работе В.И. Звонникова. Автор выделяет компоненты контрольно-оценочной де-

ятельности для высшей школы, которые, на наш взгляд, вполне находят свое применение в системе подготовки специалистов среднего звена [Звонников 2012].

О.В. Галустян в своей работе описывает разработанную систему полифункционального контроля профессиональной подготовки компетентного специалиста в высшей школе, которая включает в себя три блока: методологический, в котором описаны цель, методологические принципы и подходы; функционально-технологический, в состав которого входят функции, типы, образовательная среда, формы, виды, методы; результативно-оценочный, характеризующийся критериями, показателями, уровнями, результатом.

Разработанная автором система позволяет: судить о сформированности компетенций у студентов; использовать информационные технологии, различные виды, методы контроля, соответствующие личностным возможностям каждого студента; сочетать контроль преподавателя, взаимоконтроль и самоконтроль студентов, обеспечить систематическую работу каждого студента в течение семестра. Также выделены критерии и показатели сформированности компетенций студентов: мотивационный, деятельностный, эмоционально-оценочный, рефлексивный. Установлена взаимосвязь методов и форм полифункционального контроля с общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, а также соотношение между видами, формами, методами, типами полифункционального контроля. Кроме того, автор выделяет несколько педагогических условий эффективной реализации данной системы, в частности:

- применение различных форм контроля должно быть осуществлено, исходя из индивидуальных возможностей, особенностей и интересов студентов;

- использование практико-ориентированных заданий, ситуаций;

- использование студентами и преподавателями всего спектра информационных технологий для осуществления контроля сформированности компетенций;

- сочетание контроля преподавателя, самоконтроля, взаимоконтроля и рефлексии;

- преподаватель играет роль коуча, тьютора, фасилитатора, который оказывает помощь каждому студенту в выборе активных форм контроля (проектная деятельность, формирование портфолио, виртуальная образовательная среда).

В системе, разработанной О.В. Галустян, интерес для нас представляют комплексно-инновационные методы контроля: коучинг, «перевернутое обучение», BYOD, кейсы. Система, разработанная данным автором, реализуется в рамках модульно-рейтинговой технологии, в которой основные баллы студент получает за выполнение обязательных контрольно-оценочных мероприятий, а дополнительные – за участие в научных конференциях,

круглых столах, публикацию статей, докладов (Галустян 2016).

Результаты исследования

Анализ работ исследователей, занимающихся проблемами контроля и оценки достижений обучающихся на разных уровнях образования (школа, СПО, вуз), показывает высокий интерес профессионального сообщества к данной теме, позиции сходства и различия в представлениях разных авторов, что, с одной стороны, подтверждает актуальность нашего исследования, а с другой – позволяет нам предложить и апробировать собственный комплекс контрольно-оценочных мероприятий в техническом колледже.

Мы выбрали комплекс контрольно-оценочных мероприятий, который является эффективным для оценки качества подготовки специалистов в техническом колледже и продуктивности развития профессиональной мобильности, при этом считаем необходимым подчеркнуть следующие теоретические позиции:

1) одним из важных факторов осуществления эффективного процесса контроля является мотивация студентов, которая возрастает при четком выделении и доведении до студентов критериев, показателей, уровней достижения результата (С.А. Бычик, О.В. Галустян, В.И. Звонников, О.П. Керер, С.Ю. Мальгина, Н.Г. Рыжкова);

2) переход от контроля к самоконтролю, от анализа к самоанализу, от оценки к самооценке является результатом рефлексивной деятельности, которая представляет собой важный этап контрольно-оценочной деятельности (И.И. Баженова, С.А. Бычик, О.В. Галустян, О.П. Керер, И.С. Ломакина, С.Ю. Мальгина);

3) выделение этапов организации контрольно-оценочной деятельности и их соблюдение – залог успешности данного процесса (С.А. Бычик, О.П. Керер);

4) центральным элементом в модели выступает его содержание, которое включает в себя методы, типы, виды, формы контроля (О.В. Галустян, В.И. Звонников); принципы формирования контрольно-оценочной деятельности и способы их реализации, приемы, средства, пакет диагностических материалов (С.А. Бычик);

5) каждый исследователь ставит перед собой определенную цель, достижение которой может

быть диагностировано в ходе осуществления контрольно-оценочной деятельности, а также выделяются методологические подходы, педагогические условия (С.А. Бычик, О.В. Галустян, О.П. Керер).

Опираясь на Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования, Профессиональный стандарт, труды исследователей, мы смоделировали комплекс контрольно-оценочных мероприятий в рамках реализации системы обучения, ориентированной на развитие профессионально мобильной личности специалиста в техническом колледже, которая состоит из следующих компонентов: «Мотивационно-целевой компонент», «Содержательный компонент», «Организационно-методический компонент», «Контрольно-оценочный и рефлексивный компонент». Ее реализация позволяет отслеживать сформированность компетенций и личностных профессионально важных качеств обучающегося, а также параллельно осуществлять мониторинг их развития через комплекс контрольно-оценочных мероприятий. Поэтому важными компонентами данной системы считаем контрольно-оценочный и рефлексивный. Предложенная нами система обучения обогащает содержание педагогической деятельности преподавателей среднего профессионального образования и дает возможность ее совершенствования.

Заключение

Мерой качества образования служит его продуктивность. Она в сфере профессионального образования оценивается по результатам успешности учения студентов, сформированности у них общих и профессиональных компетенций, а также по их воспитанности и развитости. Средством получения информации о продуктивности образования является педагогический контроль, в котором важная роль принадлежит учебно-профессиональной мотивации, рефлексивной и самооценочной деятельности, саморазвитию и самосовершенствованию студентов. Контроль – это сложный процесс взаимодействия преподавателя и студента, в связи с этим для описания и уточнения зависимостей между основными его элементами нами предложены контрольно-оценочные мероприятия в виде системы, которая опирается на положения Федеральных государственных образовательных стандартов и Профессиональных стандартов.

Материалы исследования

Баженова 2000 – *Баженова И.И.* Развитие контрольно-оценочных умений учащихся в процессе обучения физике: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2000. 199 с.

Бычик 2013 – *Бычик С.А.* Контрольно-оценочная деятельность педагога колледжа как средство повышения профессиональной компетентности: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2013. 181 с.

Галустян 2016 – *Галустян О.В.* Система полифункционального контроля профессиональной подготовки компетентного специалиста в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2016. 432 с.

Керер 2009 – *Керер О.П.* Совершенствование оценочной деятельности преподавателей СПО на основе индикаторов качества: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2009. 220 с.

Ломакина 1999 – *Ломакина И.С.* Оценочная деятельность как фактор повышения учебно-познавательной активности студентов на пропедевтическом этапе их профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1999. 170 с.

Рыжкова 2005 – *Рыжкова Н.Г.* Непрерывная контрольно-оценочная деятельность как фактор повышения уровня математической подготовки студентов технического университета: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2005. 212 с.

Энциклопедия 1998 – *Энциклопедия профессионального образования*: в 3 т. Т. 1.: А–Л / под ред. С.Я. Батышева. Москва: АПО, 1998. 568 с.

Библиографический список

Ахметшина 2018 – *Ахметшина Г.Ф.* Контрольно-оценочные мероприятия как элемент нелинейной системы образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2018. № 1 (45). С. 49–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32764814&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvhpjy>.

Белобородова 2012 – *Белобородова М.Е.* Контрольно-оценочная деятельность в самостоятельной работе студентов по курсу физики в техническом ВУЗе // Образование и саморазвитие. 2012. № 4 (32). С. 43–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17910341&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbyfwr>.

Ваганова, Лапшина 2020 – *Ваганова О.И., Лапшина И.А.* Контрольно-оценочная деятельность педагога // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 4 (46). С. 104–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43960214&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqwrvp>.

Ваганова, Жидков, Кутепов, Барабина 2020 – *Ваганова О.И., Жидков А.А., Кутепов М.М., Барабина И.Е.* Моделирование контрольно-оценочной деятельности педагога // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 11–14. DOI: <http://doi.org/10.26140/knz4-2020-0904-0002>. EDN: <https://www.elibrary.ru/etnwyv>.

Воронова, Малыгин 2015 – *Воронова Т.А., Малыгин А.А.* Контрольно-оценочная система в ВУЗе: традиции и требования современности // Научный поиск. 2015. № 3.1. С. 32–34. URL: http://sspu.ru/pages/journal/arhiv/2015/np_2015_3.1.pdf?ysclid=13ldxkwruх; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24110702&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhpzex>.

Ефремова 2017 – *Ефремова Н.Ф.* Мотивационный аспект независимого оценивания достижений обучающихся // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 2. С. 227–244. DOI: <http://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.13>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wigaum>.

Звонников 2012 – *Звонников В.И., Чельщикова М.Б.* Оценка качества результатов обучения при аттестации: (компетентностный подход). Москва: Логос, 2012. 279 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20246241&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbbgpt>.

Мальгина 2012 – *Мальгина С.Ю.* Создание системы оценивания и контроля в условиях реализации ФГОС СПО и НПО // Научные исследования в образовании. Приложение к журналу «Профессиональное образование. Столица». 2012. № 12. С. 21–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-sistemy-otsenivaniya-i-kontrolya-v-usloviyah-realizatsii-fgos-spo-i-npo/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18242939&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pjflyz>.

Плужникова, Берестова, Макаренко 2018 – *Плужникова И.И., Берестова В.В., Макаренко Ю.П.* Применение маркетинговых инноваций в контрольно-оценочной деятельности педагога // Вопросы науки и образования. 2018. № 8. С. 106–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35123396&>; <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2018/20/primeneniye5.pdf>. EDN: <https://www.elibrary.ru/usapux>.

References

Akhmetshina 2018 – *Akhmetshina G.F.* (2018) Control and evaluation measures as an element of a nonlinear education system. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*, no. 1 (45), pp. 49–58. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32764814&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yvhpjy>. (In Russ.)

Beloborodova 2012 – *Beloborodova M.E.* (2012) Control and evaluation activity in the independent work of students on the course of physics at a technical university. *Education and self-development*, no. 4 (32), pp. 43–48. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17910341&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbyfwr>. (In Russ.)

Vaganova, Lapshina 2020 – *Vaganova O.I., Lapshina I.A.* (2020) Teacher's control and evaluation activities. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, no. 4 (46), pp. 104–108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43960214&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqwrvp>. (In Russ.)

Vaganova, Zhidkov, Kutepov, Barabina 2020 – *Vaganova O.I., Zhidkov A.A., Kutepov M.M., Barabina I.E.* (2020) Modeling of control and evaluation activity of a teacher. *Karelian Scientific Journal*, vol. 9, no. 4 (33), pp. 11–14. DOI: <http://doi.org/10.26140/knz4-2020-0904-0002>. EDN: <https://www.elibrary.ru/etnwyv>. (In Russ.)

Voronova, Malygin 2015 – *Voronova T.A., Malygin A.A.* (2015) Control and evaluation system at the university: traditions and requirements of modernity. *Nauchnyi poisk*, no. 3.1, pp. 32–34. Available at: http://sspu.ru/pages/journal/arhiv/2015/np_2015_3.1.pdf?ysclid=13ldxkwruх; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24110702&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhpzex>. (In Russ.)

Efremova 2017 – *Efremova N.F.* (2017) The motivational aspect of independent assessment of academic achievement. *Russian Psychological Journal*, vol. 14, no. 2, pp. 227–244. DOI: <http://doi.org/10.21702/rpj.2017.2.13>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wigaum>. (In Russ.)

Zvonnikov 2012 – *Zvonnikov V.I., Chelyshkova M.B.* (2012) Assessment of the quality of learning outcomes during certification: (competence approach). Moscow: Logos, 279 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20246241&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbbgpt>. (In Russ.)

Mal'gina 2012 – *Mal'gina S. Yu.* (2012) Creation of an assessment and control system in the conditions of the implementation of the Federal All-Union State Educational Standard PVE and SVE. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii. Prilozhenie k zhurnalu Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*, no. 12, pp. 21a–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-sistemy-otsenivaniya-i-kontrolya-v-usloviyah-realizatsii-fgos-spo-i-npo/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18242939&>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pjflyz>. (In Russ.)

Pluzhnikova, Berestova, Makarenko 2018 – *Pluzhnikova I.I., Berestova V.V., Makarenko Yu.P.* (2018) Application of marketing innovations in the control and evaluation activity of a teacher. *Problems of science and education*, no. 8, pp. 106–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35123396&>; <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2018/20/primenenie5.pdf>. EDN: <https://www.elibrary.ru/usapux>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 14.01.2022
рецензирования: 17.03.2022
принятия: 28.05.2022

Критерии и уровни подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту

В.И. Шевков

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: master_chief89@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3045-5685>

Аннотация: В статье рассматривается проблема результативности подготовки будущих офицеров. Современные военно-политические, социально-экономические отношения, научный и технический прогресс обуславливают повышение качества подготовки специалистов во всех сферах профессиональной деятельности, в том числе и военной. Важным аспектом является подготовка будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту, а также уточнение ее критериев и уровней. Анализ подготовки к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту, позволил определить ее уровни и критерии: когнитивный, мотивационный, деятельностный. На эмпирическом материале доказывается необходимость прохождения войсковой стажировки будущих офицеров.

Ключевые слова: критерии подготовки; уровни подготовки; подготовка будущих офицеров; военнослужащие, проходящие службу по контракту.

Цитирование. Шевков В.И. Критерии и уровни подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 100–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-100-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шевков В.И., 2022

Владислав Игоревич Шевков – адъюнкт очной формы обучения, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2021
Revised: 17.03.2021
Accepted: 28.05.2022

Criteria and levels of effectiveness training future officers to work with military personnel serving under contract

V.I. Shevkov

Saint Petersburg military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: master_chief89@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3045-5685>

Abstract: The article discusses the components of the effectiveness of training future officers. Modern military-political, socio-economic relations, scientific and technological progress determine the improvement of the quality of training of specialists in all spheres of professional activity, including the military one. An important aspect is the preparation of future officers to work with military personnel serving under contract, as well as the clarification of its criteria and levels. The analysis of the preparation for work with military personnel serving under the contract allowed us to determine its levels from the standpoint of three criteria: cognitive, motivational, activity. The results of studying the levels of training of cadets of military institutes to work with military personnel serving under a contract are presented.

Key words: training criteria; levels of training; training of future officers; military personnel serving under contract.

Citation. Shevkov V.I. Criteria and levels of effectiveness training future officers to work with military personnel serving under contract. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 100–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-100-103>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shevkov V.I., 2022

Vladislav I. Shevkov – adjunct, Saint Petersburg military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, 1, Pilot Pilyutov Street, Saint Petersburg, 198206, Russian Federation.

Введение

Современные военно-политические, социально-экономические факторы обусловили создание профессиональной армии, наиболее боеспособной, мобильной и эффективной при меньшей ее численности и менее финансово затратной. В армии России продолжает существовать смешанная система комплектования. Но, как показывает практика изменения численности войск, все больший приоритет отдается военнослужащим, проходящим службу по контракту. Тенденция изменения количества военнослужащих на должностях сержантов и солдат за период 2010–2020 гг. свидетельствует об увеличении численности военнослужащих контрактной службы в два с половиной раза при общем снижении численности военнослужащих по призыву более чем в половину (см. рис.).

Подготовка будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту, предполагает создание необходимых условий в военных вузах с целью повышения ее результативности к предстоящей деятельности [Харисова 2015].

Цель исследования заключается в научном обосновании уровней и критериев подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту. Ставились задачи: провести теоретический анализ, раскрыть уровни и критерии подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту. В качестве методов исследования применялось анкетирование и проводилось сравнение результатов исследования.

Исследование осуществлялось в три этапа: на первом этапе уточнялась суть ключевых понятий («критерии», «показатели», «уровни подготовки»); на втором этапе проведено анкетирование курсантов с целью изучения уровня их подготовки к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту.

Результаты исследования

Процесс измерения результативности подготовки будущих офицеров является важной задачей. Анализ того, что подлежит измерению, требует установления уровней, критериев, показателей [Сатторов, Ярлакбаев 2013, с. 399]. Понятие «критерий» имеет несколько интерпретаций: ученые рассматривают его как признак, средство, количественную меру, качество и др. В связи с этим возникает необходимость его уточнения. Под критерием понимается «существенный, отличительный признак, по которому производится оценка, определение или классификация чего-либо» (Олешков, Уваров 2006, с. 132). И.А. Маврина рассматривает сущность критерия «как средства, с помощью которого измеряется уровень того или иного явления. С помощью критерия определяется преимущество какого-то выбора по сравнению с другими, проверяется соответствие результата выдвинутой цели или оценивается степень ее реализации» [Шумсутдинова 2008, с. 13]. В.П. Беспалько определяет критерий как «объективную количественную меру некоторого явления или количественное выделение его сторон» [Шумилова 2015, с. 196].

В педагогике критерии должны отвечать определенным требованиям, которые позволяют осуществлять сравнительный анализ результатов исследования. О.Б. Жихарской сформулированы обобщенные требования, предъявляемые к критериям: они должны отражать основные закономерности, качества и признаки изучаемого объекта; с их помощью устанавливаются связи между компонентами измерения чего-либо; они раскрываются через качественные и количественные показатели, дополняющие друг друга [Шумилова 2015, с. 200].

Таким образом, критерии подготовки будущих офицеров представляют собой наиболее общий признак, по которому происходит измерение ее результативности, сравнение полученных резуль-

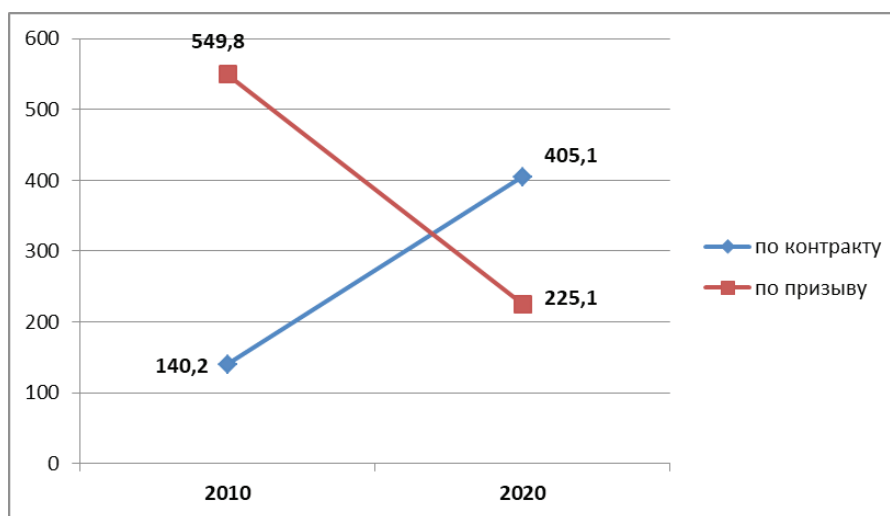

Рис. Сравнительный анализ численности военнослужащих на должностях сержантов и солдат армии России (в тыс. человек)

Fig. Comparative analysis of the number of military personnel in the positions of sergeants and soldiers of the Russian Army (in thousands of people)

Таблица

Уровни подготовки курсантов к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту
 Table

Levels of training of cadets to work with military personnel serving under a contract

Название ВУЗа	Уровень подготовки		
	низкий n = 53	средний n = 158	высокий n = 54
ВУЗ 1	38 (23%)	101 (60%)	29 (17%)
ВУЗ 2	13 (22%)	34 (58%)	12 (20%)
ВУЗ 3	2 (5%)	23 (61%)	13 (34%)

татов на основе качественных и количественных показателей.

Выбор критериев подготовки будущих офицеров базировался на оценке профессиональных компетенций [Пахаренко, Зольникова 2012, с. 310]: когнитивный, включающий знания о будущей профессиональной деятельности; деятельностный, характеризующийся умениями решать педагогические задачи; мотивационный, отражающий наличие стремления и потребности к получению ориентирующих знаний и практических навыков.

С позиции ряда ученых, сформированность критерия должна раскрываться через показатели, под которыми понимается «мера проявления критерия, его количественная или качественная характеристика, по которой судят о различных состояниях объекта» [Конюхова 2015, с. 47]. Итак, показатель – это степень сформированности критерия [Булохов, Лисогор, Орлова, Старокожев 2019, с. 139]. Показатели подготовки будущих офицеров по каждому критерию представляют собой отдельные проявления, связанные со знаниями, умениями и мотивацией курсантов к работе с «контрактниками».

Измерение результативности подготовки проводилось в соответствии с тремя уровнями. Понятие «уровень» трактуется как «ступень, достигнутая в развитии чего-либо, качественное состояние, степень этого развития» (Словарь русского языка 1999). Под уровнем подготовки будущих офицеров понимаем степень подготовленности курсантов применять полученные знания и умения в будущей профессиональной деятельности, а также побуждение к их применению. За основу определения результативности подготовки будущих офицеров взяты три оценочных уровня: высокий, средний, низкий [Родионов 2020, с. 56–57]. Для этого использовалась анкета на самооценку: курсантам предлагалось оценить по 10-балльной шкале уровень своей подготовки по формуле:

$$\bar{x} = \frac{x_1 + x_2 + \dots + x_n}{n} = \frac{\sum xi}{n},$$

где:

- x – среднее арифметическое;
- x_n – конкретное значение;
- n – количество значений.

Проведено анкетирование курсантов 3-го, 4-го, 5-го года обучения трех военных вузов (выборку составили 265 человек): вуз 1 – 168 курсантов; вуз 2 – 59 курсантов; вуз 3 – 38 курсантов (см. таблицу).

Средняя величина уровня подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту, составляет 5,9 балла (средний уровень подготовки).

Сравнительный анализ результатов самооценок и беседа с опрошенными курсантами позволили прийти к выводу, что курсанты, проходившие войсковую стажировку в подразделениях для военнослужащих контрактной службы, оценивают уровень своей подготовки выше тех, кто стажировался в подразделениях, комплектованных военнослужащими по призыву.

Проведение войсковой стажировки курсантов с военнослужащими контрактной службы является одним из условий результативности подготовки будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту.

Заключение

Обоснование критериев, уровней подготовки будущих офицеров позволило провести качественный анализ результатов проведенного анкетирования. Исследование показало, что подготовка будущих офицеров к работе с военнослужащими, проходящими службу по контракту, является актуальной педагогической задачей, так как лишь 20 % курсантов имеют высокий уровень подготовки. Доказано, что войсковая стажировка военнослужащих, проходящих службу по контракту, является базовым условием, способствующим результативности профессиональной подготовки.

Материалы исследования

Конюхова 2015 – *Конюхова Е.Ю.* Педагогическая диагностика и коррекция в воспитательном процессе: словарь терминов / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Уральский гос. пед. ун-т». Екатеринбург: Ажур, 2015.

Родионов 2020 – *Родионов А.С.* Формирование военно-профессиональных компетенций будущих офицеров в военном вузе средствами информационно-технологического обеспечения физической подготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Родионов Анатолий Сергеевич. Орел, 2020. С. 56–57.

Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/20/ma451202.htm?cmd=0&istext=1>.

Олешков, Уваров 2006 – Современный образовательный процесс: основные понятия и термины: [краткий терминологический словарь] / М-во образования Российской Федерации, Нижнетагильская гос. социально-пед. акад. Москва: Спутник, 2006. 189 с.

Библиографический список

Булохов, Лисогор, Орлова, Старокожев 2019 – *Булохов А.М., Лисогор И.А., Орлова Е.Л., Старокожев П.В.* Компоненты, критерии, показатели и уровни сформированности ценностных компетенций физкультурно-спортивной деятельности у будущих специалистов высшей военной школы // Молодой ученый. 2019. № 37 (275). С. 138–141. URL: <https://moluch.ru/archive/275/62357/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39788411>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ahswfn>.

Пахаренко, Зольникова 2016 – *Пахаренко Н.В., Зольникова И.Н.* Модель определения уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 310. URL: www.science-education.ru/106-7502; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23220645>. EDN: <https://www.elibrary.ru/todorh>.

Сатторов, Ярлабаев 2013 – *Сатторов Ш.Н., Ярлабаев У.М.* Методы, критерии и показатели оценки профессиональной подготовки; сущность, задачи и требования к контролю // Молодой ученый. 2013. № 9 (56). С. 398–400. URL: <https://moluch.ru/archive/56/7644/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20246907>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbbqlx>.

Харисова 2015 – *Харисова И.Г.* Оценка качества подготовки педагогов в системе непрерывного педагогического образования // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 77–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25588757>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnyxxp>.

Шумилова 2015 – *Шумилова И.Ф.* Критерии, показатели и уровни сформированности общекультурной компетентности будущих учителей гуманитарных специальностей // Педагогические науки: теория, история, инновационные технологии. 2015. № 10. С. 195–202.

Шумсутдинова 2008 – *Шумсутдинова В.Р.* Содержание и структура мировоззренческой культуры личности студента ССУЗ педагогического профиля // Казанский педагогический журнал. 2008. № 1 (55). С. 10–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-mirovozzrencheskoy-kultury-lichnosti-studenta-ssuz-pedagogicheskogo-profilya/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12225247>. EDN: <https://www.elibrary.ru/khnqwb>.

References

Bulokhov, Lisogor, Orlova, Starokozhev 2019 – *Bulokhov A.M., Lisogor I.A., Orlova E.A., Starokozhev P.V.* (2019) Components, criteria, indicators and levels of formation of value competencies of physical culture and sports activity among future specialists of the higher military school. *Molodoi uchenyi*, no. 37 (275), pp. 138–141. Available at: <https://moluch.ru/archive/275/62357/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39788411>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ahswfn>. (In Russ.)

Pakharenko, Zolnikova – *Pakharenko N.V., Zolnikova I.N.* (2012) The model of measuring the level of cultural and professional competences development. *Modern Problems of Science and Education*, no. 6, p. 310. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2012/6/210.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23220645>. EDN: <https://www.elibrary.ru/todorh>. (In Russ.)

Sattorov, Yarlakbaev 2013 – *Sattorov Sh.N., Yarlakbaev U.M.* (2013) Methods, criteria and indicators of professional training assessment; essence, tasks and requirements for control. *Molodoi uchenyi*, no. 9 (56), pp. 398–400. Available at: <https://moluch.ru/archive/56/7644/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20246907>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbbqlx>. (In Russ.)

Kharisova 2015 – *Kharisova I.G.* (2015) Quality assessment of teachers' training in the system of continuing pedagogical education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 6, pp. 77–85. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25588757>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnyxxp>. (In Russ.)

Shumilova 2015 – *Shumilova I.F.* (2015) Criteria, indicators and levels of formation of general cultural competence of future teachers of humanities. *Pedagogicheskie nauki: teoriya, istoriya, innovatsionnye tekhnologii*, no. 10, pp. 195–202. (In Russ.)

Shumsutdinova 2008 – *Shumsutdinova V.R.* (2008) Content and structure of worldview culture of a student of professional college of pedagogical profile. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 1 (55), pp. 10–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-mirovozzrencheskoy-kultury-lichnosti-studenta-ssuz-pedagogicheskogo-profilya/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12225247>. EDN: <https://www.elibrary.ru/khnqwb>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 37.015.3

Дата поступления: 22.02.2022
рецензирования: 20.03.2022
принятия: 28.05.2022

Дистанционное обучение младших школьников музыкальному искусству

Л.М. Шарафиева

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Российская Федерация
E-mail: Sharafieva.leisan.80@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9378-6633>

А.Г. Мухаметшин

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Российская Федерация
E-mail: ngpi@tatngpi.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5661-1298>

Аннотация: В статье рассматривается проблема самоактуализации личности младшего школьника в условиях дистанционного обучения музыкальному искусству. Цель работы – количественное измерение качественных показателей уровня самоактуализации при дистанционной форме обучения музыкальному искусству. Задача исследования состоит в расчетах коэффициента корреляционных показателей, которые ведутся с временной амплитудой, где используются тесты САТ Шострома, А. Панченко, М. Розенберга, тест-опросник А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана. Новизна работы состоит в соединении музыкального искусства с точки зрения психологии научения при дистанционном формате, где знания передаются иными методами обучения.

Ключевые слова: самоактуализация; самомотивация; самооценка; младший школьник; музыкальное искусство.

Цитирование. Шарафиева Л.М., Мухаметшин А.Г. Дистанционное обучение младших школьников музыкальному искусству // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-104-108>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шарафиева Л.М., Мухаметшин А.Г., 2022.

Лейсан Маратовна Шарафиева – аспирант кафедры педагогики и психологии, Набережночелнинский государственный педагогический университет, 423810, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 29.

Габдулхакович Азат Мухаметшин – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Набережночелнинский государственный педагогический университет, 423810, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.02.2021
Revised: 20.03.2021
Accepted: 28.05.2022

Distance learning for primary school students of musical art

L.M. Sharafieva

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
E-mail: Sharafieva.leisan.80@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9378-6633>

A.G. Mukhametshin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
E-mail: ngpi@tatngpi.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5661-1298>

Abstract: The article deals with the self-actualizing personality of a younger student in the conditions of distance learning and the development of skills of self-motivation, self-esteem, self-correction in the development of musical art. The relevance of the topic is connected with the challenges of modernity. The purpose of the article is to quantify the qualitative indicators of the level of self-actualization in the distance learning of musical art. The task of the study is to calculate the coefficient of correlation indicators, which are conducted with a time amplitude, where the tests of SAT Shostrom, A. Panchenko, M. Rosenberg, A.V. Zverkov's test questionnaire, E.V. Eidman are used. The novelty of the work consists in combining musical art from the point of view of the psychology of learning in a distance format, where knowledge is transmitted by other teaching methods.

Key words: self-actualization; self-motivation; self-esteem; junior student; musical art.

Citation. Sharafieva L.M., Mukhametshin A.G. Distance learning for primary school students of musical art. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 104–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-104-108>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Sharafieva L.M., Mukhametshin A.G., 2022

Laysan M. Sharafieva – postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 29, Nizametdinova Street, Naberezhnye Chelny, 423810, Russian Federation.

Azat G. Mukhametshin – Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 29, Nizametdinova Street, Naberezhnye Chelny, 423810, Russian Federation.

Введение

В современном мире на смену традиционной системе образования приходит новая образовательная парадигма, связанная с приобретением личностных компетенций. Обучение музыкальному искусству без прямого участия учителя требует самомотивации, самоактуализации. Младший школьник должен с первых дней обучения, воспринимая мировую музыкальную культуру, узнавать новое, что становится самомотивацией к ее изучению. Классно-урочная система обучения не в полной мере способствует воспитанию самоактуализирующейся личности, затрудняя организацию индивидуальной траектории обучения музыкальному искусству [Ассоджиоли 2016, с. 4]. Дистанционное обучение становится нормой, а обучение музыкальному искусству представляется сложной задачей развития творческого потенциала младшего школьника. Проблема приобретения личностных качеств младшими школьниками является серьезной задачей в современной образовательной системе.

Дистанционная система обучения представляет собой взаимодействие ученика и учителя при помощи онлайн-технологий; это самостоятельная форма интерактивного обучения. Дистанционная система обучения предполагает минимальное участие учителя, проявление учеником самостоятельности. Проблемное обучение является способом развития у учеников навыков целеполагания. Закономерности музыкального языка, методы анализа музыкальных произведений, определение художественных достоинств произведений – это целеполагание учителя. Цель, которую ставят ученики, не является самомотивированной, поэтому не развивает такие личностные компетенции, как самоактивация, самокоррекция, самостоятельное решение проблемной ситуации.

Степень разработанности проблемы

В настоящее время дистанционное обучение активно обсуждается в научной литературе, определяются его перспективы. Долгосрочная перспектива позволит удовлетворить запрос общества в условиях неопределенности будущего [Краснова, Полушкина 2021]. Сами же обучающиеся видят в дистанционном обучении и положительные, и отрицательные аспекты [Козаренко 2021]. Исследователи отмечают интеграцию открытых образовательных ресурсов в диахроническом аспекте [Чикризова 2019]. Со временем дистанционный формат станет нормой обучения, открытость образовательного пространства, ее общедоступность не будет вызывать вопросов. Некоторые исследователи утверждают, что цифровая среда способствует выявлению синтетических закономерностей

музыки (пространственно-слуховые связи, цветной слух), что создает оптимальные условия для более глубокого осмысления музыкальной семантики и ее функционирования [Горбунова 2015]. В отношении музыкального дистанционного образования ученые подчеркивают, что построение образовательного процесса с использованием технологических инноваций и интернет-сервисов предоставляет возможность приобретения профессиональных компетенций, а использование дистанционных образовательных технологий является одним из приоритетных направлений, в том числе и в музыкальном образовании, так как применение данных технологий позволяет гибко и оперативно реагировать на происходящие изменения в области музыкальных знаний [Горбунова, Помазенкова 2015; Горбунова, Панкова 2020]. Таким образом, в дистанционном обучении обнаруживаются как положительные, так и отрицательные факторы.

Результаты исследования

Для развития личностных компетенций младших школьников в области музыкального искусства было организовано дистанционное обучение. Формирование музыкальных способностей, чувство ритма, такта при дистанционном обучении должны формироваться без участия учителя. В ходе изучения особенностей формирования личностных компетенций при обучении музыкальному искусству – самоактуализации (самомотивация, самокоррекция, самооценка, саморефлексия) проводился расчет коэффициента корреляционных показателей с временной амплитудой ретроспективного и перспективного анализа. В исследовании приняли участие младшие школьники муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 52» г. Набережных Челнов. Общий объем выборки составил 240 учеников. Формирование музыкальных способностей осуществлялось при помощи учебников и методических разработок, заданий, которые учитель выводил на цифровой носитель и отправлял обучающимся. Внимание обращалось на развитие личностных компетенций при обучении музыкальному искусству в дистанционном формате. *Самоактуализация* – это максимальное развитие своих потенциалов, раскрытие когнитивных способностей. Самоактуализация предполагает самостоятельную активизацию мотива деятельности без контроля, подсказки со стороны. Дистанционная форма обучения предполагает минимальное воздействие учителя на младшего школьника. На начальном этапе дистанционного обучения учитель решает задачи мотивирования через платформу видео-конференц-связи Zoom,

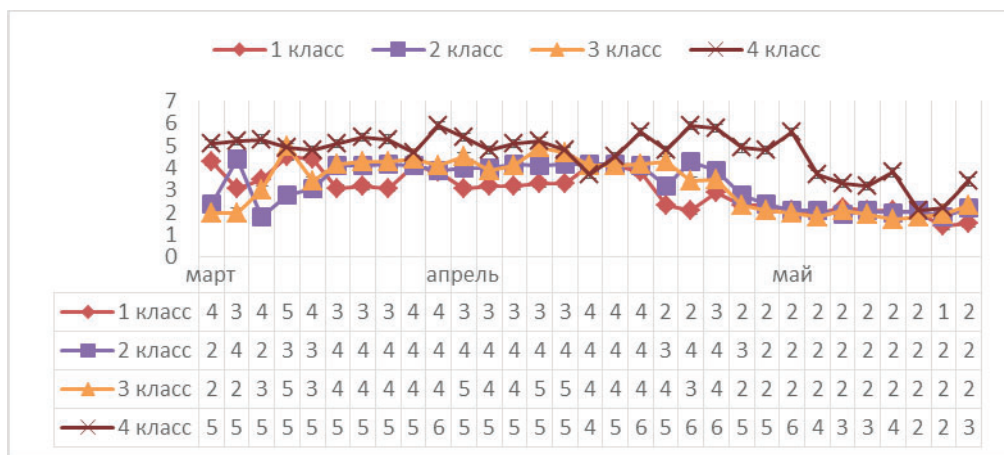

Рис. Амплитудная шкала временного отрезка навыков самоактуализации освоения музыкального искусства
 Fig. Amplitude scale of the time interval of the skills of self-actualization in the development of musical art

которая позволяет организовать виртуальную встречу с обучающимся. Навыки самоактуализации были проверены при помощи теста Шострома [Шостром, Браммер 2002]. Тест САТ самоактуализации Шострома разработан на кафедре социальной психологии МГУ в 1981–1984 гг. Амплитуда разности во временном промежутке (март, апрель, май) приобретения навыков самоактуализации младших школьников приведена на рисунке.

Навыки самоактуализации во временном промежутке с марта по май наиболее высокие у 4-х классов. Чтобы понять причину самоактуализации при дистанционном обучении, проводился письменный опрос среди младших школьников, где большинство младших школьников ответили, что самостоятельно выбирали время и интересные задания. Однако самоактивация падает с течением времени, связано это с тем, что обучающимся нужна поддержка со стороны.

Самотивация представляет собой внутреннюю мотивацию, поддерживаемую собственными побуждениями. Уровень самотивации во время дистанционного обучения младших школьников проверялся при помощи теста А. Панченко [Сунсова, Кожевникова 2012]. Метод содержательного анализа музыкальных произведений включает длину фраз, ритмическую организацию произведений, ритмичность, прерывистость, которые самостоятельно изучает младший школьник. Анализ теста А. Панченко показал, что самотивация при дистанционной форме обучения музыкальному искусству в сентябре месяце обучающихся 1–4-х классов составляет 86 % от общего числа обучающихся. Конечный этап, то есть май месяц, – 48 %. Самотивация при классно-урочной системе обучения музыкальному искусству на начальном этапе составляла 86 %, на конечном этапе – 52 %. Сопоставление самотивации на начальном обучении как на дистанте, так и на уроках в классе имеет одинаковые проценты высокой мотивации 86 %.

Самоактуализация младших школьников при дистанционном обучении повысилась, особенно в 4-х классах, по нескольким причинам: раскрытие личностного потенциала при обучении музыкальному искусству; наиболее полное выявление персональных возможностей в ходе формирования понятийного аппарата искусства слышать; появление желания творческой самореализации, желание написать свое музыкальное произведение; появление желания раскрыть свои способности и заложенные музыкальные задатки.

Самотивация младших школьников при дистанционном обучении на начальном этапе повысилась, затем понизилась. Повышение самотивации на начальном этапе дистанционного обучения предполагается по нескольким причинам: интерес к новому виду обучения как раскрытие интереса к музыкальному искусству; положительный уровень ожиданий при прослушивании музыкальных произведений; свобода действий, корректирующаяся самостоятельным выбором музыкальных произведений; самостоятельный настрой на ситуацию успеха в области обнаружения музыкального содержательного анализа произведений.

Причины снижения самотивации во время дистанционного обучения младших школьников: снижение мотиваций желания учиться, постигать азы музыкального искусства; несформированность навыков самостоятельного обучения и изучения музыкальных произведений; нет поощрения, признания со стороны учителя, похвалы родителей; нет соревновательности, где искусство постижения музыкальных азоров проявляется в желании быть лучше одноклассника; уменьшение значимости в учебном процессе постижения музыкального мастерства; завышенные ожидания в ситуации успеха музыкального творческого потенциала.

Самокоррекция – это самостоятельное изменение личностных характеристик, которые являются преградой на пути к достижению и реализации поставленных целей (умение высказывать и ана-

лизировать музыкальное произведение, адекватно оценивать уровень своих достижений, набирать музыкальный опыт, изучать произведения самостоятельно). Школьник входит в позицию композитора и начинает слышать музыку и понимать ее. Уровень самокоррекции музыкального искусства был проверен при помощи теста-опросника А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана [Горбунова, Помазенкова 2015]: определялась величина индексов «волевой саморегуляции» по пунктам общей шкалы (В), индексов по субшкалам «настойчивость» (Н), «самообладание» (С). Каждый индекс – это сумма баллов, полученная при подсчете совпадения ответов с ключом общей шкалы.

Самокоррекция младших школьников при дистанционной форме обучения в начале учебного процесса повысилась, затем понизилась. Самокоррекция по тесту Зверькова и Эйдмана поделена на волевую саморегуляцию, настойчивость, самообладание. Волевая саморегуляция – это мера овладения собственным поведением в различных ситуациях, способность сознательно управлять своими действиями, намерениями, побуждениями. Повышение уровня самокоррекции – волевой саморегуляции (В), самообладания (С), настойчивости (Н) – на начальном этапе осуществилось благодаря следующим факторам: повышенным ожиданиям пластического интонирования музыки; свободе действий в изучении музыкальных произведений; интересу к новому виду обучения при постижении музыкальной грамотности.

Самокоррекция в сентябре месяце соответствует показателям субшкалы «настойчивость» (Н), «самообладание» (С), шкалы «волевой саморегуляции» (В). Наблюдается высокий индекс шкал и субшкал на начальном этапе (март месяц) дистанционного обучения: 160–238 обучающихся с уровнем субшкалы «настойчивость» (Н), 121–204 обучающихся с уровнем субшкалы волевой саморегуляции» (В), 98–201 обучающихся с уровнем субшкалы «самообладание» (С). Однако к концу дистанционного обучения наблюдается резкий спад самокоррекции младших школьников.

Самооценка – это представление человека о важности своей личности и деятельности среди других людей; оценивание себя и собственных качеств и чувств, достоинств и недостатков

Библиографический список

- Ассаджиоли 2016 – *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники. Москва: Изд-во института общегуманитарных исследований, 2016. 367 с. URL: http://ivanzalesskiy.ru/sites/default/files/books/101406483/_assadzhioli_roberto_psihosintez_principy_i_tehniki.pdf.
- Горбунова, Панкова 2020 – *Горбунова И.Б., Панкова А.А.* Музыкальное творчество в дистанционной образовательной среде // *Медиамузыка.* 2020. № 11. С. 104–109. URL: http://mediamusical-journal.com/library/MM2020_5.pdf (дата обращения: 21.02.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=43779186>. EDN: <https://elibrary.ru/ibdlnz>.
- Горбунова, Помазенкова 2015 – *Горбунова И.Б., Помазенкова М.С.* Музыкально-компьютерные и облачно-ориентированные технологии в системе современного музыкального образования // *Научное мнение.* 2015. № 3–2. С. 68–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23697410>. EDN: <https://elibrary.ru/tyovkl>.

с их открытым выражением или даже закрытым. Впервые термин «самооценка» ввел М. Розенберг (*global self-esteem* «глобальное самоуважение» – обобщенное отношение к себе индивида [Золоторева 2020]). Самооценка, по М. Розенбергу, есть «отражение степени развитости у индивида чувства самоуважения, ощущения собственной ценности и позитивного отношения ко всему, что входит в сферу собственного «Я». Уровень самооценки младших школьников при классно-урочной системе обучения музыкальному искусству можно измерить при помощи теста М. Розенберга. Тест М. Розенберга состоит из 10 суждений, на каждые из которых предлагается 4 градации ответов. Ответы варьируются следующим образом: полностью согласен, не согласен, абсолютно не согласен и согласен. Следует понимать, что младшие школьники 1-го класса не могут найти разграничение понятий «не совсем», «абсолютно». Также младшие школьники в силу своего возраста и психо-физиологических характеристик увеличивают степень своей значимости. И на вопрос: «Мне кажется, у меня есть много музыкальных талантов?» – почти все отвечали, что согласны.

Заключение

Дистанционная форма обучения позволяет у обучающегося вырабатывать умения самостоятельно овладевать музыкальным искусством. Ученики приобретают навыки самоактуализации: младший школьник учится не ждать подсказки учителя при анализе музыкального произведения, доверяя собственным способам решения поставленных задач. Появляется внутренняя уверенность в своих действиях; прежние установки, где младший школьник ждал одобрения, поощрения, похвалы, уже не требуются.

Дистанционное обучение постижения музыкального искусства – это новый вид обучения, на первый взгляд сложный, непонятный учебный процесс, который протекает одновременно и в режиме офлайн, и в режиме онлайн, и в режиме *self-taught* (англ. «самоучка, предоставленный самому себе»). Таким образом, правильно выстроенная система дистанционного обучения музыкальному искусству позволит повысить эффективность системы образования, развивающей самоактуализирующуюся личность.

Золоторева 2020 – *Золоторева А.А.* Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки Розенберга // Вестник Омского университета. Серия: Психология, 2020. № 2. С. 52–57. DOI: <http://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>. EDN: <https://elibrary.ru/uakgxs>.

Краснова, Полушкина 2021 – *Краснова Г. А., Полушкина Г. А.* Состояние и перспективы обучения в период пандемии COVID-2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2021. Т. 18, № 1. С. 36–44 DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-8631-2021-18-1-36-44>. EDN: <https://elibrary.ru/fnpzpk>. (In Russ.)

Козаренко 2021 – *Козаренко О.М.* Covid-19: дистанционное обучение глазами студентов // Открытое и дистанционное образование. 2021. № 1 (79). С. 25–34. DOI: <http://doi.org/10.17223/16095944/79/4>. EDN: <https://elibrary.ru/ohxxzc>.

Сунсова, Кожевникова 2012 – *Сунсова Я.С., Кожевникова О.В.* Диагностика профессионального становления личности. Ч. 3. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 144 с. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/8934/2012196.pdf?sequence=1>.

Чикризова 2019 – *Чикризова К.В.* Открытое образование в диахроническом аспекте: от открытых образовательных ресурсов к открытым образовательным практикам // Открытое и дистанционное образование. 2019. № 2 (74). С. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.17223/16095944/2/3>. EDN: <https://elibrary.ru/vnxbtm>.

Шостром, Браммер 2002 – *Шостром Э., Браммер Л.* Терапевтическая психология. // Основы консультирования и психотерапии / пер. с англ. В. Абабкова, В. Гаврилова. Москва: ЭКСМО, 2002. 624 с. URL: <https://knigogid.ru/books/187986-terapevticheskaya-psihologiya-osnovy-konsultirovaniya-i-psihoterapii/toread>.

References

Assagioli 2016 – *Assagioli R.* (2016) Psychosynthes. A manual of principles and techniques. Moscow: Izd-vo instituta obshchegumanitarnykh issledovaniy, 367 p. Available at: http://ivanzalesskiy.ru/sites/default/files/books/101406483/_assadzioli_roberto_psihosintez_principy_i_tehniki.pdf. (In Russ.)

Gorbunova, Pankova 2020 – *Gorbunova I.B., Pankova A.A.* (2020) Musical creative work in the distance education environment. Electronic scientific magazine Mediamusic, no. 11, pp. 104–109. Available at: http://mediamusic-journal.com/library/MM2020_5.pdf (accessed 21.02.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=43779186>. EDN: <https://elibrary.ru/ibdlz>. (In Russ.)

Gorbunova, Pomazenkova 2015 – *Gorbunova I.B., Pomazenkova M.S.* (2015) Music computer-aided and cloud-oriented technologies in the modern music education system. *The Scientific Opinion*, no. 3–2, pp. 68–82. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23697410>. EDN: <https://elibrary.ru/tyovkl>. (In Russ.)

Zolotareva 2020 – *Zolotareva A.A.* (2020) Validity and reliability of the Russian version of the Rosenberg self-esteem scale. Herald of Omsk University. Series «Psychology», no. 2, pp. 52–57. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>. EDN: <https://elibrary.ru/uakgxs>. (In Russ.)

Krasnova 2021 – *Krasnova G.A., Polushkina G.A.* (2021) State and prospects of distance learning during the COVID-19 pandemic. *RUDN Journal of Informatization in Education*, vol. 18, no. 1, pp. 36–44. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-8631-2021-18-1-36-44>. EDN: <https://elibrary.ru/fnpzpk>. (In Russ.)

Kozarenko 2021 – *Kozarenko O.M.* (2021) Covid-19: distance learning from students' perspective. *Open and distance education*, no. 1 (79), pp. 25–34. DOI: <http://doi.org/10.17223/16095944/79/4>. EDN: <https://elibrary.ru/ohxxzc>. (In Russ.)

Sunsova, Kozhevnikova 2012 – *Sunsova Ya.S., Kozhevnikova O.V.* (2012) Diagnostics of professional formation of personality. Part 3. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 144 p. Available at: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/8934/2012196.pdf?sequence=1>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25715884>. EDN: <https://elibrary.ru/vqtgmp>. (In Russ.)

Chikrizova 2019 – *Chikrizova K.V.* (2019) Open education in diahronic aspect: through open educational resources towards open educational practices. *Open and distance education*, no. 2 (74), pp. 18–25. DOI: <http://doi.org/10.17223/16095944/2/3>. EDN: <https://elibrary.ru/vnxbtm>. (In Russ.)

Shostrom, Brammer 2002 – *Shostrom E., Brammer L.* (2002) Therapeutic psychology. In: *Fundamentals of counseling and psychotherapy. Translated from English by Ababkov V., Gavrilov V.* Moscow: EKSMO, 624 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/187986-terapevticheskaya-psihologiya-osnovy-konsultirovaniya-i-psihoterapii/toread>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-109-115

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.46

Дата поступления: 12.02.2022
рецензирования: 20.03.2022
принятия: 28.05.2022

Особенности межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования

Ю.Б. Цверкун

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал,
г. Одинцово, Российская Федерация
E-mail: y.cverkun@odin.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>

Аннотация: Данная статья посвящена изучению специфики межотраслевого заимствования терминологических единиц как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования. Особое внимание уделяется терминам, полученным в результате межотраслевого заимствования, в структуре значения которых содержится культурный компонент, поскольку данное исследование проведено в рамках концепции культурного компонента значения, разработанной В.А. Иконниковой. Несмотря на то что наиболее продуктивным способом терминологического исследования представляются термины, полученные в результате семантического терминологического исследования, в том числе межотраслевым заимствованием. Данная особенность объясняется необходимостью привлечения историко-этимологических и культурных данных для их анализа. В предлагаемой работе специфика межотраслевого заимствования рассматривается на материале терминологических единиц с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы образования Великобритании и США. В результате анализа словарных дефиниций, а также историко-этимологического анализа терминологических единиц с культурным компонентом значения, которые входят в терминосистемы образования Великобритании и США и получены в результате межотраслевого заимствования, автор приходит к выводу, что данные единицы заимствованы из терминологий права, в частности миграционного права, религии, государственного управления, бизнес-сферы, географии, психологии и других. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов лингвострановедения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также при составлении специальных словарей терминов образования.

Ключевые слова: термин; терминология; терминосистема; терминологическая единица с культурным компонентом значения; англоязычная терминология образования; терминологическое заимствование; междисциплинарное заимствование.

Цитирование. Цверкун Ю.Б. Особенности межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-109-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Цверкун Ю.Б., 2022

Юлия Борисовна Цверкун – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, 143007, Российская Федерация, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.02.2022
Revised: 20.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Specifics of interdisciplinary borrowing as a source of the Anglo-American education terminology enrichment

Yu.B. Tsverkun

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo Branch), Odintsovo, Russian Federation
E-mail: y.cverkun@odin.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9084-5880>

Abstract: The given article reports on a study of the peculiarities of interdisciplinary borrowing as a source of the Anglo-American education terminology enrichment. Special focus is given to the terms built as a result of interdisciplinary borrowing that contain the cultural component of meaning in their semantic structure, since the given study was carried out in the framework of the concept of the cultural component of term meaning developed by V.A. Ikonnikova. Despite the fact that the most productive way of building education terms is syntactic, semantic term-formation is of great interest while studying terms in the socio-cultural aspect. This is due to necessity of using historical, etymological and cultural data for their analysis. In the paper the peculiarities of interdisciplinary borrowing as a source of education terminology replenishment is considered on the basis of the terminological units with the cultural component of meaning belonging to the British and US education terminological systems. Dictionary entry analysis and historical and etymological analysis of borrowed terminological units with the cultural component of meaning belonging to the terminological systems mentioned above let us make a conclusion that such units were borrowed from terminologies of the following fields: law, religion, public administration, business, geography, psychology etc. The proposed framework may be useful for studying and teaching sociocultural linguistics, linguistic and cultural studies, cross-cultural communication. The research findings may contribute to compiling special dictionaries of education terms.

Key words: term; terminology; terminological system; terminological unit with the cultural component of meaning; Anglo-American education terminological system; term formation; semantic term formation; interdisciplinary borrowing.

Citation. Tsverkun Yu.B. Specifics of interdisciplinary borrowing as a source of the Anglo-American education terminology enrichment. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-109-115>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Tsverkun Yu.B., 2022

Yulia B. Tsverkun – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Linguistics and Translation&Interpreting Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo Branch), 3, Novo-Sportivnaya Street, Odintsovo, 143007, Russian Federation.

Введение

В контексте глобализационных процессов и международного сотрудничества сфера образования приобретает особую значимость. Поскольку английский язык является важнейшим средством межнациональной коммуникации, возрастает необходимость рассмотрения, многостороннего изучения и анализа англоязычной терминологии области образования.

Отметим, что в системе образования прослеживаются две противоположные тенденции: к интеграции, унификации систем образования во всем мире (например, *International Baccalaureate* и др.) и, наоборот, стремление к сохранению культурных и / или исторических особенностей определенных систем образования. Указанные тенденции находят свое отражение в соответствующей терминологии, в частности англоязычной.

Ввиду того что в данной статье англоязычные терминологические единицы области образования рассматриваются в рамках концепции культурного компонента значения терминологических единиц, разработанной В.А. Иконниковой, отметим, что терминологические единицы с культурным компонентом значения – «это единицы, в значение языкового субстрата которых входит информация об историко-территориальных ценностях, представлениях, особенностях и реалиях культуры определенного историко-территориального сообщества» (Иконникова 2014, с. 11).

Рассмотрению терминологии образовательной области в различных аспектах посвящены труды многих зарубежных и отечественных исследователей: L. Columba, K. Arndt, L. Lieberman, R. Lytle [Columba, Arndt, Lieberman, Lytle 2014], B.V. Iannone III, E.C. Bell и др. [Standardized... 2021], Л.Н. Даниловой [Данилова 2017], С.О. Макеевой [Макеева 2017], В.А. Бейзерова [Бейзеров 2018], О.Н. Ковалевой, А.Е. Бай [Ковалева, Бай 2020],

Ю.В. Корнилова, А.А. Попова [Корнилов, Попов 2020]. Поскольку в данной работе особое внимание уделяется особенностям пополнения англоязычной терминологии образования, в частности посредством заимствования терминологических единиц из терминологий и терминосистем других сфер, отметим, что вопросы терминообразования рассматриваются в исследованиях многих ученых-терминоведов: М. Rossi [Rossi 2014], R. Temmerman [Temmerman 2013], В.М. Лейчика [Лейчик 2009], С.В. Гринев-Гринева (Гринев-Гринева 2008), Л.М. Алексеевой (Алексеева 1998), В.А. Иконниковой [Иконникова 2016], В.А. Иконниковой, Ю.Б. Цверкун [Иконникова, Цверкун 2021].

Подчеркнем, что междисциплинарное заимствование терминологических единиц как способ пополнения терминологии отдельных областей человеческой деятельности и знаний ранее уже становилось объектом исследования в работах западных и отечественных терминоведов. Так, в работе Эвы Варга исследуются особенности заимствований из английского языка в венгерский язык на материале анатомических номинаций [Varga 2014]. Мария Колиопулу определяет роль заимствований, в том числе междисциплинарных, на материале греческого и немецкого языков в лингвокультурологическом аспекте [Koliopoulou 2020]. В исследовании В.В. Степановой изучаются терминологические номинации продуктов производства стекольной промышленности, возникших в результате межотраслевого заимствования [Степанова 2020]. М.В. Ласкова и А.А. Мореско рассматривают особенности лексических заимствований в терминологии киноведческого текста из культурологии и литературоведения [Ласкова, Мореско 2021]. Однако в отличие от приведенных работ в фокусе данного исследования находятся терминологические единицы с культурным компонентом значения, входящие в терминосистемы об-

разования Великобритании и США, полученные в результате межотраслевого заимствования.

В условиях социальных, политических, культурных изменений в обществе, отражающихся на системах образования во всем мире, терминология образования, в том числе англоязычная, постоянно пополняется, что объясняет необходимость исследования особенностей терминообразования соответствующих единиц.

Так как в данной статье особое внимание уделяется терминам с культурным компонентом значения, следует пояснить, что семантические способы терминообразования представляют наибольший интерес при рассмотрении указанных единиц. Рассмотрение англоязычных терминов системы образования в лингвокультурологическом аспекте (Цверкун 2018) позволило сделать вывод, что для анализа терминов, полученных в результате семантического терминообразования, «необходимо привлечение историко-этимологических и культурных данных» (Цверкун 2018, с. 52).

Цель данного исследования состоит в изучении межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии области образования и в выявлении специфики данного способа терминообразования в рамках концепции культурного компонента значения терминологических единиц. В работе приводятся примеры терминологических единиц с культурным компонентом значения, полученных в результате межотраслевого заимствования и последующей терминологизации в рамках терминологии образования.

Методология представленного исследования определена его целью. В процессе изучения специфики межотраслевого заимствования на материале англоязычной терминологии образования были использованы как общенаучные методы, так и специальные: метод сплошной выборки, анализ словарных дефиниций, историко-этимологический анализ.

Ход исследования

Для определения специфики междисциплинарного заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии области образования было проанализировано 1108 англоязычных терминологических единиц указанной области с культурным компонентом значения (Цверкун 2018, с. 12). Дефиниционный анализ и историко-этимологический анализ данных терминологических единиц были проведены с использованием следующих лексикографических источников: словарей современного английского языка (Cambridge...; Collins...; Macmillan...; Lingvo), этимологического словаря английского языка (Online...) и специальных словарей (англоязычных словарей терминов образования Dictionary of...; The Education... 2009; A Dictionary 2015; Cambridge... 2013; Glossary of...; The Greenwood... 2011).

Рассмотрение особенностей терминообразования англоязычных единиц образовательной сферы позволило сделать вывод о наиболее про-

дуктивным способе получения терминов образования – это **синтаксический способ** (около 52 %). Важно добавить, что **семантическими способами** образовано около 13 % терминов. Ввиду того что в фокусе предлагаемого исследования находится междисциплинарное заимствование (один из семантических способов), приведем примеры терминологических единиц с культурным компонентом значения, образованных в результате межотраслевого заимствования, или заимствования из терминологий других областей.

Рассмотрим термин **congregation**, входящий в терминосистему высшего образования Великобритании. Обратимся к лингвистическому субстрату данного термина. Единица **congregation** была заимствована в английский язык из латинского через старофранцузский в XII в. и употреблялась в значении: *a gathering, assembly, a crowd; an organized group, as of a religious order or body of scholars; act of congregating*. В начале XVI в. единица **congregation** была использована У. Тиндейлом при переводе Нового Завета для передачи греч. *ekklesia* в двух значениях: 1) *an assembly of persons for religious worship and instruction*; 2) *the Christian church in general*. Затем в начале XVII в. единица **congregation** использовалась вместо *church*. Наконец, рассматриваемый термин в современном английском обозначает «*наства*» (Online...). В современной англоязычной терминологии образования данная единица является территориально маркированной – *mainly British* – и имеет значение: *an assembly of senior members of a university ('совет университета')* (Collins...). Можно сделать вывод, что единица **congregation** была заимствована из терминологии **религии**, затем подверглась терминологизации в рамках терминосистемы высшего образования Великобритании. Другими терминами образования с культурным компонентом значения, полученными в результате заимствования из терминологии **религии** (через терминологию **права** в отличие от рассмотренного выше термина), являются *Michaelmas, Lent, Epiphany, Hilary, Christmas, Trinity* и др. Подробно исследование данного перехода терминов (терминология **религии** → терминология **права** → терминология **образования**) было опубликовано ранее [Цверкун 2017].

Далее рассмотрим термин, полученный в результате заимствования из **бизнес-терминологии**: **bricks and mortar**. Обращение к языковому субстрату данного терминосочетания позволяет выявить, что образование данного термина произошло в результате метонимизации общепотребительного значения и терминологизации в рамках терминологии бизнес-сферы: **bricks and mortar** – «*кирпичи и строительный раствор*» (Macmillan...). Поясним, что в бизнес-терминологии данный термин обозначает вид компаний, обслуживающих клиентов в офисах, в отличие от тех, которые осуществляют онлайн-обслуживание (Macmillan...). В результате заимствования терминосочетания **bricks and mortar** из англоязычной

бизнес-терминологии в лексику американского высшего образования и дальнейшей терминологизации в терминосистеме высшего образования США рассматриваемое терминосочетание стало использоваться в следующем значении: *a descriptive phrase used to distinguish colleges and universities with on-campus buildings and facilities from universities, colleges, or schools providing comparable instruction via mail, television, radio, or computer networks* (Glossary of...).

Перейдем к рассмотрению термина *catchment area*, входящего в терминосистему британского школьного образования. Поясним, что термин *catchment area* приведен в словаре современного английского языка с пометой *GEOGRAPHY / specialized* и употребляется в следующем значении: *the area of land from which water flows into a river, lake, or reservoir* (Cambridge...). Обратимся к лингвистическому субстрату данной единицы. Итак, первое использование терминологического элемента *catchment* в английском языке в значении *drainage* датируется 1844 г. (Online...). Далее, после заимствования из терминологии *географии*, в рамках которой терминологическая единица *catchment* употреблялась в значении *the act of collecting water* (Collins...), дальнейшей детерминологизации и метафоризации в рамках общеупотребительной лексики единица *catchment* стала использоваться в значении *the intake of a school from one catchment area* (Collins...). В результате последующей терминологизации в рамках терминосистемы британского школьного образования, термин *catchment area* функционирует в значении: *catchment area (mainly UK) The area, usually in the immediate vicinity of schools, designated by some admissions authorities, which sometimes gives priority to children who live in it. It is the area from which a school traditionally draws the majority of its pupils* (Cambridge... 2013).

В результате межотраслевого заимствования возник другой термин образования с культурным компонентом значения – *prefect*. Обращение к лингвистическому субстрату термина позволяет выяснить, что *prefect* происходит от лат. *praefectus* (*past participle of praeficere 'set in authority over'*). Из латинского языка через старофранцузский в английском языке единица *prefect* появляется в XIV в. и употребляется в значении *civil or military official* (Online...). В словарях современного английского языка *prefect* используется в значении *a chief officer, magistrate, or regional governor in certain countries* (Collins...). В результате перехода из терминологии *государственного управления*, сужения значения и последующей терминологизации в рамках терминосистемы британского школьного образования термин *prefect* используется в следующем значении: *an older pupil who does special duties and helps the teachers to control the younger pupils* (Collins...).

Помимо проиллюстрированных выше примеров заимствования терминов из других областей приведем еще несколько терминов образования: *halo effect* – термин, входящий в терминосистему

образования Великобритании – заимствован из терминологии *психологии*; *Affidavit of Support* – термин, входящий в терминосистему высшего образования США, заимствован из терминологии *миграционного права*; *diocese* – термин, входящий в терминосистему школьного образования Великобритании, заимствован из терминологии *религии*; *courts* – термин, входящий в терминосистему высшего образования Великобритании, заимствован из терминологии *права*; *chancellor* – термин, входящий в терминосистему высшего образования Великобритании, заимствован из терминологии *государственного управления*.

Дискуссия

В работе М.В. Ласковой и А.А. Мореско при рассмотрении особенностей междисциплинарных заимствований терминов в дискурсе киноведения были выявлены термины, заимствованные из терминосистем культурологии и искусствоведения, приведены и проанализированы примеры инкорпорации терминов музыки, эстетики, а также теории литературы [Ласкова, Мореско 2021]. В исследовании В.В. Степановой был сделан важный вывод о том, что межотраслевое заимствование, рассмотренное на материале терминологии стекольного производства, основано на схожести процессов производства и некоторых характеристик изготовленных продуктов [Степанова 2020, с. 78]. Однако проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, в отличие от перечисленных выше работ, для номинации некоторых понятий области образования могут быть использованы терминологические единицы, необязательно заимствованные из смежных областей (психологии, педагогики). Среди сфер, из которых были заимствованы термины, которые в результате *вторичной терминологизации* (термин В.М. Лейчика (Лейчик 2009)) функционируют в области образования, выявлены *право, религия, бизнес-сфера, география* и др.

Заключение

Таким образом, изучение англоязычных терминологических единиц с культурным компонентом значения, образованных посредством межотраслевого заимствования, выявило, что указанные единицы были заимствованы из терминологий следующих областей: *права, религии, психологии, государственного управления, сферы бизнеса, географии* и др.

Перспективы дальнейшего исследования англоязычных терминов образования с культурным компонентом значения видятся в изучении специфики других способов пополнения англоязычной терминологии исследуемой сферы: метафоризации, метонимизации, терминологизации общелитературного значения, сужения / расширения значения. Стоит также добавить, что особенности междисциплинарного заимствования могут быть исследованы на материале терминов, входящих в терминосистему образования Канады, Австралии, Новой Зеландии и других англоязычных государств.

Материалы исследования

- A Dictionary... 2015 – *A Dictionary of Education*. 2nd Edition / S. Wallace. Oxford: Oxford University Press, 2015. 368 p. Cambridge... – *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus* // Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
- Cambridge... 2013 – *Cambridge Handbook of Educational Abbreviations & Terms*. 6th edition / ed. by R. Hickman. University of Cambridge Faculty of Education, 2013. 126 p. URL: https://www.educ.cam.ac.uk/people/staff/hickman/CHEAT_RichardHickman_6th_ed%20_2013.pdf.
- Collins... – *Collins English Dictionary*. URL: <https://collinsdictionary.com>.
- Dictionary of... 2005 – *Dictionary of British Education*. 3rd revised / ed. by Peter Gordon and Denis Lawton. London: Taylor & Francis Ltd, 2005. 304 p. URL: <https://saidnazulfiqar.files.wordpress.com/2008/04/dictionary-of-british-education.pdf>.
- Lingvo – *Lingvo* // ABBYY. Lingvo 12. Английская версия. Электронный словарь. URL: <https://www.lingvolive.com/>
- Macmillan ... – *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com>.
- Online ... – *Online Etymology Dictionary*. URL: <http://www.etymonline.com>.
- The Education 2009 – *The Education week guide to K-12 terminology* / ed. by Mary-Ellen Phelps Deily. 1st ed. Education Week Press and Jossey-Bass, 2009. 144 p.
- Glossary of... – *Glossary of Oxford terms*. URL: http://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/media_wysiwyg/University%20of%20Oxford%20Glossaries.pdf.
- The Greenwood... 2011 – *The Greenwood Dictionary of Education* (2nd edition) / ed. by J.W. Collins & N.P. O'Brien. Santa Barbara, CA: Greenwood. 2011. 581 p.
- Алексеева 1998 – *Алексеева Л.М.* Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. ун-т, 1998. 120 с.
- Гринева-Гринева 2008 – *Гринева-Гринева С.В.* Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
- Иконникова 2014 – *Иконникова В.А.* Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии, США): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2014. 496 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22350694>.
- Цверкун 2018 – *Цверкун Ю.Б.* Особенности англоязычных терминов системы образования: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 218 с.

Библиографический список

- Columna, Arndt, Lieberman, Lytle 2014 – *Columna L., Arndt K., Lieberman L., Lytle R.* Special Education Terminology Every Physical Education Teacher Should Know // *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 2014. Vol. 85, issue 5. P. 38–45. URL: https://www.academia.edu/21686081/Special_Education_Terminology_Every_Physical_Education_Teacher_Should_Know?sm=b. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07303084.2014.897659>.
- Koliopoulou 2020 – *Koliopoulou M.* Term formation under the prism of linguistic purism: Borrowings in German and Greek // *International Journal of Lexicography*. June 2020. Vol. 33, issue 2. P. 203–217. URL: https://www.academia.edu/51346239/Term_formation_under_the_prism_of_linguistic_purism_Borrowings_in_German_and_Greek. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/eca003>.
- Rossi 2014 – *Rossi M.* Métaphores terminologiques: fonctions et statut dans les langues de spécialité // *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014 SHS Web of Conferences*. 2014. P. 713–724. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2014/05/shsconf_cmlf14_01268.pdf.
- Standardized... 2021 – *Standardized invasive species terminology for effective education of Floridians* / by B.V. Iannone III, E.C. Bell, S. Carnevale, J.E. Hill, J. McConnell, M. Main, S.F. Enloe, S.A. Johnson, J.P. Cuda, S.M. Baker, M. Andreu // IFAS Extension. University of Florida, 2021. DOI: <http://doi.org/10.32473/edis-fr439-2021>.
- Temmerman 2013 – *Temmerman R.* Primary and secondary term creation and the process of understanding // *Application of Cognitive Terminology Theories in Terminology Management*. Zagreb, 27–28 September 2013. URL: http://struna.ihj.hr/uploads/actt/Temmerman_Zagreb_2013.pdf.
- Varga 2014 – *Varga É.K.* Anatómiai nevek régen és ma. Latin helyett angol? (Anatomical names in the past and today: English instead of Latin?). 2014. URL: https://www.academia.edu/38613143/Anat%C3%B3miai_nevek_r%C3%A9gen_%C3%A9s_ma_Latin_helyett_angol_Anatomical_names_in_the_past_and_today_English_instead_of_Latin.
- Бейзеров 2018 – *Бейзеров В.А.* Интернационализация высшего образования. Проблемы терминологии // *Инновации в образовании*. 2018. № 6. С. 5–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35111815>.
- Данилова 2017 – *Данилова Л.Н.* Развитие терминологии непрерывного образования за рубежом // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23, № 4. С. 232–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-terminologii-nepreryvnogo-obrazovaniya-za-rubezhom>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32430782>. EDN: <https://elibrary.ru/yosotx>.

Иконникова 2016 – *Иконникова В.А.* Метафоризация как средство терминообразования англоязычных единиц с культурным компонентом значения // International Symposium «Metaphor as Means of Knowledge Communication»: book of abstracts. Пермь, 2016. С. 154–155. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28988064>.

Иконникова, Цверкун 2021 – *Иконникова В.А., Цверкун Ю.Б.* Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике. Москва: КноРус, 2021. 188 с. ISBN 9785436581644. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46251990>. EDN: <https://elibrary.ru/sqdhrl>.

Ковалева, Бай 2020 – *Ковалева О.Н., Бай А.Е.* Специфика перевода терминов высшего образования (на материале английского, китайского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 11. С. 286–290. DOI: <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.60>. EDN: <https://elibrary.ru/ahayfq>.

Корнилов, Попов 2020 – *Корнилов Ю.В., Попов А.А.* К вопросу о терминологии и классификации иммерсивных технологий в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–2. С. 171–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-terminologii-i-klassifikatsii-immersivnyh-tehnologiy-v-obrazovanii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44379939>. EDN: <https://elibrary.ru/gyzecn>.

Ласкова, Мореско 2021 – *Ласкова М.В., Мореско А.А.* Междисциплинарные заимствования терминов в дискурсе киноведения // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2. С. 114–122. DOI: <http://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-85-2-114-122>. EDN: <https://elibrary.ru/znskxx>.

Лейчик 2009 – *Лейчик В.М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с. URL: https://www.academia.edu/35815470/Leychik_v_m_terminovedenie_predmet_metody_struktura.

Макеева 2017 – *Макеева С.О.* Академический рекламный дискурс – обзор публикаций и социальная грань (реклама вузов, лишенных аккредитации) // Педагогическое образование в России. 2017. № 10. С. 31–40. DOI: <http://doi.org/10.26170/po17-10-05>. EDN: <https://elibrary.ru/zrwkel>.

Степанова 2020 – *Степанова В.В.* Межотраслевое заимствование в терминологии стекольного производства // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 71–81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42826979>; <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-11-2020/351-v-v-stepanova-mezhotraslevoe-zaimstvovanie-v-terminologii-stekolnogo-proizvodstva>. EDN: <https://elibrary.ru/mnntqh>.

Цверкун 2017 – *Цверкун Ю.Б.* Особенности терминологических единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34901342>. EDN: <https://elibrary.ru/xmzxql>.

References

Columna, Arndt, Lieberman, Lytle 2014 – *Columna L., Arndt K., Lieberman L., Lytle R.* (2014) Special Education Terminology Every Physical Education Teacher Should Know. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*, vol. 85, issue 5, pp. 38–45. Available at: https://www.academia.edu/21686081/Special_Education_Terminology_Every_Physical_Education_Teacher_Should_Know?sm=b. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07303084.2014.897659>.

Koliopoulou 2020 – *Koliopoulou M.* (2020) Term formation under the prism of linguistic purism: Borrowings in German and Greek. *International Journal of Lexicography*, vol. 33, issue 2, pp. 203–217. Available at: https://www.academia.edu/51346239/Term_formation_under_the_prism_of_linguistic_purism_Borrowings_in_German_and_Greek. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijl/eca003>.

Rossi 2014 – *Rossi M.* (2014) Métaphores terminologiques: fonctions et statut dans les langues de spécialité. In: *Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2014 SHS Web of Conferences*, pp. 713–724. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2014/05/shsconf_cmlf14_01268.pdf.

Standardized ... 2021 – *Iannone III B.V., Bell E.C., Carnevale S., Hill J.E., McConnell J., Main M., Enloe S.F., Johnson S.A., Cuda J.P., Baker S.M., Andreu M.* (Eds.) (2021) *Standardized invasive species terminology for effective education of Floridians*. IFAS Extension, University of Florida. DOI: <http://doi.org/10.32473/edis-fr439-2021>.

Temmerman 2013 – *Temmerman R.* (2013) Primary and secondary term creation and the process of understanding. In: *Application of Cognitive Terminology Theories in Terminology Management. Zagreb, 27–28 September 2013*. Available at: http://struna.ihjj.hr/uploads/act/Temmerman_Zagreb_2013.pdf.

Varga 2014 – *Varga É.K.* (2014) Anatómiai nevek régen és ma. Latin helyett angol? (Anatomical names in the past and today: English instead of Latin?). Available at: https://www.academia.edu/38613143/Anat%C3%B3miai_nevek_r%C3%A9gen_%C3%A9s_ma_Latin_helyett_angol_Anatomical_names_in_the_past_and_today_English_instead_of_Latin_.

Beizerov 2018 – *Beizerov V.A.* (2018) Internationalization of higher education. Problems of terminology. *Innovatsii v obrazovanii*, issue 6, pp. 5–13. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35111815>. EDN: <https://elibrary.ru/urzwvy>. (In Russ.)

Danilova 2017 – *Danilova L.N.* (2017) Development of lifelong education terminology abroad. *Vestnik of Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 23, issue 4, pp. 232–236. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-terminologii-nepriyvnogo-obrazovaniya-za-rubezhom>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32430782>. EDN: <https://elibrary.ru/yosotx>. (In Russ.)

Ikonnikova 2016 – *Ikonnikova V.A.* (2016) Metaphorization as a means of term formation of English term units with the cultural component of the meaning. In: *International Symposium «Metaphor as Means of Knowledge Communication»*:

- book of abstracts. Perm, pp. 154–155. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28988064>. EDN: <https://elibrary.ru/ykiznj>. (In Russ.)
- Ikonnikova, Tsverkun 2021 – *Ikonnikova V.A., Tsverkun Yu.B.* (2021) Linguistic and cultural studies of the English branch terminologies and modern technologies in linguistics: monograph. Moscow: KnoRus, 188 p. ISBN 9785436581644. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46251990>. EDN: <https://elibrary.ru/sqdhrl>. (In Russ.)
- Kovaleva, Bai 2020 – *Kovaleva O.N., Bai A.E.* (2020) Specificity of Translating Higher Education Terminology (by the Material of the English, Chinese and Russian Languages). *Philology. Theory & Practice*, vol. 13, issue 11, pp. 286–290. DOI: <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.60>. EDN: <https://elibrary.ru/ahayfq>. (In Russ.)
- Kornilov, Popov 2020 – *Kornilov Yu.V., Popov A.A.* (2020) On the terminology and classification of immersive technologies in education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, issue 68–2, pp. 171–174. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-terminologii-i-klassifikatsii-immersivnyh-tehnologiy-v-obrazovanii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44379939>. EDN: <https://elibrary.ru/gyzecn>. (In Russ.)
- Laskova, Moresko 2021 – *Laskova M.V., Moresko A.A.* (2021) Interdisciplinary terms in the academic discourse of film studies. *The Humanities and Social sciences*, no. 2, pp. 114–122. DOI: <http://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-85-2-114-122>. EDN: <https://elibrary.ru/znskxx>. (In Russ.)
- Leichik 2009 – *Leichik V.M.* (2009). Terminology. Subject, methods, structure. 4th edition. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 256 p. Available at: https://www.academia.edu/35815470/Leychik_v_m_terminovedenie_predmet_metody_struktura. (In Russ.)
- Makeyeva 2017 – *Makeyeva S.O.* (2017) Commercialized academic discourse – review of recent research and social aspect (advertising practices of non-accredited universities). *Pedagogical education in Russia*, no. 10, pp. 31–40. DOI: <http://doi.org/10.26170/po17-10-05>. EDN: <https://elibrary.ru/zrwkel>. (In Russ.)
- Stepanova 2020 – *Stepanova V.V.* (2020) Intersectoral borrowing in the terminology of glass production. *Libri Magistri*, no. 1 (11), pp. 71–81. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42826979>; <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-11-2020/351-v-v-stepanova-mezhotraslevoe-zaimstvovanie-v-terminologii-stekolnogo-proizvodstva>. EDN: <https://elibrary.ru/mnntq>. (In Russ.)
- Tsverkun 2017 – *Tsverkun Yu.B.* (2017) Some peculiarities of terminological units in the terminological system of higher education in Great Britain. *Pyatigorsk State University Bulletin*, no. 4, pp. 78–84. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34901342>. EDN: <https://elibrary.ru/xmzxql>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 05.04.2022
рецензирование: 18.05.2022
принятие: 28.05.2022

Языковые образы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»

М.В. Беззубикова

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация
E-mail: mv55@yandex.ru. ORCID: <http://org/0000-0001-8783-3037>

Ш. Пиаврай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru.

Аннотация: Рассматривается дискурсивно-когнитивная природа «языкового образа», интегрирующего в себе (а) предметно-чувственное представление – когнитивный субстрат феномена, (б) образное слово, выступающее его вербальным экспонентом, и (в) дискурсивно-ассоциативную архитектуру коммуникативно-событийных смыслов концепта, проецирующего соответствующий языковой образ. Особая роль в создании языкового образа отводится нарративному дискурсу – той речемыслительной среде, в которой формируется порождающий образ контекст с эффектом присутствия повествователя. Красной нитью проводится мысль о том, что именно нарративный дискурс обеспечивает языковым образам способность передавать субъективное видение переживаемых фрагментов коммуникативного события. Дискурсивное расширение механизмов наполнения символических концептов автохтонными образами раскрывает в путевых очерках богатую и многоликую палитру восточной картины мира. С опорой на выделенные компоненты языкового образа осуществляется извлечение содержащихся в предметных значениях слов этнокультурных смыслов, которые в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» служат созданию живописного экзотического колорита.

Ключевые слова: языковой образ; дискурс; текст; значение; смысл; когнитивная метафора; символ; восточный колорит.

Цитирование. Беззубикова М.В., Пиаврай Ш. Языковые образы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-116-123>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Беззубикова М.В., Пиаврай Ш., 2022

Марина Валерьевна Беззубикова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет, 414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а.

Пиаврай Шамсуддин – аспирант, кафедра русского языка и русской литературы, факультет историко-филологический, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 05.04.2022
Revised: 18.05.2022
Accepted: 28.05.2022

Linguistic images in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzum»

M.V. Bezzubikova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation
E-mail: mv55@yandex.ru. ORCID: <http://org/0000-0001-8783-3037>

Sh. Piavrai

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation
E-mail: 1426229@bsu.edu.ru.

Abstract: The discursive-cognitive nature of the «linguistic image» includes: (a) a subject-sensory representation (the cognitive substrate of the phenomenon), (b) a figurative word acting as its verbal exponent (c) a discursive-associative architectonics of the communicative-event meanings of the concept projecting the corresponding linguistic image. Narrative discourse plays a special role in creating a linguistic image. In this speech-thinking environment, an image-generating context is formed with the effect of the presence of the narrator. The main idea is that narrative discourse provides the ability to convey a subjective vision of the experienced fragments of a communicative event with the help of a linguistic image. Discursive expansion fills symbolic concepts with autochthonous images and reveals in travel essays a rich and multifaceted palette of the eastern worldview. The extraction of ethno-cultural meanings is based on the selected components of the linguistic image. Ethnocultural meanings serve to create a picturesque exotic flavor in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzum».

Key words: language image; discourse; text; meaning; sense; cognitive metaphor; symbol; oriental flavor.

Citation. Bezzubikova M.V., Piavrai Sh. Linguistic images in A.S. Pushkin's travelogue «Journey to Arzrum». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-116-123>. (In Russ.)

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Bezzubikova M.V., Piavrai Sh., 2022

Marina V. Bezzubikova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Modern Russian, Astrakhan State University, 20 a, Tatishcheva Street, Astrakhan, 414056, Russian Federation.

Piavrai Shamsuddin – postgraduate student, Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

Вводные обоснования

По речезанровому своеобразию «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина определяется как очерк-travelogue – описание в ярких языковых образах лично пережитых кавказских впечатлений в турецком походе 1829 года. Феномен языкового образа генетически связан с понятиями «образ» и «образность». Хотя последние в лингвопоэтике являются азбучными, природа и сущность языкового образа еще ждут своего дискурсивно-когнитивного обоснования. Это объясняется, на наш взгляд, не только многозначностью лексемы *образ*, но и ее эврисемичностью. Понятие «языковой образ» интегрирует в себе (а) предметно-чувственное представление – свой когнитивный субстрат, (б) образное слово, выступающее его вербальным репрезентантом, и (в) дискурсивно-ассоциативную архитектуру коммуникативно-событийных смыслов концепта, проецирующего в нарративном дискурсе соответствующий языковой образ. Нарративный дискурс, в отличие от простого рассказа, – это та речемыслительная среда некой личностной истории, в которой порождается образный контекст с эффектом присутствия автора-повествователя.

С точки зрения нарративного дискурса о б р а з – субъективное (авторское) видение тех или иных фрагментов коммуникативного события. Оно обусловливается по крайней мере двумя обстоятельствами: а) его чувственно воспринимаемыми элементами и б) дискурсивно-модусными факторами текстопорождения. Первое связано с когнитивно-психическими закономерностями отражения картины мира на уровне ощущения и восприятия тех образов, которые оказались в эпицентре переживаний Пушкина. Второе определяется интенциональностью автора как языковой личности и ее конструктами: выстраиванием пространственного континуума и мысленным разворачиванием события в его временной последовательности. При этом второе обогащает первое, то есть преобразует гештальт – целостное восприятие картины мира (предметных реалий Кавказа) в художественную картину мира, где образы чувственного восприятия подвергаются нарративно-дискурсивному анализу, в результате которого они выполняют в тексте корректирующую, когнитивную и эмотивную функции. Для их осмысления нами применяется разработанный проф. Н.Ф. Алефиренко «дискурсивно-герменевтический анализ, который вклю-

чает в себя (а) интерпретацию внешнего (историко-культурного) контекста и (б) внутренний контекстуальный анализ» с учетом дискурсивно-смысловых связей конкретного речевого произведения [Алефиренко 2004, с. 6–14].

Исследуемые функции вызваны когнитивно-эстетическими потребностями обоих участников дискурсии: автора нарративно-дискурсивной деятельности и реципиентов (читателей) ее продукта – художественного текста. Эта потребность возникает вполне закономерно для выражения интеллектуально-эмоционального отношения к коммуникативному событию в виде различных этнокультурных коннотаций.

1. Языковые образы в «Путешествии в Арзрум», как и любом художественном тексте, являются вторичными конструктами, наполняющими узуальные значения слов-репрезентантов дискурсивно-модусными смыслами. В этом, как нам представляется, заключается коммуникативно-когнитивный механизм формирования в нарративном дискурсе художественного концепта. В процессе его вербализации обыденное слово превращается в образное слово, материально проявляющее духовную энергию языковой личности писателя. Такого рода превращение осуществляется путем обогащения эмпирической (образной) составляющей лексического значения слова нарративно-модусными семами. Дело в том, что любое слово содержит в своей семантической структуре эмпирический (образный) элемент (Бибчук 1991). Как полагает И.А. Стернин, «эмпирический компонент значения знака – это закрепленный за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета или явления» [Стернин, Розенфельд 2008, с. 11].

2. Понимание дискурсивно-ассоциативной архитектуры языковой образности опирается на особую концепцию дискурса. Традиционно под этим феноменом понимается речь или совокупность речевых произведений одного автора. Мы же рассматриваем его в когнитивном аспекте, как сложное *коммуникативно-мыслительное событие*. При этом и событие воспринимается не в обыденном его истолковании (происшествие, факт, эпизод в жизни). В речемыслительном ракурсе событие является «неким личностным конструктом – идеей или мыслительной конфигурацией сценария воспринимаемого объекта» [Алефиренко 2003, с. 3]. Коммуникативно-когнитивный статус такого

личностного конструкта подчеркивает главное свойство дискурса: гипотетически моделируемое построение, в котором фиксируется и воспроизводится субъективное видение определенного фрагмента переживаемой ситуации, в рамках которого координируется речевое поведение персонажей событийного полотна. Для комплексной интерпретации языковых образов дискурс привлекается потому, что он, обретаясь в тексте, содержит в своей структуре различные внетекстовые источники смысловых коннотаций, способствующих извлечению скрытого, нередко ситуативно-прагматического, подтекста. Прагматику художественного дискурса составляют: (а) само *коммуникативное событие*, (б) оказавшиеся в фокусе внимания участники отображаемого эпизода; в) отношения между ними; (г) обстоятельства, данное событие сопровождающие; (д) вспомогательные детали в речевых портретах персонажей; (е) впечатления автора от лично воспринимаемых их реальных прототипах.

Виртуальная организация выстраиваемого коммуникативного события образуется разнородными составляющими: (а) совокупностью концептов, создающих художественную картину мира, и (б) синергией (нелинейным сопряжением) языковой и невербальной семиотики (изобразительной, эмоциональной и ценностно-смысловой). Разномодусная полифония такой синергии представляет зафиксированные сознанием знания и представления автора об историко-культурном континууме данного коммуникативного события.

В свете представленного выше методологического пассажа языковые образы коммуникативного события интерпретируются нами как эмоциональные элементы, служащие его художественной репрезентации и «оживлению» картины кавказского мира через личностное отношение к нему автора. С *коммуникативным* событием мы соотносим *дискурсивное* событие, которое, в отличие от реального события, является культурно обусловленным построением в виде своего рода когнитивной партитуры. Это порождаемая дискурсивным сознанием семантическая запись полифонического кодирования целостного языкового образа в соответствии с художественным замыслом автора.

1. Языковые образы – дискурсивный субстрат речевой образности

Критический анализ существующих исследований образной речи [Блинова 1983; Розенфельд 2006; Смирнов 1981; Фрейденберг 1998; Юрина 2005] дает основание считать языковые образы сложными и неоднородными феноменами. В силу этого они должны рассматриваться в разных аспектах: собственно лингвистическом, лингвостилистическом и лингвокогнитивном. В эпицентр исследований попадают как индивидуально-авторские, так и контаминированные образные модели – идеальные зрительные представления, схваченные нарративным дискурсом.

В художественном тексте они служат когнитивным основанием для создания языковых образов. Можно предположить, что образное отражение действительности происходит как в ассоциативно-семиотической системе художественного освоения описываемого события, так и в речемыслительной системе. Предметно-чувственный образ трактуется нами как «единица образной системы языка, как единица речемыслительной деятельности, как единица хранения информации» [Илюхина 1998, с. 7]. Тем самым становится возможным дискурсивно-когнитивное сопряжение в языковом образе слова и чувственного представления вербализуемой реалии. Такое сопряжение порождает тот личностный конструкт, который служит поэту средством создания оценочного, коннотативного видения коммуникативного события и воплощения его в художественных языковых образах. Являясь личностными конструктами, языковые образы служат Пушкину средством интерпретации переживаемого им коммуникативного события. В процессе интерпретации фрагменты коммуникативного события структурируются и наделяются значениями с помощью слов-репрезентантов. Такой «широкий, интегральный подход к пониманию структуры значения слова, – пишет Н.А. Илюхина, – сближает категорию лексического значения – как в объеме, контурах, так и в логико-эмпирическом характере слагаемых его ядра – с категорией семантической структуры образа» [Илюхина 1998, с. 7]. В развитие и конкретизации этой мысли, Е.А. Юрина предлагает различать образ-1 (первичный предметно-чувственный) и образ-2 (вторичный ассоциативно-смысловой). В понимании Е.А. Юриной, образ-1 располагает эмпирическим содержанием, а образ-2 – двуплановым содержанием [Юрина 2005, с. 13]. Чувственно-наглядный образ (образ 1) связан с предметно-логическим содержанием лексической единицы и равноценно отражает обозначенный этим словом объект.

2. Лексические репрезентации языковых образов

Восточные языковые образы в «Путешествии в Арзрум» (далее – «Путешествии») представлены разными по типологии лексическими единицами. Особую роль играют онимы (топонимы и антропонимы).

1. **Топонимы** служат созданию в нарративном дискурсе хронотопного колорита – исторического и этнокультурного фона, на котором разворачиваются те или иные события. В одних случаях они используются Пушкиным для панорамного отражения воспринимаемых впечатлений, в других – для передачи личных переживаний. Как отмечает Н.Д. Абдалкарем, «топонимия “Путешествия в Арзрум” отражает древнюю историю Кавказа: от еще шумеро-вавилонского влияния до современных Пушкину грузинских, армянских, тюркских и персидских названий» (Абдалкарем 2015, с. 15). Репрезентатами этой разновидности этнокультуры являются используемые писателем гео-

графические названия: а) стран – *Грузия, Армения, Коби (Чечня)*, б) городов – *Тифлис, Арзрум, Арпачай, Карс*, в) сел – *Ларс, Гергеры*; г) гидронимы – *Аракс, Арагва, Кура, Терек, Мури*; д) названия гор – *Саган-Лу, Гут, Казбек, Безобдал*; е) природных ландшафтов и оборонительных сооружений – *Дариальское ущелье, Кайшаурская долина, крепость Гассан-Кале*. По сути, такие топонимы служат у Пушкина не просто географическими именованиями, а «репрезентантами геоконцептов» (термин В.Н. Калущкова). «Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом» [Калущков 2015, с. 6]. Так, старое название грузинского города *Тифлис* и культурно-исторического памятника *Тифлисские бани*, в которых парился Пушкин, связаны с упоминаемой в тексте «Путешествия» романтической легендой, раскрывающей тайну этого геоконцепта. Она гласит о том, как грузинский царь Вахтанг Горгасали во время охоты на фазана выпустил сокола, который долго не возвращался к хозяину. В результате поиска ловчей птицы Вахтанг обнаружил ее вместе с фазаном, сваренным в горячем источнике. На том месте царь повелел соорудить баньку, вокруг которой и застроился Тифлис. Кстати, современное название города *Тбилиси* также хранит отголосок этой легенды. Топоним *Тбиладо* зафиксирован на римской карте IV века. Происходит он от слова *тбили* – ‘теплый’. В «Путешествии» дается следующее описание: «Персианин ввел меня в бани: горячий, железно-серый источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее **тифлисских бань**» (с. 398).

Подобные геоконцепты представляют также названия *Дариальское ущелье, Гуд-Гора, Кайшаурская долина, крепость Гассан-Кале*.

Внешний фон геоконцепта «Дарьяльское ущелье» формирует впечатляющая реальная картина: самородный грандиозный разлом Бокового хребта водораздельной горной системы, называемой Большим Кавказом. По дну разлома бушует строптивый Терек, а на востоке от ущелья возвышается Казбек. Важную роль в формировании геоконцепта играют пресуппозиции: стратегический объект ущелья называют еще Кавказскими, Иберийскими и Сарматскими воротами. Впервые зафиксированный историками топоним фортификационного сооружения являлся персидской номинацией *Дари-Алан* (Дариал) – «Ворота алан». Аланы – ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского этногенеза, не раз потрясавшие опустошительными набегами сопредельные земли. Поражают воображение легенды и предания, ставшие, в частности, основанием стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тамара».

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.*

Впечатляющие воображение строки, известные со школы большинству людей, повлияли на вторичное наименование геоконцепта. Бывшее оборонительное сооружение ныне называют «замок царицы Тамары». Этот образный потенциал усиливается внутренним контекстом очерка: «*В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синет над вашей головою*» (с. 391). И дальше следующее описание: «*Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелью...*» (с. 392).

В не менее поэтичном ореоле воспринимается в «Путешествии» геоконцепт «Гуд-Гора». Внешний его ярус образует реальная картина – удивительной конусообразной формы крутой склон кверху на краю ущелья. Со стороны склона слышны таинственно гудящие звуки. Впечатление усиливается тем, что здесь когда-то проезжали М.Ю. Лермонтов и А.С. Грибоедов. Внутренний ярус концепта содержит пушкинский контекст, насыщенный гиперболическими выражениями: «*Подъем на Гуд-гору по косоугру преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка; едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жильья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки*».

Геоконцепт «Гассан-Кале», или «Хассан-Кале», – не только крепостное сооружение в Турецкой Армении, но и фрагмент из развалин генуэзской цитадели. Здесь, как сообщается в «Путешествии», ночевал Пушкин. Образный слой геоконцепта усиливается следующим контекстом: «*Гассан-Кале почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью*» (с. 416). «*Под стенами Гассан-Кале течет речка Мури; берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку*» (с. 417).

2. Антропонимы

В травелогe «Путешествие в Арзрум», путевом описании впечатлений от знакомства и общения с представителями разных народов, в глаза бросается насыщенность текста а н т р о п о н и м а м и. Выражению колорита эпохи способствуют архаичные наименования кавказских этносов: *персияне, грузинцы, осетинцы*. В тексте пестрят восточные личные имена разного происхождения: тюркского (*Бей-булат, Осман-паша, Топчи-паша*); арабского (*Ашит-отлу, Гассан, Мансур, Фазил-Хан*); персидского (*Хозрев-мирза, Гаджи-баба, Ага-Мохамед*). Причем в целом антропонимы, создавая колоритную экзотику, весьма реалистично

характеризуют людей, с которыми соприкасается путешествуящий поэт. Они выполняют не только репрезентативную, но и познавательную, эмотивно-образную, коннотативную функцию (оценочную, экспрессивную и ассоциативно-модусную).

Привлекает внимание тюрко-персидское имя *Бей-булат* состоящее из двух частей: *бей* – турецкое слово ‘господин, правитель’; *булат* в персидском языке означает «сталь». Именно вторая часть антропонима преобразует его в метафорическое слово. Как известно, булат (сталь) с древнейших времен используется для изготовления клинков мечей, сабель, кинжалов, ножей. Человеку с таким именем приписывается воинствующий характер и дается характеризующая метафорическая проекция: «Славный Бей-булат, гроза Кавказа...» (с. 422). Следующая за антропонимом метафора *гроза Кавказа* создает языковой образ «очень опасного, наводящего ужас, внушающего сильный страх человека».

Все антропонимы можно разделить на две группы: а) широкозначные онимы, которыми называли любого высокопоставленного сановника султана, и б) имена собственные. В «Путешествии» антропоним *Осман-паша* сопровождается прежде всего историко-культурным фоном. Это титул Османской империи, дарованный самим султаном. С этноязыковой точки зрения турецкое слово *паша* (*paşa*) является сокращенным вариантом древнеперсидской лексемы *pāti-xšāya* (*падишах*) – ‘верховный правитель’. В пушкинском тексте данный антропоним называет персонажей, указывая на их знатное происхождение. Так, антропоним *Топчи-паша* именуется в «Путешествии» турецкого артиллерийского офицера, создавая атмосферу Русско-турецкой войны.

Другие антропонимы обладают историко-культурной значимостью, поскольку служили именами реальных личностей. Так, за антропонимом *Фазил-Хан* стоит образ персидского поэта, с которым Пушкин познакомился по дороге в Тифлис, у подножия Казбека. Как яркий языковой образ антропоним участвует в развитии сюжета и передает восточные впечатления писателя: «*Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!*» (с. 393). Смысловое содержание образа углубляет лингвистическое истолкование слова. Арабо-тюркский антропоним состоит из двух компонентов. Первый – персидское имя собственное (арабского происхождения): *Фазил* (Фадил) означает «достойный, талантливый, превосходный». Второй (*хан*) – тюркский компонент запутанной этимологии. Изначально этим словом (тюрк. *кан*) называли властителя, монарха. Затем оно стало элементом сложносоставного имени собственного, обозначающим ‘господин’. Столь привлекательный этноязыковой ореол делает псевдоним персидского поэта весьма «говорящим»: он был безоговорочным духовно-нравственным авторитетом восточной цивилизации своего времени.

Не лишен этнокультурного ореола и антропоним *Хозрев-Мирза* – персидский принц, сын Аббас-Мирзы, преемника престола, на что указывает вторая часть антропонима *Мирза*: *мир* – ‘князь’, *заде* – ‘сын’. Первая часть *Хозре*, или *Хазрев*, как можно предположить, тоже представляет собой персидское слово с измененной финалью *Хазрет* – ‘высокопочтимый, господин, святой’. Оно играет роль определения ко второй части имени *Мирза*. Нарративно-дискурсивный образ восточного принца создает реалистическую картину описываемых в «Путешествии» военных событий. Ср.: «...и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, я встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище» (с. 395). А.С. Пушкин создает образ принца с большим почтением, представляя его отважным и смекалистым. Используя титул принца, повествователь подчеркивает социальную значимость человека в обществе. В тексте «Путешествия» нарративный дискурс нередко служит средством проникновения во внутренний мир персонажей. Показательным в этом плане является нарративный дискурс, изображающий встречу Пушкина с персидским поэтом Фазал-ханом: «...конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня **Фазил-Хану**. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда **Фазил-Хан** отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!» (с. 393). Столь колоритная для восточной этнокультуры фигура представляется автором с изящной самоиронией. Его неуместная затейливость контрастирует с простым, хотя и учтивым общением персидского поэта.

Итак, существительные-онимы придают тексту «Путешествий» особый восточный колорит.

В создании языковых восточных образов немаловажную роль играет и адекватная лексика: *персидский принц, осетинский аул, осетинские разбойники, кахетинское вино, тифлисские бани, тифлисский климат, грузинские старухи, тегеранская чернь, азиатский шашлык, восточная бессмыслица, кавказские врата*. Имена прилагательные в основном выполняют конкретизирующую функцию.

3. Языковые образы нарративно-дискурсивного характера

Наряду с однословными репрезентациями образов в «Путешествии» используются нарративно-дискурсивные средства. В них комбинируются эгоповествовательная архитектура и описание

дискурсивной ситуации. Наиболее часто образы, представляемые бытовой и военной лексикой, сочетаются с этнографическими картинками. Ср.: «Он [Ермолов] был в зеленом черкесском **чекмене**. На стенах его кабинета висели **шашки и кинжалы**, памятники его владычества на Кавказе» (с. 384).

Чекмень – не просто этнографизм, служащий именованьем военного обмундирования или повседневной одежды в определенном этническом сообществе и получивший распространение в других лингвокультурах. Это слово выражает с и м в о л и ч е с к и й к о н ц е п т. У Пушкина его отличают (а) лингвокультурная смысловая гамма, (б) глубинная и многомерная интерпретанта и (в) этнокультурный эффект. Он представляет образ жизни, свидетельствует о приверженности к древней традиции. Колоратив *зеленый* отражает эстетические предпочтения в черкесском менталитете, не допускавшем в одежде вычурных и красочных цветов. Это цвет мусульманского рая, символ гармонии земного и небесного. Ермолов, надевший чекмень, выражает свое благонадежное отношение к региональной этнокультуре. К тому же чекмень был форменной одеждой и казаков (русские казаки называли свою одежду *черкесской*, а запорожцы подобный верхний суконный кафтан называли *кереей*).

Данная репрезентация символического концепта имеет прямую нарративно-дискурсивную связь с автохтонными предметными образами, которые обозначаются именами существительными *шашка* и *кинжал*, передающими статичные и динамические свойства соответствующих предметно-чувственных представлений. *Шашка* – ‘колющее и рубящее оружие со слегка изогнутым клином’; *кинжал* – ‘обоюдоострое колющее оружие с коротким клинком’. В тексте «Путешествия» эти лексемы приобретают фигуральный смысл и представляют собой вторичный, ассоциативный образ: «**Кинжал и шашка** суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать» (с. 389). Такие образы уже не служат прямым и беспристрастным отражением именуемых реалий. Они являются их лингвокреативным представлением и в силу этого носят исключительно изобразительно-выразительный характер. В нашем примере происходит преобразование чувственно-наглядных образов. Такой творческий акт приводит к категориальному сдвигу и переносу по сходству или по смежности, формирует вторичные ассоциативные образы. Языковые образы передают символический смысл: ‘**Кинжал и шашка** суть члены их тела’.

Конкретизирующие поэтические определения к словам с предметным значением в «Путешествии» выполняют художественно-поэтическую функцию, тем самым приоткрывая эстетическую подоснову идиостилия великого поэта. Так, в описаниях природы чаще всего обнаруживается изобразительная функция эпитетов. Наряду с этим описания природы содержат существенную качественную характеристику, которая взаимодействует

с образами людей, с изображением обстановки и тех сторон жизни, которые составляют главное содержание произведения. Определения-прилагательные оказываются важными в создании образа Терека: «*Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь*» (с. 390). «*Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания*» (с. 392). «*Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек*» (с. 395). Нередко для создания индивидуального образа писателем используются сравнения: «*Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов*» (с. 392). Шум реки ассоциируется с работой колес на мельнице. Такое уникальное сравнение отражает авторские предпочтения и создает индивидуальный образ.

Яркие языковые образы создаются дискурсивной контаминацией тропов и фигур речи при описании местности: «*Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает поведать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извинаящейся, как серебряная лента, – и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога*» (с. 395). Прилагательные-определения (от *грозного* Кавказа к *миловидной* Грузии) образуют яркую дискурсивную антитезу и создают этнокультурные коннотации. Эпитет *светлая* (Арагва) вызывает радужный эмоциональный отклик, истоками которого служат значения (а) ‘ясный, прозрачный’ и (б) ‘радостный, ничем не омраченный, приятный’. В образном сравнении дается оценка объектам художественного познания: кавказская река напоминает *извивающуюся серебряную ленту*. Повтор местоимения с предлогом (с *ее*) усиливает выразительность суггестии: «*Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой*».

Для описания автохтонных жилищ используются образные сравнения предметной экзотики с впечатлениями, взятыми из обыденного жизненного опыта: «*На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек*» (с. 391). В данном языковом образе сопоставляются разнородные предметы: *сакля* – (от груз. სახლი [сахли] ‘дом’) – сооруженные из камня жилища горцев и гнезда ласточек. Между компонентами конструкции устанавливается воображаемое сходство, где вторая часть предстает как метафорическая проекция первой. Схожесть горного расположения жилищ и гнезд птиц служит семантическим фокусом пересечения, рождающего наглядное представление –

когнитивный субстрат нарративно-дискурсивного образа.

Описывая Тифлис – сердце Грузии, А.С. Пушкин использует метафорические образы и создает уникальную картину местности: «*Тифлис находится на берегу Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветра и, раскаляясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух*» (с. 399). Метафорический образ нарративного дискурса передает в предметно-чувственном восприятии неповторимый и причудливый пейзаж.

Заключение

Восточный колорит эпохи в travelogue А.С. Пушкина «Путешествии в Арзрум» создается особой категорией образного отражения коммуникативно значимых событий – «языковыми образами», содержащими в себе (а) предметно-чувственное представление, (б) образное слово, выступающее его вербальным репрезентантом, и (в) ассоциативную архитектуру дискурсивных смыслов художественного концепта, являющегося когнитивным основанием соответствующего языкового образа.

Наряду с однословными репрезентациями образов в «Путешествии» используются нарративно-дискурсивные средства. Это так называемые нарративно-дискурсивные образы – симбиоз эгоцентрической архитектуры коммуникативного события и выражение этнокультурной обстановки. Такая нарративно-дискурсивная палитра образного контекста создается дискурсивной контаминацией изобра-

зительной выразительности тропов и фигур речи, раскрывающих различные грани художественного концепта как эпицентра нарративного дискурса.

Идиостилистической приметой пушкинского «Путешествия в Арзрум» является создание нарративно-дискурсивных образов с помощью смыслового соположения онимов (прежде всего, топонимов и антропонимов) и нарицательных имен этнокультурного содержания. С помощью топонимов в нарративном дискурсе порождается особый хронотопный колорит – исторический и этнокультурный фон, на котором разворачиваются те или иные события. Антропонимы служат поэтизации художественного дискурса, поскольку служат культурно-историческими маркерами самобытной цивилизации, указывающими не только на принадлежность персонажа (носителя того или иного имени) к одному из восточных этносов, но и на его социокультурную значимость.

В этом плане обращают на себя внимание художественные репрезентации символических концептов в их дискурсивной связи с автохтонными предметными образами. Под пером Пушкина они представляют тонкую смысловую гамму чувств и переживаний, требующую глубинной и многомерной интерпретации.

В целом восточные языковые образы «Путешествия в Арзрум» наполнены этнокультурными и метафорическими смыслами, раскрывающими богатую и многоликую палитру художественной картины мира кавказского региона первых десятилетий XIX века.

Материалы исследования

Пушкин 1983 – Пушкин А.С. Проза / вступ. ст. и прим. Д. Благого. Москва: Правда, 1983. 464 с.

Абдалкарем 2015 – Абдалкарем Н.Д. К истории ориентального влияния на язык русской художественной литературы пушкинской эпохи (на примере «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 18 с.

Бибчук 1991 – Бибчук Е.И. Образный компонент в лексической структуре русского существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 16 с.

Библиографический список

Алефиренко 2003 – Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов. Санкт-Петербург, 2003. Т. 1. С. 9–11.

Алефиренко 2004 – Алефиренко Н.Ф. Содержательные импликации дискурса // Язык. Текст: межвуз. научный альманах. Вып. 2 / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь – ПГЛУ: Пятигорск, 2004. С. 6–14.

Блинова 1983 – Блинова О.И. Образность как категория лексикологии и фразеологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1983. С. 3–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29293224>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrapsp>.

Илюхина 1998 – Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Самарский университет, 1998. 204 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23148892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmotfz>.

Калуцков 2015 – Калуцков В.Н. О трех столпах географической ономастики: топоним – географическое название – геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 7–13. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2019/08/Kalutskov_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25462768>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlfgeh>.

Розенфельд 2006 – *Розенфельд М.Я.* Национальные образы в структуре значения слова // Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж, 2006. С. 197–203.

Смирнов 1981 – *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15–29. URL: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf.

Стернин, Розенфельд 2008 – *Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ: монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Slovo_i_obraz_2008.pdf.

Фрейденберг 1998 – *Фрейденберг О.М.* Образ и понятие // Миф и литература древности. Москва, 1998. С. 223–558. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf.

Юрина 2005 – *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с. URL: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000204779/000204779.pdf>.

References

Alefirenko 2003 – *Alefirenko N.F.* (2003) Linguistic and cultural content of the concept of «discourse» in modern cognitive linguistics. In: *Russian word in world culture: materials of the X Congress MAPRYAL. Plenary sessions: collection of reports.* Saint Petersburg, vol. 1, pp. 9–11. (In Russ.)

Alefirenko 2004 – *Alefirenko N.F.* (2004) Meaningful implications of discourse. In: *Manaenko G.N. (Ed.) Language. Text: Interuniversity scientific almanac. Issue. 2.* Stavropol – PGLU: Pyatigorsk, pp. 6–14. (In Russ.)

Blinova 1983 – *Blinova O.I.* (1983) Figurativeness as a category of lexicology and phraseology. In: *Expressiveness of vocabulary and phraseology: Interuniversity collection of scientific papers.* Novosibirsk, pp. 3–11. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29293224>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrapsp>. (In Russ.)

Ilyukhina 1998 – *Ilyukhina N.A.* (1998) Image in the lexico-semantic aspect. Samara: Samarskii universitet, 204 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23148892>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmotfz>. (In Russ.)

Kalutskov 2015 – *Kalutskov V.N.* (2015) Three foundations of geographic onomastics: toponym – place name – geoconcept. *Socio Psycho Linguistic Research*, no. 3, pp. 7–13. Available at: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2019/08/Kalutskov_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25462768>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlfgeh>. (In Russ.)

Rozenfeld 2006 – *Rozenfeld M.Ya.* (2006) National images in the structure of the meaning of the word. In: *Communicative behavior of the Slavic peoples.* Voronezh, pp. 197–203. (In Russ.)

Smirnov 1981 – *Smirnov S.D.* (1981) The world of images and the image of the world. *Moscow University Psychology Bulletin*, no. 2, pp. 15–29. Available at: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf. (In Russ.)

Sternin 2008 – *Sternin I.A., Rozenfeld M.Ya.* (2008) Word and image: monograph; Sternin I.A. (Ed.). Voronezh: Istoki, 243 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Slovo_i_obraz_2008.pdf. (In Russ.)

Freydenberg 1998 – *Freydenberg O.M.* (1998) Image and notion. In: *Myth and literature of antiquity.* Moscow, pp. 223–558. Available at: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf. (In Russ.)

Yurina 2005 – *Yurina E.A.* (2005) The figurative structure of the language. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 156 p. Available at: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000204779/000204779.pdf>. (In Russ.)

Submitted: 10.03.2022
Revised: 25.04.2022
Accepted: 28.05.2022

On the use of manipulative techniques in English literary discourse

N.L. Ovshieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: novshieva@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0586-3510>

Abstract: Manipulation is inherently incentive, aimed at exerting covert influence and inducing the recipient to the actions necessary for the manipulator. Such control is, first of all, the control of the mind, i.e. the beliefs of the recipients, and indirect control of their actions, with their beliefs being manipulated. This paper explores pragmatics of manipulative techniques in English literary discourse. Manipulation happens in implicit communication. Reading between the lines and explicating the implications of a text has become a primary focus in literary analysis. The analysis of linguistic material is carried out by means of discourse approach and pragmalinguistic method of research. The relevance of this study is determined by the need to cover all forms of interpersonal manipulation in fictional dialogue: deception, pressuring, and exploiting emotional vulnerability or character defects. The analysis showed that exploiting emotional vulnerability occurs much more frequently in fictional dialogue than other forms of manipulation. The investigation has focused on manipulative techniques as closely related to narrative irony. In a short story or a novel, narrative irony serves as scaffolding for using manipulation, viz. for creating the situation favourable for accomplishing the manipulator's scheme. **Key words:** fiction dialogue; discourse approach; manipulative techniques; narrative irony; psychological manipulation; linguistic manipulation.

Citation. Ovshieva N.L. On the use of of manipulative techniques in English literary discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 124–134. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-124-134>.

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Ovshieva N.L., 2022

Nalya L. Ovshieva – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Germanic Philology, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 11, Pushkina Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

Дата поступления: 10.03.2022
рецензирования: 25.04.2022
принятия: 28.05.2022

Об использовании манипулятивных приемов в англоязычном литературном дискурсе

Н.Л. Овшиева

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация
E-mail: novshieva@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0586-3510>

Аннотация: Манипуляция по своей сути является побудительной, направленной на оказание скрытого воздействия и побуждение реципиента к необходимым для манипулятора действиям. Такой контроль – это прежде всего контроль сознания, т. е. убеждений реципиентов и косвенный контроль их действий, при этом манипулирование их убеждениями. В статье исследуется прагматика манипулятивных приемов в англоязычном литературном дискурсе. Манипуляция осуществляется в коммуникации имплицитно. Чтение между строк и выявление импликаций в тексте стало основным направлением литературного анализа. Анализ языкового материала осуществляется с помощью дискурсивного подхода и прагматического метода. Актуальность данного исследования определяется необходимостью охвата всех форм межличностного манипулирования в художественном диалоге: обмана, давления, эксплуатации эмоциональной уязвимости или отрицательных черт характера. Анализ показал, что эксплуатация эмоциональной уязвимости гораздо чаще встречается в художественном диалоге, чем другие формы манипуляции. Исследование было сосредоточено на манипулятивных приемах, тесно связанных со скрытой иронией. В рассказе или романе скрытая ирония служит опорой для использования манипулирования, а именно для создания ситуации, благоприятной для осуществления замысла манипулятора.

Ключевые слова: художественный диалог; дискурсивный подход; манипулятивные приемы; скрытая ирония; психологическая манипуляция; языковая манипуляция.

Цитирование. Ovshieva N.L. On the use of of manipulative techniques in English literary discourse // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 124–134. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-124-134>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Овшиева Н.Л., 2022

Неля Львовна Овшиева – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

Introduction

Manipulation is a topic that is common in a society. It pervades our daily life. When people need something, they are prone to use the other person to achieve their goals. They do not feel any remorse for treating the other as a tool or means to achieve their goals though it sometimes may look a bit unworthy or dishonourable in relation to the latter.

“To manipulate someone means to make someone think and behave exactly as you want them to, by skillfully deceiving or influencing them” (Longman Dictionary). Psychological manipulation can be defined as the exercise of undue influence through mental distortion and emotional exploitation, with the intention to seize power, control, benefits, and privileges at the victim’s expense. It is important to distinguish efficient social influence from psychological manipulation. Efficient social influence occurs between most people, and is part of the give and take of constructive relationships. Contrarywise, in psychological manipulation, one person is used for the benefit of another. The manipulator deliberately creates an imbalance of power, and exploits the victim to serve his or her purpose.

Manipulation is considered in different spheres from different perspectives: in the field of theory of rhetoric and argumentation, psychology, political/public discourse, literary discourse, etc. Therefore, the goal of using manipulative techniques varies with the variety of discourse. For example, the main purpose of using manipulative techniques in political discourse is to convince the reader/audience or persuade the opponent to your point of view; whereas, in literary discourse, the purpose of manipulation is to influence the reader/character, as well as to achieve a rapport with the reader.

Although in the work by a skilled writer all features of a literary work – characterization of characters, dialogue, and setting – contribute to the development of the plot, it is the manipulative dialogue that becomes the turning point, which determines the direction of the plot development in literary discourse. The use of manipulative techniques adds an element of intrigue to dialogue, and infuses humour into a story.

This paper, therefore, **aims at** identifying techniques of manipulation and their function in literary discourse. In accordance with this goal, the following **tasks** are set in the work: 1) to consider the features inherent in the process of interpersonal manipulation; 2) to reveal the approaches to the analysis of manipulation in modern linguistics; 3) to explore the techniques of manipulation used in the texts of fiction. The analysis of linguistic material is carried out by means of discourse approach and pragmalinguistic method of research.

Theoretical Background

1. Characteristics of Manipulation

Manipulation in discourse is defined as “intentionally deceiving one’s addressees by persuading them of something that is foremost in one’s own interest through the covert use of communicative devices that are not in agreement with generally acknowledged critical standards of reasonableness” [van Eemeren 2005, p. xii]. F. van Eemeren clarifies the concept of manipulation by way of the summary of its distinctive features referred to by such recognized scholars as R. Blass, L. de Saussure and P. Schulz. An important feature in describing manipulative discourse is that manipulation is intentional on the part of the speaker or writer. As R. Blass justly notes, manipulation cannot happen by accident [van Dijk 2006]. Another characteristic of manipulative discourse is that the speaker’s or writer’s intention is always covert. As such, manipulation is quite definitely a form of deception due to its covert nature [van Dijk, p. 188]. In addition, the crucial feature of manipulation is “using the addressee”, ie having that person adopt specific action, so that the manipulator’s needs and interests, regardless of his target’s ones, are successfully achieved [de Saussure 2005, p. 117]. And finally, the manipulator often gains “sincere consent” on the part of the manipulees and uses “emotions, in particular affectivity, which in turn trigger confidence” [de Saussure, Schulz 2005, p. 9]. The key to manipulation is confidence since “the more confident the hearer is, the less critically he thinks and the more effectively the manipulator is likely to achieve his persuasive goal” [de Saussure 2005, p. 131].

Given that the speaker’s intention is important in communication, Sperber and Wilson [Sperber, Wilson, 1995 (1986)] distinguish two levels of speaker intention – an informative intention and a communicative intention. The informative intention makes certain assumptions manifest to the audience. The speaker’s communicative intention involves only the recognition of their informative intention. The informative intention, on the other hand, is fulfilled whenever the intended assumptions are part of the addressee’s cognitive environment. According to relevance theory understanding, the speaker’s meaning and accepting their beliefs or attitudes are not the same, they are two different processes.

In communication as a whole and also in manipulation, the manipulation lies in the fact that the lower-level informative intention is recognized by the people as intended, but the higher-level intention to deceive, to communicate false or distorted information remains covert [Blass 2006]. Therefore, the speaker’s informative intention is that all of their utterances should be accepted as relevant information, whereas the manipulative intention is meant to be hidden.

Psychological manipulation can be mutualistic or exploitative rather than selfish, in which case it is not detrimental to the hearer [Reboul 2017, p. 198]. Basically, reciprocity means that, if the speaker is (now) able to manipulate the hearer, the hearer will (later) be able to manipulate the speaker. This implies that an individual, when in the role of the hearer, should be wary of manipulation, while, in the role of the speaker, they should develop strategies to avoid detection. This ‘arms race’ is exactly what happens in implicit communication [Reboul 2017, p. 198].

All in all, the complete characterization of psychological manipulation encompasses such distinctive features of manipulation as its interactive nature; an asymmetrical relation between the two parties involved [de Saussure, Schulz 2005]; its intentional character on the part of the speaker or writer [Blass 2006]; covertness of the speaker’s or writer’s intention [Rigotti 2005]; interest dimension since the manipulator aims at having the target doing something in his/her interests [Saussure 2005]; involving coercion (or pressuring) as a kind of psychological manipulation [Sorlin 2017; Baron 2003]; mutualistic (or reciprocal) character of manipulation [Reboul 2017].

According to D. Maillat and S. Oswald, the obstacle in cognizing the phenomenon of manipulation is its heterogeneous nature [Maillat, Oswald 2009]. Due to the heterogeneous nature of manipulation, “most of the approaches indeed focus on some of its particular aspects, but do not – and sometimes cannot – take a step further to consider the phenomenon comprehensively” [Maillat, Oswald 2009, p. 348–349]. However, contemporary research shows that it is possible to reach a consensus on this issue. The explorers consider verbal manipulation means from the perspective of pragmatics. For instance, R. Blass lists linguistic techniques used in manipulation such as omission, minimization, exaggeration, repetition, distortion, figurative speech, connotative or substandard language and emotional appeal [Blass 2006], which might be called pragmatic techniques of manipulation. This is supported by the similar findings of Saussure [Saussure 2005] who notes that manipulation is not about using metaphors, particular syntactic structures or specific semantic features of quantifiers, but about making them play a particular role at the pragmatic level [Saussure 2005, p. 119].

Likewise, methods of manipulation from the pragmatic perspective [Sorlin 2017] are considered as based on the use of manipulative politeness strategies. According to S. Sorlin, alongside altruistic orientation of politeness theory (conceiving politeness as a means to attend to the Hearer’s face) [Brown, Levinson 1987], manipulative politeness (the egocentric use of politeness to further one’s own objectives) can also be a way of maintaining polite work relations (even while keeping up an underlying pressure). In this view, pragmatic tactics [Fraser 2007] mean the use of language which, because of the context in which the utterance is made, conveys a message in addition to that directly interpretable from what is said.

As it was mentioned earlier, in manipulative communication the speaker’s informative intention is that all of their utterances should be accepted as relevant information, whereas the manipulative intention is meant to be hidden. The latter is implemented by means of strategic moves carried out to influence the manipulee in the interests of the manipulator.

To sum up, such distinctive features of manipulation as two-level speaker intention, manipulative techniques in terms of ulterior motives of the manipulator behind a communicative effort along with pragmatic tactics will be investigated later through the samples. The two-way interaction of conversation in fiction is carried out at the levels ‘author-reader’ and ‘character-character’. The subject of the present study is the investigation of manipulative techniques in ‘character-character’ discourse.

2. Types of manipulation in literary discourse, Narrative (dramatic) irony

The types of manipulation in literary discourse can range from reader manipulation – aesthetic [Mills 2014] or cognitive [Sorlin 2020; Emmott, Alexander 2010] – to interpersonal manipulation [Sorlin 2017; Sukhanov 2017]. If the former is accomplished by way of the author’s narration / narrative text, then the latter can occur in fictional dialogue or, occasionally, in narrative.

Cognitive manipulation of the reader may be achieved by foregrounding plot-insignificant items and burying plot-significant items in the background [Emmott 2017]. An author can use rhetorical strategies to cognitively misdirect readers for plot purposes. Aspects of a story may be made more or less prominent through the use of foregrounding and burying devices such as burying the clues to the solution in the intention to keep the reader in the dark until the detective points the way [Alexander 2009].

Emotional responses to a piece of fiction are judged to be appropriate not by considering the events it depicts but, rather, by considering its artistic quality. A manipulative artwork tries to elicit – and often succeeds in eliciting – an emotional response unwarranted by the quality of the work [Mills 2014]. Studying the phenomenon of manipulation in psychological prose of 1960-s, V.A. Sukhanov explores how interpersonal manipulation turned intrapersonal, destructing personality in some way. The victims of manipulation are trying to justify their dependent position by deceiving themselves [Sukhanov 2017].

Aesthetic manipulation differs from standard cases of interpersonal manipulation in that it is not intended to influence behaviour; it cannot be condemned for subverting rationality; and it is generally overt and accepted voluntarily. C. Mills argues that a work of art is manipulative if it causes its audience to have an emotional reaction that is unwarranted.

Writing fiction, therefore, is not about a strict representation of reality, but about affect. Narrative fiction provides researchers with a prime example of how to manipulate readers in an efficient,

respectful way. The very nature of this genre is one of manipulation. Narrative fiction, on the one hand, is the careful manipulation of words in order to construct an artificial imaginary world for the reader. On the other hand, writers hold a great deal of manipulative power in attracting the reader and keeping their interest until the end, particularly through various narrative techniques, combined with techniques of a different kind.

In this respect, narrative irony and manipulative techniques go hand in hand in maintaining and developing a particular course of communicative events. Narrative irony occurs when there is a disconnection between what the characters and the reader know, which often happens in dialogue. Sometimes called 'dramatic irony', it flatters its readers' intelligence at the expense of a character (or fictional narrator). A sense of detached superiority is achieved by dramatic irony, in which the audience knows more about a character's situation than the character does, foreseeing an outcome contrary to the character's expectations, and thus ascribing a sharply different sense to some of the character's own statements (Baldick 2001, p. 130). Narrative irony often connotes design, insincerity, and even lies.

In literary discourse, authors convey messages to their readers via narrative or interchange between characters by way of conversational implicatures. 'The reader is thus invited, in a novel, to draw implicatures both from character speech and authorial commentary. But this two-level response also leads to a third kind of implicature; one that is derived by the reader from character speech, very often in circumstances where the characters themselves may be assumed not to be 'in the know'. This is the novelistic equivalent of what on the stage is often referred to as 'dramatic irony' [Leech, Short 2007, p. 243]. Thus, manipulative techniques are most likely found in 'character-character' discourse which entails complex relationships between different participants so that not all the characters involved may have access to the context foreseen by the manipulator.

The paper explores manipulative techniques as related to narrative irony in 'character-character' discourse.

Methods

1. Research questions and main hypothesis

The most important approach to the study of manipulation in modern linguistics is considered a relevance-theoretic one [Wilson, Sperber 2004], which allowed D. Maillat and S. Oswald to regard manipulation as an attempt to mislead the addressee by providing him with a limited set of contextual assumptions relevant for achieving the goal by the manipulator in this situation [Maillat, Oswald 2009, p. 369]. In accordance with the approaches taken, the scholars distinguish different forms of manipulation. For example, particular attention might be paid to the relationship between the participants of manipulation process and the focus of research. Accordingly,

S. Handelman [Handelman 2009] takes a victim-focused approach, focussing on what manipulation does to its victims, whereas Baron [Baron 2003] gives preference to a manipulator-focussed one, arguing that manipulation requires intent. Consequently, the former distinguishes emotional and intellectual manipulations, whereas the latter – deception, pressuring, and employing emotional vulnerability or character defects.

Recent research carried out on the topic shows that most linguists apply a multidisciplinary approach to the study of manipulation. Suffice it to mention T. van Dijk who analysed the phenomenon within an overall multidisciplinary framework, which triangulates a social, cognitive and discursive approach [van Dijk 2006, p. 361]. Manipulation is therefore considered a social phenomenon since it involves social relations of power abuse between groups or individuals. It is also a cognitive phenomenon because manipulation involves the participants' minds. Finally, it is a discursive phenomenon because it is exercised through text, talk and visual images.

S.A. McCornack [McCornack 1992] differentiates two forms of manipulation: persuasion and deception in Information manipulation theory (IMT). In a similar vein, T.A. van Dijk [van Dijk 2006, p. 361] distinguishes between positive and negative manipulations. He argues that positive manipulations are only part of the conviction since the persuaded listeners are free to accept or reject the speaker's arguments, while negative manipulations usually give the recipients a more passive role: they are seen as "victims" of manipulations. Likewise, S. Sorlin [Sorlin 2017] contends that there can be no clear line separating persuasion and manipulation in that, in many cases, persuasion can be said to be a kind of manipulation.

Contrary to cognitive and Critical Discourse approaches, the paper focuses on psychological manipulation. Psychological manipulation is inherent in fiction and is aimed by the author at infusing wit into a story. Based on Marcia Baron's classification of manipulation forms, the paper raises the questions which need to be taken into account when tackling manipulation: 1. how manipulation operates; 2. how manipulative techniques are deployed; 3. which manipulative techniques predominate.

As a central hypothesis, I shall argue that the distinction between what is said and what is really meant should be best approached in terms of subliminal influence on the manipulee. Since manipulation is always situated in the context of communication, manipulative techniques are explored in 'character-character' discourse.

Manipulative techniques are analysed by means of discourse approach and pragmalinguistic method of research. Discourse approach implies the view of fictional text as active collaboration between the author and the reader [Mey 2001], whereby implicatures may be drawn by the reader.

2. Sample Analysis

As L. R. Horn suggests, what the author intends to communicate is characteristically far richer than what they directly express; linguistic meaning radically underdetermines the message conveyed and understood [Horn 2004, p. 3]. Literary texts, almost by definition, rely upon indirect inferred meanings. Authors of literary works might flout the conversational maxim of quality in order to make a conversational implicature, perhaps for some special and striking effect. The maxims of the Cooperative Principle are, according to Grice, shared expectations held by members of society and consequently they can also be ‘flouted’ by speakers in order to signal that the interlocutor should infer an intended meaning that is not directly expressed in what was said [Warner 2014, p. 369].

According to S. Sorlin [Sorlin 2020, p. 2], manipulation in fictional texts might be considered as the strategic use of pragmatic tools used by an author to intentionally produce certain effects on the reader and affect them in a certain way. The strategic use of pragmatic tools will be analysed along with manipulative techniques to illustrate the process and the effect of manipulation. Manipulative techniques are considered as intention-driven devices, they steer or influence the choices of others by affecting the manipulee’s subliminal fears, complexes, and weaknesses.

In the present investigation, three basic tactics of manipulation such as deception, pressuring, and employing emotional vulnerability or character defects are analysed. The first tactic which is suggested for analysis is deception. It includes outright lying to those manipulated, including making false promises to them, but also misleading them without actually misrepresenting anything [Baron 2003]. *Deception* that can be implemented through manipulative techniques is illustrated by Excerpt 1:

“Linda is now my wife. *I sometimes ask her* why she persists in cutting Porcharlester, who has pledged me his word as an officer and a gentleman that he is unconscious of having given her the slightest ground for offence. *She always refuses to tell me*” (Shaw 2000, p. 93)

In order to conquer the heart of the impregnable beauty Linda who adores the Schubert Serenade, Colonel Green learns the piece on a cornet-a-piston. Ironically, Porcharlester, another Linda’s admirer, mentions before leaving that she will soon hear him singing. As a result of the coincidence of the time of Mr. Porcharlester’s departure and the subsequent serenade by the Colonel on the cornet-a-piston, Linda takes the cornet-a-piston playing for Porcharlester singing himself: making the terrible sounds that “a normal human throat cannot make”. The irony of the situation is emphasized by the twist: Colonel Green gets his own – he marries Linda. In the final paragraph of the story the manipulation is likely to be accomplished through *selective attention* when the manipulator deliberately pays attention to why

the relations between Linda and Porcharlester have soured, and gets no answer, in return. The *implicature* conveyed is that Colonel Green, though being the cause of controversy, seemed to take delight in the situation when Mr. Porcharlester is unaware of what had really happened and Linda seemed offended. The manipulative technique by way of *simulation of innocence* is employed to create humorous effect.

Another example of manipulation tactic through *deception* is Excerpt 2:

‘...When everything is settled I shall have an income of nine hundred pounds a year. There are three of us, so it gives us just three hundred a year apiece’.

‘How am I to live on that?’ cried Mrs Albert Forrester. ‘I have my position to keep up’.

‘You have a fluent, a fertile, and a distinguished pen, my dear’.

Mrs Albert Forrester impatiently shrugged her shoulders. [...]

It was then that Mrs Bulfinch had the idea that was to have consequences of such magnitude.

‘*Why don’t you write a good thrilling detective story?*’ she asked.

‘Me?’ exclaimed Mrs Albert Forrester, for the first time in her life regardless of grammar.

‘*It’s not a bad idea*’, said Albert. ‘*It’s not a bad idea at all*’ (Maugham 2000, pp. 125–126)

After Albert Forrester and Mrs. Bulfinch had eloped, Mrs. Albert Forrester went to Mrs. Bulfinch’s apartment to get her husband back. In response to her complaints about her difficult financial situation, Mrs. Bulfinch *cajoled* her into writing a detective story. Albert *supported* her since it is precisely the writing of fascinating detective stories that would help his ex-wife gain financial independence. She was taken in by their *assurances*. The manipulative technique of getting the manipulated person to ‘*view things differently*’ yields results. The *implicature* conveyed is that by *showing concern* for Mrs. Albert Forrester’s welfare Mrs. Bulfinch actually *shielded* Albert from her claims.

The last example of manipulative technique through *deception* is Excerpt 3:

‘... Humour and mystery are what I aim at. I shall call it The Achilles Statue’.

‘What a title!’ cried Mr Simmons, recovering himself before any of the others. ‘I can sell the serial rights on the title and your name alone’.

‘But what about Albert?’ asked Clifford Boyleston. ‘*Albert?*’ echoed Mrs Forrester. ‘*Albert?*’

She looked at him as though for the life of her she could not think what he was talking about. Then she gave a little cry as if she had suddenly remembered.

‘*Albert!* I knew I’d gone out on some errand and *it absolutely slipped my memory*. I was walking through Hyde Park and I had this inspiration. What a fool you’ll all think me!’

‘Then you haven’t seen Albert?’

‘My dear, *I forgot all about him*’. She gave an amused laugh. ‘Let Albert keep his cook. I can’t bother about Albert now. Albert belongs to the semi-

colon period. *I am going to write a detective story*' (Maugham 2000, p. 132)

Mrs. Albert Forrester's friends are in her apartment, awaiting the results of her negotiations with her husband, who had gone to another woman. However, Mrs. Albert Forrester steered the conversation onto another topic – the story she was going to write. It was suggested to her by her husband, and she would call it 'The Achilles Statue'. In response to Clifford Boyleston's impatient question about Albert, she *evades* answering by using *repetition* "Albert? Albert?" and *exaggeration* "it absolutely slipped my memory". The *implicature* conveyed is that Mrs. Albert Forrester was not willing to admit her defeat. Consequently, interpretation of the situation *in a light favourable to* Mrs. Albert Forrester's purposes enabled her to maintain her positive image in the eyes of her friends [Brown, Levinson 1987] by way of *avoiding the topic*.

Another technique to be analysed is *pressure to acquiesce*. It can involve browbeating, wearing down the other's resistance, and making someone agree to something just to avoid further discomfort or embarrassment [Baron 2003]. A good illustration of how manipulation is accomplished through *pressure to acquiesce* may be provided by Excerpt 4:

"How could you, Choupette?"

"I want my children", she began, but Wiese broke in quickly:

"If you'd been halfway fair, Marston, we wouldn't have resorted to this step".

"Are you trying to pretend you arranged this scurvy trick since yesterday afternoon?"

"I believe in being prepared, but if you *had been reasonable*; in fact, if you *will be reasonable*, this opinion needn't be used". His voice became suddenly almost paternal, almost kind: "*Be wise*, Marston. On your side there's *an obstinate prejudice*; on mine there are *forty million dollars*" (Fitzgerald 2000, pp. 156–157).

Here Choupette and Henry Marston, who are divorced, are discussing the issue of their children's custody. Henry believes that their children should live with him, something his ex-wife Choupette and her husband Wiese disagree with. At the meeting, Wiese reminded Henry that he was in the hospital with a nervous breakdown, and they have the information from the doctor that he is insane and unable to be the guardian of children. He appeals to reason using such linguistic techniques as *repetition* "had been reasonable – will be reasonable" and *contrast* "an obstinate prejudice vs forty million dollars". The *implicature* Henry can draw is that Wiese would do anything to win a case. The technique of blackmail 'if you *will be reasonable*, this opinion needn't be used' made an impact, and Henry Marston has to give in.

The last example of manipulation tactic through *pressuring* is Excerpt 5:

"Don't worry", he said. "There will be a certain amount of unpleasantness but *I will have some photographs taken that will be very useful at the*

inquest. There's the testimony of the gun-bearers and the driver too. You're perfectly all right".

"Stop it", she said. [...]

"Oh, *please stop it*", she said. "*Please, please stop it*".

"That's better", Wilson said. "*Please is much better. Now I'll stop*" (Hemingway 1999, pp. 173–174).

Margaret had committed adultery with Wilson, the hunter, who accompanied Francis, her husband, on the hunt. Afterwards, on the hunt, she intentionally shot her husband, supposedly saving him from the bull, but in fact, trying to get rid of him. Wilson *hints* that he guessed about her intention. This involves *browbeating* by way of *assuring* her that no one will know about it "There's the testimony of the gun-bearers and the driver too". The pressure wears down Margaret's resistance, and makes her give in just to avoid further discomfort "Oh, please stop it", she said". The *implicature* conveyed is that through *browbeating*, the hunter made Margaret treat him with due respect.

The third tactic which will be analysed further is *playing upon emotional needs, or weaknesses* of character. It includes eliciting an emotion with the aim of making use of it. Typical emotions used to manipulate are fear, sympathy, a sense of gratitude toward the manipulator, and feelings of guilt if the manipulated person does not consent to what the manipulator wants. Typical weaknesses of character employed for manipulation are vanity and the need for approval [Baron 2003, p. 40–45]. The example of *exploiting emotional vulnerability* may be presented by Excerpt 6:

"My darling girl", said Philip, "you're quite mad, you know. It simply can't be done".

"I knew you'd say that", retorted Rosemary. "Why not? I want to. Isn't that a reason? And besides, one's always reading about these things. I decided..."

"But", said Philip slowly, and he cut the end of a cigar, "*she's so astonishingly pretty*".

"*Pretty?*" Rosemary was so surprised that she blushed.

"Do you think so? I – hadn't thought about it" (Mansfield 2000, p. 45)

This story is about a poor girl who came up to Rosemary in the street and asked her for the money to buy a cup of tea. Rosemary, a young woman, brought up on the best examples of the world classical literature, felt like a heroine from Dostoevsky's novel. This meeting might mark the beginning of a new story, a new adventure. She invited her over for a cup of tea, which caused her husband's discontent. Having exhausted all his arguments, he *plays upon her need for his approval*. He deliberately praises the looks of the poor girl "she's so astonishingly pretty", knowing that Rosemary suffers from not being distinguished by beauty. The *implicature* conveyed to Rosemary is that the poor girl might be a rival. The use of *politeness* tactic through compliment proved to be effective because having sensed a rival in the poor girl, Rosemary got rid of her as soon as possible.

Another example of manipulation tactic through *employing emotional vulnerability* is Excerpt 7:

Rosemary had just done her hair, darkened her eyes a little and put on her pearls. She put up her hand and touched Philip's cheeks.

"Do you like me?" said she.

"I like you awfully".

There was a pause.

Then Rosemary said dreamily: "I saw a fascinating little box today. It cost twenty-eight guineas. *May I have it?*"

"You may, little wasteful one", said he.

But that was not really what Rosemary wanted to say.

"Philip", she whispered, "*am I pretty?*" (Mansfield 2000, p. 46).

In this situation, Rosemary and Philip change their roles. Now Rosemary is manipulating her husband by *playing on his sympathy* toward her. To make him consent to let her buy a little box, she performs the speech act "Elicitation: confirm" [Tsui 1994], inviting her husband to confirm her assumption "*Do you like me?*" Having received his confirmation, she requests for permission to buy a little box "*May I have it?*" After receiving her husband's permission, she again uses the speech act "Elicitation: confirm", expecting him to confirm her assumption "*am I pretty?*". Thus, by applying the technique of *elicitation*, she managed to get the approval of her husband. The *implicature* conveyed is that whatever be her projects (eg inviting the poor girl over for a cup of tea), her only wish is to remain the most charming woman in her husband's eyes.

The last example of manipulative technique through *employing emotional vulnerability* is Excerpt 8:

'Milly, I promise if it's possible next year... Listen, Milly, you can keep the saddle till then, and all the rest of the stuff'.

'What's the good of a saddle without a horse? *And I told Captain Segura...*'

'Damn Captain Segura – what did you tell him?'

'*I told him* I had only to ask you for Seraphina and you'd give her to me. *I said* you were wonderful. I didn't tell him about the novenas' (Greene 1971, p. 22).

Millie is trying to persuade her father to buy her a horse. Wormold refuses, explaining to her that things are not going well in business, and that the cost of the horse is high. However, Millie hopes for her father's help and tries to win his favour. By playing upon *his fear* of Captain Segura "*And I told Captain Segura...*" and *his need for approval* "*I said you were wonderful*", she induced him to buy her a horse. The *implicature* conveyed is that Captain Segura has heard about Wormold so he will have to live up to his expectations.

In some conversations there is more than one tactic employed, specifically the tactic of *deception* along with that of *pressure to acquiesce*, thus reinforcing manipulation effect. The hybrid form of manipulation is shown in Excerpt 9:

Again he flinched at Choupette's weeping; simultaneously he saw the time had come.

"Everything depends on *one small point*", he said rapidly. "Wiese, have you got a fountain pen?"

"Yes. What for?"

"If you'll write and sign *about two hundred words* at my dictation, I'll swim to the lighthouse and get help. Otherwise, so help me God, we'll drift out to sea! *And you better decide in about one minute*".

"Oh, anything". Choupette broke out frantically. "Do what he says, Charles; he means it. He always means what he says. Oh, please don't wait!" (Fitzgerald 2000, p. 160).

At the moment of danger, when the motor boat became uncontrollable, and the tide started to drift it toward the sea, Henry realized that the time had come. Henry and Choupette change their roles. Now Henry is manipulating his ex-wife. He resorts to *blackmail*: if the children remain in his custody, he will swim to the lighthouse and ask for help. To make a greater impact, he resorts to *understatement* "*one small point, about two hundred words*" and *hurrying the subject along* (viz. offering no time or opportunity for reflection on what is happening) "*And you better decide in about one minute*". The *implicature* conveyed is that the swim is the only rescuing chance under the circumstances. However, Henry withheld the information that the launch was likely to strike a cross current from the river and drift into Peyton Harbor. As a result, the technique of *deception* along with that of *blackmail* (through conditional) compelled Choupette and her husband Wiese to give in.

A good illustration of how manipulation is accomplished through more than one technique, specifically *deception* in conjunction with that of *playing upon emotions*, may be provided by Excerpt 10:

To the old lady's nephew, Charles Ridgeway, the doctor was slightly more explicit.

"Do not misunderstand me", he said. "Your aunt may live for years, probably will. At the same time, shock or overexertion might carry her off like that!" He snapped his fingers. "She must lead a very quiet life. *No exertion. No fatigue*. But, of course, she must not be allowed to brood. She must be kept cheerful and *the mind well distracted*".

"*Distracted*", said Charles Ridgeway *thoughtfully*.

Charles was *a thoughtful young man*. He was also a young man *who believed in furthering his own inclinations whenever possible*.

That evening *he suggested the installation of a radio set* (Christie 2004, p. 234).

In this situation the doctor gives recommendations to Charles concerning his aunt's state of health. The technique of *catch repetition* (anadiplosis) "*the mind well distracted – distracted, thoughtfully – a thoughtful young man*" and the ensuing *induction* "*He was also a young man who believed in furthering his own inclinations whenever possible*" creates humorous effect. Echo of words with literal meaning evokes the connotation with radically different meaning. Play on words results in climax "*That evening he suggested the installation of a radio set*". Thus, *repetition* of

modifiers “Distracted, thoughtful” and *induction* play a significant role at the pragmatic level, creating narrative irony as the background to the plot. The *implicature* conveyed is that Charles is likely to devise his own scheme, contrary to the doctor’s expectations.

Afterwards, Charles sets about implementing his scheme, which is exemplified by the following Excerpt 11:

It was that same day that Charles startled her by something he said at lunch.

“By the way, Aunt Mary”, he said, “*who is that funny old josser up in the spare room? The picture over the mantelpiece, I mean. The old Johnny with the beaver and side whiskers?*”

Mrs. Harter looked at him austere.

“That is your Uncle Patrick as a young man”, she said.

“Oh, I say, Aunt Mary, *I am awfully sorry. I didn’t mean to be rude*”.

Mrs. Harter accepted the apology with a dignified bend of the head.

Charles went on rather uncertainly, “I just wondered. *You see-*”.

He stopped undecidedly and Mrs. Harter said sharply, “Well? What were you going to say?”

“*Nothing*”, said Charles hastily. “*Nothing that makes sense, I mean*” (Christie 2004, pp. 241–242).

This story is about Charles Ridgeway and his aunt, an elderly rich widow. He decides to drive his aunt mad in order to inherit a fortune from her. He installs a radio set so that by imitating her late husband’s voice he could threaten her with coming after her every night until his aunt died of the nervous shock.

In conversation with his aunt he wondered who was the man in the portrait in the spare room. ‘Having learned’ that the man is his uncle Patrick in his youth, he *plays on her emotional vulnerability* by using omission, aposiopesis “*You see-*”. Then, *feigning confusion*, he evades answering, using repetition and understatement “*Nothing – Nothing that makes sense*”. The *implicature* conveyed is that there is something wrong going on with her husband’s portrait in that spare room. Thus, the techniques of *deception and playing upon her fear* caused confusion in her mind so that she lost her peace and began to worry.

Another example of the hybrid form of manipulation is Excerpt 12:

For the moment the old lady said nothing more, but later that day, when they were alone together, she returned to the subject.

“I wish you would tell me, Charles, what it was that made you ask me about the picture of your uncle”.

Charles looked embarrassed.

“I told you, Aunt Mary. It was *nothing but a silly fancy of mine – quite absurd*”.

“Charles,” said Mrs. Harter in her most autocratic voice, “I insist upon knowing”.

“Well, my dear aunt, if you will have it, I fancied I saw him – *the man in the picture, I mean – looking out of the end window* when I was coming up the drive last night” [...].

“The end window?” said Mrs. Harter sharply.

“Yes, why?”

“Nothing”, said Mrs. Harter.

But *she was startled all the same*. That room had been *her husband’s dressing-room* (Christie 2004, p. 242).

In response to Mrs. Harter’s request to explain, Charles resorts to *evasion* by way of understatement “It was nothing but a silly fancy of mine”. However, complying with his aunt’s insistent demand, he informs her that he saw the man from the portrait looking out of the end window. By *feigning ignorance* through periphrasis “the man in the picture” and aposiopesis “I mean – looking out of the end window” he conveys the *implicature* to Mrs. Harter that her husband has come for her. The techniques of *deception* along with *playing upon her fear* made her feel defenceless and vulnerable. Mrs. Harter was terror-stricken, as a result.

The material showed that in some conversations the technique of *deception* can be used in conjunction with those of *playing upon emotions* and *pressure to acquiesce*, which make them a hybrid form of manipulation. The example of the hybrid form of manipulation is Excerpt 13:

She leaned again to the mouth of the tube.

“*Don’t kill Robert as you killed me*”, she said with slow enunciation, and a deep but small voice.

“Ah!” came the sharp little cry. “Who is that speaking?”

“Henry!” said the deep voice.

There was a dead silence. Poor Cecilia lay with all the use gone out of her. And there was dead silence. Till at last came the whisper:

“I didn’t kill Henry. No, No! Henry, surely you can’t blame me! I loved you, dearest. I only wanted to help you”.

“*You killed me!*” came the deep, artificial, accusing voice. “Now, let Robert live. Let him go! Let him marry!”

There was a pause (Lawrence 2000, p. 188).

While sunbathing on the roof of the house, Cecilia overheard someone’s voice, which reached her from the rain-pipe, acting as a speaking-tube. She recognized Aunt Polly’s voice who spoke to herself. In conversation, she addressed her late son Henry, assuring him that she was innocent of his death. At one time she did not allow him to marry Claudia. After much suffering Henry had suddenly died from some sudden ordinary disease.

The next day, when Cecilia was sunbathing on the roof again, she heard Aunt Polly speaking to her younger son Robert in her imaginary conversation. Aunt Polly said that she was disappointed in him because there was no poignancy in him. Cecilia resorts to *playing the victim role*. She replies to Aunt Polly on behalf of Henry, using the jussive clause “Now, let Robert live. Let him go! Let him marry!” and repetition [Givón 1993, p. 267]. The *implicature* conveyed is that she should let her son do whatever he feels inclined to do. Thus, the techniques of *playing the victim role, pressuring* (through the jussive clause), and *playing upon her feeling of guilt* proved

to be effective. Fearing Henry's 'condemnation', Aunt Polly finally allowed the young people to get married.

Thus, the investigation in the paper has explored various manipulation techniques, viz. the tactics of feigning ignorance, evasion, praise/compliment, elicitation, playing the victim role, blackmail and browbeating, as well as hybrid forms of manipulation in 'character-character' discourse. They were deployed against the background of narrative irony.

Results and Discussion

In this paper I have sought to establish the distinctive features by which the reader can identify psychological manipulation. They proved to be as follows: its intentionality, covert nature, confidence on the part of the listener, and the limited amount of information presented by the manipulator as relevant in this situation, mutualistic character of manipulation, a wide range of its types.

The types of manipulation in literary discourse can range from aesthetic to cognitive manipulation of the reader and, finally, to interpersonal manipulation. The investigation presented above has focused on interpersonal manipulation in fiction.

Psychological manipulation aims at affecting the deep layers of the manipulee's consciousness, viz. the subconscious: their subliminal fears, complexes, and weaknesses. By playing on the victim's vulnerabilities and weaknesses, the manipulator manages their inferences. Subliminal manipulation aims at achieving the subliminal effect on the manipulee. The impact turns to be effective since the victim might be unaware of the subliminal effect, and, therefore, is powerless to resist the attack.

The relevance of this study is determined by the need to cover all forms of interpersonal manipulation in fictional dialogue, viz. deception, pressuring, employing emotional vulnerability or character defects, and hybrid forms of manipulation such as deception in conjunction with pressuring or with employing emotional vulnerability or character defects.

The analysis showed that exploiting emotional vulnerability occurs much more frequently in fictional dialogue than other forms of manipulation. This is confirmed by the findings of S. Sorlin [Sorlin 2017] who notes that psychological manipulation often consists in exploiting the target's weaknesses.

Research Materials

Baldick 2001 – Baldick Ch. (2001) *Irony. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press. URL: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=4963182>.

Christie 2004 – Christie A. (2004) *Where There's a Will. Selected Detective Stories*. Moscow: Manager.

Fitzgerald 2000 – Fitzgerald F.S. (2000) *The Swimmers. Selected Prose*. Moscow: Manager.

Hemingway 1999 – Hemingway E. (1999) *The Short Happy Life of Francis Macomber. American Story*. Moscow: Manager.

Greene 1971 – Greene G. (1971) *Our Man in Havana*. Harmondsworth: Penguin Books.

Lawrence 2000 – Lawrence D.H. (2000) *The Lovely Lady. English story of the XX century*. Moscow: Manager.

Fiction tends to reflect our life. In everyday interpersonal communication, employing emotional vulnerability is commonplace. In informal conversations people keep on manipulating their friends, relations or their spouse to achieve their goals. However, when people are in conflict with one another, they tend to resort to more aggressive methods such as pressuring or hybrid forms of manipulation to resolve the conflict. The mechanism for pressuring the other can be explained from the perspective of the Relevance theory, according to which the manipulator provides the victim with a limited set of contextual assumptions, relevant to achieve their goal in the situation.

In the paper manipulative techniques are considered as related to narrative irony. Narrative irony provides the conditions favourable for the character to set about implementing his/her scheme. Manipulative techniques seem to be the most efficient ones to accomplish the task. Narrative irony and manipulative techniques seem intertwined in most situations. Used in conjunction with one another, they are designed by the writer to create comic effect.

Conclusions

The paper is an analysis of techniques of manipulation and their function in literary discourse. From the discursive perspective manipulative techniques are one of the effective ways of creating a conflictual situation or complication in a narrative. In this regard, manipulative dialogue plays a crucial role both in terms of attracting the attention of the reader and triggering off peripeteia in literary discourse.

Via interchange between characters authors convey messages to their readers through conversational implicatures. In most situations, implicatures contribute to revealing the hidden intention of the manipulator. In the paper manipulative techniques are explored as related to narrative irony in some way. Narrative irony is embedded in a work's structure and is combined with other narrative techniques to create an effect idiosyncratic to one's work. In a short story or a novel, it serves as scaffolding for using manipulation. The writer creating narrative irony cannot manage without manipulative techniques; they are complementary. Neither works well without the other. Like begets like.

Longman Dictionary – *Longman Dictionary of Contemporary English*. Manipulate. Available from <http://www.ldoceonline.com/dictionary/manipulate> [Accessed on 20 December 2020]

Mansfield 2000 – *Mansfield K. A.* (2000) *A Cup of Tea. English story of the XX century*. Moscow: Manager.

Maugham 2000 – *Maugham W. S.* (2000) *The Creative Impulse. Selected Short Stories*. Moscow: Manager.

Shaw 2000 – *Shaw B.* (2000) *The Serenade. Selected Short Stories*. Moscow: Manager.

References / Библиографический список

Alexander 2009 – *Alexander M.* (2009) Rhetorical structure and reader manipulation in Agatha Christie's *Murder on the Orient Express*. *Miscelánea: A Journal of English and American Studies*, no. 39, pp. 13–27. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/32230/1/id32230.pdf>.

Baron 2003 – *Baron M.* (2003) Manipulativeness. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, no. 77 (2), pp. 37–54. DOI: <http://doi.org/10.2307/3219740>.

Blass 2006 – *Blass R.* (2006) Manipulation in the speeches and writings of Hitler and the NSDAP from a relevance theoretic point of view. In: de Saussure, L. and P. Schulz (eds.) *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 169–190. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17.09bla>.

Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.C.* (1987) *Politeness: Some universals in language usage*, vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511813085>.

van Dijk 2006 – *Dijk T.A. van* (2006) Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 17 (3), pp. 359–383. DOI: <http://doi.org/10.1177/0957926506060250>.

van Eemeren 2005 – *Eemeren F. van* (2005) Foreword. Preview by review. In: *L. de Saussure and Schulz J.P. (Eds.) Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, language, mind*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. X–XV. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17>.

Emmott, Alexander 2010 – *Emmott C., Alexander M.* (2010) Detective fiction, plot construction, and reader manipulation: Rhetorical control and cognitive misdirection in Agatha Christie's *Sparkling Cyanide*. In: McIntyre D. and Busse B. (Eds.) *Language and Style*. Houndmills: Palgrave, pp. 328–346. DOI: http://doi.org/10.1007/978-1-137-06574-2_19.

Emmott 2017 – *Emmott C.* (28 April 2017) Rhetorical strategies and the art of deception in crime fiction: Plot construction and reader manipulation by cognitive misdirection. In: *Sorlin S. (Ed.) Manipulating the Reader in Fiction. A Stylistic Perspective. International Conference. Abstracts*. Aix-Marseille University. Available at: http://stylistique-anglaise.org/wp-content/uploads/Abstracts_Manipulation.pdf.

Fraser 2007 – *Fraser B.* (2007) Pragmatic Tactics in Mediation. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 3, issue 1, pp. 61–78. DOI: <http://doi.org/10.2478/v10016-007-0005-8>.

Givón 1993 – *Givón T.* (1993) *English Grammar: A function-based introduction. Vol. II*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI: <http://doi.org/10.1075/z.engram2>.

Handelman 2009 – *Handelman S.* (2009) Ch. 4. Four Types of Manipulation. In: *Thought Manipulation: The Use and Abuse of Psychological Trickery*. Praeger Publishers, pp. 45–48. DOI: <http://doi.org/10.13140/2.1.3992.6729>.

Horn 2004 – *Horn L.* (2004) Implicature. In: *Horn L.R., Ward G. (Eds.) The handbook of pragmatics*. Blackwell Publishing Ltd, pp. 3–28. DOI: <http://doi.org/10.1002/9780470756959>.

Leech, Short 2007 – *Leech G.N., Short M.H.* (2007) Ch. 9. Conversation in the novel. In: *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. 2nd edition. Harlow: Pearson Education Limited, pp. 231–254. Available at: <https://archive.org/details/styleinfiction00geof>.

Maillat, Oswald 2009 – *Maillat D., Oswald S.* (2009) Defining Manipulative Discourse: The Pragmatics of Cognitive Illusions. In: *International Review of Pragmatics*, vol. 1, issue 2, pp. 348–370. DOI: <http://doi.org/10.1163/187730909X12535267111651>.

McCornack 1992 – *McCornack S.A.* (1992) Information manipulation theory. *Communications Monographs*, vol. 59, issue 1, pp. 1–16. DOI: <http://doi.org/10.1080/03637759209376245>.

Mey 2001 – *Mey J.* (2001) Literary Pragmatics. In: *Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. (Eds.) The Handbook of discourse analysis*. Blackwell Publishers Ltd, pp. 787–797. DOI: <http://doi.org/10.1002/9780470753460>.

Mills 2014 – *Mills C.* (2014) Manipulation as an Aesthetic Flaw. In: *Coons Ch., Weber M. (Eds.) Manipulation: Theory and Practice*. Oxford: Oxford University Press. Retrieved December 27, 2021, from <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199338207.001.0001/acprof-9780199338207-chapter-7>. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.001.0001>.

Reboul 2017 – *Reboul A.* (2017) *Cognition and Communication in the Evolution of Language*, vol. 5. Oxford: Oxford University Press. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198747314.001.0001>.

Rigotti 2005 – *Rigotti E.* (2005) *Towards a Typology of Manipulative processes*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17.05rig>.

de Saussure 2005 – *Saussure L. de.* (2005) Manipulation and cognitive pragmatics: Preliminary hypotheses. In: *L. de Saussure, Schulz P. (Eds.) Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 113–146. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17>.

de Saussure, Schulz 2005 – *Saussure L. de, Schulz P.* (2005) Introduction. In: *L. de Saussure, Schulz P. (Eds.) Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 1–9. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17>.

De Saussure, Schulz 2005 – *L. de Saussure, Schulz P. (Eds.) Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: <http://doi.org/10.1075/dapsac.17>.

Sorlin 2017 – *Sorlin S.* (2017) The pragmatics of manipulation: Exploiting im/politeness theories. *Journal of Pragmatics*, vol. 121, pp. 132–146. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.10.002>.

Sorlin 2020 – *Sorlin S.* (ed.) (2020) *Stylistic Manipulation of the Reader in Contemporary Fiction.* London: Bloomsbury Academic. Retrieved December 27, 2021. DOI: <http://doi.org/10.5040/9781350062993>.

Sperber, Wilson 1995 [1986] – *Sperber D., Wilson D.* (1995 [1986]) *Relevance: Communication and Cognition.* Oxford: Blackwell; Cambridge, Mass.: Harvard University Press. Second edition (with postface). Available at: https://monoskop.org/images/e/e6/Sperber_Dan_Wilson_Deirdre_Relevance_Communica_and_Cognition_2nd_edition_1996.pdf.

Tsui 1994 – *Tsui A.B.M.* (1994) *English conversation.* Oxford: Oxford University Press, 298 p. Available at: <https://archive.org/details/englishconversat0000tsui>.

Warner 2014 – *Warner C.* (2014) Literary Pragmatics and Stylistics. In: *Burke M. (Ed.) The Routledge Handbook of Stylistics.* London and New York: Routledge, pp. 362–377. Available at: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315795331>.

Wilson, Sperber 2004 – *Wilson D., Sperber D.* (2004) Relevance Theory. In: *Horn L.R., Ward G. (Eds.) The Handbook of Pragmatics.* Oxford: Blackwell, pp. 607–632. DOI: <http://doi.org/10.1093/oxfordhb%2F9780199697960.013.25>.

Sukhanov 2017 – *Sukhanov B.A.* (2017) *Manipulations in the mirror and the practice of artistic literature.* Studying the Phenomenon of Manipulation in Psychological Prose of 1960-s: A. Bitov and Yu. Trifonov's Cases = Феномен манипуляции в психологической прозе 1960-х годов: А. Битов и Ю. Трофимов. *Манипуляция в зеркале и художественной словесности.* Tomsk, pp. 17–32. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000635580>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42:811.11

Дата поступления: 11.02.2022
рецензирования: 23.04.2022
принятия: 28.05.2022

Дидактический функционал дискурсивных маркеров при обучении чтению на английском языке

А.С. Шугаева

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация
E-mail: anna566720@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0855-3569>

И.В. Коровина

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация
E-mail: korirfox@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4715-8377>

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению потенциала такого механизма связности текста, как дискурсивные маркеры, которые могут быть использованы при обучении чтению на английском языке. Авторы поднимают проблему необходимости поиска эффективных методов при обучении чтению на иностранном языке для повышения читательской грамотности учащихся. Цель статьи заключается в выявлении и описании лингводидактического приема, который способствует развитию навыков чтения на английском языке при помощи дискурсивных единиц. Авторы, применяя метод типологизации и метод контекстного анализа, исследуют дискурсивные маркеры в англоязычных научных текстах и, как результат, разрабатывают расширенную функциональную классификацию данных единиц. Англоязычные научные тексты выбраны в качестве материала первой части исследования по причине высокой структурированности текстов данного жанра, в которых механизмы когезии и когерентности проявляются наиболее ярко. Далее авторами были использованы визуальные схемы Б. Грэйба, иллюстрирующие функции дискурсивных маркеров. Данные схемы были дополнены авторами, использующими метод моделирования, и применены для разработки видов упражнений, которые способствуют развитию навыков чтения на английском языке посредством дискурсивных единиц. Результаты данного исследования имеют определенную научную новизну, так как до настоящего момента дискурсивные маркеры при обучении иностранному языку использовались как результат обучения (освоенные лексические единицы), тогда как авторы данной статьи предлагают взглянуть на них как на инструмент обучения, а именно инструмент развития определенных речевых навыков. Полученные результаты могут найти свое практическое применение при обучении чтению на английском языке в средней и старшей школе.

Ключевые слова: дискурсивный маркер; когезия; когерентность; дидактический функционал; классификация; задание; схема.

Цитирование. Шугаева А.С., Коровина И.В. Дидактический функционал дискурсивных маркеров при обучении чтению на английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 135–143. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-135-143>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шугаева А.С., Коровина И.В., 2022

Анна Сергеевна Шугаева – магистр 1 года обучения, кафедра английской филологии, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Ирина Валерьевна Коровина – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2022
Revised: 23.04.2022
Accepted: 28.05.2022

Didactic functionality of discourse markers in teaching reading in English

A.S. Shugaeva

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation
E-mail: anna566720@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0855-3569>

I.V. Korovina

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation
E-mail: korirfox@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4715-8377>

Abstract: This article is aimed at considering the potential of such a mechanism of text coherence as discourse markers, which can be used in teaching reading in English. The authors raise the problem of the necessity in finding effective methods

for teaching reading in a foreign language to improve students' reading literacy. The article is aimed at identifying and describing the linguodidactic technique promoting the development of reading skills in English with the help of discourse units. By applying typologization method supported by the contextual analysis the authors consider discourse markers in English academic articles and make an attempt to develop the extended functional classification of these units. Academic articles written in English were chosen as the material for the first part of the study due to the high-level structure of this genre, in which the mechanisms of cohesion and coherence are widely applied. Then, the authors are trying to involve B. Grabe's visual schemes to illustrate discourse markers functional potential. These schemes are supplemented by the a modelling method to create various types of exercises that contribute to the development of reading skills in English with the help of discourse units. The results are characterized by novelty, since up till now discourse markers in teaching a foreign language have been applied for learning activities while the in the present paper the authors offer to consider them as a learning tool, namely a tool for speech skills development. The results obtained can be applied in teaching reading in English in secondary and high school.

Key words: discourse marker; cohesion; coherence; didactic functionality; classification; exercise; scheme.

Citation. Shugaeva A.S., Korovina I.V. Didactic functionality of discourse markers in teaching reading in English. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 135–143. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-135-143>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Shugaeva A.S., Korovina I.V., 2022

Anna S. Shugaeva – Master's degree student of the 1st year of study, Department of English Philology, Foreign Languages Department, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Russian Federation.

Irina V. Korovina – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of English Philology, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Russian Federation.

Введение

Обучение чтению на иностранном языке является предметом многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных специалистов в области лингводидактики. При этом к вопросу о более эффективном формировании навыков чтения исследователи подходят по-разному. Однако суть большинства существующих на данный момент методик заключается в достижении лучшего понимания текста либо через активизацию фоновых знаний, либо через анализ логических связей между содержательными компонентами текста.

В данной статье мы ставим целью выявить наличие или отсутствие потенциального дидактического функционала дискурсивных маркеров при обучении чтению на иностранном языке. Такие лексические единицы, как дискурсивные маркеры, обеспечивают логическую связь текстовых фрагментов различной длины, то есть, другими словами, являются одним из инструментов когезии и когерентности текста. Именно на данной основной функции дискурсивных маркеров как речевых, а не языковых, единиц и строится гипотеза нашего исследования, заключающаяся в том, что дискурсивные маркеры, обладая определенным дидактическим функционалом, могут применяться для создания ряда тренировочных заданий, способствующих формированию навыков чтения на иностранном (английском) языке. Необходимо отметить, что английский язык и тексты на английском языке выбраны в качестве материала исследования исключительно по причине того, что английский язык является самым популярным и частотным из изучаемых в мире иностранных языков. При этом мы предполагаем, что результаты нашего исследования могут быть применимы при обучении чтению и на других иностранных языках, то есть они обладают определенной степенью универсальности.

Для достижения указанной выше цели были намечены следующие задачи:

- разработать детальную функциональную классификацию англоязычных дискурсивных маркеров;

- определить лингводидактический прием, в рамках которого речевой функционал дискурсивных маркеров может быть применен для формирования навыков чтения на иностранном (английском) языке;

- в рамках данного приема разработать ряд практических заданий, которые могут способствовать формированию более эффективных навыков чтения на иностранном (английском) языке.

Для выполнения поставленных задач были использованы следующие методы: метод типологизации, метод контекстного анализа и метод моделирования.

Основная часть

В начале необходимо отметить, что подходы к определению дискурсивных маркеров различаются, в связи с чем отмечается значительная терминологическая вариативность данного понятия – discourse markers [Fraser 1990, 1999], discourse connectives [Blakemore 1992], discourse operators [Redeker 1991], discourse particles [Schourup 1985; Hansen 1998], pragmatic particles [Foolen 1996], discourse connectives [Lewis 2011] и т. д. В рамках данной работы мы принимаем все данные термины как синонимичные, но используем лишь один из них – discourse markers / дискурсивные маркеры. Американскому лингвисту Д. Шиффрину принадлежит первая детализированная работа по анализу дискурсивных маркеров, которым она дала именно такое название. Изучая определенные маркеры в устных разговорных текстах с позиции теории дискурса, Шиффрин определяет их следующим образом: «sequentially dependent elements

which bracket units of talk» [Schiffrin 1987, p. 11]. Дж. Редекер в свою очередь называет дискурсивные маркеры *discourse operators*, подразумевая под ними «words or phrases... that are uttered with the primary function of bringing to the listener's attention a particular kind of linkage of the upcoming utterance with the immediate discourse context» [Redeker 1991, p. 1140].

Дискурсивные маркеры активно изучались и продолжают изучаться также и российскими лингвистами. М.В. Каменский, в отличие от других исследователей, именуется интересующие нас единицы дискурсивными маркерами, которые с точки зрения когнитивного подхода представляют собой «языковые элементы, несущие процедурное значение в дискурсе и регулирующие дискурсивное поведение участников коммуникативного акта» [Каменский 2014, с. 53]. Согласно Л.М. Болсуновской, Ю.А. Зеремской и Н.В. Дубровской, дискурсивные маркеры представляют собой «средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц» [Болсуновская, Зеремская, Дубровская 2015, с. 117]. Как можно видеть из всех представленных определений, дискурсивные маркеры определяются с позиции функций, которые они выполняют в тексте.

В этой связи рассмотрим разработанную нами детальную функциональную классификацию дискурсивных маркеров, в основу которой лег прагматический критерий. Текстовым материалом на данном этапе исследования послужили тексты англоязычных научных статей (общим объемом 306 страниц). Научный дискурс был выбран в качестве материала исследования по причине того, что тексты научного регистра речи характеризуются предельной точностью передаваемой информации, в связи с чем речевой функционал дискурсивных маркеров проявляется в них наиболее ярко и четко. Согласно разработанной функциональной классификации, дискурсивные маркеры английского языка можно подразделить на:

- 1) дискурсивные маркеры, обеспечивающие когезию текста;
- 2) дискурсивные маркеры, маркирующие отношение автора к сказанному;
- 3) дискурсивные маркеры, осуществляющие когерентность текста;
- 4) дискурсивные маркеры, осуществляющие интертекстуальные связи.

Необходимо отметить, что поскольку данная классификация не привязана к лексическому и грамматическому строю конкретного языка, она может быть применена к лексическим единицам не только английского, но и других языков.

Рассмотрим функциональную классификацию дискурсивных маркеров более подробно. Как известно, связность текста обеспечивается механизмами когезии и когерентности. Под «внутренней» связностью, или когезией, понимаются «лингви-

стические средства (грамматические, лексические, фонетические), благодаря которым предложения в дискурсе соединены в более крупные единицы на структурном уровне» [Степанова 2009, с. 232]. Иными словами, когезия является первичной текстовой категорией, превращающей совокупность предложений в связный текст. Когерентность, или же «внешний аспект» связности, представляет собой «понятийно-смысловую цельность текста» [Величко 2016, с. 41]. Таким образом, когерентность подразумевает наличие логических и семантических связей между фрагментами текста, позволяющих называть его текстом.

К группе дискурсивных маркеров, осуществляющих когезию, можно отнести следующие единицы:

- 1) указывающие на последовательность изложения информации (*first, initially, second, then, further, finally*);
- 2) вводящие примеры (*for example, for instance, as examples*);
- 3) конкретизирующие и повторяющие мысль (*that is, in particular, similar to (similarly), again, likewise, specifically, briefly, relatedly, in a similar vein*);
- 4) акцентирующие внимание (*indeed, actually, of note, in fact*);
- 5) вводящие дополнительную информацию (*furthermore, moreover, what is more, in addition to, also, additionally*);
- 6) указывающие на противопоставление (*while, on the one hand, on the other hand, however, whereas, although, nonetheless, despite, regardless of, instead of, unlike, conversely, in practice*);
- 7) обобщающие мысль (*altogether, in principle, on the whole*);
- 8) указывающие на причинно-следственную связь (*thus, therefore, consequentially, as a consequence, because (of this), for this reason, since, as*);
- 9) подводящие итог (*to summarize/to conclude, in summary, in all, as a result, in conclusion/in concluding*);

К группе дискурсивных маркеров, маркирующих отношения автора к сказанному, нами были отнесены следующие – *unfortunately, clearly, importantly, not surprisingly, interestingly, probably, of course* и т. д. Данный тип дискурсивных маркеров, с одной стороны, позволяет расставить акценты в ходе рассуждений автора, привлечь внимание к той или иной мысли, дает автору возможность выразить свою оценку тому или иному явлению. С другой стороны, все это представлено в тексте в обезличенном виде, без акцентирования внимания на авторе сказанного.

Перейдем к рассмотрению следующей группы функциональной классификации. К дискурсивным маркерам, осуществляющим когерентность текста, были отнесены такие лексические единицы, как *as has been shown previously, as noted above, as listed in table, according to, by all accounts, as is*

clear from these descriptive statistics, as table 1 indicates, as shown in table, in contrast to the results for. В отличие от когезии, когерентность является более широкой текстовой категорией, которая проявляется в установлении связей не между ближайшими предложениями, а между удаленными друг от друга текстовыми фрагментами в пределах локального контекста, т. е. одного текста.

Последней группой дискурсивных маркеров в функциональной классификации являются дискурсивные маркеры, осуществляющие в тексте интертекстуальные связи. Другими словами, данные лексические единицы позволяют осуществлять связь элементов локального контекста с элементами пресуппозиции, содержащимися в других текстах внешнего контекста. Примерами дискурсивных маркеров, осуществляющих интертекстуальные связи в научных текстах, являются следующие лексемы: *as recommended by*, *according to*, *as many researchers have noted*.

Поскольку на последующих этапах нашего исследования мы использовали учебные тексты в качестве материала, мы на данных этапах исследования исключили дискурсивные маркеры, осуществляющие интертекстуальные связи, так как данный вид дискурсивных связей отсутствует в учебных текстах. Таким образом, мы сосредоточились на трех видах дискурсивных маркеров: осуществляющие когезию, осуществляющие когерентность и маркирующие отношение автора к сказанному.

Следующий этап нашего исследования заключался в выборе лингводидактического приема, в рамках которого мы могли бы использовать дискурсивные маркеры при формировании навыков чтения. Таким приемом оказалась техника графических схем, разработанная Б. Грэйбом [Grabe 2002]. Автор предлагает использование определенных графических дискурсивных паттернов (шаблонов), которые он называет *discourse patterns* или *graphic organizers*. По его мнению, информацию в тексте проще понять, если обучающиеся видят наглядно, как информация организована в тексте, и как идеи данного текста могут быть упорядочены с помощью графических паттернов. Согласно Б. Грэйбу, применение данной методики на регулярной основе ведет к значительно лучшему пониманию таких жанров текстов, которые он называет *expository texts*: тексты описательного или аргументативного характера с элементами рассуждения. Иными словами, *expository texts* противопоставляются художественным текстам.

В своей работе лингвист представляет четыре дискурсивных паттерна.

1) *a definition frame*. Суть его заключается в определении ключевых терминов текста и вычлениении той информации, которая поможет составить определение данных терминов (рисунок 1).

Stimulus progression is a sequence of tunes that give workers and shoppers a needed boost.

Рис. 1. Definition frame
 Fig. 1. Definition frame

2) *a sequence graphic*, в котором информация представляет собой некую последовательность фактов, вытекающих один из другого (рисунок 2).

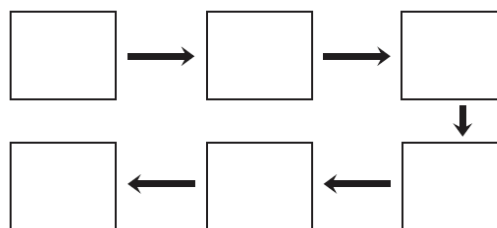

Рис. 2. Sequence frame
 Fig. 2. Sequence frame

3) *a simple cause and effect pattern*, который иллюстрирует причинно-следственные связи текста (рисунок 3).

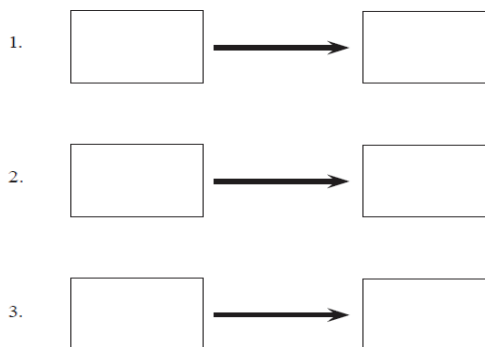

Рис. 3. Cause and Effect pattern
 Fig. 3. Cause and Effect pattern

4) *a simple comparison and contrast frame* основан на выявлении общих черт и различий в содержании различных текстовых фрагментов (рисунок 4).

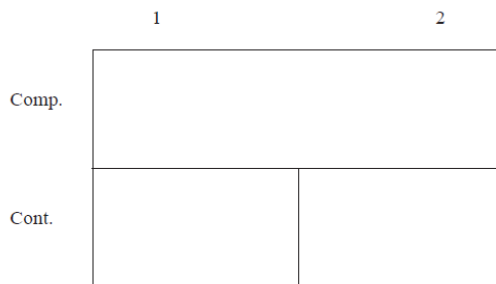

Рис. 4. Comparison and Contrast frame
 Fig. 4. Comparison and Contrast frame

Технология графических схем Грэйба позволяет выявлять последовательность идей в структуре текста и устанавливать взаимосвязь между фрагментами дискурса, что обеспечивает лучшее понимание текста, так как понимание текста обучающимся, который в состоянии установить логические связи фрагментов текста, не так сильно зависит от лексических единиц – другими словами, обучающемуся не нужно понимать значение всех лексических единиц текста для того, чтобы понять его основное содержание.

Графические схемы Грэйба были нами дополнены и расширены на основе описанной выше функциональной классификации. Отметим, что подобное представление информации в виде графических схем оказывается достаточно эффективными для учащихся-визуалов и учащихся-дигиталов, которые, как известно, лучше воспринимают информацию через наглядные примеры, графические изображения и разного рода схемы.

Самой обширной группой дискурсивных маркеров в функциональной классификации является группа маркеров, осуществляющих когезию текста. По нашей классификации данная группа распадается на ряд подгрупп. Кроме того, дискурсивные маркеры именно этой группы берут на себя наибольшую функциональную нагрузку при построении внутритекстовых связей, которые способствуют более эффективному пониманию текста читателем. В этой связи наиболее подробные графические схемы были разработаны нами именно для дискурсивных маркеров, осуществляющих когезию текста.

1) Дискурсивные маркеры, указывающие на последовательность изложения информации (рисунок 5).

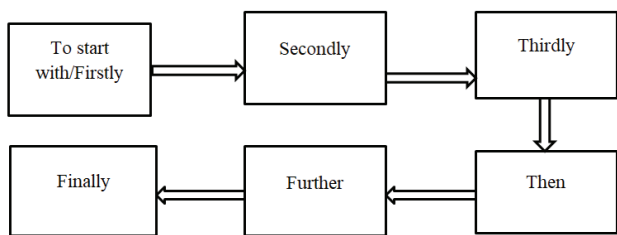

Рис. 5. Последовательность изложения
Fig. 5. Sequence of presentation

2) Дискурсивные маркеры, вводящие примеры (рисунок 6).

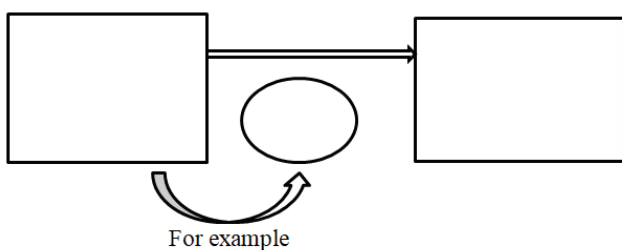

Рис. 6. Введение примеров
Fig. 6. Introduction of examples

3) Дискурсивные маркеры, конкретизирующие и повторяющие мысль (рисунок 7).

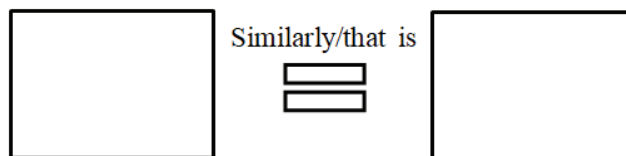

Рис. 7. Конкретизация (повторение) мысли
Fig. 7. Concretization (repetition) of thought

4) Дискурсивные маркеры, акцентирующие внимание (рисунок 8).

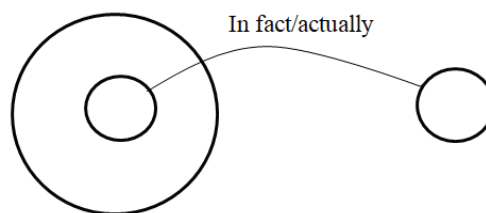
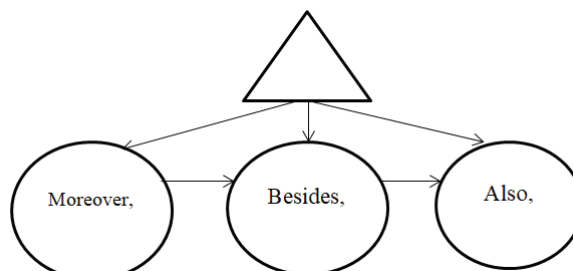

Рис. 8. Акцентирование внимания
Fig. 8. Focusing attention

5) Дискурсивные маркеры, вводящие дополнительную информацию (рисунок 9).

Рису. 9. Введение дополнительной информации
Fig. 9. Introduction of additional information

6) Дискурсивные маркеры, указывающие на противопоставление (рисунок 10).

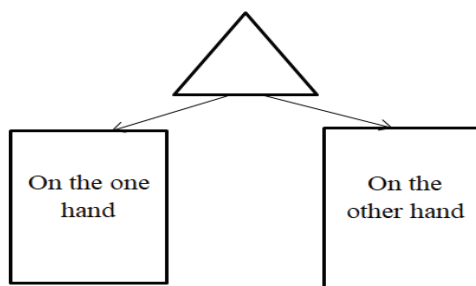

Рис. 10. Указание на противопоставление
Fig. 10. Indication of opposition

7) Дискурсивные маркеры, обобщающие мысль (рисунок 11):

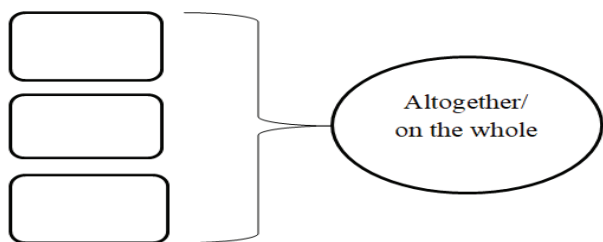

Рис. 11. Обобщение мысли
 Fig. 11. Generalization of thought

8) Дискурсивные маркеры, указывающие на причинно-следственную связь (рисунок 12).

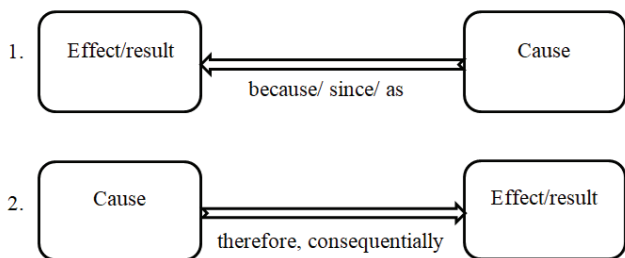
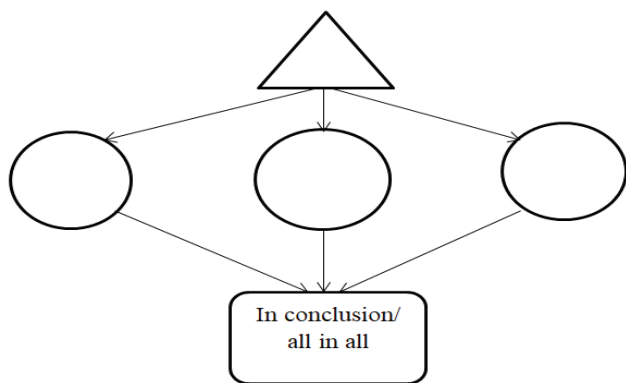

Рис. 12. Причинно-следственная связь
 Fig. 12. Causal relationship

9) Дискурсивные маркеры, подводящие итог (рисунок 13).

Рису. 13. Подведение итогов
 Fig. 13. Summarizing

Каждая из представленных схем может сопровождаться списком дискурсивных маркеров, реализующих контекстуальную функцию, проиллюстрированную схемой. Так, представленные выше схемы могут быть вспомогательным инструментом при работе с текстами, в составе которых есть дискурсивные маркеры. Кроме того, данные графические схемы могут быть применены при создании собственных текстов.

В ходе заключительного этапа нашего исследования на основе функциональной классификации дискурсивных маркеров и описанных выше графических схем мы разработали ряд заданий для формирования навыков чтения текстов на иностранном языке. Данные задания могут найти при-

менение в рамках школьной программы на уроках английского языка в 9–11 классах.

Особенностью разработанных нами упражнений является то, что употребляемые в них дискурсивные маркеры служат инструментами на пути лучшего понимания прочитанного. Также стоит отметить, что поскольку большинство дискурсивных маркеров имеют ряд синонимов, полностью корректные «ключи» к заданиям подобного рода трудно сформулировать, и, соответственно, учителю необходимо оценивать относительную эффективность и релевантность употребленных учащимися дискурсивных маркеров и считать за ошибки только те дискурсивные единицы, которые функционально не вписываются в соответствующий контекст.

Всего нами было разработано семь видов упражнений для развития навыков чтения с помощью дискурсивных маркеров.

1) *Gap task*. Суть данного задания заключается в том, что учащиеся должны заполнить пропуски в тексте дискурсивными маркерами по своему выбору. Данное упражнение относится к разряду простых, поскольку пропуски в нем будут являться подсказками для учащихся, понимающих взаимосвязь каких элементов текста нужно рассмотреть (рисунок 14).

Exercise 1 (Gap task). Fill in the gaps with the appropriate discourse markers so that the text is effective.

«Newspaper reading is one of the most beneficial habits nowadays. Firstly, it helps us get acquainted with the current affairs of the world, (1) _____ we get to know about the latest happenings through a reliable source. (2) _____, we get an insight into the different domains including politics, cinema, business, sports and many more.

(3) _____, newspaper reading also results in opening doors to new employment opportunities. Reliable companies post their ads in the newspaper for business and employment opportunities so we see how it is a good place to seek jobs.

Рис. 14. Gap task

Fig. 14. Gap task

2) *Non-gap task*. Данное упражнение направлено на то, чтобы учащиеся самостоятельно добавили в текст дискурсивные маркеры, однако отличие данного задания от предыдущего заключается в отсутствии графически обозначенных пропусков в тексте. Данный факт делает это задание сложнее, так как учащиеся должны самостоятельно определить связи между предложениями, входящих в состав текста.

3) *Sentence-gap task*. При выполнении этого задания учащиеся в качестве входных данных имеют текст с пропущенными предложениями. Опираясь на дискурсивные маркеры, данные в начале предложения, учащимся необходимо восстановить логику повествования, при этом учитывая, какой функционал выполняет дискурсивный маркер. Ранее в работе мы упоминали про навыки, которые можно развить в чтении. В данном упраж-

нении возможно применить и развить навыки прогнозирования, поскольку учащиеся должны предугадать, какой примерной смысловой нагрузкой должно обладать предложение, начинающееся с дискурсивного маркера (рисунок 15).

Exercise 3 (Sentence-gap task). Complete the sentences so that the whole text is effective.

Global warming is a term almost everyone is familiar with. **Nevertheless**, _____ So, global warming refers to the gradual rise in the overall temperature of the atmosphere of the earth. There are various activities taking place which have been increasing the temperature gradually, and they are extremely harmful to the earth as well as humans.

It is quite challenging to control global warming, but it is not impossible. The first step in solving any problem is identifying the cause of the problem. **Therefore**, _____. It will help us proceed further in solving it. In this essay on global warming, we will see the causes and solutions of Global Warming.

Рис. 15. Sentence-gap task

Fig. 15. Sentence-gap task

4) *Making synonymic groups task.* В данном типе задания учащиеся должны определить в тексте все дискурсивные маркеры и распределить дискурсивные маркеры с одинаковым функционалом в синонимичные группы, при этом обозначив функции, которые выполняют дискурсивные единицы каждой группы.

5) *Synonymic change task.* Данный тип задания также предполагает работу с синонимичными рядами дискурсивных маркеров в тексте, однако различие заключается в том, чтобы учащиеся не составляли данные группы самостоятельно, а уже умели применять их на практике. Задачей данного упражнения является замена определенных дискурсивных маркеров текста на синонимичные. Соответственно, если замена эффективна, это говорит и понимании учеником взаимосвязи между элементами текста (рисунок 16).

Exercise 5 (Synonymic change task). Replace the highlighted discourse markers with synonymic ones. You may change the syntactical structure of the sentences if needed.

When people all over the world are looking for a quick, easy meal, fast food is the most common choice. With good service, low prices and a relaxed atmosphere, fast food looks like the ideal choice. **In fact**, over 25 percent of Europeans eat fast food every day. Fries and hamburgers are sold everywhere: in big cities, small towns, shopping malls, airports, bus stations, schools, and even hospitals! There are 31,000 McDonald's worldwide.

However, fast food companies make clients eat more. They offer over-sized burgers, extra-large French fries, and big portions of Coke. **What's more**, these "large versions" are usually cheaper. The products have lots of calories, sugar and fat. A typical hamburger at a fast food restaurant weighs 170 grams. In 1957, it was just 50 grams. **According to scientists**, your fast food meal is like three ordinary meals.

Рис. 16. Synonymic change task

Fig. 16. Synonymic change task

6) *Correcting mistakes task.* Как известно, задания на определение ошибок в иноязычном тексте

является одним из самых сложных, поскольку они требуют сформированности определенных умений по теме. Суть данного упражнения заключается в исправлении в тексте неправильно употребленных дискурсивных маркеров, причем учащиеся могут как знать, так и не знать точное количество ошибок. Данное задание позволит определить, способны ли учащиеся восстанавливать логику повествования самостоятельно, способны ли они понять разницу функций дискурсивных маркеров.

7) *Producing prolonged answers task.* Являясь, по нашему мнению, самым сложным заданием на понимание прочитанного, данное задание подразумевает ответы на вопросы по содержанию текста. Отличительной особенностью построения вопросов является то, что при ответе учащиеся должны оперировать дискурсивными маркерами в качестве вспомогательного инструмента. Тем самым, правильно отвечая на вопросы, учащиеся имплицитно демонстрируют понимание функции дискурсивных маркеров.

Заключение

Итак, дискурсивные маркеры являются важными организаторами структуры дискурса и выполняют в нем различные функции. В этой связи, для эффективного построения текста научной направленности необходимо владеть данными единицами, т. к. с помощью их правильного применения возможно успешно организовать коммуникацию между автором и читателем. Обеспечивая взаимосвязь элементов текста на локальном (когезия) и глобальном (когерентность) уровне, дискурсивные маркеры являются важными организаторами структуры текста.

В нашей работе мы обосновали эффективность применения дискурсивных маркеров при формировании и развитии навыков чтения на английском языке. В этой связи, нами была расширена функциональная классификация дискурсивных маркеров на основе классификаций других авторов. Данная классификация, наряду с визуальными графическими схемами для ее самой обширной подгруппы, выступают в качестве иллюстративно-ознакомительного материала, способного внести определенную ясность и структурность в понимание данного понятия.

Кроме того, в ходе исследования нами были разработаны виды тренировочных текстовых заданий с использованием дискурсивных маркеров, которые могут быть вспомогательным инструментом для развития навыков чтения учащихся. Грамотно применяя дискурсивные единицы, при этом понимая их функционал, учащиеся учатся лучше ориентироваться в структуре текста и, как следствие, лучше понимать суть прочитанного. Разнообразие разработанных нами заданий позволяет выстроить их в последовательности от простого к сложному, и данная градация осуществляется конкретным педагогом.

Библиографический список

- Blakemore 1992 – *Blakemore D.* Understanding utterances // Oxford University Press: Blackwell. 1992. 191 p. ISBN 0-631-15866-9. URL: <https://az.b-ok.africa/book/2222756/49620c>.
- Foolen 1996 – *Foolen A.* Pragmatic Particles // Handbook of Pragmatics / J. Verschueren. Amsterdam. 1996. 24 p. URL: https://www.researchgate.net/profile/Ad-Foolen/publication/292771677_Pragmatic_particles/links/59cccf84aca272bb0510fb5c/Pragmatic-particles.pdf.
- Fraser 1990 – *Fraser B.* An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14, issue 3. P. 383–395. DOI: [http://doi.org/10.1016/0378-2166\(90\)90096-V](http://doi.org/10.1016/0378-2166(90)90096-V).
- Fraser 1999 – *Fraser B.* What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31, issue 7. P. 931–952. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(98\)00101-5](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00101-5).
- Grabe 2003 – *Grabe B.* Using Discourse Patterns to Improve Reading Comprehension // JALT2002: Conference Proceedings. 2003. Vol. 2002. P. 9–17. ISBN 4-901352-06-7. URL: <https://jalt-publications.org/archive/proceedings/2002/009.pdf>.
- Hansen 1998 – *Hansen M.B.* The Functions of Discourse Particles. A study with special reference to spoken French. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1998. 417 p. DOI: <http://doi.org/10.1075/pbns.53>.
- Lewis 2011 – *Lewis D.M.* A discourse-constructional approach to the emergence of discourse connectives in English // Linguistics. Vol. 49 (2). P. 415–443. DOI: <http://doi.org/10.1515/ling.2011.013>.
- Schiffirin 1987 – *Schiffirin D.* Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p. ISBN 978-0-5116-1184-1. URL: https://books.google.ru/books?id=QcPLCgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Deborah+Schiffirin%22&hl=fr&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
- Schourup 1985 – *Schourup L.C.* (1985) Common Discourse Particles in English Conversation. London: Routledge, 188 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315401584>.
- Redeker 1991 – *Redeker G.* Review article: Linguistic markers of discourse structure // Journal of Linguistics. 1991. Vol. 29, issue 6. P. 1139–1172. DOI: <http://doi.org/10.1515/ling.1991.29.6.1139>.
- Болсуновская, Зеремская, Дубровская 2015 – *Болсуновская Л.М., Зеремская Ю.А., Дубровская Н.В.* Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник ТГПУ. 2015. № 4 (157). С. 117–121. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/bolsunovskaya_1_m_117_123_4_157_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23368934>. EDN: <https://elibrary.ru/trjyhn>.
- Величко 2016 – *Величко М.А.* Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). С. 39–43. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2016.2/4292/39-43.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26243635>. EDN: <https://elibrary.ru/wchnlt>.
- Каменский 2014 – *Каменский К.В.* Дискурсивные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 1 (54). С. 53–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21345014>. EDN: <https://elibrary.ru/rzckqt>.
- Степанова 2009 – *Степанова М.И.* Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник Самарского государственного университета, 2009. № 7 (73). С. 230–234. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14777330>. EDN: <https://elibrary.ru/mljrol>.
- Шугаева, Коровина 2021 – *Шугаева А.С., Коровина И.В.* Функциональная классификация английских дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал, 2021. № 4. С. 30–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47411431>. EDN: <https://elibrary.ru/gyhttd>.

References

- Blakemore 1992 – *Blakemore D.* (1992) Understanding utterances. Oxford University Press: Blackwell, 191 p. ISBN 0-631-15866-9. Available at: <https://az.b-ok.africa/book/2222756/49620c>.
- Foolen 1996 – *Foolen A.* (1996) Pragmatic Particles. In: *Verschueren J. Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, 24 p. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ad-Foolen/publication/292771677_Pragmatic_particles/links/59cccf84aca272bb0510fb5c/Pragmatic-particles.pdf.
- Fraser 1990 – *Fraser B.* (1990) An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, issue 3, pp. 383–395. DOI: [http://doi.org/10.1016/0378-2166\(90\)90096-V](http://doi.org/10.1016/0378-2166(90)90096-V).
- Fraser 1999 – *Fraser B.* (1999) What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, vol. 31, issue 7, pp. 931–952. DOI: [http://doi.org/10.1016/S0378-2166\(98\)00101-5](http://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00101-5).
- Grabe 2003 – *Grabe B.* (2003) Using Discourse Patterns to Improve Reading Comprehension. In: *JALT2002: Conference Proceedings*, vol. 2002, pp. 9–17. ISBN 4-901352-06-7. Available at: <https://jalt-publications.org/archive/proceedings/2002/009.pdf>.
- Hansen 1998 – *Hansen M.B.* (1998) The Functions of Discourse Particles. A study with special reference to spoken French. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 417 p. Available at: <http://doi.org/10.1075/pbns.53>.
- Lewis 2011 – *Lewis D.M.* (2011) A discourse-constructional approach to the emergence of discourse connectives in English. *Linguistics*, vol. 49, issue 2, pp. 415–443. DOI: <http://doi.org/10.1515/ling.2011.013>.

Schiffirin 1987 – *Schiffirin D.* (1987) *Discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 364 p. ISBN 978-0-5116-1184-1. Available at: https://books.google.ru/books?id=QcPLCgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Deborah+Schiffirin%22&hl=fr&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Schourup 1985 – *Schourup L.C.* (1985) *Common Discourse Particles in English Conversation*. London: Routledge. 1985. 188 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315401584>.

Redeker 1991 – *Redeker G.* (1991) Review article: Linguistic markers of discourse structure. *Journal of Linguistics*, vol. 29, issue 6, pp. 1139–1172. DOI: <http://doi.org/10.1515/ling.1991.29.6.1139>.

Bolsunovskaya, Zeremskaya, Dubrovskaya 2015 – *Bolsunovskaya L.M., Zeremskaya Yu.A., Dubrovskaya N.V.* (2015) Types of discourse markers in Russian and English research papers on geology, oil and gas industry. *TSPU Bulletin*, no. 4 (157), pp. 117–121. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23368934>. EDN: <https://elibrary.ru/trjyhn>. (In Russ.)

Velichko 2016 – *Velichko M.A.* (2016) Cohesion and coherence: specifics of differentiation and definition of the terms. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series «Philology and the Arts»*, no. 2 (177), pp. 39–43. Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2016.2/4292/39-43.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26243635>. EDN: <https://elibrary.ru/wchnlt>. (In Russ.)

Kamenski 2014 – *Kamenski K.V.* (2014) Discourse markers as a cognitive means of creating contrast in discourse interaction. *Cherepovets State University Bulletin*, no. 1 (54), pp. 53–56. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21345014>. EDN: <https://elibrary.ru/rzckqt>. (In Russ.)

Stepanova 2009 – *Stepanova M.I.* (2009) Cohesion and coherence as basic characteristics of journalistic discourse. *Vestnik of Samara State University*, no. 7 (73), pp. 230–234. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14777330>. EDN: <https://elibrary.ru/mljrol>. (In Russ.)

Shugaeva, Korovina 2021 – *Shugaeva A.S., Korovina I.V.* (2021) Functional classification of English discourse markers. *The Eurasian Scientific Journal*, no. 4, pp. 30–36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47411431>. EDN: <https://elibrary.ru/gyhttd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 17.04.2022
рецензирования: 22.05.2022
принятия: 28.05.2022

Объект лингвистической прагматики и аспекты современных прагматических исследований

Т.Л. Арланова

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: arlanovatl@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8842-0362>

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические прагматические факторы речевого воздействия в текстах разных жанров. Прагматика тесно связана с семиотикой, знаковой теорией, теорией речевых актов. На первое место в современных лингвистических прагматических исследованиях выдвигается субъект речи, то есть говорящий со своими коммуникативными установками и намерениями. Автор ставит целью определить методику адекватного прагматического анализа устного и письменного текста разных стилей и отмечает тот факт, что прагматически релевантная информация может быть передана различными средствами, как языковыми, так и внеязыковыми, такими как структура текста формата online. В изучении языковых средств воздействия на получателя информации применен функционально-системный подход к исследованию языковых явлений. Традиционное деление семиотики на семантику, синтактику и прагматику применимо и к современным лингвистическим исследованиям. В статье рассматриваются регулярно используемые синтаксические транспозиции частей предложения, а также анализируется семантическая структура лексических единиц разной стилистической отнесенности. В практических лингвистических исследованиях неоднократно подчеркивается особая роль контекста, синтаксического и лексического, в реализации значения слова и, соответственно, его интерпретации адресатом.

Ключевые слова: прагматическое воздействие; контекстуальный анализ; денотат; экстралингвистическая ситуация; семантический компонентный анализ; компоненты «эмоция» и «оценка»; синтаксическая транспозиция.

Цитирование. Арланова Т.Л. Объект лингвистической прагматики и аспекты современных прагматических исследований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 144–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арланова Т.Л., 2022

Татьяна Леонидовна Арланова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика», Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2022
Revised: 22.05.2022
Accepted: 28.05.2022

Subject of linguistic pragmatics and aspects of modern pragmatic research

T.L. Arlanova

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation
E-mail: arlanovatl@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8842-0362>

Abstract: In the article linguistic pragmatic factors of speech impact in texts of various genres are considered. Pragmatics is closely connected with semiotics, the sign theory, the theory of speech acts. In modern linguistic pragmatic research, the subject of speech, i.e. the speaker with his own communicative attitude and intentions, is put forward. The author of the article sets the objective of defining the methods of adequate pragmatic analysis of an oral and written text of various styles, the author also underlines the fact that information relevant from the point of view of pragmatics may be conveyed by various means, both linguistic and non-linguistic ones, such as the structure of the text of online format. Functional and systematic approach has been used in the study of language means of impact on the information recipient. Traditional division of semiotics into semantics, syntax and pragmatics may be applied in modern linguistic research. In the article syntactic transpositions of parts of a sentence, which are regularly used in speech, as well as the semantic structure of lexical units of various stylistic reference, are considered. The importance of the context, both syntactic and lexical one, in realization of the word meaning (and consequently of its interpretation by the addressee) is pointed out in practical linguistic research.

Key words: pragmatic impact; contextual analysis; denotation; extra linguistic situation; semantic componential analysis, components «emotion» and «evaluation»; syntactic transposition.

Citation. Arlanova T.L. Subject of linguistic pragmatics and aspects of modern pragmatic research. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 144–151. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-144-151>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Arlanova T.L., 2022

Tatiana L. Arlanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2B, Svoboda street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Синтез наук на современном этапе развития общества является наиболее характерной чертой всех областей человеческого познания. В современном мире практически ни одно научное исследование не проводится с использованием материала, методов и инструментария только одной научной дисциплины. Такие названия отраслей знания, как *биохимия, агрометеорология, биомеханика, зоопсихология, электрохимия*, прочно вошли в языковой узор научного сообщества. Отмеченное приложимо и к гуманитарным наукам: *психолингвистика, этнопсихология, психосоциология, социолингвистика, прагмалингвистика*. В сфере гуманитарных наук синтез научных исследований, как правило, обусловлен объединением собственно предметных исследований и исследований социологических, направленных на подтверждение и изучение функционирования гипотез данной науки в обществе, в реальной жизни, в социуме.

Безусловно, лингвистические дисциплины самым тесным образом связаны с внеязыковой реальностью, с общественно значимой жизнью и деятельностью человека, так как именно языковое общение отражает происходящие в обществе процессы в динамической форме. В последние десятилетия лингвистические исследования уделяют большое внимание прагматическому характеру языковой номинации. Число научных публикаций о лингвистической прагматике растет с каждым годом. Если ранние лингвистические работы сосредотачивали свое внимание на исследованиях закономерностей языковых структур, закономерностях их функционирования в речи, то в современных исследованиях все больше внимания уделяется тому факту, каким образом в языке (прежде всего в речи) отражаются изменения, происходящие в обществе, каким образом в языке фиксируются прагматические факторы, связанные с жизнедеятельностью человека как члена общества.

С целью определения прагматического статуса лингвистических единиц, особенностей синтаксического построения текстов, выражающих прагматически релевантную информацию, нами были применены методы контекстуального анализа, семантического компонентного анализа с использованием толковых словарей английского языка.

Прагматика как наука возникла в середине XX столетия. У её истоков труды таких ученых-лингвистов, как Ч. Пирс, Ч. Моррис, Дж. Остин, Дж. Сёрль. Они рассматривали языковой знак в его связи с обозначаемым. Основатель семиотики Ч. Пирс обратил особое внимание на отношение говорящего («интерпретатора») к знаку, то есть рассматривал интерпретацию знаков их пользователями. Ч. Моррис разработал далее знаковую теорию Пирса и предложил деление её на три части: семантику, синтактику и прагматику [Мор-

рис 1983]. Последняя определяет отношение Говорящего к знаку. Прагматика обратила особое внимание на участника коммуникации, то есть Говорящего и Слушающего, что было большим прогрессом в развитии науки о знаках, семиотике: «В основном специфика лингвистической прагматики заключается в том, что в центре её внимания находится динамическое начало, а именно коммуникативная деятельность, осуществляемая человеком в определенных социальных и межличностных условиях, с определенными мотивами и целями, с использованием специальных языковых средств ...» [Путина 2018, с. 54].

Следующим этапом формирования прагматики как отдельной научной дисциплины стало появление «теории речевых актов» и исследование компонентов и типов речевых актов в трудах Дж. Остина и Дж. Серля [Остин 1986; Серль 1986]. Речевой акт рассматривается в рамках этой теории как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения в обществе. Теория речевых актов внесла значительный вклад в развитие лингвистической прагматики. Согласно этой теории, речевой акт имеет три аспекта: «локутивный», определяющий выбор словесного знака для осуществления общения; «иллокутивный», непосредственно представляющий сам процесс сообщения; «перлокутивный», информирующий о результатах получения сообщения реципиентом. Структуру речевого акта составляют Говорящий, адресат высказывания, исходный материал сообщения (его «тема»), цель сообщения, межличностные отношения участников коммуникации. В таком представлении «теория речевых актов» связывает изучение речевых сообщений отдельного говорящего с внеязыковыми (прагматическими) факторами, экстралингвистической ситуацией, причем в этой теории представлены все аспекты прагматических исследований в современном понимании. В центре внимания лингвистов оказался Говорящий в терминологии авторов этой теории, имеющий свои намерения и цели в процессе речевого действия.

С позиций прагматики контекст играет особую роль в процессе декодирования информации, заложенной в тексте. Прагматика и лингвистика интерпретируют понятие «контекст» по-разному. Область исследований прагматики шире по объему рассматриваемых когнитивных и социальных явлений. Лингвистические явления сосредоточены на когнитивных и языковых факторах, формирующих высказывание: «Можно сказать, что описание контекстно зависимого значения опирается на прагматическую теорию, которая обеспечивает вывод значения высказывания на основе значения соответствующего предложения. Заметим, что такого рода вывод не может быть успешным, если он будет опираться лишь на чисто лингвистиче-

скую информацию: решающую роль играют здесь экстралингвистические факторы» [Кифер 1985, с. 321]. В практических лингвистических исследованиях неоднократно подчеркивается особая роль контекста, синтаксического и лексического, в реализации значения слова и, соответственно, его интерпретации адресатом. Так, например, значение английского слова *insignia* (*pl* знаки отличия, ордена; значки; эмблема (Мюллер 2000, с. 375) можно интерпретировать как «принадлежности туалета, часть прически, искусственно поддерживаемого внешнего облика персонажа» (речь идет об искусственных локонах героини), только принимая во внимание контекст повествования (описание спальной тети Энн, её беседа со служанкой):

Taking from the recesses of their pure white band-box those flat, grey curls, the insignia of personal dignity, she placed them securely in her mistress's hands, and turned her back (Galsworthy Chapter VI, 2020).

В переводе на русский язык использовано нейтральное общее значение «знак личного достоинства», но и здесь, как можно заметить, слово *insignia* использовано в переносном, обобщающе метафорическом значении, по всей видимости, с целью адекватной передачи намерения автора создать величественный образ героини, а также придания несколько иронического оттенка повествованию.

Лингвистический контекстуальный анализ позволяет определить, в каком значении слово или фраза употреблены в контексте. Значения некоторых номинаций процессов и явлений могут быть расшифрованы только из более широкого контекста: контекста всего текста, статьи или сообщения. Иногда необходимо обратиться к дополнительной информации об обозначаемом, особенно в тех случаях, когда адресат не знаком с историей обсуждаемого или описываемого явления. В стиле научно-популярных журналов, отражающих последние достижения в различных отраслях, зачастую используются авторские номинации, значение которых понятно лишь узкому кругу лиц, имеющих отношение к обозначаемому ими. В статье 'Quick wins essential to achieve modal shift' (Smith December 1, 2021) автор использует в заглавии фразу 'quickwins', употребленную Генеральным секретарем Международной ассоциации общественного транспорта Мохаммедом Мезгани. Для того чтобы расшифровать значение этой фразы, необходимо, во-первых, прочесть всю статью, так как десигнатом этого образованного автором окказионализма является не единичное понятие, а целый ряд положительных результатов, которые могут быть достигнуты, или уже достигнуты в некоторых странах в результате запуска программы внедрения универсального пропуска на общественный транспорт Klima Ticket. К этим положительным результатам относятся те привилегии, которыми обладают владельцы этих карт, а именно неограниченный доступ ко всем местным, междугородним и пригородным железнодо-

рожным, метро, легко рельсовым и автобусным перевозкам всего за 1095 евро в год, или около 3 евро в день. Под фразой 'quick wins' подразумевается также прибыль компаний, реализовавших эту программу:

«Nearly 130.000 Klima Tickets were sold by mid-November, equating to around €110 in revenue» (Smith December 1, 2021).

Более того, под 'быстрыми победами', обозначенными данной фразой, подразумевается также сокращение выбросов в атмосферу, улучшение экологического климата городов:

«It (этом законопроектом) is also indicative of the trend evident in Austria of tying

rail infrastructure investment with a government's plans to reduce emissions» (Smith December 1, 2021).

Таким образом, значение созданного одним из инициаторов проекта окказионального выражения может быть декодировано только относительно содержания всего текста, всей статьи, так как денотат этой фразы – не отдельный предмет или явление, а целая совокупность экстралингвистических факторов, достигнутых или планируемых результатов внедрения новой программы. Безусловно, только развернутый контекстуальный анализ позволяет адекватно интерпретировать значение словосочетания 'quick wins'.

Цель прагматического анализа высказывания или речевой единицы любого уровня языка заключается прежде всего в определении речевого воздействия высказывания на адресата. Определение эффекта речевого воздействия на реципиента стало основной задачей прагмалингвистики в современной лингвистической науке. Лингвистов интересует не только сам факт речевого воздействия и последовавшие за ним события (так называемый «перлокутивный» эффект согласно терминологии «теории речевых актов»), но и те языковые средства, которые способствовали формированию такого эффекта. Данные языковые средства относятся ко всем уровням языковой системы. Изучая их формирование и функционирование в речи в аспекте силы прагматического воздействия, необходимо использовать функционально-системный подход: «Понимание функций языковых элементов как их целевого назначения и роли в той системе, в которой они работают и которая образует их среду, присуще функциональной грамматике, современной семасиологии, прагмалингвистике, теории текста и другим наукам о языке» [Арнольд 1991, с. 6]. Как справедливо отмечено выдающимся отечественным лингвистом И.В. Арнольд: «Такой подход требует изучения функций языковых элементов в их взаимодействии с условиями и задачами общения, т. е. предполагает диалектику функции и системы» [Арнольд 1991, с. 7].

Традиционное деление семиотики на семантику, синтактику и прагматику применимо и к современным лингвистическим исследованиям. Необходимо отметить, что именно функционально-системный подход к языковым явлениям помо-

гает проводить лингвистические исследования в русле развития прагматики.

Прагматически релевантная информация передается различными средствами. На уровне текста (устного и письменного) способы ее сообщения, а также импликации весьма разнообразны. Можно, во-первых, подразделить их на синтаксические способы и приемы речевого воздействия и семантические. Однако в современных исследованиях прагматики дискурса уделяется должное внимание таким составляющим прагматики текста, как его организация, графическое изображение, расположение частей, иллюстрации. Современный письменный и устный текст представлен наряду с печатными изданиями медиатекстами различных жанров: это публицистический текст в СМИ, Интернете, текст научно-популярного жанра выпусков online, аудио- и видеосообщения. Безусловно, возможности прагматического воздействия на реципиента информации в таких случаях не ограничены. Лингвисты изучают различные аспекты таких текстов в плане их информативной значимости. К прагматическим параметрам профессионального дискурса можно отнести 'архитектонику' дискурса сайта, к которой исследователи причисляют «обновление информационного содержания речевых сообщений», тематический и региональный указатель сайта, расположение рубрик сайта, их оформление с включением аудио- и видеодискурсов [Шпетный 2010, с. 218]. Исследуя прагматическую целевую установку подобных сообщений, лингвисты справедливо отмечают тот факт, что «сам отбор информационного наполнения страницы, иначе того, что “достойно” и “недостойно” появления на сайте, возможно, есть наиболее важная составляющая прагматического содержания...» [Шпетный 2010, с. 220]. В исследованиях профессионального дискурса BBC News/News Front Page отмечается тот факт, что «архитектоника и композиция информационных сообщений, прежде всего с точки зрения самого содержания представляемого материала, отражают позиции владельцев, редакторов, пользователей данного информационного канала. Они насквозь пронизаны прагматической установкой» [Шпетный 2010, с. 220].

Анализ речевого дискурса устных и письменных текстов приводит исследователей к выводу о регулярности употребления определенных синтаксических транспозиций в целях прагматического воздействия на адресата. Синтаксис любого языка имеет свои определенные правила построения словосочетаний и предложений, простых и сложных, нарушение этих правил используется авторами зачастую преднамеренно, с целью создания определенного прагматического, стилистического эффекта. Синтаксические транспозиции, выступающие в стилистически релевантной функции, используются в качестве регулярно используемых синтаксических стилистических приемов. Прежде всего следует отметить эллипсис, то есть значимое

опущение слова или части предложения. Функция эллипсиса как синтаксического приема заключается в поставленной автором цели наглядной, достоверной передачи речи персонажей. Наиболее часто эллипсису подвергаются предложения, реплики в диалогической речи персонажей. В диалоге опущение вспомогательных глаголов части сказуемого и подлежащего в форме личного местоимения помогает дать общую характеристику его участникам:

(1) *'Anybody been here this afternoon?'* 'June'. *It was an axiom with the Forsytes that people did not go anywhere unless they wanted something. 'Came to talk about her lover, I suppose?'* (Galsworthy Chapter V, 2020);

(2) *'What did she want?'* Fenner said, *'Want to see me?'* (Chase 2008 a, с. 39);

(3) *'If I handle this stuff, I must make a reasonable profit. You understand that?'* (Chase 2008 b, с. 14);

(4) *'Shut up!'* Johnny snarled and leaned forward. *'Hear me? Shut your fat mouth!'* (Chase 2008 b, с. 57).

Другой синтаксический способ передачи коммуникативного намерения автора-инверсия, то есть нарушение прямого порядка слов с целью привлечения внимания к части информации, передаваемой словом или группой слов, помещенных на первое место в предложении:

'It wasn't this Mr. Dersingham that startled me, it was 'is uncle, old Mr. Dersingham, 'imoo's dead now – an' a nice old gentleman 'e was, too, nicer than this one an' ...' (Priestley 1974, с. 26).

С целью характеристики Mr. Dersingham как доброго, старого джентльмена автор помещает эту характеристику, выраженную именной частью сказуемого, на первое место в предложении перед подлежащим he ('e) и глаголом-связкой was. При такой рема-тематической организации предложения коммуникативное намерение автора можно считать достигнутым.

Расположение сказуемого перед подлежащим выделяет логически подлежащее в предложении, особенно эффективен такой стилистический прием в описании:

'...just beyond them..., all round them, was the darkness in which lurked the one great fear, the rear that he might take part no longer in these events, that he might lose his job' (Priestley 1974, с. 33).

Повтор членов предложения является одним из самых эффективных стилистических приемов как в повествовании, так и в речи персонажей:

(1) *'Headin' north, Mr. Travis? 'South. My servant and I are on our way to Cape Town'. 'Ah. I was in Cape Town once. Too bloody big, too bloody noisy'* (Sheldon 1982, с. 34);

(2) *'Read, read, read!'* cried Mrs. Cross derisively (Priestley 1974, с. 24).

Тема-рематическая организация текста всегда обусловлена интенциями автора. Помимо непосредственно синтаксических приемов построения текста, преднамеренных синтаксических транспо-

зиций, отдельные элементы частей текста, предложений могут выражать прагматически значимую информацию. Вводные слова и фразы могут выполнять не только модальную, но и прагматическую функцию: «...дискурсивные маркеры служат для связности и последовательности текста, а прагматические – не только гарантируют социальную уместность, но и выражают позицию говорящего...» [Бонола, Стоянова 2020, с. 130]:

'Nonimporta, dai!' ('*Это не важно, ладно тебе!*') [Бонола, Стоянова 2020, с. 131].

Одна из наиболее важных функций вводных предложений в художественном тексте – создание 'фона' повествования, как бы второго плана повествования:

'This house of your cousin's – what a capital man of business- is the very thing for Philip, 'he would say to her...' (Galsworthy Chapter VIII 2020).

Если исследователей семантического состава денотата языковых номинаций (слов, фраз, предложений) интересует компонентный состав значения слова, тот факт, какие компоненты значения являются доминирующими, а какие дополнительными, не несущими важной номинативной информации, то есть не выражающими его предметное значение, а только сообщающими о дополнительных оттенках значения или выражающими стилистическую информацию, то в прагматическом аспекте эти дополнительные оттенки значения приобретают особое значение. Именно прагматически релевантные аспекты значения связывают Говорящего с языковой средой, с той ситуацией, в которой происходит общение.

Слово, таким образом, прежде всего обозначает («называет») объекты внеязыковой действительности. Однако в значении слова может быть заложено указание на отношение Говорящего к обозначаемому, оценка им ситуации общения и событий, предшествующих совершению речевого действия или последовавших за ним:

'The older man shook his head. You misunderstood me, Mr. McGregor. I don't need any partners. You were working for me. ...Jamie could feel a slow rage boiling up within him.... Jamie exploded in a fury. "We'll nae call the whole thing quits!" In his anger his Scottish burr came back. "I'm entitled to half that claim. And I'll get it. I registered it in both our names". Van der Merwe smiled thinly. "Then you tried to cheat me. I could have you arrested for that". ...This isn't happening to me, Jamie thought. It's a nightmare. The agony he had gone through, the weeks and months of the burning desert, the punishing physical labor from sunrise to sunset – it all came flooding back. He had nearly died, and now this man was trying to cheat him out of what was his' (Sheldon 1982, с. 24).

Слова *'rage, fury, nightmare, agony'* выражают крайнюю степень гнева, возмущения, а также отчаяния и оценки ситуации как 'кошмарной' персонажем романа Сидни Шелдона. Пройдя по пустыне не одну милю со скудным снаряжением, испытывая жажду и мучения, но тем не менее до-

ставив скупщику алмазов найденные драгоценные камни, а взамен получив лишь зарплату за проделанную работу, Мак-Грегор вне себя от ярости и негодования, что достоверно выражено данными эмоционально-оценочными существительными.

С целью усиления воздействия на читателя авторы журналов научно-популярного стиля используют различные стилистические приемы, уместные в тексте научно-популярной статьи: «To enhance the emotional impact, journalists use various rhetorical tropes and expressive means, such as idioms, hyperboles, metaphors, word play, cultural images, animalistic symbols, etc.» [Озюменко, Ларина 2020, с. 756]. Номинативность лексических единиц в подобных случаях употребления определяется именно целевой прагматической установкой эмоционального воздействия на читателя или слушающего, создания у него определенного представления об обозначаемом.

В плане исследования прагматического содержания номинативных единиц особое значение приобретает детальный анализ их семантической структуры. Следует, однако, отметить тот факт, что в лингвистике по сей день не существует единой классификации прагматического содержания слова. Традиционно в него включают указание на сферу общения, которая отражается в лексикографических источниках словарными пометами типа *прост., возвыш., поэт., разг., жарг., вульг., уст., эвф.*

В связи с трудностью определения в слове как единице языка чисто прагматического содержания лингвисты применяют методы лексикографического анализа и семантического компонентного анализа значения слова, подтверждающие наличие данных прагматических компонентов в содержании слова. Причем этот метод является неоспоримым доказательством наличия искомым прагматических компонентов (к примеру, компонентов «оценки», «эмотивности») в структуре значения, а значит, возможности употребления подобных языковых номинаций в соответствующих ситуациях общения, требующих выражения отношения Говорящего к предмету речи:

(1) *to discomfit* «приводить в замешательство» (*fml to cause (a little) (shame or annoyance)* (Longman));

(2) *muddle* «неразбериха, беспорядок; путаница в голове» (*when there is confusion about something, and things are done wrong as a result*) (Longman Distonany);

(3) *to outbrave* «превосходить храбростью» (*to fight bravely and strongly against, usu. with success*) (Longman Distonany);

(4) *hogwash* «1) разг. ерунда, вздор; пустая болтовня» (*stupid or untrue talk*) (Longman Distonany).

Семантический компонентный анализ основан на определении в словарной дефиниции слова в толковом словаре (для английского языка, например, в словаре Longman Distonany) словарных идентификаторов, отражающих соответствующее

прагматическое содержание. Так, например, определение семантических компонентов значения «оценка» и «эмоция (положительная/отрицательная)» требует нахождения в словарной дефиниции английского слова в английском толковом словаре идентификаторов 'emotion', 'feeling' для определения семы «эмоция», а для определения семы «оценка» идентификаторов 'good/bad':

(1) *brimover* («переливаться через край (*не-пен.*)») – *to express a lot of (usu. a goodfeeling)* (Longman Distonany);

(2) *kindle* («зажигать, воспалять, возбуждать») – *to cause (a feeling, usu. bad), to start* (Longman Distonany).

Так как такие идентификаторы не всегда присутствуют в словарной дефиниции, применяется семантическое разложение таксономически связанных слов-идентификаторов до минимальных семантических компонентов 'feeling', 'good/bad':

foolhardy – «безрассудно храбрый» – *taking stupid and unnecessary risks; stupid*→*showing a lack of good sense or good judgment; sense*→*a feeling about something* (Longman Distonany).

Методом семантического разложения компонентов значения оценочного прилагательного *foolhardy*, представленных в словарной дефиниции в толковом словаре Longman Distonany, идентифицированы семантические компоненты «эмоция» и «оценка» в структуре лексического значения этого прилагательного: за основу идентификации берется минимально значимый далее неразложимый компонент значения, имплицитующий наличие этих сем в структуре значения. На первом этапе семантического разложения это компонент 'stupid' в дефиниции, при дальнейшем семантическом разложении которого находим сему оценки, выраженную в словарной дефиниции компонентом 'good', на отрицательное значение которой указывает компонент 'lack', при развертывании компонента 'sense' находим искомую сему 'feeling'. Проведенный анализ лексического значения прилагательного *foolhardy* подтверждает наличие сем «эмоция» и «оценка» и таким образом позволяет отнести его к классу эмоционально-оценочных прилагательных английского языка с отрицательной эмоциональной оценкой. Процесс семантического разложения компонентов значения может занимать несколько ступеней, однако некоторые компоненты постоянно используются для обозначения сем «эмоция» и «оценка», например 'pleasant', 'happy', поэтому можно ограничиться их идентификацией в дефиниции слова. С тем чтобы определить семы «эмоция» и «оценка» в дефиниции английского существительного '*effrontery*' («наглость, бесстыдство, нахальство»), выражающего отрицательную оценку обозначаемого, необходимо выбрать компоненты 'rude' и 'shock', так как логически именно они содержат информацию об эмотивном и оценочном содержании слова:

effrontery 'rude behaviour that shocks you because it is so confident' (Longman Distonany).

Сема «оценка» эксплицируется путем анализа дефиниции компонента *rude*:

rude→ 'speaking or behaving in a way that is not polite and is likely to offend or annoy people'; *polite*→ 'behaving or speaking in a way that is correct for the social situation you are in, and showing that you are careful to consider other people's needs and feelings' (Longman Distonany).

Компонент 'correct' выражает положительную оценку, наличие отрицания 'not' в дефиниции слова 'rude' делает оценочное значение слова отрицательным. Очевидно, что для экспликации семы «эмоция» необходимо провести семантическое разложение компонента, выраженного идентификатором 'shock' в дефиниции, так как согласно своей тематической принадлежности именно он указывает на наличие этой семы в значении: *shock*→*something that happens is a shock, you did not expect it, and it makes you feel very surprised, and usually upset; upset*→*unhappy and worried because something unpleasant or disappointing has happened; unhappy* → *nothappy; happy*→*having feelings of pleasure, for example because something good has happened to you or you are very satisfied with your life* (Longman Distonany).

Английское существительное *effulgence* «книжн. лучезарность, блеск, сияние» выражает прагматически релевантную положительную эмоциональную оценку обозначаемого, так как содержит в своей словарной дефиниции семы положительной эмоциональной оценки: *effulgence* → *effulgent* → *beautiful and bright; beautiful* → *having beauty; giving pleasure to the senses or to the mind; bright* → *giving reason to believe that good things will happen* (Longman Distonany).

Таким образом, применение метода семантического компонентного анализа позволяет подтвердить объективность утверждений о наличии прагматически релевантной информации в лексической единице данного языка, а значит, логически обосновать ее прагматический статус.

Заключение

Лингвистические прагматические факторы речевого воздействия на адресата высказывания могут быть подвергнуты классификации согласно общепринятым в лингвистике методам анализа синтаксической структуры текста и семантической структуры слова. Анализ прагматически релевантных отрывков текста (устного и письменного) позволяет сделать вывод об эффективности известных синтаксических стилистических приемов, направленных на создание стилистического эффекта высказывания. Подробный семантический анализ компонентов лексического значения слова дает возможность определить прагматически релевантную информацию в его структуре. В целях декодирования информации, заложенной в исходном тексте, особую роль играет контекст, так в современных типах текстов он выполняет функцию разъяснения истинности пропозиции высказывания.

Материалы исследования

Chase 2008 a – *Chase J.H. The Doll's Bad News*. Moscow: Iris-press, 2008. 288 p.

Chase 2008 b – *Chase J.H. An Ear to the Ground*. Moscow: Iris-press, 2008. 288 p.

Galsworthy 2020 – Galsworthy John. *The Forsyte Saga. Volume I The Man of Property*. New York: Charles Scribner's Sons. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2559/2559-h/2559-h.htm#link2HCH0005>. (Most recently updated: May 11, 2020).

Longman Dictionary – *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. URL: <https://www.ldoceonline.com>.

Priestley 1974 – *Priestley J.B. Angel Pavement*. Moscow: Progress, 1974. 504 p.

Sheldon 1982 – *Sheldon Sidney. Master of the Game*. New York: Warner Books, 1982, 272 p. URL: https://e-school.kmutt.ac.th/elibrary/Upload/EBook/DSIL_Lib_E1312881107.pdf.

Smith 2021 – *Smith K. Quick wins essential to achieve modal shift* // *International Railway Journal*. December 1, 2021. URL: <https://www.railjournal.com/opinion/quick-wins-essential-to-achieve-modal-shift> (31.01.2022).

Мюллер 2000 – *Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь*. Москва: Русский язык, 2000. 880 с.

Библиографический список

Арнольд 1991 – *Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике*. Москва: Высш. шк., 1991. 140 с. URL: https://vk.com/wall-1512_8347?ysclid=13mormab77.

Арутюнова, Падучева 1985 – *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Москва: Прогресс, 1985. С. 8–42. URL: <https://textarchive.ru/c-1288218.html>.

Боброва 2012 – *Боброва Е.Д. Роль теории речевых актов в становлении и развитии лингвистической прагматики* // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 5–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17391725>.

Бонола, Стоянова 2020 – *Бонола А., Стоянова Н. Изучение дискурсивных и прагматических маркеров в итальянской лингвистике: направления и методы* // *Вопросы языкознания*. 2020. № 1. С. 124–147. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0008303-2>. EDN: <https://elibrary.ru/tkdrvp>.

Гетман 2021 – *Гетман А.А. Дефиниционный анализ лексической единицы Love как слова-репрезентанта концепта Love (на материале толковых словарей английского языка)* // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14, № 4. С. 1138–1142. DOI: <http://doi.org/10.30853/phil210176>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yzazzq>.

Дранко 2006 – *Дранко В.В. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод: интерпретация косвенных вопросов* // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия III: Филология. 2006. № 2. С. 191–205. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12841411>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kvafsf>.

Кифер 1985 – *Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании* / пер. с нем. В.В. Туровского // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Москва: Прогресс, 1985. С. 320–335.

Моррис 1983 – *Моррис Ч. Основание теории знаков* // *Семиотика* / под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Радуга, 1983, 638 с.

Озюменко, Ларина 2021 – *Озюменко В.И., Ларина Т.В. Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе* // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 25 (3). С. 746–766. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ihwyfn>.

Остин 1986 – *Остин Дж. Слово как действие* / пер. с англ. А.А. Медниковой // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Москва: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Путина 2018 – *Путина О.М. Аспекты исследований в лингвистической прагматике* // *Современные вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. тр. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева*. 2018, С. 52–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36753345>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vqztzi>.

Серль 1986 – *Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов* / пер. с англ. В.З. Демьянкова // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Москва: Прогресс, 1986. С. 170–194. URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22926068>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thrzal>.

Степанов 1981 – *Степанов Ю.С. В поисках прагматики: Проблема субъекта* // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1981. Т. 40, № 4. С. 325–332. URL: https://vk.com/doc83972425_437462905?hash=W8LETqjawlMntz1Qa5VUuO1GcV8wp0hEW0k4Dumfj7g&dl=H5APZb4t7zOy7AK2OpXD5bylqAJ6ZeSawtYF7vgtMZk.

Шпетный 2010 – *Шпетный К.И. Прагматические параметры профессионального дискурса (на материале BBC News/News Front Page)* // *Вестник МГЛУ*. 2010. Вып. 17 (596). С. 214–234. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16322149>.

References

- Arnold 1991 – *Arnold I.V.*(1991) Fundamentals of scientific research in linguistics: textbook. Moscow: Vyssh. shk., 140 p. Available at: https://vk.com/wall-1512_8347?ysclid=l3mormab77. (In Russ.)
- Arutiunova, Paducheva 1985 – *Arutiunova N.D., Paducheva E.V.*(1985) Sources, problems and categories of pragmatics. In: *Newin Foreign Linguistics. Issue 16*. Moscow: Progress, pp. 8–42. Available at: <https://textarchive.ru/c-1288218.html>. (In Russ.)
- Bobrova 2012 – *Bobrova E.D.* (2012) The role of speech acts theory in the development of linguistic pragmatics. *RUDN Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 5–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17391725>. EDN: <https://elibrary.ru/oqpeaz>. (In Russ.)
- Bonola, Stoyanova 2020 – *Bonola A., Stoyanova N.*(2020) Discourse and pragmatic markers in Italian linguistics: trends and methods. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 124–147. DOI: <http://doi.org/10.31857/S0373658X0008303-2>. EDN: <https://elibrary.ru/tkdrvp>. (In Russ.)
- Getman 2021 – *Getman A.A.* (2021) Definitional analysis of lexical unit «Love» as word-representative of Love concept (by the material of explanatory dictionaries of the English language). *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, no. 4, pp. 1138–1142. DOI: <http://doi.org/10.30853/phil210176>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yzazzq>. (In Russ.)
- Dranko 2006 – *Dranko V.V.* (2006) Linguistic pragmatics and the theory of speech acts as a researching method: interpretation of oblique questions. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, no. 2, pp. 191–205. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12841411>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kvafsf>. (In Russ.)
- Kiefer 1985 – *Kiefer F.* (1985) *Zur Rolle der Pragmatik in der linguistischen Beschreibung* [On the role of pragmatics in linguistic description. Translated from German by V.V. Turovsky]. In: *New in Foreign Linguistics. Issue 16*. Moscow: Progress, pp. 320–335. (In Russ.)
- Morris 1983 – *Morris Ch.* (1983) Fundamentals of the theory of signs. In: *Stepanov Yu.S. (Ed.) Semiotics*. Moscow: Raduga, 638 p. (In Russ.)
- Ozyumenko, Larina – *Ozyumenko V.I., Larina T.V.* (2021) Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 746–766. DOI: <http://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ihwyfn>. (In Russ.)
- Ostin 1986 – *Ostin G.* (1986) Word as action. Translation from English by Mednikova A.A. In: *New in Foreign Linguistics. Issue 17*. Moscow: Progress, pp. 22–129. (In Russ.)
- Putina 2018 – *Putina O.M.* (2018) Aspects of research in linguistic pragmatics. In: Modern issues of philology and the theory of translation: collection of scientific works. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, pp. 52–56. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36753345>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vqztzi>. (In Russ.)
- Searle 1986 – *Searle John A.* (1986) A classification of illocutionary acts. Translated by Dem'yankova V.Z.. In: *New in Foreign Linguistics. Issue 17*. Moscow: Progress, pp. 170–194. Available at: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22926068>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thrzal>. (In Russ.)
- Stepanov 1981 – *Stepanov Yu.S.* (1981) In search of pragmatics: the problem of the subject. *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.*, vol. 40, no. 4, pp. 325–332. Available at: https://vk.com/doc83972425_437462905?hash=W8LETqjawlmNtz1Qa5VUuO1GcV8wp0hEW0k4Dumfj7g&dl=H5APZb4t7zOy7AK2OpXD5bylqAJ6ZeSawtYF7vgtMZk. (In Russ.)
- Shpetnyi 2010 – *Shpetnyi K.I.* (2010) Pragmatic parameters of professional discourse (based on the material of BBC News / News Front Page). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 596, pp. 214–234. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16322149>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntepxp>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'272

Дата поступления: 14.01.2022
рецензирования: 18.02.2022
принятия: 28.05.2022

Роль прагматического потенциала фразеологических единиц в реализации когнитивных моделей ситуаций

А.А. Асабина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: asabina.anneta@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4543-1691>

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию роли прагматического потенциала фразеологических единиц в реализации когнитивных моделей ситуаций. Актуальность настоящей работы состоит в отсутствии на текущий момент сведений о том, какие составляющие когнитивных моделей ситуаций могут с наибольшей эффективностью применяться авторами статей для реализации их прагматических интенций посредством прагматического потенциала фразеологических единиц. Цель исследования заключается в определении составляющих когнитивных моделей ситуаций, которые актуализируются и выдвигаются на первый план посредством прагматики фразеологизмов в текстах англоязычного медиадискурса, причин актуализации фразеологизмами именно этих составляющих когнитивных моделей ситуаций, а также установления того, какими прагматическими целями авторов это обусловлено. Для ее достижения автором поставлены следующие задачи: выборка фразеологических единиц из англоязычных СМИ; составление схем когнитивных моделей ситуаций; определение того, какая составляющая когнитивной модели актуализируется с помощью фразеологической единицы. Материалом для анализа послужили статьи из британской газеты The Times от 22 мая 2021 года. Автором статьи используются различные методы: описательный, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный, методы наблюдения, контент-анализа и дискурс-анализа. В исследовании применена лингвистическая концепция Т.А. ван Дейка, включающая анализ когнитивной модели ситуации и выделение отдельных ее составляющих: в статьях были выделены участники, их действия, обстоятельства и другие составляющие. Анализ позволил выявить составляющую «действие» когнитивных моделей, в большинстве примеров выдвигаемую на первый план посредством прагматики ФЕ, а также определить причину данного явления.

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс; когнитивная модель ситуации; составляющая когнитивной модели; фразеологическая единица; прагматический потенциал ФЕ; когнитивно-прагматическая парадигма, фразеологическая картина мира

Цитирование. Асабина А.А. Роль прагматического потенциала фразеологических единиц в реализации когнитивных моделей ситуаций // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 152–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-152-159>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Асабина А.А., 2022

Анна Александровна Асабина – аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2022
Revised: 18.02.2022
Accepted: 28.05.2022

Role of pragmatic potential of phraseological units in the realization of cognitive models of situations

A.A. Asabina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: asabina.anneta@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4543-1691>

Abstract: This article is devoted to the study of the role of pragmatic potential of phraseological units in the realization of cognitive models of situations. The timeliness of this work consists in the absence at the moment of information about the components of cognitive models of situations that can be most effectively used by the authors of articles to realize their pragmatic intentions through the pragmatic potential of phraseological units. The purpose of the study is to determine the components of cognitive models of situations that are actualized and brought to the fore through the pragmatics of phraseological units in the texts of the English-language media discourse, the reasons for the actualization of precisely these components of cognitive models of situations, as well as to establish what pragmatic goals of the authors this is due. To achieve it, the author has set the following tasks: sampling phraseological units from the English-language media discourse, drawing up schemes of cognitive models of situations, determining which component of the cognitive

model is actualized with the help of a phraseological unit. The material for the analysis was articles from the British newspaper «The Times» dated May 22, 2021. The author of the article uses various methods: descriptive, contextual analysis, comparative, methods of observation, content analysis and discourse analysis. The study uses the linguistic concept of T.A. Van Dijk, which includes the analysis of the cognitive model of the situation and the allocation of its individual components: participants, their actions, circumstances and other components were identified. The analysis made it possible to identify the component «action» of cognitive models, which in most examples is brought to the fore through the pragmatics of FE, as well as to determine the cause of this phenomenon.

Key words: English-language media discourse; cognitive model of the situation; component of the cognitive model; phraseological unit; pragmatic potential of the FE; cognitive-pragmatic paradigm, phraseological picture of the world.

Citation. Asabina A.A. Role of pragmatic potential of phraseological units in the realization of cognitive models of situations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 152–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-152-159>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Asabina A.A., 2022

Anna A. Asabina – postgraduate student of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Проблемы изучения когнитивно-прагматических аспектов фразеологической картины мира остаются актуальными по настоящее время. Предпосылки к исследованию когнитивно-прагматической парадигмы в лингвистике наблюдались еще в прошлом столетии [Кубрякова 1995, с. 158]. Предложенное в начале XX века Ч. Пирсом (1934) понятие «интерпретанта» в качестве третьего члена к диаде «знак – предмет» можно считать началом, положенным в основу когнитивных и прагматических аспектов лингвистических исследований [Заботкина 1999, с. 28]. Связь когнитивной и прагматической парадигм привлекала и привлекает в настоящее время внимание многих лингвистов, в том числе и исследователей, занимающихся когнитивными аспектами фразеологии (Алефиренко Н.Ф., Вальтер Х., Декатова К.И., Заботкина В.И., Золотых Л.Г., Кайгородова И.Н., Кириллова Н.Н., Мелерович А.М., Телия В.Н., Огнева Е.А., Озерова Е.Г., Семенов Н.Н., Степанова Л.И., Супрун В.И., Пименова М.В., Шулежкова С.Г. и др.).

Т.Н. Федулёнова отмечает, что «важнейшей функцией любой единицы языка, в том числе и фразеологической, является когнитивно-прагматическая функция, т. е. целенаправленное воздействие языкового знака на адресата» [Федулёнова 2000, с. 76]. По словам Н.И. Формановской, «прагматический потенциал языка и общения связан с отношением человека к языковым знакам, с выражением его установок, оценок, эмоций, интенций при производстве и восприятии речевых действий в высказываниях и дискурсах». Изучение когнитивных и прагматических характеристик ФЕ в текстах актуально ввиду их семантических и коммуникативных особенностей, а коннотация семантики фразеологизма позволяет дополнительно воздействовать на читателя [Формановская 1998, с. 56].

Среди работ, посвященных исследованию когнитивных и прагматических характеристик ФЕ, следует упомянуть труды В.И. Карасика [13], в которых анализируются коммуникативные возможности ФЕ в речевых сферах, и Н.В. Бизюкова [8],

который на материале французского публицистического дискурса описывает прагматику ФЕ в сфере человеческих отношений. Поскольку любому тексту или высказыванию присуща прагматическая направленность, то ФЕ, употребляясь в контексте, усиливают ее.

В связи с эмоциональной окрашенностью и потенциальной оценочностью фразеологические единицы качественно выделяются в ряду прочих лексических средств. Принимая во внимание то, что публицистический стиль накладывает ограничения на использование языковых средств, применяемых авторами статей, употребление фразеологизмов в большинстве случаев является прагматически обоснованным шагом [Talbot 2007, p. 115]. В условиях высококонкурентной среды среди публицистических изданий фразеологизмы становятся ключевым способом привлечения внимания читателя. Исследования показывают, что авторы прибегают к использованию фразеологических единиц в медиатекстах с целью расширения смыслового пространства, что способствует цели популяризации статьи [Телия 1986; Рыжкина 2017].

Необходимо также отметить важность исследования репрезентации когнитивных моделей в медиадискурсе. Мы понимаем текст, только если мы понимаем ситуацию, о которой идет речь, то есть если существует когнитивная модель ситуации, репрезентируемой в медиатексте. Таким образом, модель каждого события или ситуации актуализируется и уточняется в сознании реципиента. Такая модель ситуации может быть организована в виде схемы и отражает такие постоянные категории, как «Обстановка» (время, место), «Обстоятельства», «Участники», «События/Действие» и соответствующие им характеристики [ван Дейк 1989, с. 140]. Следовательно, модели выступают в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации, а также играют важную роль в выявлении условий связности (когерентности) текста [ван Дейк 1989, с. 141].

Нами установлено, что фразеологические единицы благодаря своей образности и экспрессивности, а также прагматике, актуализируя когнитив-

ные модели ситуаций, оказывают прагматическое воздействие на реципиента, однако необходимо также определить, какие составляющие когнитивных моделей выдвигаются на первый план при помощи ФЕ, каковы причины актуализации фразеологизмами именно этих составляющих когнитивных моделей ситуаций, а также какими прагматическими целями журналистов это обусловлено.

Ход исследования

А.В. Кунин в своей работе «Курс фразеологии английского языка» предлагает подразделять прагматические функции фразеологических единиц на стилистическую, кумулятивную, директивную и резюмирующую [Кунин 1986, с. 243]. Стилистическая функция ФЕ состоит в целенаправленном использовании языковых средств для достижения определенного стилистического эффекта и способствует реализации коннотации ФЕ в контексте. Кумулятивная функция состоит в обобщении жизненного опыта с последующей реализацией его в речи в виде предостережения или совета: данная функция свойственна пословицам. Директивная функция тесно связана с предыдущей функцией и служит для направления, воздействия на адресата. Резюмирующая функция ФЕ заключается в том, что сама ФЕ представляет собой краткое резюме предыдущего высказывания [Кунин 1986, с. 244].

Рассмотрим фрагмент статьи Cummings ready to 'napalm' PM over lockdown hesitancy: *Johnson reluctantly imposed a second month long lockdown in November. In frustration, he is said to have shouted during a tense meeting that he would rather «let the bodied pile up in their thousands» than impose a third lockdown... A weekend later, Cummings is said to have complained to the prime minister that allies continued to brief against him. When Johnson effectively dismissed Oliver Lewis – one of the architects of the Brexit deal and a close ally of Cummings – three months later it was the final straw* (Swinford, Whight 2021, p.14).

Составим «схему» когнитивной модели:

Модель: разрыв отношений между политическими деятелями.

Обстановка: спор о ковидных ограничениях.

Время: март 2021.

Место: Даунинг-стрит.

Обстоятельства: проблема снятия локдауна в Великобритании.

Участники: Cummings (Доминик Каммингс, советник премьер-министра Великобритании); Johnson (Борис Джонсон, премьер-министр Великобритании).

Действие: увольнение Борисом Джонсоном союзника Каммингса Оливера Льюиса, что стало последней каплей в их «сложных» отношениях.

Фразеологическая единица the final straw (the last straw) имеет значение «последняя капля (переполнившая чашу); предел терпения» (Кунин 1984, с. 728). Проанализировав составляющие когнитив-

ной модели, можно проследить, что фразеологическая единица a final straw участвует в актуализации составляющей «действие» когнитивной модели. Репрезентируемое действие предстает в виде материального объекта – части высушенного растения. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «субстантивные ФЕ», поскольку главным компонентом является существительное. «Последняя соломинка» выступает аналогом русского фразеологизма «последняя капля». Происходит метафорическое сравнение с окончательным разрывом отношений двух политиков и началом череды конфликтов между ними. Прагматической целью автора становится подведение итога, а также убеждение реципиента в полном прекращении конструктивных деловых взаимоотношений между политиками. Интенция автора реализуется посредством резюмирующей функции ФЕ, которая подводит итог всего вышесказанному. Благодаря резюмирующему воздействию фразеологизма когнитивная модель легче воспринимается и запоминается реципиентом.

Рассмотрим второй фрагмент из статьи Cummings ready to 'napalm' PM over lockdown hesitancy: *Next week will be the culmination of six months of bitter private briefing and public feuding between two men whose political fortunes were once closely related... No 10 is worried about what the former aide has up his sleeve...* (Swinford, Whight 2021, p. 14).

Модель: вражда между политическими деятелями.

Обстановка: Каммингс обвиняет Джонсона в снятии ковидных ограничений.

Время: март 2021.

Место: Даунинг-стрит.

Обстоятельства: проблема снятия локдауна в Великобритании.

Участники: Cummings (Доминик Каммингс, советник премьер-министра Великобритании); Johnson (Борис Джонсон, премьер-министр Великобритании).

Действие: правительство Британии опасается, что Каммингс имеет в арсенале улики, которые может обнаружить.

Фразеологическая единица to have smth. up one's sleeve имеет значение «иметь что-л. про запас, на всякий случай, скрывать что-л. до поры до времени» (Кунин 1984, с. 697). В данном случае обладание тайной сопоставляется с наличием какой-то вещи в рукаве.

Действие также предстает в виде неопределенного материального объекта (какой-либо вещи), находящегося в части одежды. Соотнесение между формой, первичным значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «вещь → действие»: ФЕ, обозначающее припрятанную вещь, используется для наименования действия, которое может быть предпринято против оппонента.

Несомненно, применение такой ФЕ в тексте обусловлено ее прагматической функцией, в данном случае стилистической. Автор целенаправленно

применяет ФЕ, ожидая позитивного стилистического эффекта за счет метафоры, которая придает фразеологизму еще больше таинственности и заинтересовывает читателей в дальнейшем развитии событий. После анализа составляющих когнитивной модели видим, что фразеологическая единица *to have up one's sleeve* участвует в актуализации составляющей «действие» когнитивной модели. Согласно структурной классификации, данный фразеологизм относится к категории «глагольные ФЕ», поскольку главным компонентом ФЕ является глагол.

Рассмотрим следующий фрагмент текста из статьи Cummings ready to 'napalm' PM over lockdown hesitancy: *And Cumming's reputation as the master of the political dark arts makes them nervous. «Everybody assumes that he has got something», one said. «He is the master strategist, right? But nobody knows for sure. Maybe his hand isn't as strong as we think»* (Swinford, Whight 2021, p. 14).

Модель: вражда между политическими деятелями.

Обстановка: Каммингс обвиняет Джонсона в снятии ковидных ограничений.

Время: march 2021.

Место: Downing Street.

Обстоятельства: проблема снятия локдауна в Великобритании.

Участники: Cummings (Доминик Каммингс, советник премьер-министра Великобритании); Johnson (Борис Джонсон, премьер-министр Великобритании).

Действие: правительство Британии выдвигает предположение, что позиция Каммингса и его «улики» не такие серьезные, как кажется на первый взгляд.

Фразеологизм *a strong hand* имеет значение «обладание большой властью, силой». Прагматическая цель автора состоит в том, чтобы вызвать у читателей доверие к излагаемой им истории. Прагматическое воздействие в данном случае достигается за счет антропоцентричности фразеологизма: главным компонентом в нем выступает единица со значением «часть тела (рука), что, несомненно, оказывает благоприятное прагматическое воздействие на реципиента, поскольку читатель подсознательно доверяет тому, что ему хорошо знакомо, к чему он привык. Следовательно, благодаря сравнению с человеком, с частью тела такой фразеологизм эффективнее воспринимается реципиентом. Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «часть тела → действие». Фразеологизм актуализирует составляющую «действие» в составе когнитивной модели и относится к категории «глагольные ФЕ».

Рассмотрим фрагмент из статьи Spain opens door to British tourists despite EU ban: *That puts Spain in line with Portugal, Italy and Greece but at odds with the European Union, which continues to recommend that non-essential arrivals from outside the bloc are banned. It is the first EU country not to*

demand proof of vaccination or a negative test (Clatworthy, Brussels, Dathan 2021, p. 15).

Модель: разрешение британцам выезжать в Испанию без ограничений.

Обстановка: несмотря на рекомендации Евросоюза о запрете выездов за пределы стран Евросоюза, Испания дала разрешение на въезд без сертификатов о вакцинации и ПЦР-тестов.

Время: июнь 2021.

Место: Испания, Британия.

Обстоятельства: проблема напряженности отношений между Испанией и странами ЕС в результате снятия локдауна со стороны Испании.

Участники: Педро Санчер, испанский экономист; правительство Британии, британские туристы.

Действие: Испания сняла ограничения на въезд для британских туристов, что усложнило отношения со странами ЕС, но, напротив, сплотило с Португалией, Грецией и Италией.

В реализации данной когнитивной модели принимают участие три фразеологизма: *to open the door, to put in line with, to put at odds with*.

Фразеологизм *to open the door to smth.* имеет значение «открыть путь чему-либо», «дать полную возможность» (Кунин 1984, с. 223). Действие снятия ограничений на въезд передается через образ открытой двери. Положительное прагматическое воздействие на реципиента достигается за счет простоты метафоры, на которой основан фразеологизм, соответственно, он может быть понят широким кругом читателей с разным уровнем образования. Прагматическая цель автора заключается в стремлении положительно оценить снятие ковидных ограничений и убедить в этом читателей, что обусловлено стремлением поддержать британских туристов. Положительная цель автора обуславливает выбор ФЕ с положительным оценочным компонентом коннотативного значения. Фразеологизм также репрезентирует составляющую «действие» когнитивной модели и относится в глагольным ФЕ. Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие».

Фразеологизм *to put in line with* имеет значение «привести к сотрудничеству», а фразеологизм *to put at odds with* значит «привести к разногласию с кем-либо». Прагматическая цель автора – продемонстрировать неоднозначность принятого Испанией решения, ввиду которого она приобрела и союзников, и оппонентов. Следовательно, автор применяет два антонимичных друг другу фразеологизма: фразеологизм с положительным оценочным компонентом коннотативного значения и с отрицательным оценочным компонентом коннотативного значения. Такие пары противоположных по смыслу фразеологизмов легко внедряются в сознание реципиента и являются фундаментом при формировании когнитивной модели. Оба фразеологизма участвуют в реализации составляющей «действие» когнитивной модели и по структурной

классификации относятся к «глагольным ФЕ». Соотношение между формой, значениями ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие».

Рассмотрим фрагмент из статьи *Greta's disciples give G7 leaders chap: The poster competition for primary school children also produced hundreds of colourful and poignant messages, but Amelia said: «I was just trying to think of something different that no one would come up with. I knew I wanted to do something with ice cream because it melts and it has that Cornish connection. I hope the G7 leaders listen to the message, because we have had lots of lessons on climate change in school and we all need to do our bit. I go on regular litter picks to help my community»* (Humphries 2021, p. 12).

Модель: борьба с климатическими изменениями.

Обстановка: перед встречей стран «Большой семерки» был организован конкурс детских постеров на тему «защиты окружающей среды».

Время: август 2021.

Место: Великобритания.

Участники: ученики начальных классов, участница конкурса Амелия Стейс, лидеры «Большой семерки».

Действие: дети принимают участие в конкурсе, рисуют постеры на экологические темы, внося лепту в борьбу с климатическими изменениями.

Фразеологическая единица *to do one's bit* имеет значение «внести свой вклад, свою лепту» (Кунин 1984, с. 85). Прагматическая интенция автора заключается в призыве читателя к действиям в борьбе с климатическими изменениями. В данном примере автор статьи применяет директивную функцию фразеологической единицы, побуждая каждого читателя сделать пусть и маленький, но шаг в борьбе за нашу планету. Благодаря данной ФЕ у читателя создается ощущение, что каждый человек, привнося даже маленькую «каплю усилий» (англ. *bit*) для защиты экологии, может добиться больших результатов. Фразеологическая единица актуализирует составляющую «действие», используется «глагольная ФЕ». Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие».

Рассмотрим отрывок из статьи *Catch up on the kitsch as Eurovision returns: A politically related expulsion, claims of satanism and man-hating, and some truly woeful stage outfits – the Eurovision Song Contest is back and making up for lost time. The pandemic put paid to the contest last year, meaning that lovers of kitsch bombast and British humiliation have had to wait two years for this instalment.*

A crowd of 3,500 is expected at the Covid-compliant final tonight in Rotterdam, which is being used by the Dutch government as a test for future events. Of the 39 countries taking part, 26 chose the same competitors from last year, although everyone had to come up with a new song. Predictions that the field would be composed entirely of angsty Covid ballads were wide of the mark. The 26 tunes that have made the final

include raucous rock, upbeat dance-pop and a song by a Norwegian man in angel wings about his struggles with Tourette's syndrome. A highly fancied group from Iceland, whose endearing silliness recalls Will Ferrell's fictional band in the comedy film Eurovision Song Contest: The Story of Fire Saga, were prevented from playing live by a flurry of positive tests for Covid-19. They will be judged on a recorded rehearsal performance. Politics and social issues, as ever, have been bubbling under the surface. Belarus was kicked out after submitting songs whose lyrics were deemed to imply opposition to antigovernment protesters (Potton 2021, p. 17).

Модель: Евровидение-2021.

Обстановка: пандемия.

Время: June 2021.

Место: Spain, Britain.

Обстоятельства: проведение Евровидения-2021 в условиях пандемии.

Участники: конкурсанты из разных стран.

Действие: хотя в прошлом году пандемия **показала «красный свет»** проведению Евровидения, в этом году конкурс вернулся, чтобы **«наверстать упущенное»**. Ожидание того, что все песни будут посвящены проблемам пандемии, «были далеки от истины». Белоруссия была отстранена из-за наличия в песне «всплывающих на поверхность» политических вопросов.

Фразеологическая единица *to make up for lost time* имеет значение «наверстать потерянное, упущенное время» (Кунин 1984, с. 765). Автор применяет стилистическую функцию фразеологизма: ФЕ используется в ироническом смысле, акцентируя внимание читателя на негативном отношении автора статьи к конкурсу. Автор негодует, что это состязание снова будет иметь место несмотря на то, что пандемия в прошлом году не дала возможности провести конкурс. Фразеологизм актуализирует составляющую «действие». Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие».

Фразеологическая единица *to be wide of the mark* имеет значение *to be wrong* (быть неверным, быть далеким от истины). Цель автора состоит в том, чтобы показать большой разрыв между ожиданием и действительностью: фразеологическая единица акцентирует внимание на большом различии между воображаемыми и полученными фактами, тем самым вызывая у реципиента чувство неожиданности и удивления. Прагматический потенциал реализуется посредством стилистической функции ФЕ (метафора): действие предстает в виде нематериального объекта (отметка, знак, показатель). Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие».

Рассмотрим отрывок из статьи *TikTok is the Middle East's time bomb.*

In Israel last month, a video on the social media platform TikTok encouraged users to film themselves assaulting Orthodox Jews. That video became a spark that ignited outrage across the country. A band of

Jewish extremists, Lehava, organised a march in response. They clashed with Arab groups at Damascus Gate. In a situation that was already a tinder box, things escalated... «Everyone is calling it the TikTok intifada», Dr. Tehilla Shwartz Altshuler, a senior fellow at the Israel Democracy Institute, said last month. «We are only seeing the tip of the iceberg». Her point was that TikTok videos are at least visible. The Jewish youth are more likely to use WhatsApp, which is private (and often impenetrable to intelligence services), so it is harder to know what is being shared. But the trend is well understood: filming and sharing violent videos accelerates conflicts. TikTok is the Middle East's time bomb. With flashpoints filmed and shared by millions within minutes, social media is fanning the flames of global conflicts (Ball 2021, p. 35).

Модель: конфликт в Израиле.

Обстановка: конфликтная ситуация в Израиле: призыв пользователей «ТикТока» снимать видео об оскорблении ортодоксальных евреев, и это только лишь «верхушка айсберга», поскольку огромное количество сообщений раскрыть невозможно, так как они пишутся в What`s app.

Время: май 2021.

Место: Израиль.

Участники: пользователи «ТикТока», ортодоксальные евреи, еврейские экстремисты, арабские группировки.

Действие: социальные сети, такие как «ТикТок», «Твиттер», «подливают масла в огонь глобальных политических конфликтов». В Израиле появились видео с призывом преследовать ортодоксальных евреев. И без того конфликтная ситуация (пороховая бочка) усугубилась.

Фразеологическая единица a tinder box имеет значение «конфликтная ситуация» (Кунин 1984, с. 103). Фразеологизм the tip of the iceberg имеет значение «верхушка айсберга», небольшая, видимая часть чего-либо; то, что лежит на поверхности (Кунин 1984, с. 767). Фразеологическая единица to fan the flames имеет значение «разжигать, воскрешать (напр. чувства), подливать масло в огонь, усугублять» (Кунин 1984, с. 262).

В статье сложная ситуация взаимоотношений между населением Израиля сопоставляется с «пороховой бочкой» и «верхушкой айсберга». Усугубление ситуации сравнивается с «раздуванием пламени». Прагматическая цель автора заключается в убеждении читателей в крайней критичности ситуации, именно поэтому он выбирает фразеологизмы с негативным оценочным компонентом коннотативного значения. Прагматический потенциал использованных ФЕ реализован через стилистическую функцию: во-первых, устоявшиеся фразы «быть на пороховой бочке», «верхушка айсберга» и «подливать масла в огонь» известны широкому кругу читателей, во-вторых, в основе фразеологизмов лежит такое стилистическое средство, как метафора, которая, благодаря скрытому сравнению, способствует реализации негативной коннотации ФЕ в контексте. Следовательно, благодаря ФЕ сознанию реципиента легче сформировать схему

когнитивной модели ситуации и воспроизводить такую модель в будущем.

Фразеологизмы a tinder box и the tip of the iceberg относятся к категории «субстантивные ФЕ». Действия предстают в виде материальных объектов: a tinder box (предмет военного назначения), a tip of the iceberg (объект природы). Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «объект → действие». Во фразеологизме to fan the flames присутствует упоминание природной стихии (огонь) и используется для наименования действия, которое усугубляет уже имеющийся конфликт. Соотношение между формой, значением ФЕ и референтом предстает в виде схемы «действие → действие». Все три фразеологизма актуализируют составляющую «действие» когнитивной модели ситуации.

Заключение

Рассмотрев примеры статей и схемы когнитивных моделей ситуаций к разобранным фрагментам, можно сделать следующие выводы: использование фразеологизмов при актуализации когнитивных моделей ситуаций в медиатекстах оказывает положительное прагматическое воздействие на читателя: ФЕ существенно сокращают дистанцию между автором и читателем и становятся своего рода приглашением к диалогу. Как известно, эмоциональный отклик – важная составляющая взаимодействия между читателем и автором, – то, к чему всегда стремится последний. И фразеологизмы, таким образом, выступают действенным инструментом, приближающим автора к этой цели.

В большинстве случаев выделенные фразеологизмы принадлежат к категории «глагольные ФЕ» или «субстантивные ФЕ» и актуализируют составляющую «действие» в составе когнитивной модели ситуации. Данному явлению можно дать следующее объяснение: реципиент при прочтении статьи в первую очередь запоминает «действие», сам факт произошедшего и начинает выстраивать в сознании схему когнитивной модели с составляющей «действие», постепенно добавляя вторичную информацию: участников, детали, обстоятельства, время, место, той или иной ситуации.

Таким образом, можно сделать заключение, что для успешной реализации своих прагматических интенций авторы медиатекстов целенаправленно применяют глагольные ФЕ и субстантивные ФЕ, актуализирующие составляющую «действие» в когнитивных моделях ситуаций, поскольку именно составляющая «действие» является ключевой при воссоздании когнитивной модели ситуации в сознании реципиента. Большинство рассмотренных ситуаций можно отнести к конфликтным и проблемным, на основании чего можно сделать предположение, что фразеологизмы выдвигают на первый план составляющую «действие» именно в случаях репрезентации конфликтных ситуаций, поскольку в рамках подобных ситуаций участники склонны совершать необдуманные поступки и т. п.

Материалы исследования

Clatworthy, Brussels, Dathan 2021 – *Clatworthy B., Brussels B., Dathan M.* Spain opens door to British tourists // The Times. Saturday, May 22 2021. P. 15. URL: https://sanet.st/blogs/bookforeveryone/the_times_may.3752075.html.

Humphries 2021 – *Humphries W.* Greta's disciples give G7 leaders chapter and verse // The Times. Saturday, May 22 2021. P. 12. URL: https://sanet.st/blogs/bookforeveryone/the_times_may.3752075.html.

Potton 2021 – *Potton E.* Catch up on the kitsch as Eurovision returns // The Times. Saturday, May 22 2021. P. 17. URL: https://sanet.st/blogs/bookforeveryone/the_times_may.3752075.html.

Swinford, Whight 2021 – *Swinford S., Whight O.* Cummings ready to 'napalm' PM over lockdown hesitancy // The Times. Saturday, May 22 2021. P. 14. URL: https://sanet.st/blogs/bookforeveryone/the_times_may.3752075.html.

Ball 2021 – *Ball J.* TikTok is the Middle East's time bomb // The Times. Saturday, May 22 2021. P. 35. URL: https://sanet.st/blogs/bookforeveryone/the_times_may.3752075.html.

Кунин 1984 – *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык, 1984. 942 с. URL: <https://obuchalka.org/2017091696476/anglo-russkii-frazeologicheskii-slovar-kunin-a-v-1984.html>.

Библиографический список

Talbot 2007 – *Talbot M.* Media discourse. Representation and interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 198 p.

Алефиренко 2014 – *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. 2-е изд., стереотип. Москва: ФЛИНТА, 2014. 512 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23400026&>; http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1399/1/Alefirenko%20N.F._%20Kognitivno-pragmaticheskaya.PDF.

Бизюков 2014 – *Бизюков Н.В.* Семантико-прагматический потенциал фразеологических единиц современного французского языка (на материале публицистического дискурса). Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2014. 130 с. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/139600>.

Борботько 1981 – *Борботько В.Г.* Элементы теории дискурса: монография. Грозный: Чеченский государственный университет, 113 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935772>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvojgx>.

Ван Дейк 1989 – *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. Москва: Прогресс, 1989. 310 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547.

Заботкина 1999 – *Заботкина В.И.* Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. 95 с. URL: http://www.elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Kaliningrad/Uchebnye_e_pub/Slavistika/KGU_sfz_04.pdf.

Карасик 1999 – *Карасик В.И.* Прагматические функции фразеологизмов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград, 1999. С. 5–7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25966344>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwftnj>.

Кубрякова 1995 – *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине двадцатого века // Язык и наука конца двадцатого века. Москва: Российская академия наук, 1995. С. 144–258. URL: https://drive.google.com/file/d/0ByVliFRCU31YVTNGdWlWSVZXamc/view?resourcekey=0-2FIizyXreFIPhdd7_P61Q.

Кунин 1970 – *Кунин А.В.* Английская фразеология. Москва: Высшая школа, 1970. 344 с. URL: [https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/\[A._V._Kunin\]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/[A._V._Kunin]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno(BookSee.org).pdf).

Кунин 1986 – *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986. 336 с. URL: <https://docplayer.com/47560669-A-v-kunin-kurs-frazeologii-sovremennogo-angliyskogo-yazyka-izdanie-vtoroe-pererabotannoe.html>.

Рыжкина 2017 – *Рыжкина Е.В.* Коммуникативная значимость фразеологизма в когнитивно-дискурсивной перспективе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 162–170. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30626958>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zuffnf>.

Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.

Федуленкова 2000 – *Федуленкова Т.Н.* Английская фразеология. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2000. С. 75–81.

Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. Москва: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. 321 с.

References

Talbot 2007 – *Talbot M.* (2007) Media discourse. Representation and interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 198 p.

Alefrenko 2014 – *Alefrenko N.F.* (2014) Cognitive-pragmatic sub-paradigm of the science of language. In: *Parshina I.G., Ozerova E.G. Cognitive-pragmatic vectors of modern linguistics: collection of scientific works. 2nd edition, stereotyped.* Moscow: FLINTA, 512 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23400026&>; http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1399/1/Alefrenko%20N.F._%20Kognitivno-pragmaticheskaya.PDF. (In Russ.)

Bizyukov 2014 – *Bizyukov N.V.* (2014) Semantic and pragmatic potential of phraseological units of the modern French language (based on the material of journalistic discourse). Krasnoyarsk: Sibirskii fed. un-t, 130 p. Available at: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/139600>. (In Russ.)

Borbotko 1981 – *Borbotko V.G.* (1981) Elements of discourse theory. Grozny: Chechenskii gosudarstvennyi universitet, 113 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25935772>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvoijg>. (In Russ.)

Van Dijk 1989 – *Dijk T.A., van.* (1989) Language. Cognition. Communication: translated from English. Compiler V.V. Petrov; Gerasimov V.I. (Ed.); Introductory article by Karaulov Yu.N. and Petrov V.V. Moscow: Progress, 310 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547. (In Russ.)

Zabotkina 1999 – *Zabotkina V.I.* (1999) Cognitive-pragmatic approach to neology. In: *Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research: collection of scientific works.* Kaliningrad: Kaliningr. un-t, 95 p. Available at: http://www.elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Kaliningrad/Uchebnye_e_pub/Slavistika/KGU_sfz_04.pdf. (In Russ.)

Karasik 1999 – *Karasik V.I.* (1999) Pragmatic functions of phraseological units. In: *Communicative-pragmatic aspects of phraseology.* Volgograd, pp. 5–7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25966344>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vwftnj>. (In Russ.)

Kubryakova 1995 – *Kubryakova E.S.* (1995) Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century. In: *Language and science of the late XX century.* Moscow: Rossiiskaya Akademiya nauk, pp. 144–258. Available at: https://drive.google.com/file/d/0ByVliFRCU31YVTNGdWIWSVZXamc/view?resourcekey=0-2FllizyXreFIPhdd7_P61Q. (In Russ.)

Kunin 1970 – *Kunin A.V.* (1970) English phraseology. Moscow: Vysshaya shkola, 344 p. Available at: [https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/\[A._V._Kunin\]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/[A._V._Kunin]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno(BookSee.org).pdf). (In Russ.)

Kunin 1986 – *Kunin A.V.* (1986) Course of phraseology of modern English. Moscow: Vysshaya shkola, 336 p. Available at: [https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/\[A._V._Kunin\]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/278000/5b31121279d6fcd13fdc2feb979f154d/_as/[A._V._Kunin]_English._Kurs_frazeologii_sovremenno(BookSee.org).pdf). (In Russ.)

Ryzhkina 2017 – *Ryzhkina E.V.* (2017) Communicative value of idioms from the cognitive-discursive standpoint. In: *Cognitive studies of language. Issue XXIX: Cognition and Communication in Linguistic Research.* Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 162–170. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30626958>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zuffnf>. (In Russ.)

Telia 1986 – *Telia V.N.* (1986) Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka, 141 p. (In Russ.)

Fedulenkova 2000 – *Fedulenkova T.N.* (2000) English phraseology. Arkhangelsk: Pomor. gos. un-t, pp. 75–81. (In Russ.)

Formanovskaya 1998 – *Formanovskaya N.I.* (1998) Communicative and pragmatic aspects of communication units. Moscow: In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 321 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

Дата поступления: 18.02.2022
рецензирования: 20.04.2022
принятия: 28.05.2022

Пунктуационные средства выражения эмоциональности в художественном тексте на английском языке и их переводе на русский

Е.Ю. Андреева

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: eyandreeva@fa.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9953-4958>

Н.М. Глушкова

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: NMGlushkova@fa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0361-0918>

Аннотация: Данная статья исследует особую роль, которую играет пунктуация для выражения эмотивности в современной биографической прозе. Подчеркивая важность пунктуационных средств, статья затрагивает актуальную в настоящий момент проблему анализа эмотивных приемов в тексте художественного произведения. В данной работе авторы кратко освещают ряд подходов к определению понятий «эмоциональность» и «эмотивность», далее рассматривают современные классификации пунктуационных средств выражения эмоций в художественном тексте. Главная задача исследования заключается в выявлении наиболее значимых средств передачи эмоционального состояния героев романа-биографии на пунктуационном уровне и сопоставлении их с переводом произведения на русский язык. В ходе исследования предпринята попытка с помощью сравнительно-сопоставительного и описательного методов сравнить применение пунктуационных средств английской и русской версий романов, выявить общие черты и различия в отношении передачи эмотивности. В качестве предварительных результатов исследования авторы статьи отмечают ряд случаев, когда писатель-биограф для создания эмотивного наполнения выходит за пределы конвенциональной пунктуации. Общим выводом может служить наличие синергии между пунктуационным оформлением романа, лексическими и семантическими средствами, частично выполняющими его функции в переводе, и итоговой эмотивной составляющей, равно ярко выраженной в английском и русском языках.

Ключевые слова: эмоциональность; эмотивность; роман-биография; пунктуация; средства эмотивности.

Цитирование. Андреева Е.Ю., Глушкова Н.М. Пунктуационные средства выражения эмоциональности в художественном тексте на английском языке и их переводе на русский // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 160–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-160-166>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Андреева Е.Ю., Глушкова Н.М., 2022

Екатерина Юрьевна Андреева – кандидат филологических наук, преподаватель, научный сотрудник Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2.

Надежда Маматкуловна Глушкова – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Российская Федерация, Москва, пр-т Ленинградский, 49/2.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2022
Revised: 20.04.2022
Accepted: 28.05.2022

Punctuation means of expressing emotionality in a literary text in English and its translation into Russian

E.Yu. Andreeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: eyandreeva@fa.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9953-4958>

N.M. Glushkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: NMGlushkova@fa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0361-0918>

Abstract: This article explores the special role played by punctuation for the expression of emotivity in modern biographical prose. Emphasizing the importance of punctuation means, the article touches upon the currently relevant problem of analyzing emotive techniques in the literary text. In this paper, the authors briefly highlight a number of approaches to the definition of the concepts of «emotionality» and «emotivity», then consider modern classifications of punctuation means of expressing emotions in a literary text. The main task of the research is to identify the most significant means of conveying the emotional state of the characters of the biography novel at the punctuation level and compare them with the

translation of the work into Russian. The research attempts to compare the use of punctuation means of the English and Russian versions of novels using comparative and descriptive methods, to identify common features and differences in the transmission of emotivity. As for the preliminary results of the study, the authors of the article note a number of cases when a writer goes beyond conventional punctuation to create emotive content. The general conclusion consists in the presence of synergy between the punctuation design of the novel, lexical and semantic means that occasionally perform its functions in translation, and the final emotive component, equally powerful in English and Russian.

Key words: emotionality; emotivity; novel-biography; punctuation; means of emotivity.

Citation. Andreeva E.Yu., Glushkova N.M. Punctuation means of expressing emotionality in a literary text in English and its translation into Russian. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 160–166. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-160-166>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Andreeva E.Yu., Glushkova N.M., 2022

Ekaterina Yu. Andreeva – Candidate of Philological Sciences, lecturer, Research fellow of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.

Nadezhda M. Glushkova – Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.

Введение

Вопрос эмоций человека и способов их выражения через языковые средства является одним из ключевых в современной отечественной лингвистике. Язык как многоаспектная система выражает равно как мысли, так и чувства говорящего, сохраняет их в максимально доступном для восприятия виде. За последние годы в отечественной и зарубежной науке о языке эмотиология (лингвистика эмоций) вышла за пределы узкой сферы применения на стыке психологии и языкознания, которая была характерна для нее во второй половине XX века. В основе расширения применения эмотиологии лежит усиление антропоцентризма в лингвистике, в частности его эмоционального аспекта. На данный момент человеческие эмоции анализируются во взаимодействии с когнитивными процессами, т. к. когниция и эмоции равно сильно воздействуют друг на друга.

В данной статье мы рассмотрим эмотивность в качестве языковой категории, передающей эмоциональность посредством языковых средств, а объектом исследования будет служить художественный текст как один из наиболее разнообразных и обширных источников языкового материала в отношении эмоций.

Данное исследование посвящено особой роли пунктуации как средства передачи эмоций в художественном произведении. Что касается экспрессивного потенциала знаков препинания в художественных текстах, профессор О.В. Александрова отмечает, что они «требуются человеку, творчески воспринимающему язык и умеющему его творчески использовать, учитывая особенности синтаксико-смыслового членения, не просто выражать взаимосвязь синтаксических отношений, но и передавать оттенки мысли и чувства» [Александрова 2009, с. 83]. Несмотря на накопленный объем исследований синтаксических особенностей художественных и публицистических произведений, на данный момент анализ пунктуационной организации представляет не меньший интерес,

так как именно пунктуация способна стать своего рода “голосом” автора художественного произведения, передать с помощью знаков препинания интонацию живой, устной речи.

Основная часть. Методология

Лингвистика обладает многообразием подходов к классификации знаков препинания. Вначале мы остановимся на дифференциации их по признаку завершения или продолжения мысли. В частности, Т.Н. Скорикова и А.Б. Шапиро делят знаки препинания на два вида: внешние (точка, восклицательный знак, вопросительный знак и многоточие) и внутренние (запятая, двоеточие, точка с запятой и тире). Насыщенный эмоциями художественный текст вносит свою долю условности в это разделение, поскольку в процессе вербализации мысли автором и восприятии читателем, рамки внешнего и внутреннего характера часто смещаются [Скорикова 1981; Шапиро 1955].

На синтаксическом принципе базируется классификация пунктуационных знаков П.А. Леканта. Согласно этому делению, существует четыре группы знаков:

- 1) знаки конца предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки);
- 2) знаки разделения частей предложения (запятая, тире, двоеточие и точка с запятой);
- 3) знаки, выделяющие отдельные слова или части предложения (скобки, кавычки, запятая, тире, запятая с тире);
- 4) многоточие выделяется в отдельную группу, так как это смысловой знак, который может ставиться как в середине, так и в конце предложения. [Современный русский язык 2001, с. 542 – 543].

Особый интерес представляет классификация Л.М. Кольцовой, которая в зависимости от формального выражения знаков препинания относит их к пяти группам:

- 1) парные знаки (состоят из разных элементов: точка в конце предложения и прописная буква в начале предложения);

2) двойные знаки (скобки, кавычки, две запяты, два тире);

3) комплексные знаки (состоят из различных элементов с одной функцией, например запятая с тире);

4) комбинированные, составные (комплексы из знаков, имеющих разную функцию, но оказавшихся в одной позиции);

5) диффузные знаки (при наличии дополнительных смыслов, например, прописные буквы и другие выделительные средства) [Кольцова 2007, с. 206].

Е.В. Дзякович в исследовании, посвященном экспрессивным пунктуационным приемам, в зависимости от их системно-пунктуационного основания разделяет пунктуационные методы на две большие группы. Приемы первой группы основаны на системно-структурных свойствах конкретных знаков препинания. Эмотивное воздействие в этих случаях основывается на оппозиции знаков препинания конца предложения и знаков препинания середины предложения и достигается через употребление знака препинания в не свойственной ему позиции. Это может быть, к примеру, как парцелляция, где текст одного предложения делится на несколько отрезков, каждый из которых приобретает статус самостоятельного предложения, так и эмоциональное членение вопросительных и восклицательных предложений с однородными членами на независимые части. Вторая группа эмотивных пунктуационных приемов выражается различными способами передачи чужой речи в текстах художественной прозы [Дзякович 1994].

Исследование О.Н. Шевцовой, освещающее стилистические функции знаков препинания, призывает различать нейтральную и стилистически окрашенную пунктуацию. Автор разграничивает окказиональные и узуальные явления, или экспрессивную и коммуникативную функцию языка. Нейтральная пунктуация соответствует требованиям правильности речи. Стилистически окрашенная пунктуация больше отвечает требованиям точности и ясности передачи авторской мысли [Шевцова 1998].

Подводя итог краткому обзору разнообразия типирования знаков препинания, мы ограничиваем круг наших поисков эмотивности через призму пунктуации. Среди самых многозначных с точки зрения экспрессивности знаков в тексте художественного произведения, в рамках исследования, выделяем запятые, тире и скобки, многоточие и двоеточие, на них же будет сфокусировано особое внимание в ходе дальнейшего анализа. Данные пунктуационные знаки способны не только выделять авторские отступления и ответвления от основной повествовательной линии, но также отражать эмоции героев произведения [Ищук 2016]. В особенности это характерно для таких жанров художественной литературы, как исторический роман-биография, содержащего в себе наряду с документальными свидетельствами значительную

долю вымысла для создания яркого образа выдающейся исторической личности – живого человека с присущими ему страстями, достоинствами и недостатками.

Рассмотренный далее жанр произведения – биографический роман – имеет определенное влияние на выбор и интерпретацию речевых средств. Основой для сопоставительного анализа пунктуации в аспекте выражения эмоциональности в английской и русской версиях будут служить следующие романы-биографии: П. Курт «Айседора. Неистовый танец жизни» (*Isadora: a Sensational Life*), П. Курт «Анастасия. Загадка великой княжны» (*Anastasia: the Riddle of Anna Anderson*) и А. Кристи «Автобиография» (*An Autobiography*).

В работе были использованы разнообразные методы исследования: сравнительно-сопоставительный, описательный, и другие. Материалом для сопоставления выступают оригинальная версия текста и его перевод, и это определило выбор ключевых путей анализа. Методы мотивного и интертекстуального анализа являются дополнительными, но приобретают особую актуальность при рассмотрении именно биографического жанра. Отечественные лингвисты подразделяют универсальный сюжетный мотив или «неразложимый элемент текста» на социальный, политический, философский, психологический и другие, сближая его с понятиями «тема» и «проблема». Мотив обладает признаками предикативности, семантической насыщенности, повторяемости, эстетическую значимости, интертекстуальности [Болотнова 2009, с. 482]. Для наглядности и удобства сопоставления пунктуационных средств английской и русской версий романов ниже приведены таблицы с примерами употребления того или иного знака препинания.

Исследование и результаты

Пунктуация романов в частности и художественного текста в целом несет в себе ключевую функцию для верного мысленного прочтения произведения – передачу интонации предложений. Знаки препинания становятся своеобразными опорными точками, «нотными знаками письма» по словам К.Г. Паустовского, по которому строится смысловое членение текста и частей предложения. К примеру, двоеточие и тире могут усилить какой-либо оттенок смысла. Тире зачастую используется для создания паузы: это знак привлекает внимание и усиливает эффект противопоставления. Многоточие способно придать речи оттенок спонтанности или волнения, неуверенности или смятения, в зависимости от целей автора. Равно английский и русский языки наделяют пунктуацию смысловую емкость и выразительностью, но между ними есть ряд различий, который мы выделяем в процессе анализа трех произведений.

Первая из особенностей, на которой мы хотели бы остановиться, освещает роль запятой в передаче авторского смысла. Если в русском языке пра-

вила ее постановки подчинены грамматической системе, то в английском использование запятой более свободно и зачастую продиктовано конкретным смыслом высказывания [Бурняшева 2018].

O you you darling – I've just got your telegram – You Sweetheart – I love you I adore you – I am nothing without you... I think the best thing to do with St. Petersburg is to forget it – and pretend I'm not here. I'll not see it – I swear I won't – Darling – Sweetest Love – I shut my eyes think of it and heard your Breathing – but when I awoke I was alone – alone alone –

It's Horrible. It's Ghastly. If I could only sleep till the 30... (Kurth 2001, p. 150).

О ты, ты, мой милый! Я как раз получила твою телеграмму. Возлюбленный! Я люблю тебя, обожаю тебя! Я ничто без тебя... Я думаю, лучшее, как быть с Петербургом, так это забыть его – и думать, что меня там нет! Я даже не стану осматривать его, клянусь, не стану. Милый! Сладчайшая любовь моя! Я закрыла глаза, думая об этом, и услышала твое дыхание, но, когда проснулась, увидела, что я одна – одна-одинешенька!

Ужасно! Страшно! Если бы только я могла проспать до 30 числа... (Курт 2002, с. 206).

В приведенном примере видно, что знаки препинания различаются весьма существенно. Являясь важным средством соединения отрезков высказываний и членения текста, пунктуационные знаки придают одинаковому по смыслу отрывку художественного произведения различную форму выразительности. Английская версия письма Айседоры к ее возлюбленному Крэггу изобилует тире, тогда как в переводной версии проводниками повышенной эмоциональности выступают восклицательные знаки. Несмотря на то что традиционно тире относят к выделяющим знакам препинания – знакам, используемым для выделения вводных и вставных конструкций в предложении, – в данном конкретном отрывке в английской версии романа многочисленные тире играют не выделяющую, а отделяющую функцию, имитируя прерывистую разговорную речь. По убеждению исследователя О.А. Лаптевой, устная речь всегда является спонтанной, одноразовой: ее невозможно воспроизвести в исходном варианте, так же как и нельзя подготовить заранее, так как будет утрачена ее естественность. Следовательно, устная речь не имеет четкой организации [Лаптева 2003, с. 225]. О том, что английский вариант данного отрывка отражает устную речь, свидетельствуют следующие признаки: 1) обилие повторов (*O you you, You Sweetheart, I love you I adore you*; 2) паузы в разрывании речи (*I'll not see it – I swear I won't – Darling – Sweetest Love – I shut my eyes think of it and heard your Breathing...*). Постоянное прерывание мысли Айседоры Дункан ярко передается разделением интонационно обособленных отрезков посредством тире. Таким образом, используемое

здесь в нетипичной для себя функции, тире передает горечь и отчаяние, которые испытывала Айседора в разлуке с любимым. Можно вообразить, что героиня рыдала, составляя данное письмо, ей не хватало воздуха, чтобы выстроить длинные, грамматически безупречные высказывания.

I was not rude. Really not. It was like this, I was ill [a swelling on Anastasia's breast had begun to fester], had to get up, the room was dark, then a lady came, I knew the voice and was listening, but didn't know, because the name was different. Then at table, the face was familiar, but I didn't know, wasn't sure, then I recognized Aunt Irene. I was feverish and excited, went into my room. Aunt Irene came after me, spoke and asked so many questions. I stood at the window, and because I had to cry I turned my back to her; I did not want to turn around, but not because I was rude. I was crying (Kurth, 1986, p. 52).

Я не была груба. Это случилось так. Я была больна. (Опухоль на груди Анастасии нагноилась.) Мне пришлось выйти, в комнате было темно, потом вошла дама. Голос знакомый, и я слушала, но не знала, кто это, потому что имя другое. За столом лицо мне было знакомо, но я не знала, не была уверена. Потом я узнала тетю Ирену. Я была лихорадке, я ушла. Тетя Ирена пришла ко мне, задавала много вопросов. Я стояла у окна и плакала; поэтому я повернулась к ней спиной; я не хотела оборачиваться не потому, что я была груба. Я плакала (Курт 2015, с. 69).

Данный отрывок текста представляет собой речь великой княжны Анастасии Романовой, в которой она делает попытку оправдать свое «грубое» отношение к своей родственнице Ирене Прусской. Видно, что в английской версии данный отрывок изобилует запятыми. Анастасия, вспоминая цепь событий в день встречи со своей тетей Иреной, подробно описывает окружающую обстановку, свои действия, действия Ирены Прусской. При помощи запятых автор стремится передать динамичность повествования великой княжны. Именно данная визуальная динамичность отображает твердую уверенность Анастасии в достоверности описываемых ею событий, а также непоколебимую убежденность в том, что она не проявляла грубости при разговоре с Иреной. Более того, в данном отрывке передается возмущение Анастасии из-за многочисленных упреков со стороны родственников, которые полагали, что она просто не захотела общаться с собственной тетей. Что касается переводной версии, отчетливо видно, что повествование выстроено здесь менее динамично, однако более логично. (ср.: *I was ill [a swelling on Anastasia's breast had begun to fester], → had to get up, → the room was dark, → then a lady came, → I knew the voice and was listening, but didn't know, because the name was different. / Я была больна. (Опухоль на груди Анастасии нагноилась.) | Мне пришлось выйти, в комнате было темно, по-*

том вошла дама. | *Голос знакомый, и я слушала, но не знала, кто это, потому что имя другое*). Таким образом, одно предложение в английской версии трансформируется в три обособленных предложения в русской. Можно предположить, что переводчик избирает данную тактику с целью облегчить визуальное восприятие текста.

Роман, посвященный жизни Агаты Кристи, также изобилует различными пунктуационными средствами. Ниже представлены варианты, когда пунктуационное оформление оригинала и перевода совпадают полностью, частично или не совпадают совсем.

1. *The dream would be quite ordinary – a tea-party, or a walk with various people, usually a mild festivity of some kind. Then suddenly a feeling of uneasiness would come. There was someone – someone who ought not to be there – a horrid feeling of fear: and then I would see him – sitting at the tea-table, walking along the beach, joining in the game* (Christie 2012, p. 17).

1. Мне мог сниться самый обычный сон – чаепитие или прогулка в большом обществе, чаще всего в честь какого-нибудь праздничного события, и вдруг я ощущала смутное чувство угрозы. Кто-то был здесь, кто-то должен был быть здесь – панический страх охватывал меня: и вот он уже передо мной – сидит за чайным столом, гуляет по пляжу, играет с нами (Кристи 2018, с. 20).

2. *Dear Miss Tower, so good and kind and so fond of children – but with so little idea of their feelings* (Christie 2012, p. 25).

2. Дорогая мисс Тауэр, добрая, сердечная, она любила детей, но так мало задумывалась над их чувствами (Кристи 2018, с. 29).

3. *But marriage means more than a lover – I take an old-fashioned view that respect is necessary. Respect – which is not to be confused with admiration* (Christie 2012, p. 32).

3. Брак означает больше, чем любовь, я придерживаюсь старомодной точки зрения: самое главное – это уважение. Только не надо путать его с восхищением (Кристи 2018, с. 37).

В примерах, приведенных выше, задействование тире в оригинале и переводе различаются, и это в ряде случаев влечет за собой разные способы передачи смысла в переводе.

Первый случай передает цепочку событий, описывающих сон главной героини. Тире создают паузу в речевой канве и придают высказыванию выразительный эффект фотопленки, когда кадры сменяют друг друга. Хочется отметить, что если в англоязычной версии отдельные части предложения соединены хотя бы повторением слов (There was someone – someone who), то в русском варианте переводчик уходит от чрезмерного, на его взгляд, употребления одинаковой пунктуации, и находит решение в синтаксическом повторе, почти

градации («Кто-то был здесь, кто-то должен был быть здесь»).

Второй пример выражает противопоставление намерений человека и их конкретного осуществления, а нас в данном случае интересует то, что переводчик снова уходит от пунктуационных средств (тире), заменяя их более привычной запятой и противительным союзом.

Похожую тенденцию мы видим в последнем рассмотренном нами примере: сходство смысла и различие выражения. Тире и курсив в оригинале переданы лексическим акцентом и синтаксическим дроблением предложения в переводе. При этом переводчик уходит от непривычного для русского читателя повтора (respect – respect), тогда как автор делает на этом слове двойной акцент, выделяя его графически и пунктуационно.

Данные примеры, безусловно, не дают полного представления о степени сходства или различия пунктуационной выразительности в двух языках, но позволяют заметить: в ряде случаев переводчик, как представитель своего языка, склонен передавать часть эпизодов эмотивности не с помощью знаков пунктуации, но посредством синтаксических или сугубо лексических средств выразительности. Данное наблюдение может иметь два отдельных объяснения. Первая гипотеза заключается в большей понятности русскому читателю синтаксических и лексических средств выразительности. Вторая гипотеза предполагает наличие более широкого набора функций у пунктуации в английском языке. Данные предположения остаются полем для дальнейшего исследования и сопоставления.

Отдельного упоминания заслуживают наиболее частые, специфично авторские методы выделения той или иной фразы в тексте. Несмотря на то, что они чаще всего не несут в себе большую наполненность смыслом, именно эти фразы или целые предложения выполняют функцию передачи эмотивности. Сталкиваясь с подобными приемами, читатель бессознательно останавливается, возможно, перечитывает еще раз, либо запоминает именно это ключевое слово. Рассмотрим, как различно воплощается в двух языках один смысл:

The pale blue eyes in the familiar face met mine – under the familiar appearance. It was really the Gunman (Christie 2012, p. 18).

Бледно-голубые глаза в упор смотрели на меня со знакомого лица – но под ним СКРЫВАЛСЯ ЧЕЛОВЕК С ПИСТОЛОТОМ (Кристи 2018, с. 21).

Selected by Grannie with appeals to the shopman as to whether I was really young and tender; brought home, trussed up, skewered (yells of delight from my skewered self), put in the oven, done to a turn, brought on the table dished up, great show of sharpening the carving-knife, when suddenly the chicken comes alive and 'It's Me!' – grand climax – to be repeated ad lib (Christie 2012, p. 19).

Сначала Бабушка выбирала цыпленка; она звонила торговцу, чтобы проверить, действительно ли цыпленок молодой и нежный. Меня приносили домой, со связанными крылышками и лапками, на низывали на вертел, чтобы цыпленок зажаривался, медленно вращаясь, ставили блюдо на стол, и вот уже Бабушка начинала точить большой нож, готовясь разделать птицу, когда вдруг цыпленок ожил и кричал: «Это же я!» – кульминация всего действия. Эта игра могла повторяться до бесконечности (Кристи 2018, с. 22).

Исходя из примеров выше, в наиболее эмоционально наполненном первом случае переводчик счел нужным отойти от контраста (обычный шрифт – курсив), как мы видим в оригинале, но выделить центральную фразу заглавными буквами. С одной стороны, курсив для русского читателя также является активной сигнальной установкой, указывает на особую содержательность выделенной фразы. Однако если мы рассмотрим источники, посвященные функции курсива в отечественной литературе, то самым частым случаем употребления будет графическое выражение «чужого слова», появление мысли другого человека (автора, персонажа) в канве повествования [Тамарченко 2008]. В отличие от более нейтрального курсива, функция написания слова заглавными буквами гораздо ярче и выразительней, т. к. подразумевает чтение с повышением тона и громкости.

Во втором случае также для придания особого акцента бесконечной детской игре автор использует одновременно курсив и латынь. Переводчик использует совершенно иной, третий способ передачи авторской мысли – и выделяет ее в отдельное предложение. Нужно признать, что данный пример не столько выражает эмотивность содержания, сколько иллюстрирует неоднозначность того

или иного приема в графическом оформлении текста и подчеркивает неизбежность человеческого участия в переводе, несмотря на достижения цифровизации.

Заключение

Роль пунктуационного оформления текстов романов-биографий на английском языке и в русском переводе является не до конца изученной и весьма актуальной темой для исследования. В ходе проведенного сопоставления было выявлено, что несмотря на почти полное соответствие содержательного аспекта в английской и русской версиях, знаки препинания в ряде случаев существенно различаются. Если мы говорим о роли запятой в передаче авторского смысла, следует обратить внимание на различные правила ее постановки в русской и английской традициях. В проанализированных эпизодах особое внимание обращалось на примеры задействия запятой в выделяющей, акцентирующей функции речи. Роль тире в английском языке также выходит за пределы конвенциональной пунктуации, передавая разнообразные оттенки эмотивности языка, от пауз и сомнений, до решительных, резких акцентов. Если в русском это традиционно выделительный знак (используется для выделения вводных и вставных конструкций в предложении), в английском тире выполняет отделяющую функцию, имитируя прерывистую разговорную речь, либо спонтанность мыслей и эмоций персонажа. В ряде случаев мы можем отметить, как пунктуационные средства оригиналы отражены в переводе лексическими и семантическими средствами, что свидетельствует о цельном, взаимосвязанном, несомненно синергичном характере воплощения эмотивности в художественном произведении и дальнейших перспективах ее изучения.

Материалы исследования

Christie 2012 – *Christie A. An Autobiography*. William Morrow Paperbacks, 2012. 576 p. URL: http://royallib.com/book/Christie_Agatha/agahta_christie_an_autobiography.html.

Кристи 2018 – *Кристи А.* Автобиография / пер. с англ. В. Чемберджи, И. Доронина. Москва: ЭКСМО, 2018. 640 с. URL: <http://www.litru.ru/?book=15481&description=1>.

Kurth 2001 – *Kurth Peter. Isadora: A Sensational Life*. 1st ed. Boston: Little, Brown and Company, 2001. 704 p. URL: <https://archive.org/details/isadorasensation00kurt>.

Курт 2002 – *Курт П.* Айседора. Неистовый танец жизни / пер. с англ. С. Лосева. Москва: ЭКСМО, 2002. 768 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000971343>.

Kurth 1986 – *Kurth P. Anastasia: The Riddle of Anna Anderson*. Boston: Little, Brown & Co, 1986. 450 p. URL: <https://archive.org/details/anastasiariddle0001kurt>.

Курт 2015 – *Курт П.* Анастасия. Загадка великой княжны / пер. с англ. И. Гюббенет. Москва, Захаров, 2015. 448 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=650462&p=1>.

Дзякович 1994 – *Дзякович Е.В.* Стилистический аспект современной пунктуации, экспрессивные пунктуационные приемы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1994. 20 с.

Ишук 2016 – *Ишук Е.Н.* Индивидуально-авторское использование пунктуационных средств в художественных текстах второй половины XX – начала XXI вв.: «Русский язык»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 2016. 22 с. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_ishchuk_e.n..pdf.

Кольцова 2007 – *Кольцова Л.М.* Художественный текст через призму авторской пунктуации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2007.

Шевцова 1998 – *Шевцова О.Н.* Стилистические функции знаков препинания: На материале прозы В. Маканина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1998. 22 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000276923>.

Библиографический список

Александрова 2009 – *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка. Изд. 2-е, испр. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/text.pdf>.

Болотнова 2009 – *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста: 4-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. 520 с. URL: <https://studfile.net/preview/5850495>.

Бурняшева 2018 – *Бурняшева А.С.* Различия в использовании пунктуации русского и английского языков // *Время науки – The Times of Science*. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-v-ispolzovanii-punktuatsii-russkogo-i-angliyskogo-yazykov>; <https://tsput.ru/fb/ts/2018/%E2%84%961/12>.

Лаптева 2003 – *Лаптева О.А.* Теория современного русского литературного языка. Москва: Высшая школа, 2003. 351 с. URL: <https://booksee.org/book/1475302>.

Скорикова 1981 – *Скорикова Т.Н.* Некоторые особенности ритмико-интонационного членения устного научного текста // *Лингвистические особенности научного текста*. Москва: Наука. 1981, С. 132–140.

Современный русский язык 2001 – *Современный русский язык* / под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. Москва: Дрофа, 2001. 560 с. URL: <https://hum.uch-lit.ru/yazyiki-i-yazykoznanie/lekant-sovremennyj-russkij-yazyk-uchebnik-dlya-akademicheskogo-bakalavriata>.

Шапиро 1955 – *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. Москва: Изд-во АН СССР. 1955. 394 с. URL: https://www.studmed.ru/shapiro-a-b-osnovy-russkoy-punktuacii_958e7f7b762.html; https://vk.com/doc48365874_437923381?hash=6TjoDCcvbmEj2bmWO2J9S1A0OM71rzC9jqnzlgDbPz4.

References

Alexandrova 2009 – *Alexandrova O. V.* (2009) Problems of expressive syntax: On the material of the English language. 2nd edition, revised. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 216 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/text.pdf>. (In Russ.)

Bolotnova 2009 – *Bolotnova N.S.* (2009) Philological analysis of the text. 4th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 520 p. Available at: <https://studfile.net/preview/5850495>. (In Russ.)

Burnyasheva 2018 – *Burnyasheva A. S.* (2018) Differences in the use of punctuation of Russian and English languages. *Vremya nauki = The Times of Science*, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichiya-v-ispolzovanii-punktuatsii-russkogo-i-angliyskogo-yazykov>; <https://tsput.ru/fb/ts/2018/%E2%84%961/12>. (In Russ.)

Lapteva 2003 – *Lapteva O.A.* (2003) Theory of modern Russian literary language. Moscow: Vysshaya shkola, 351 p. Available at: <https://booksee.org/book/1475302>. (In Russ.)

Skorikova 1981 – *Skorikova T.N.* (1981) Some features of rhythmic-intonational articulation of an oral scientific text. *Linguistic features of a scientific text*. Moscow: Nauka, pp. 132–140. (In Russ.)

Modern Russian Language 2001 – Lekant P.A. (Ed.) *Modern Russian language*. 2nd edition, revised. Moscow: Drofa, 560 p. Available at: <https://hum.uch-lit.ru/yazyiki-i-yazykoznanie/lekant-sovremennyj-russkij-yazyk-uchebnik-dlya-akademicheskogo-bakalavriata>. (In Russ.)

Shapiro 1955 – *Shapiro A.B.* (1955) Fundamentals of Russian punctuation. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 394 p. Available at: https://www.studmed.ru/shapiro-a-b-osnovy-russkoy-punktuacii_958e7f7b762.html; https://vk.com/doc48365874_437923381?hash=6TjoDCcvbmEj2bmWO2J9S1A0OM71rzC9jqnzlgDbPz4. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.23

Дата поступления: 11.03.2022
рецензирования: 20.04.2022
принятия: 28.05.2022

**Инновации в современном лексикографическом дискурсе
(на материале приложений к английским online-словарям)**

А.М. Коковина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nastya_tulchinskaya@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2233-5373>

А.А. Харьковская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

Аннотация: В работе рассматриваются модные слова или buzzwords, зарегистрированные в лексикографических online-источниках The Global Language monitor за 2020 год и Macmillan Online Dictionary за 2016–2020 годы. Сфера модных слов мало изучена, так как лексические единицы этого поля быстро появляются, набирают популярность и быстро исчезают. Модные слова отражают адаптацию языка к современным тенденциям в развитии общества и языка, так как они возникают в современном мире для обозначения новых реалий. Они способствуют более точному описанию новых процессов в развитии мира и социокультурных реалий в англоязычном обществе. В исследовании используются метод дискурс-анализа, описательный метод и метод компонентного анализа. На базе сплошной выборки фактического материала слова были систематизированы и разделены на следующие группы с учетом их частеречной принадлежности в английском языке: имена существительные и номинативные словосочетания, имена собственные, глаголы, фразовые языковые единицы и прилагательные. Самая объемная группа примеров относится к области имен существительных и номинативных словосочетаний, так как представители англоязычного общества часто называют новые реалии. Изучение лексических единиц из указанных источников способствует выявлению тенденций развития современного англоязычного социума, поскольку традиционно служит для обозначения обновленных реалий в жизнедеятельности человека. Ввиду того что сфера модных слов постоянно обновляется, появляются новые лексические единицы, их исследование можно продолжать для определения дальнейших областей развития в языке и обществе.

Ключевые слова: модные слова; buzzwords; неологизмы; английский язык; The Global Language monitor; Macmillan Online Dictionary.

Цитирование. Коковина А.М., Харьковская А.А. Инновации в современном лексикографическом дискурсе (на материале приложений к английским online-словарям) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 167–173. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-167-173>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Коковина А.М., Харьковская А.А., 2022

Анастасия Максимовна Коковина – магистрант II курса, факультет филологии и журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34. Антонина Александровна Харьковская – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2022
Revised: 20.04.2022
Accepted: 28.05.2022

**Innovations in modern lexicographic discourse (based on the material
of appendixes to the english online-dictionaries)**

A.M. Kokovina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nastya_tulchinskaya@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2233-5373>

A.A. Kharkovskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

Abstract: The concepts of «neologisms» and «buzzwords» are discussed in the article based on linguistic illustrations from two lexicographic projects. This paper examines buzzwords registered in the on-line format of The Global Language monitor in 2020 and on-line version of Macmillan Online Dictionary in 2016–2020. Buzzwords reflect the adaptation of language to modern trends in the development of society and language, as they appear in the modern world to denote new realities. They contribute to a more accurate description of new processes in the development of the world and sociocultural realities in the English-speaking society. Due to the fast changes within the bulk of English buzzwords in the epoch of globalization the problem of their linguistic status has not been studied and described in details that is why it is reasonable to consider some aspects of their functional potential in the terms of linguocultural and sociocultural characteristics to contribute to the adequate interpretation of this word cluster relevant for modern English lexicography. Moreover, the study of English buzzwords is aimed at renewing the information about the interaction between human beings and their social, cultural setting and cognitive requirements. The classification worked out is considered as another attempt to establish the role of English buzzwords in consolidating renewed information about modern trends in the development the English language in the XXI century.

Key words: buzzwords; neologisms; English language; epoch of globalization; lexicography projects.

Citation. Kokovina A.M., Kharkovskaya A.A. Innovations in modern lexicographic discourse (based on the material of appendixes to the English online-dictionaries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 167–173. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-167-173>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kokovina A.M., Kharkovskaya A.A., 2022

Anastasiya M. Kokovina – second-year Master’s student, Faculty of Philology and Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Antonina A. Kharkovskaya – Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Новизна исследования состоит в том, что данная область словарного состава английского языка является малоизученной в силу того, что новые модные слова постоянно появляются в языке, некоторые существуют очень короткое время, поэтому их сложно зафиксировать. Актуальность материала для изучения обеспечивается обращением к сетевой коммуникации, поскольку именно в текстах, размещенных на сетевых платформах, наиболее очевидно обнаруживается тенденция к использованию модных словечек. Источники фактического материала предоставляют актуальную информацию о «модных» словах, так как рассматриваемые в настоящей работе материалы основываются на анализе данных из глобальной сети Интернет, которая отличается высокими темпами обновления.

Наше исследование базируется на использовании описательного метода, метода дискурс-анализа и метода компонентного анализа, которые позволили успешно решить поставленные задачи. Цель работы состоит в регистрации «модных словечек» английского языка, получившего всемирное признание в качестве лидера лингвистического пространства в условиях глобализации и систематизации этих единиц с учетом их прагмалингвистических, социолингвистических, лингвокультурных и собственно словообразовательных параметров.

Результаты и их обсуждение

Важными теоретическими понятиями для разработки заявленной темы являются термины «неологизм» и *buzzword*, так как они являются ключевыми в нашем исследовательском проекте. Понятие «неологизм» означает новое слово или новое значение и форма уже существующего слова (Жеребило 2010, с. 216). Проблема появления, образования и функционирования неологизмов достаточно подробно изучена в науке о языке. Так, на материале английского языка базируются работы В.В. Ганина [Ганин 1978], В.И. Заботкиной [Заботкина 1989] и др. Проблемой подбора адекватных переводов модных слов занимались Ю.В. Бучнева [Бучнева 2019], А.Л. Пумпянский [Пумпянский 2005], О.Г. Лебедева [Лебедева 2011] и другие исследователи. Работы О.В. Лутовиновой [Лутовинова 2010] и М.В. Макарич, Ю.Б. Поповой и М.О. Шведа [Makarych, Popova, Shved 2020]

посвящены развитию виртуального дискурса, который активно задействован в распространении модных слов.

В широком смысле слова неологизм может быть обнаружен на разных уровнях языковой системы: лексическом, фонетическом и грамматическом. В узком смысле неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование (Жеребило 2010, с. 216). Данные слова появляются в любом языке, так как языки развиваются, появляются новые реалии, которые требуют новых слов для обозначения. Использование таких слов помогает более точно выражать мысли тем, кто использует данные языковые единицы. В определении понятия *buzzword*, зарегистрированного в онлайн-источнике Cambridge Dictionary (Cambridge), отмечается, что к модным словам относятся слова и словосочетания определенной предметной области, которые стали популярными благодаря высокому рейтингу частотности, в особенности, на телевидении и в газетах.

Область лексикографического дискурса также важна для исследования, так как источники фактического материала представлены в приложении к словарям. В данной области исследование основывается на работах М.В. Резуновой [Резунова 2008], Е.А. Смолоногой [Смолоногоина, Ситникова 2022] и А.М. Плотниковой [Плотникова 2014]. Фактический материал исследования составляют 100 единиц сплошной выборки, представленных в The Global Language Monitor (The GLM) за 2020 год и в Приложении к Macmillan Online Dictionary (Macmillan) за 2016–2020 годы, по 50 примеров из каждого источника. Большую часть новых и модных слов составляют имена существительные-неологизмы и номинативные словосочетания (75 %), следующая наиболее объемная группа – имена собственные (13 %). Также были отмечены глаголы (4 %), фразовые языковые единицы (4 %), прилагательные (2 %) и др.

Самой объемной группой выборки являются новые имена существительные и номинативные словосочетания, так как такие слова необходимы в обществе для обозначения новых реалий и предметов. Общество употребляет существительные, наделенные определенными значениями, для конкретизации предмета без употребления дополнительных слов для описания явления, о котором идет речь.

В таблице 1 представлено процентное содержание имен существительных и номинативных словосочетаний из общего объема выборки, зафиксированное в обследованных источниках.

Лексические единицы, зафиксированные в данной группе, относятся к разным сферам жизни людей. Например, в 2020 году популярной становится тема здоровья, так как весь мир захватывает пандемия, связанная с вирусом Covid-19. К этой сфере относятся 14 именных единиц, среди которых *reacji*, *Corona*, *infodemic* и некоторые другие примеры.

В таблице 2 представлены некоторые примеры определений «модных» имен существительных и номинативных словосочетаний, которые были зафиксированы в источниках фактического материала исследования.

Среди имен существительных, зафиксированных в приложении к Macmillan Online Dictionary за выбранный период, следует отметить 7 лексических единиц, которые обладают способностью к конверсии, они наряду с именной формой имеют глагольные формы, а также употребляются в функции имен прилагательных. Примеры данных существительных представлены в таблице 3.

Имена собственные – вторая распространенная группа модных слов в современном английском языке и составляет 13 % от общего объема выборки. Они зафиксированы в проекте The Global Language monitor и относятся к модным словам 2020 года. Имена собственные относятся к номинативным единицам языка. Появление имен собственных в списке на сайте The Global Language monitor обусловлено тем, что политические события, про-

Таблица 1

Количество имен существительных и номинативных словосочетаний

Table 1

Number of nouns and nominative phrases

Название источника	Имена существительные	Номинативные словосочетания
Macmillan Online Dictionary	27 %	14 %
The Global Language monitor	21 %	13 %

Таблица 2

Примеры существительных и номинативных словосочетаний

Table 2

Examples of nouns and nominative phrases

Название источника	Имена существительные	Номинативные словосочетания
Macmillan Online Dictionary	Reacji, also reactji an emoji (= small image or symbol in electronic communication) that users click to show a reaction to something on social media	Ambient literature a style of literature read on a mobile electronic device which uses data about location, weather, time, etc. to personalise the reading experience
Macmillan Online Dictionary	Seaganism a vegan diet that includes sustainable (= using methods which do not harm the environment) fish and seafood	Cloud egg a cooked egg in which the white is whipped and baked in the oven before adding the yolk
The Global Language monitor	Lockdown Restricting movement outside homes for locales or geographic districts.	Face Mask Face covering that helps halt the spread of Covid-19 to varying degrees depending on fabric and number of layers.
The Global Language monitor	Zoom Group meetings held over video conferencing channels	Social Distancing Distance individuals should keep from each other to lessen risk of virus transmission; a minimum of two meters.

Таблица 3

Примеры конверсий имен существительных

Table 3

Examples of noun conversion

Имя существительное	Имя существительное, обозначающее человека или род деятельности	Глагол	Прилагательное
Begpacker	begpacking	–	–
Breadcrumbing	breadcrumber	Breadcrumb	–
Marleying	Marleyer	Marley	–
Nowcast, now-cast	Nowcasting	Nowcast	–
Plogging	plogger	Plog	–
Seaganism	seagan	–	seagan
Webrooming	webroomer	Webroom	–

Таблица 4

Примеры глаголов

Table 4

Examples of verbs

Новые глаголы	Значение	Словарь
Gaslight	to manipulate someone psychologically so that they begin to question their own perceptions and memories	Macmillan Online Dictionary
Self isolate	To confine oneself in a quarantine-like state for a suggested period of time, usually two weeks.	The Global Language monitor
Smize	To smile with your eyes	Macmillan Online Dictionary
Zoom, also Zoom	To communicate with someone using the video conferencing service Zoom	Macmillan online Dictionary

исходящие сегодня в мире, активно обсуждаются людьми, освещаются в новостных выпусках на телевидении и в газетных статьях.

Среди самых часто употребляемых имен собственных, зарегистрированных в The Global Language monitor (все определения взяты с сайта проекта The Global Language monitor и были зафиксированы в 2020 году), встречаются:

Donald Trump the 46th, and current, president of the United States;

Joe Biden president-elect of the United States after defeating President Trump;

George Floyd a black American, was killed by a Minneapolis police officer kneeling on his neck for eight minutes. His death sparked global protests.

Также к именам собственным следует отнести названия организаций здравоохранения, например:

WHO (Всемирная организация здравоохранения) – The World Health Organization, the United

Nations as the agency overseeing international public health.

CDC (Центр по контролю за заболеваниями) – The Centers of Disease Control in Atlanta, Georgia.

Глаголы – одна из рассматриваемых подгрупп, где представлено относительно небольшое количество модных слов. В период с 2016 по 2020 год в источниках фактического материала зафиксировано 4 модных глагола, три из которых относятся к периоду пандемии: smize, zoom, also Zoom, и self-isolate. В таблице 4 представлены все слова с определениями и источниками, из которых они взяты.

Появление таких глаголов обусловлено новыми реалиями в жизни общества, пандемия, связанная с вирусом Covid-19, изменила жизнь многих людей. Работа перешла в онлайн-формат, заболевшие люди вынуждены соблюдать самоизоляцию, а в общественных местах люди вынуждены носить маски во избежание заражений новым вирусом или его

Таблица 5

Примеры фразовых языковых единиц

Table 5

Examples of phrasal language units

Языковые единицы	Значение	Источник
Black Lives Matter	A movement protesting police brutality against African Americans	The Global Language monitor
MAGA	Make America Great Again: 2016 Campaign slogan of President Trump	The Global Language monitor
See what I did there?	Used as a way of drawing attention to something clever and funny that you have just said or written	Macmillan Online Dictionary
Take a knee, also take the knee	To kneel on one knee as a public act of protest, especially in a situation where most other people are standing	Macmillan Online Dictionary

Таблица 6

Примеры прилагательных

Table 6

Examples of adjectives

Языковые единицы	Значение	Источник
BAME	Black, Asian and minority ethnic: a term used to refer to people who are not white	Macmillan Online Dictionary
Goldilocks, also goldilocks	Used to describe a situation in which a particular set of qualities or conditions are or have to be exactly right	Macmillan Online Dictionary

распространения. Все эти события требуют особенного отображения в языке, что привело к появлению и распространению новых слов, появившихся для обозначения этих явлений и событий.

Остальные группы, а именно, – фразовые языковые единицы, имена прилагательные и другие языковые единицы наименее употребительны, так как основной частью лексических единиц, которые в речи и письме употребляют люди, являются существительные, которые обозначают те или иные явления и реалии. Именно имена существительные выполняют номинативную функцию наиболее точно и не требуют дополнительных слов для конкретизации.

В таблицах 5 и 6 представлены примеры фразовых языковых единиц и имен прилагательных с определениями, которые были зафиксированы в The Global Language Monitor и Macmillan Online Dictionary за выбранный период времени.

Заключение

В целом проблема появления и распространения модных слов в английском языке является актуальной, так как развитие языка в эпоху глобализации неизбежно. Модные слова появляются в

ответ на запрос общества, эти лексические единицы имеют более конкретное или общее значение, которое служит для обозначения обновленной действительности. Большая часть модных слов появляются и оседают в интернет-пространстве. Не все лексические единицы официально фиксируются в лексикографических источниках, так как они быстро появляются и многие быстро выходят из употребления.

The Global Language monitor и Приложение к Macmillan Online Dictionary, на которых базируется выборка материала для настоящего исследования, являются официальными источниками, фиксирующих модные слова, которые в каждом случае сопровождаются дефинициями. В Приложении к Macmillan Online Dictionary также представлены примеры использования и этимологические характеристики каждой лексической единицы. Следует подчеркнуть, что оба источника фактического материала относятся к англоязычному интернет-дискурсивному пространству, поэтому они отличаются оперативной реакцией на социальный запрос к обновлению коммуникативного континуума.

Результатом анализа выборки фактического материала, которая составляет 100 лексических

единиц, (50 примеров из каждого источника фактического материала), стало распределение всех единиц на следующие подгруппы, отражающие индекс частотности: 1) имена существительные-неологизмы и номинативные словосочетания; 2) имена собственные; 3) глаголы; 4) фразовые языковые единицы; 5) имена прилагательные. В группе имен существительных-неологизмов и номинативных словосочетаниях представлено наибольшее количество примеров, 75 лексических единиц, что можно объяснить тем, что в речи людей чаще встречаются имена существительные, которые называют некий предмет или явление. Общество ощутило необходимость в новых словах, которые бы помогали более точно передавать смысл с минимальным употреблением языковых элементов.

Вторая наиболее распространенная группа лексических единиц, имена собственные, представлена только в The Global Language monitor, так как в данном источнике фиксируются слова, которые наиболее часто появляются в СМИ, на телевидении и в социальных сетях. Общество обсуждает определенные публичные личности, которые чаще всего мелькают в главных источниках информации.

Остальные группы представлены всего несколькими примерами, так как это не слова первой необходимости, которые часто используются в коммуникативной практике. Большая часть информации, которую люди стараются передать своим собеседникам, заключается в новых и модных именах существительных и номинативных словосочетаниях.

Материалы исследования

Cambridge – *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>.

Macmillan – *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/zoom.html>.

The GLM – *The Global Language Monitor*. URL: <https://languagemonitor.com>.

Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Библиографический список

Makarych, Popova, Shved 2020 – *Makarych M.V., Popova Yu.B., Shved M.O.* Electronic Lexicography: Traditional and Modern Approaches // Наука и техника. 2020. № 5. Р. 421–427. DOI: <http://doi.org/10.21122/2227-1031-2020-19-5-421-427>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aeongd>.

Бучнева 2019 – *Бучнева Ю.В.* Перевод неологизмов в сфере арт-бизнеса // Молодой ученый. 2019. № 8 (246). С. 201–202. URL: <https://moluch.ru/archive/246/56628>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37015836>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yuyajfz>.

Ганин 1978 – *Ганин В.В.* Об одном типе авторских неологизмов и их переводе на русский язык // Сборник научных трудов МГПИИЯ. 1978. № 127. С. 106–121.

Заботкина 1989 – *Заботкина В. И.* Новая лексика современного языка. Москва: Высш. шк., 1989. 124 с. URL: https://classes.ru/grammar/138.Zabotkina/worddocuments/_htm.

Лебедева 2011 – *Лебедева О.Г.* Способы перевода неологизмов // *Lingua mobilis*. 2011. № 5 (31). С. 118–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-neologizmov/viewer>.

Лутовинова 2009 – *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23089796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tlhdat>.

Плотникова 2014 – *Плотникова А.М.* Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского гос. педагогического ун-та. 2014. № 3 (19). С. 22–29. DOI: <http://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfduzn>.

Пумпянский 2005 – *Пумпянский А.Л.* Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. Москва: Наука, 2005. 304 с. URL: <http://helpforlinguist.narod.ru/200302N0022/PumpanskiyAL.pdf>.

Резунова 2008 – *Резунова М.В.* К определению лексикографического дискурса // Альманах современной науки и образования. Грамота, 2008. № 2–3. С. 189–191. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2008_2-3_81.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17907678>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbwsml>.

Смолоногина, Ситникова 2022 – *Смолоногина Е.А.* Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница // Научный диалог. 2022. № 11 (2). С. 144–158. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hwuwjtd>.

References

Makarych, Popoba, Shved 2020 – *Makarych M.V., Popova Yu.B., Shved M.O.* (2020) Electronic Lexicography: Traditional and Modern Approaches. *Science and Technique*, vol. 19, no. 5, pp. 421–427. DOI: <http://doi.org/10.21122/2227-1031-2020-19-5-421-427>.

Buchneva 2019 – *Buchneva Yu.V.* (2019) Translation of neologisms in the field of art business. *A young scientist*, no. 8 (246), pp. 201–202. URL: <https://moluch.ru/archive/246/56628/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37015836>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yujajfz>. (In Russ.)

Ganin 1978 – *Ganin V.V.* (1978) About one type of author's neologisms and their translation into Russian. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYa*, no. 127, pp. 106–121. (In Russ.)

Zabotkina 1989 – *Zabotkina V.I.* (1989) New vocabulary of the modern language. Moscow: Vyssh. shk., 124 p. Available at: https://classes.ru/grammar/138.Zabotkina/worddocuments/_htm. (In Russ.)

Lebedeva 2011 – *Lebedeva O.G.* (2011) Ways of translating neologisms. *Lingua mobilis*, no. 5 (31), pp. 118–122. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-neologizmov/viewer>. (In Russ.)

Lutovinova 2009 – *Lutovinova O.V.* (2009) Linguoculturological characteristics of virtual discourse: monograph. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 477 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23089796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tlhdat>. (In Russ.)

Plotnikova 2014 – *Plotnikova A.M.* (2014) Modern tendencies in Russian lexicographical discourse. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (19), pp. 22–29. DOI: <http://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfduzn>. (In Russ.)

Pumpyansky 2005 – *Pumpyansky A.L.* (2005) Introduction to the practice of translating scientific and technical literature into English. Moscow: Nauka, 304 p. Available at: <http://helpforlinguist.narod.ru/200302N0022/PumpanskiyAL.pdf>. (In Russ.)

Rezunova 2008 – *Rezunova M.V.* (2008) To the definition of lexicographic discourse. *Almanac of Modern Science and Education*, no. 2–3, pp. 189–191. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2008_2-3_81.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17907678>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pbwsm1>. (In Russ.)

Smolonogina, Sitnikova 2022 – *Smolonogina E.A., Sitnikova I.O.* (2022) Parameters of lexicographic description of new vocabulary of modern German in electronic dictionary of neologisms of Leibniz Institute for German Language. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, vol. 11, no. 2, pp. 144–158. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hwuwjtd>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

Дата поступления: 17.01.2022
рецензирования: 25.02.2022
принятия: 28.05.2022

Языковая репрезентация психотипов в художественном дискурсе У. Голдинга

Р.А. Кузнецов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ponpon19962@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7004-9991>

Аннотация: Статья посвящена изучению специфических лексических репрезентантов психотипов в рамках художественного произведения. Актуальность данной статьи заключается в том, что лингвисты проявляют интерес к исследованиям в области функциональной лингвистики и психолингвистики, в которых язык рассматривается в рамках инструментальной функции. Цель работы состоит в выделении специфических языковых единиц, отражающих психотипы героев. Материалом для исследования послужили лексические единицы из романа-притчи «Повелитель мух», значения которых передают характерные черты характеров Ральфа и Джека. В исследовании использовалось контекстологическое описание и структурно-семантический анализ. В работе дается характеристика их поведению, речи, представлению себя в обществе с позиций психологии и психолингвистики. Ральф в произведении представлен гипертимом, а Джек – эпилептоидом. Диаметральность поведения мальчиков свидетельствует о том, что гипертим и эпилептоид не способны найти общего языка при распределении социальных ролей в рамках произведения. Также особенности психотипов главных героев оказывают влияние на управление группой. Ральф управляет группой следующими способами: опираясь на гуманизм, взаимопонимание; шутит с целью разрядки обстановки, старается обнадежить ребят на их возможное спасение, пробуждает в ребятах человеческое. Джек прибегает к следующим средствам управления: авторитарность, ментальное запугивание, физическая расправа. Авторитарность героя проявляется в использовании им императивных конструкций при коммуникации с ребятами. Ментальное запугивание достигается путем использования лексем, отражающих физические воздействия, оскорбления. Ментальное запугивание происходит также посредством невербалики (пронзительный взгляд, взгляд сверху вниз и т. п.). Автор статьи приходит к следующим выводам: психотипы в художественном дискурсе У. Голдинга передаются посредством лексем, отражающих невербальные способы коммуникации; гипертимный тип характера отражается посредством использования языковых единиц с положительной или нейтральной коннотацией, а эпилептоидный – через языковые единицы с отрицательной и нейтральной коннотацией.

Ключевые слова: психотип; императивность; эпилептоидный тип; языковые единицы; гипертимный тип; вербальная и невербальная коммуникация; авторский неологизм.

Цитирование. Кузнецов Р.А. Языковая репрезентация психотипов в художественном дискурсе У. Голдинга // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 174–183. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-174-183>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кузнецов Р.А., 2022

Руслан Александрович Кузнецов – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2022
Revised: 25.02.2022
Accepted: 28.05.2022

Linguistic representation of psychotypes in the artistic discourse of W. Golding

R.A. Kuznetsov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ponpon19962@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7004-9991>

Abstract: The article is devoted to the study of specific lexical representations of psychotypes in the framework of a work of art. The relevance of this article is that linguists are concerned with studies in the field of functional linguistics and psycholinguistics, in which language is considered within the framework of an instrumental function. The aim of the work is to identify specific tokens that reflect the psychotypes of the characters. The material for the study is the lexemes from «Lord of the Flies» by William Golding. The meanings of selected language units convey the personal touch of Ralph's and Jack's nature. The study used contextual description and structural and semantic approach. The article describes their behavior and speech from the perspective of psychology and psycholinguistics. Ralph is a hypertim and Jack is an epileptoid. The contrast of the boys' behavior indicates that the hypertim and epileptoid are not able to find a common

language in the distribution of social roles. The characteristics of the psychotypes have an impact on the management of the group. Ralph manages the group in the following ways: relying on humanism, mutual understanding; he jokes to defuse the situation; he encourages the guys to save them from the outside, and tries to awaken the humaneness in the guys. Jack uses the following means of controlling the group: authoritarianism, mental intimidation, physical violence. Authoritarianism is expressed through the use of the imperative. Mental intimidation is achieved by using lexemes that reflect physical influences, insults. In addition, mental bullying occurs through body language (piercing gaze, looking down). In conclusion, the author comes to the following conclusion: psychotypes are transmitted mainly through lexemes that reflect body language; hypertim is reflected through language units with positive or neutral connotations, while epileptoid is expressed through language units with negative and neutral connotations.

Key words: psychotype; imperativeness; epileptoid; language units; hypertemic; verbal and non-verbal communication; author's neologism.

Citation: Kuznetsov R.A. Linguistic representation of psychotypes in the artistic discourse of W. Golding. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 2, no. 28, pp. 174–183. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-174-183>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kuznetsov R.A., 2022

Ruslan A. Kuznetsov – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Роман-притча «Повелитель мух» – это многоплановое художественное произведение, которое отражает множество проблем современности: противоборство добра и зла в человеческой душе, противостояние реальному и невротическому страху, борьбу интересов, развитие общества (в данном случае его деградацию), взаимодействие людей с разными психотипами и т. д. В связи с многомерностью романа он исследовался не только лингвистами, но и философами, психологами и социологами, поскольку темы, затрагиваемые автором произведения, отражают современное состояние нашего общества. Кроме того, роман-притча Уильяма Голдинга привлек внимание и теологов, поскольку один из героев, Саймон, напоминает молодого Иисуса. Благодаря исследованиям теологов о сущности человека и его моральных качествах в свободном мире романом-притчей заинтересовались психолингвисты, которые изучают способы выражения своего «Я» в обществе.

В нашем исследовании мы обращаем внимание на проблему языковой репрезентации психотипов, поскольку данная тема является актуальной в области психолингвистики по причине того, что она наглядно иллюстрирует психологические особенности личности, которые оказывают значительное влияние на все аспекты жизни социума, а также в области функциональной лингвистики, поскольку в данном исследовании язык рассматривается как система, отражающая специфические особенности личности. Следовательно, изучение языковых средств передачи психологических особенностей личности поможет изучить то, как посредством вербальной и невербальной коммуникации психотип человека оказывает воздействие на человека или социум в целом, а также специфические черты самих типов характеров.

Цель настоящей статьи заключается в выделении и анализе специфических языковых средств, репрезентирующих психотипы главных героев романа-притчи «Повелитель мух».

В ходе изучения романа-притчи «Повелитель мух» нами были отобраны языковые единицы, ре-

презентирующие определенные психотипы (типы характеров Ральфа и Джека). На основе отобранного языкового материала мы пришли к выводу, что каждый герой в произведении обладает уникальным типом характера (исключение составляют малыши, которые просто уподобляются подросткам).

Особенности языковой репрезентации психотипов выражены в речевых характеристиках персонажей, авторских комментариях, описаниях внутреннего диалога героев произведения, внешнего облика и поведения на острове.

При анализе языковых единиц, репрезентирующих психотипы Ральфа и Джека, мы опирались на классификацию психотипов (в понимании автора – типов характера), предложенной В.В. Пономаренко в работе «Практическая характерология. Методика 7 радикалов», которая основана на выделении типичных сочетаний черт характера и поведения в социуме, а также на психологии личности [Пономаренко 2019].

В ходе исследования использовались такие методы, как контекстологическое описание и структурно-семантический анализ. Метод контекстологического описания необходим для того, чтобы определить в произведении конкретное лексическое значение для специфических (контекстуальных) лингвистических единиц, отражающих психотипы главных героев произведения «Повелитель мух»; структурно-семантический анализ использовался для того, чтобы вычленить единицы языка, отражающие характерные черты рассматриваемых психотипов, а также изучить их специфику и функции в романе-притче Уильяма Голдинга.

Анализ научной литературы

В ходе проведения нашего исследования мы опирались на труды психологов, социологов, лингвистов и психолингвистов, поскольку данное исследование проведено на стыке психологии и лингвистики.

Основным источником психологических знаний послужила книга В.В. Пономаренко «Прак-

тическая характерология. Методика 7 радикалов», поскольку в ней дается подробное описание особенностей поведения личности в социуме и на основе поведения определяется характерный психотип (тип характера) [Пономаренко 2019]. Интерес к этой книге обусловлен тем, что наше исследование опирается на психотипы людей (в нашем случае подростков). И для выделения и анализа характерных языковых средств необходимо знать классификации психотипов, а также понимать специфику каждого из них.

Кроме того, мы изучили статью Е.А. Махриной «О специфике природы агрессивности подростков-аддиктов с химическими формами зависимости», в которой раскрываются причины и факторы проявления агрессивного поведения у подростков [Махрина 2019, с. 37–46]. Обращение к статье Махриной обусловлено тем, что ребята на протяжении произведения становятся все агрессивнее, а статья дает конструктивное объяснение показанной корреляции поведения героев романа-притчи.

Рассматривая проблему языковой репрезентации психотипов в романе-притче Уильяма Голдинга «Повелитель мух», мы обратились к статье А.В. Кремневой и Е.Ю. Мягковой «Чувственные основания значения слова», в которой дается описание психолингвистической теории слова, а также даны основные эмоционально-чувственные характеристики слова. В ней также подробно рассматриваются когнитивные и метакогнитивные проблемы языкового мышления [Кремнева, Мягкова 2007, с. 144–151]. Благодаря данной статье мы определили коннотацию лексем, отражающих психотип (тип) характера.

Во время нашего исследования мы ознакомились с монографией В.И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций», поскольку в ней автор подробно рассматривает лингвистическую реализацию эмоций, а также их коммуникативное пространство [Шаховский 2008]. Это позволило правильно интерпретировать эмоции, поэтому изучение данной монографии было необходимым шагом для адекватного определения психотипа героя произведения.

В дополнение к монографии В.И. Шаховского мы также изучили статью А.П. Седых «Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании», в которой профессор рассматривает эмоции как тип языковой идентичности, а также выделяет способы их вербализации [Седых 2012, с. 108–115].

Отметим, что, исследуя акцентуацию характера героев в художественном произведении, мы, с одной стороны, упрощаем себе задачу, поскольку образ статичен (не выходит за рамки текста), но, с другой стороны, усложняем ее по причине того, что необходимо изучить языковую картину мира писателя для понимания специфических черт характера героев и их скрытой мотивации. С этой целью нами была проанализирована статья Л.Н. Петровой «Языковые средства выражения эмоций в англий-

ском языке», в которой автор раскрывает основные тезисы такой области современной лингвистики, как эмотиология, посредством примеров из художественной литературы [Петрова 2017, с. 72–82].

Лингвистический анализ психотипа протагониста

У Ральфа гипертимный тип характера. Он общительный, подвижный, озорной подросток, который хочет стать лидером группы (стоит отметить, что он смог стать лидером группы в начале произведения). Однако именно из-за данного типа личности он потерял свою власть, поскольку людям с данным набором черт характера присуща поверхностность, переоценка своих возможностей, чрезмерная самоуверенность, высмеивание людей с целью повышения собственного чувства важности и нужности. Они боятся всевозможных конфликтных ситуаций, из которых могут выйти проигравшей стороной, а также стараются произвести хорошее впечатление любым доступным им путем. Людям с данным психотипом необходимо постоянно получать одобрение со стороны окружающих людей, поскольку тем самым они чувствуют свою важность. Помимо этого, гипертимы очень часто дают такие обещания, которые в реальности неосуществимы. Они это делают с целью расположения к себе людей и получения их одобрения и признания (хотя и временного).

Кроме того, любое дело, которое поручал Ральф ребятам, никогда не было сделано добросовестно и до конца, потому что гипертимам сложно переносить любую монотонную деятельность. Тем не менее гипертимность спасла Ральфа от верной гибели, так как он быстро думает, принимает решение и действует.

Приведем пример, вербально передающий такую черту характера Ральфа, как озорство, которая является одной из характерных черт гипертимного типа характера:

– *My auntie told me not to run, he explained, on account of my asthma.*

– *Ass-mar?* (Golding 2015, с. 3).

В данном примере интерес вызывает лексема *ass-mar*, которая, с одной стороны, выступает отражением лингвокреативности в художественном дискурсе, а с другой – языковым средством проявления озорства Ральфа, поскольку данная языковая единица имеет фонетическое сходство со словом, которое относится к обценной лексике. Данной лингвистической единицей является *ass*. Озорство – это характерная черта гипертимного типа характера, поскольку люди такого психотипа понимают, что лучший способ расположить к себе человека – это хорошая шутка.

Примером невербального выражения озорства Ральфа будет являться следующее описание его действий: *He patted the palm trunk softly, and, forced at last to believe in the reality of the island laughed delightedly again and stood on his head. He turned*

neatly on to his feet, jumped down to the beach, knelt and swept a double armful of sand into a pile against his chest. Then he sat back and looked at the water with bright, excited eyes (Golding 2015, с. 4).

Данный пример иллюстрирует озорной характер Ральфа посредством перечисления его действий: *laughed delightedly, stood on his head, turned neatly on to his feet, jumped down to the beach, knelt and swept a double armful of sand*. Кувырки, стойка на голове, сгребание песка – это самые яркие репрезентанты невербального проявления озорства, поскольку все эти действия ребенок или подросток выполняет в перевозбужденном состоянии (положительные эмоции переполняют подростка и требуют выражения извне). Кроме того, данные лексемы можно отнести к симптоматической лексике – симптоматическим единицам со встроенной эмоцией [Sheets-Johnstone 2019, p. 33–54].

Еще одним примером, иллюстрирующим озорной характер Ральфа невербально, будет следующее предложение: *This time Ralph expressed the intensity of his emotion by pretending to knock Simon down; and soon they were a happy, heaving pile in the under-dusk* (Golding 2015, с. 19).

В отличие от предыдущего примера в представленном предложении отсутствует перечисление действий, посредством которого и передавалась в прошлом случае рассматриваемая черта характера. В данном отрывке озорство Ральфа передается шуточным действием *to knock down* по отношению к Саймону, которое было мотивировано чрезмерностью переполняемых внутри эмоций (*the intensity of emotion*). Кроме того, конечная реакция ребят на действие со стороны протагониста романа-притчи (*they were a happy*) также свидетельствует о том, что у подростка не было злого умысла навредить своему товарищу.

Далее приведем пример, в котором Ральф пытается произвести хорошее впечатление невербальными способами, а также продемонстрировать свою значимость Хрюше и ребятам, которые идут на звук его рога: *Piggy muttered the name to himself and then shouted it to Ralph, who was not interested because he was still blowing. His face was dark with the violent pleasure of making this stupendous noise, and his heart was making the stretched shirt shake* (Golding 2015, с. 11). Ральф, будучи человеком с гипертимным типом характера, всегда любит быть в центре внимания, а также показывать свою значимость окружающим людям. В данном случае его значимость выражается через придаточное определительное *who was not interested because he was still blowing*. Гипертимы всегда настолько увлечены тем действием, которое может принести им славу и власть, что они просто перестают замечать все вокруг. Кроме того, словосочетания *violent pleasure* и *stupendous noise* передают настроение величественности, которое вкладывает Ральф в созыв ребят. Тем самым мы можем уже сделать вывод, что подросток считает себя центром социальной иерархии острова, поскольку вокруг него

собираются ребята. Помимо этого, часть сложно-сочиненного предложения *and his heart was making the stretched shirt shake* иллюстрирует сильное желание стать центром общества (лидером), поскольку подросток в ущерб своему физическому состоянию продолжает дуть в рог. Люди с гипертимным типом характера, как правило, ради того, чтобы стать лидером или быть в центре внимания группы, готовы на любые жертвы.

Продемонстрируем еще один пример попытки Ральфа произвести положительное впечатление на ребят невербальным способом. В отличие от рассматриваемого примера выше, в данном случае к попытке повысить свой авторитет также прибавляется и страх потерять лидерство, которое обусловлено отсутствием помощи со стороны Хрюши (в свою очередь, неспособность Ральфа к саморепрезентации говорит о его низком уровне развития как социальной личности, что исключает возможность быть лидером): *He was uncertain whether to stand up or remain sitting. He looked sideways to his left, toward the bathing pool. Piggy was sitting near but giving no help* (Golding 2015, с. 24). В данных предложениях иллюстрируется неспособность Ральфа предстать перед публикой в выгодном для себя свете без помощи своего «серого кардинала». Неуверенность Ральфа при выборе наиболее выигрышной позы для выступления перед ребятами выражена лексемой *uncertain*, которая на русский язык переводится как «неуверенный». Данная неуверенность может являться следствием того, что ребенку не давали почувствовать себя взрослым, а также все решения принимались за него. Помимо этого, косой взгляд (*to look sideways*) свидетельствует на подсознательном уровне о нескольких вещах: во-первых, человек ищет помощи; во-вторых, не получив эту помощь, человек озлобляется на предмет всматривания.

В романе-притче невербальным способом передается и такая черта характера психотипа Ральфа, как необходимость в одобрении лицом или группой лиц. Рассмотрим пример: *Laughing, Ralph looked for confirmation round the ring of faces. The older boys agreed but here and there among the little ones was the doubt that required more than rational assurance* (Golding 2015, с. 28). Как и в некоторых других рассмотренных нами примерах, черта характера передается посредством взгляда героя. В данном случае Ральф смотрел на ребят с ожиданием одобрения со стороны своих соплеменников (*Ralph looked for confirmation*). И когда он его получил, уровень уверенности в себе повысился, поскольку единогласное принятие мнения гипертима влечет за собой повышение уровня его категоричности по причине того, что он начинает воспринимать окружающее его общество как механизм, который постоянно должен с ним соглашаться. В дальнейшем повествовании мы заметим, как Ральф будет обижаться на тех ребят, которые будут высказывать мнения в противовес его.

В следующем отрывке будет представлено несколько черт характера и моделей поведения ги-

пертима (Ральфа): желание произвести хорошее впечатление, необходимость одобрения группами лиц, обман с целью расположения к себе группы, а также одна из моделей поведения и черт характера эпилептоида (Джека) – выжидательная позиция и демонстративное пренебрежение.

– *And sooner or later a ship will put in here. It might even be Daddy's ship. So you see, sooner or later, we shall be rescued.*

He paused, with the point made. The assembly was lifted toward safety by his words. They liked and now respected him. Spontaneously they began to clap and presently the platform was loud with applause. Ralph flushed, looking sideways at Piggy's open admiration, and then the other way at Jack who was smirking and showing that he too knew how to clap (Golding 2015, с. 29).

В данном отрывке представлена последняя фраза Ральфа в диалоге между Ральфом и Джеком, в котором ребята обсуждали спасение и жизнь на острове. Ральф говорил Джеку и остальным ребятам о том, что их обязательно спасет его отец, и приводил огромное количество доводов, которые не отражали действительного положения дел. Так как ребята только оказались на острове, то пустые обещания имели положительное воздействие на окружающих, поскольку еще не пришло осознание того, что существует реальная угроза жизни. Кроме того, не стоит забывать, что детей очень легко заговорить и отвлечь от первоначальной темы разговора и истины. Именно поэтому мы и наблюдаем безукоризненное признание Ральфа как лидера и глубокое уважение к нему со стороны почти всех ребят. Поэтому Ральф и делает паузу для того, чтобы получить признание от детей в свою сторону как лидер, способный спасти всех (*He paused, with the point made*).

В свою очередь нам бы хотелось отметить, что в данном контексте слово *point* можно интерпретировать несколькими способами: первый способ мы описали выше, а смысл второй интерпретации заключается в том, что лексема *point* также обозначает и завершение конфликта между Ральфом и Джеком, поскольку после упоминания того, что поставлена «точка», нам демонстрируют реакцию «зрителей» конфликта, а также реакцию проигравшей стороны (Джека).

Реакция Джека «на проигрыш» свидетельствует о том, что у героя все под контролем, а также он высказывает пренебрежение в отношении Ральфа. Языковая единица *smirking* на невербальном уровне демонстрирует уверенность Джека в том, что скоро победу одержит он, поскольку ухмылка – это невербальное средство выражения неуважения, которая влечет за собой противодействие в отношении лица, которому она адресована. Часть придаточного предложения *he too knew how to clap* транслирует также на невербальном уровне пренебрежительное отношение: местоположение частицы *too* в данном предложении как раз и передает саркастическое принятие Ральфа как лидера, по-

скольку акцентируется внимание на том факте, что Джек хлопает не из-за восхищения Ральфом благодаря его обещаниям, а просто потому, что тоже умеет это делать, как и все остальные на острове.

Следующее описание внутреннего противоборства доброго и злого начала в душе Ральфа проиллюстрирует такие черты, как сострадание и желание быть в центре группы людей или общества в ущерб другому человеку: *Stillness descended on them. Ralph, looking with more understanding at Piggy, saw that he was hurt and crushed. He hovered between the two courses of apology or further insult* (Golding 2015, с. 17). Начнем анализ с положительной черты характера Ральфа – его сострадания. Оно у подростка выражается через приложение *looking with more understanding at Piggy*, из которого видно, что для данного героя характерна эмпатия. Читателю становится понятно, что герой понимает свою ошибку и вину перед Хрюшей. Это обусловлено тем, что для Ральфа характерно проявление толерантности в отношении людей, которые физически или ментально слабее его. В свою очередь, толерантность позволяет испытывать герою эмпатию в отношении людей, к которым она проявляется [Андронникова 2021, с. 320–327; Lorette, Dewaele 2020, p. 1–26].

Однако парадокс заключается в том, что Ральф не считает себя виноватым, поскольку он достигал своей цели: признания обществом ребят. Как уже было сказано выше, гипертимы готовы на любые жертвы ради того, чтобы стать центром в социальной группе. Более того, Ральф считает виноватым Хрюшу в том, что тот заставил его испытывать чувство стыда. Это связано с тем, что люди с гипертимным типом характера не любят слышать о себе в негативном ключе, поскольку это может испортить образ «идеального» лидера. К этому выводу можно прийти, рассмотрев предложение *He hovered between the two courses of apology or further insult*, из которого читателю становится ясна двойственность души Ральфа, в которой человечность борется со славой, желанием быть главным и самым лучшим. Данная внутренняя борьба характерна для гипертимов.

Далее мы хотим продемонстрировать пример, в котором Ральф высмеивает страх малыша с целью повышения чувства собственной важности в глазах его группы:

– *He wants to know what you're going to do about the snake thing.*

Ralph laughed, and the other boys laughed with him. The small boy twisted further into himself (Golding 2015, с. 27).

В данном случае черта характера гипертима передается посредством ответной реакции на предложение малыша, который в ужасе спрашивает о том, что будут делать с существом, похожим на змею. Этой ответной реакцией является смех Ральфа (*Ralph laughed*). Данную реакцию можно интерпретировать двумя способами: согласно первому способу, смех – это защитная реакция

организма на страх, целью которого является сохранение способности мыслить адекватно; второй способ заключается в том, что Ральф захотел самоутвердиться за счет маленького ребенка, который значительно слабее главного героя. Данная двойственность восприятия обусловлена проблемой интерпретации ассоциативных данных, поскольку мы не можем быть уверенными в том, что на самом деле хотел донести автор произведения до реципиента по причине субъективной составляющей процесса интерпретации [Пищальникова 2019, с. 749–761].

Однако мы склонны интерпретировать данный отрывок с отсылкой ко второму варианту, поскольку Ральфу необходимо было продемонстрировать свое красноречие соплеменникам с целью сохранения главенства. Кроме того, Ральф не мог напасть / подшутить / посмеяться над Джеком и другими подростками (кроме Хрюши) по причине того, что тот очень сильно боялся остальных (боялся их ответной реакции).

При общей характеристике гипертимного типа характера нами была выделена такая особенность психотипа, как страх перед конфликтными ситуациями (особенно из которых гипертимы могут выйти проигравшей стороной). Нам бы хотелось продемонстрировать пример небольшой полемики, которая смогла смутить и обезоружить Ральфа перед всей его группой ребят. Рассмотрим диалог Ральфа и Джека, а также поведение Ральфа на принятие его мнения:

– *Ralph's right of course. There isn't a snake-thing. But if there was a snake we'd hunt it and kill it. We're going to hunt pigs to get meat for everybody. And we'll look for the snake too.*

– *But there isn't a snake!*

– *We'll make sure when we go hunting.*

Ralph was annoyed and, for the moment, defeated. He felt himself facing something ungraspable. The eyes that looked so intently at him were without humor (Golding 2015, с. 29).

Хотелось бы начать с того, что приведенный спор (локальный конфликт) антагониста и протагониста – это начало их глобального конфликта, который в последующем перерастет в дезертирство и убийство ребят. Как известно из произведения, никакого зверя не существовало. И Ральф, и Джек об этом знали, однако второй подросток умело воспользовался ситуацией с той целью, чтобы оправдать охоту с последующими убийствами (убийство с целью защиты, пропитания, затем с целью развлечения). Поведение Джека мотивировано желанием подставить Ральфа перед всеми для того, чтобы подорвать его авторитет среди ребят и стать новым лидером.

Анализируя реакцию Ральфа, можно прийти к выводу, что герой осознает то, что со временем он потеряет свое главенство, так как его сместит Джек. Тем не менее Ральф проявляет социальную устойчивость и не начинает эмоционировать в ходе данного конфликта [Tennberg, Vuojala-Magga,

Vola 2020, p. 94–109]. Слово сочетание *something ungraspable* в данном контексте обозначает антагониста произведения, поскольку Джек для Ральфа – непосильный оппонент. Помимо этого, протагонист романа-притчи также понимает и то, что он потеряет признание в глазах своей группы. Продемонстрировать данное социальное явление мы можем посредством следующего предложения (*The eyes that looked so intently at him were without humor*), в котором говорится о том, что ребята перестали смотреть на своего лидера с юмором (однако нам кажется, что в данном контексте лексему *humor* можно также интерпретировать и как «расположение духа», поскольку дети транслируют свое признание другому лицу посредством смеха или улыбки из-за отсутствия сложных форм социального взаимодействия).

Психотип протагониста (Ральфа) передается как вербальными, так и невербальными средствами общения. Из представленных в статье примеров мы выделили следующие вербальные способы выражения гипертимного типа характера: речь героя. Из невербальных средств общения в приведенных примерах иллюстрируются: взгляд, язык тела, молчание, внутренние переживания, смех. Опираясь на фабулу произведения, можно предположить, что автор считает, что людям с гипертимным типом характера не стоит находиться во главе государства (государство в данном произведении представлено группой ребят), поскольку бесосновательные обещания никогда не приведут к успеху и уважению со стороны группы. Кроме того, неспособность доводить дело до конца также неблагоприятно влияет на общее настроение группы. Тем не менее если рассматривать индивидуальный характер психотипа (в рамках жизни человека, которому он принадлежит), то он помогает в процессе жизни избегать критических ситуаций (именно такая черта гипертима, как способность быстро мыслить и адаптироваться в критических ситуациях, спасла Ральфа от гибели от рук Джека и его группы).

Лингвистический анализ психотипа антагониста

Антагонистом романа-притчи «Повелитель мух» является Джек Меридью. Он лидер хора. У него эпилептоидный тип характера. Эпилептоидам свойственны следующие черты характера и манеры поведения: легковозбудимость, напряженность, авторитарность, провокационность, демонстративное пренебрежение сущностью человека, склонность к злобно-тоскливому настроению и раздражению с аффективными взрывами с возможным последующим поиском объекта для снятия напряжения (ментальной и физической жертвы в одном лице), дотошность. Кроме того, они также любят выведывать любую информацию доступным им способом, придумывать извращенные наказания за непослушание, делить людей на полезных и бесполезных, изучать социальные роли

каждого человека в группе или обществе для того, чтобы потом всех подмять под себя, изводить окружающих людей, мучить или убивать животных, дразнить всех, издеваться над беспомощными.

Джек Меридью – жестокий диктатор, который готов убить любого ребенка за несогласие с ним, а также причинить ему физическую или ментальную травму, лишь бы получить от подростка согласие или необходимую информацию (бил ребят копытами за провинности). Он с легкостью убивает зверей ради забавы, а также не считается с мнением ребят. На протяжении произведения Джек не вступал в открытую конфронтацию с Ральфом для того, чтобы резко и быстро сместить Ральфа с поста лидера группы. В лице Хрюши он нашел объект для травли. Далее приведем несколько примеров из произведения в подтверждение нашему предположению о том, что Джек Меридью является эпилептоидом.

Первым примером мы хотим продемонстрировать склонность Джека к раздражению с аффективными взрывами, а также его оценку полезности людей: *The boy came close and peered down at Ralph, screwing up his face as he did so. What he saw of the fair-haired boy with the creamy shell on his knees did not seem to satisfy him. He turned quickly, his black cloak circling* (Golding 2015, с. 13).

Как только Джек понял, что Ральф может стать лидером группы, он сразу же начал оценивать физические и ментальные способности своего главного врага, который также претендовал на лидерство в группе ребят, которые оказались на необитаемом острове одни. К такому выводу мы пришли на основе анализа описания невербальных действий Джека по отношению к Ральфу (*The boy came close and peered down at Ralph*). Данная связка действий свидетельствует о том, что Джек пытался невербальными способами продемонстрировать Ральфу свое превосходство над ним и контроль как над ситуацией, так и над ребятами.

Приведем еще один пример раздражительности Джека с аффективным взрывом (в легкой форме) в отношении себя. Рассмотрим отрывок из произведения:

– *Down there we could get as much wood as we want.*

Jack nodded and pulled at his underlip (Golding 2015, с. 30).

В данном случае автор передает раздражительность антагониста невербальным способом: *pulled at his underlip*. Как уже было отмечено ранее, Джек Меридью – диктатор, который в качестве наказания за непослушание или невыполнение поручения использовал физическое воздействие в отношении провинившегося лица. Поэтому в моменте, когда Ральф проявил смекалку, а Джек – нет, второй подросток в легкой форме преднамеренно повредил свое тело по причине уязвленной гордости. Данное девиантное поведение называется «самоповреждение» (иногда используется англицизм «селфхарм») [Lerena 2019, р. 143–160]. Нам так-

же хотелось бы акцентировать внимание на том, что степень и тяжесть наказания коррелируются с ожесточением Джека как личности в ходе развития сюжета романа-притчи: в начале произведения антагонист пощипывал и толкал несогласного с ним подростка, а в конце решил убивать всех несогласных с ним.

Особое внимание, по нашему мнению, заслуживает отношение Джека к Хрюше. Приведем в качестве примера одну из многочисленных реплик Джека, отражающую его отношение к Хрюше:

– *A fat lot you tried, – said Jack contemptuously.*

– *You just sat* (Golding 2015, с. 33).

Начнем с того, что только Джек обращался к Хрюше, используя лексику *fat*. Использование данного слова уже говорит о том, что антагонист не уважает Хрюшу из-за его лишнего веса (именно поэтому и использует данное обращение). А интонация, с которой было сказано это (*contemptuously*), только подтверждает нашу гипотезу о том, что Хрюша является самым ярким раздражителем для Джека. Из-за неспособности Хрюши в связи с лишним весом заниматься физической активностью Джек его относит к бесполезным людям. Поэтому если по отношению к Ральфу Джек выражает презрение сначала на невербальном уровне, а ближе к концу романа-притчи начинает открытую конфронтацию, то презрение в адрес Хрюши уже с начала произведения выражается напрямую: постоянные унижения и оскорбления. Открытость в выражении презрения обусловлена тем, что Джек испытывает физическое превосходство над Хрюшей (с позиции психологии задиры всегда ищут ребенка слабее себя для того, чтобы издеваться над ним с целью запугивания остальных и минимизирования возможной конфронтации с кем-либо из социальной группы). Кроме того, данное поведение Джека иллюстрирует отсутствие толерантности ко всем ребятам на острове [Liebermann 2019, р. 47–66].

Рассмотрим следующую пару предложений, в которой демонстрируется такая черта характера антагониста, как провокационность, а также страх группы ребят перед агрессивным поведением Джека: *Jack slammed his knife into a trunk and looked round challengingly. The meeting settled down again* (Golding 2015, с. 25).

Провокационность Джека, как и страх ребят, передается невербально: посредством описания определенных действий. Провокационность передается при помощи словосочетания *looked round challengingly* (наречие *challengingly* транслирует желание Джека напасть на кого-нибудь из ребят, но с позиции защиты, а не нападения, с целью не быть виноватым в причинении тяжких повреждений в ходе драки). Второе предложение передает страх ребят перед возможной атакой Джека, поскольку резкое наступление тишины свидетельствует о напряженном состоянии не отдельной единицы (ребенка), а всей группы [Weitian 2020, р. 241–264].

Следующий пример демонстрирует авторитарность Джека: «*Choir! Stand still!*» (Golding 2015, с. 13). Как видно из приведенных примеров, Джек использует высказывание в повелительном наклонении *Stand still*. Причем абсолютно всегда и общается с ребятами только в ультимативной форме. Данная форма ведения диалога свидетельствует о том, что у подростка отсутствует какое-либо уважение к остальным, поскольку он считает себя самым лучшим.

Приведем еще один пример авторитарности Джека: *Jack clamored among them, the conch forgotten* (Golding 2015, с. 30). Лексема *clamored* передает авторитарность и деспотичность Джека на вербальном уровне, поскольку вместо того, чтобы попросить ребят что-то сделать, он с них постоянно что-то требует, а также приказывает что-либо выполнить беспрекословно. Усиливает авторитарность и деспотичность Джека в этом случае вторая часть предложения *the conch forgotten*, поскольку ракушка в данном произведении имеет символ закона, справедливости. Отсутствие соблюдения законов в любой социальной группе для деспота будет являться хорошей площадкой для реализации своих «идей».

В дальнейшем к ультимативной форме добавляется сначала ментальный прессинг (воздействие интонацией, внешним видом и т. п.), а затем и физическое воздействие (битие копьями, жестокие наказания заслушание и т. д.).

Далее продемонстрируем психическое воздействие Джека на людей, которые находятся под его контролем. Как мы уже указывали выше, Джек довольно часто прибегал к психологическому прессингу с целью сломать и подавить волю человека. Рассмотрим пример: *With dreary obedience the choir raised their hands* (Golding 2015, с. 15). В данном предложении необходимо акцентировать внимание на словосочетании *dreary obedience*, посредством которого выражается отношение Джека к своим хористам (лексема *dreary* имеет отрицательную коннотацию (мрачный / унылый)). Из повествования нам становится ясно, что даже к своим хористам Меридью относится с огромным пренебрежением и неуважением. В связи с этим самоидентичность (личная идентичность) его хористов сведена к нулю из-за отсутствия положительных эмоций в речи их главы.

По этой причине его команда готова оставить своего человека на верную смерть. Приведем пример данной ситуации: *Then one of the boys flopped on his face in the sand and the line broke up. They heaved the fallen boy to the platform and let him lie. Merridew, his eyes staring, made the best of a bad job. «All right then. Sit down. Let him alone»* (Golding 2015, с. 13). Как видно из повествования, ребятам безразличен человек, который упал в обморок. Они просто его бросили на ровную поверхность и не пытались даже привести в чувство. Данное поведение можно охарактеризовать как проявление невежливости в глобальном контек-

сте, поскольку в основе этикета, религии, принципов человечности во всех странах мира заложена идея помощи и взаимопомощи.

Поведение Джека подтверждает наше мнение о том, что эпилептоиды разделяют людей на нужных и ненужных (на полезных обществу и неполезных обществу, по мнению Джека). Джек не видит в данном ребенке практическую значимость и пользу, поэтому особо и не старается помочь ему.

Следующим примером мы хотим продемонстрировать крайнюю жестокость Джека, с которой ребятам пришлось столкнуться: «*You cut a pig's throat to let the blood out*», said Jack, «*otherwise you can't eat the meat*» (Golding 2015, с. 23). Для начала стоит отметить тот факт, что обычный подросток, проживающий в городе, не может знать о том, как нужно убивать свинью. Такими вещами в юном возрасте интересуются дети, для которых характерен эпилептоидный тип характера, поскольку им необходимо научиться подавлению людей как ментально, так и физически. И своеобразная «тренировка» на свиньях – хорошая возможность развить необходимые навыки и умения. Джек в ходе развития сюжета обнаруживает такие черты: он начинает убивать свиней ради радости и удовольствия, первое убийство человека он считает прогрессом, который позволит его племени стать единым; убийство Хрюши было очень жестоким (на него уронили огромную каменную глыбу), а для того, чтобы убить Ральфа, Джек приказал просто сжечь весь лес с животными.

Как и при описании Ральфа, автор использует идентичные и вербальные, и невербальные средства общения при трансляции психотипа Джека. Проанализировав произведение целиком, можно прийти к выводу, что автор произведения, несмотря на свою антипатию к Джеку из-за его чрезмерной жестокости, понимает, что только жесткие лидеры способны держать людей под контролем. И именно поэтому в конце романа-притчи все перешли на сторону Джека, поскольку его строгая иерархия и система позволили почувствовать ребятам себя в безопасности. Вследствие этого можно сделать вывод: несмотря на всю жестокость эпилептоидов, они являются прирожденными лидерами, которые способны держать все общество под контролем. Однако под их контролем общество начнет процесс самодеструкции.

Заключение

Проанализировав языковые репрезентанты психотипов антагониста (Джека) и протагониста (Ральфа) в романе-притче Уильяма Голдинга «Повелитель мух», мы пришли к следующим выводам: Ральф является личностью с гипертимным типом характера, а Джек – личностью с эпилептоидным типом характера. По способу репрезентации психотипов главных героев языковые средства делятся на единицы, вербально отражающие особенности психотипа, и единицы, невербально

отражающие определенный тип характера. К вербальным способам выражения психотипов Ральфа и Джека можно отнести их прямую речь.

Невербальными способами выражения типов характера антагониста и протагониста будут являться: язык тела, мимика, взгляд, а также смех Ральфа (эпилептоиды, как правило, скалятся вместо смеха и улыбки). В ходе исследования нами также было отмечено, что большинство примеров, отражающих невербальную передачу психотипов, имеют лексемы, которые передают такое действие, как «глядеть» или «смотреть». Во взгляде ребят, как и улыбке (смехе), есть отличительные особенности: Ральф смотрит на Хрюшу с эмпатией, а Джек смотрит на ребят с вызовом (с желанием спровоцировать на физический выпад). В свою очередь, акцентуация внимания Уильяма Голдинга на глаза (взгляд) обусловлена тем, что писатель после Второй мировой войны разочаровался в сущности людей и посвятил себя религии. Люди, которые интересуются религией, очень часто используют

следующую поговорку для того, чтобы дать оценку человеку: «Глаза – зеркало души». Возможно, именно поэтому автор произведения делает акцент на глазах главных героев: передает большую часть эмоций посредством их взгляда [Matsuda 2015, p. 140–159]. Лишь данные лексико-синтаксические маркеры языковой личности персонажей уже позволяют разграничивать Ральфа и Джека: Ральф – герой положительный, а Джек – герой отрицательный.

В следствие этого мы пришли к выводу, что психотипы в романе-притче «Повелитель мух» Уильяма Голдинга передаются в основном посредством лексем, отражающих невербальные способы коммуникации. Кроме того, гипертимный тип характера отражается автором произведения посредством использования языковых единиц с положительной или нейтральной коннотацией, в то время как эпилептоидный тип характера – через языковые единицы либо с отрицательной, либо с нейтральной коннотацией.

Материалы исследования

Golding 2015 – *Golding W.* Lord of the Flies. New York: Penguin books, 2015. 182 p.

Библиографический список

- Lerena 2019 – *Lerena M.J.* Pain and Narrative Shape: Beyond the Indocility of Trauma in Three Newfoundland Novels // *Atlantis: Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*. 2019. No. 41. P. 143–160. DOI: <http://doi.org/10.28914/Atlantis-2019-41.2.07>.
- Liebermann 2019 – *Liebermann Y.* The Productivity of Empathy Inhibition: The Ethics of Framing in Caryl Phillips' The Lost Child // *AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik*. 2019. Vol. 44, no. 1. P. 47–66. DOI: <http://doi.org/10.2357/AAA-2019-0003>.
- Lorette, Dewaele 2020 – *Lorette P., Dewaele J.* Emotion recognition ability across different modalities: The role of language status (L1/LX), proficiency and cultural background. *Applied Linguistics Review*. 2020. Vol. 1, no. 11. P. 1–26. DOI: <http://doi.org/10.1515/applirev-2017-0015>.
- Matsuda 2015 – *Matsuda P.* Identity in Written Discourse. *Annual Review of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 35. P. 140–159. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0267190514000178>.
- Sheets-Johnstone 2019 – *Sheets-Johnstone M.* The Silence of Movement: A Beginning Empirical-Phenomenological Exposition of the Powers of a Corporeal Semiotics // *American Journal of Semiotics*. 2019. Vol. 35, issue 1. P. 33–54. DOI: <http://doi.org/10.5840/ajs20196550>.
- Tennberg, Vuojala-Magga, Vola 2020 – *Tennberg M., Vuojala-Magga T., Vola J.* Social resilience in practice: insights from Finnish Lapland // *Acta Borealia: a Nordic journal of circumpolar societies*. 2020. Vol. 37, issue 1–2. P. 94–109. DOI: <http://doi.org/10.1080/08003831.2020.1838151>.
- Weitian 2020 – *Weitian D.* The Dual effect of Speakers' Silent Pauses on Fluent Simultaneous Interpreting: A Comparison Between Formal Speech and Spontaneous Speech // *Across Languages and Cultures*. 2020. Vol. 21, no. 2. P. 241–264. DOI: <http://doi.org/10.1556/084.2020.00014>.
- Андронникова 2021 – *Андронникова О.О.* Толерантность к неопределенности и ее связь с жизнестойкостью у подростков // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 14 (3). С. 320–326. DOI: <http://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>.
- Кремнева, Мягкова 2007 – *Кремнева А.В., Мягкова Е.Ю.* Чувственные основания значения слова // *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2007. № 5. С. 144–151. URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2007pdf/LSE2007KremnyovaMyagkova.pdf>.
- Махрина 2019 – *Махрина Е.А.* О специфике природы агрессивности подростков-аддиктов с химическими формами зависимости // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. № 4–1 (8). С. 37–46. DOI: <http://doi.org/10.34670/AR.2019.44.4.011>.
- Петрова 2017 – *Петрова Л.Н.* Языковые средства выражения эмоций в английском языке // *Научный диалог*. 2017. № 6. С. 72–82. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-72-82>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yueyfh>.

Пищальникова 2019 – *Пищальникова В.А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>. EDN: <https://www.elibrary.ru/toezzz>.

Пономаренко 2019 – *Пономаренко В.В.* Практическая характерология. Методика 7 радикалов. Москва: АСТ, 2019. 224 с. URL: <https://profilonline.ru/wp-content/uploads/2019/08/ponomarenko-v-v-prakticheskaja-xarakterologija.pdf>.

Седых 2012 – *Седых А.П.* Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012 № 6. С. 108–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-emotsiy-i-ih-klassifikatsiya-v-gumanitarnyh-naukah-i-yazykoznanii>.

Шаховский 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416 с. URL: <https://www.klex.ru/sli>.

References

Lerena 2019 – *Lerena M.J.* (2019) Pain and Narrative Shape: Beyond the Indocility of Trauma in Three Newfoundland Novels. *Atlantis: Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, no. 41, pp. 143–160. DOI: <http://doi.org/10.28914/Atlantis-2019-41.2.07>.

Liebermann 2019 – *Liebermann Y.* (2019) The Productivity of Empathy Inhibition: The Ethics of Framing in Caryl Phillips' *The Lost Child*. *AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik*, vol. 44, no. 1, pp. 47–66. DOI: <http://doi.org/10.2357/AAA-2019-0003>.

Lorette, Dewaele 2020 – *Lorette P, Dewaele J.* (2020) Emotion recognition ability across different modalities: The role of language status (L1/LX), proficiency and cultural background. *Applied Linguistics Review*, vol. 1, no. 11, pp. 1–26. DOI: <http://doi.org/10.1515/applirev-2017-0015>.

Matsuda 2015 – *Matsuda P.* (2015) Identity in Written Discourse. *Annual Review of Applied Linguistics*, vol. 35, pp. 140–159. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0267190514000178>.

Sheets-Johnstone 2019 – *Sheets-Johnstone M.* (2019) The Silence of Movement: A Beginning Empirical-Phenomenological Exposition of the Powers of a Corporeal Semiotics. *American Journal of Semiotics*, vol. 35, issue 1, pp. 33–54. DOI: <http://doi.org/10.5840/ajs20196550>.

Tennberg, Vuojala-Magga, Vola 2020 – *Tennberg M., Vuojala-Magga T., Vola J.* (2020) Social resilience in practice: insights from Finnish Lapland. *Acta Borealia: a Nordic journal of circumpolar societies*, vol. 37, issue 1–2, pp. 94–109. DOI: <http://doi.org/10.1080/08003831.2020.1838151>.

Weitian 2020 – *Weitian D.* (2020) The Dual effect of Speakers' Silent Pauses on Fluent Simultaneous Interpreting: A Comparison Between Formal Speech and Spontaneous Speech. *Across Languages and Cultures*, vol. 21, no. 2, pp. 241–264. DOI: <http://doi.org/10.1556/084.2020.00014>.

Andronnikova 2021 – *Andronnikova O.O.* (2021) On the Relationship Between Uncertainty Tolerance and Hardiness in Adolescents. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 14 (3), pp. 320–326. DOI: <http://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>. (In Russ.)

Kremneva, Myagkova 2007 – *Kremneva A.V., Myagkova E.Yu.* (2007) Sensory bases of the meaning of the word. *Language, Communication, and Social Environment*, no. 7, pp. 144–151. Available at: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2007pdf/LSE2007KremnyovaMyagkova.pdf>. (In Russ.)

Makhrina 2019 – *Makhrina E.A.* (2019) On the specific nature of aggressiveness of adolescent addicts with chemical forms of addiction. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, no. 4–1 (8), pp. 37–46. DOI: <http://doi.org/10.34670/AR.2019.44.4.011>. (In Russ.)

Petrova 2017 – *Petrova L.N.* (2017) Linguistic Means of Expressing Emotions in English Language. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, no. 6, pp. 72–82. DOI: <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-6-72-82>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yueyfh>. (In Russ.)

Pishchalnikova 2019 – *Pishchalnikova V.A.* (2019) Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 749–761. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>. EDN: <https://www.elibrary.ru/toezzz>. (In Russ.)

Ponomarenko 2019 – *Ponomarenko V.V.* (2019) Practical characterology. Methodology of 7 radicals. Moscow: AST, 224 p. Available at: <https://profilonline.ru/wp-content/uploads/2019/08/ponomarenko-v-v-prakticheskaja-xarakterologija.pdf>. (In Russ.)

Sedykh 2012 – *Sedykh A.P.* (2012) Nature of emotions and their classification in humanities and linguistics. *Belgorod State University Scientific Bulletin*, no. 6, pp. 108–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-emotsiy-i-ih-klassifikatsiya-v-gumanitarnyh-naukah-i-yazykoznanii>. (In Russ.)

Shakhovskiy 2008 – *Shakhovskiy V.I.* (2008) Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis, 416 p. Available at: <https://www.klex.ru/sli>. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

УДК 821.161.1

Дата поступления: 08.02.2022
рецензирования: 23.03.2022
принятия: 28.05.2022

«Посеешь ветер – пожнешь бурю». Рецензия на книгу: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.

И.К. Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: bogomolov@inion.ru. Researcher ID: AAI-8746-2020. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Аннотация: Рецензируется монография американского исследователя Лонни Харрисона о «языке» и метафорах российской революции. В целом книга представляет собой скорее развернутое эссе по истории русской литературы XVIII–XX в., собственно метафорам и «языку» в ней уделено не так много внимания, как хотелось бы. Тем не менее автору удалось цельное исследование, раскрывающее для зарубежного читателя различные малоизвестные сюжеты из жизни и творчества русских писателей дореволюционной и советской эпох.

Ключевые слова. Революция 1917 г.; А.С. Пушкин; А.И. Герцен; А.А. Блок; М.А. Булгаков; М.А. Шолохов; Б.Л. Пастернак.

Цитирование. Богомолов И.К. «Посеешь ветер – пожнешь бурю». Рецензия на книгу: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 184–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187>.

© Богомолов И.К., 2022

Игорь Константинович Богомолов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, 51/21.

SCIENTIFIC REVIEW

Submitted: 08.02.2022
Revised: 23.03.2022
Accepted: 28.05.2022

«Sow the Wind, Reap the Storm». Review of the book: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p.

I.K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bogomolov@inion.ru. Researcher ID: AAI-8746-2020. ORCID: 0000-0001-8381-0284

Abstract: The monograph by American researcher Lonny Harrison tells about the «language» and metaphors of the Russian revolution. In general, the book is rather a detailed essay on the history of Russian literature of the XVIII–XX centuries, actually metaphors and «language» are not given as much attention as we would like. Nevertheless, the author has written a complete study revealing to the foreign reader various little-known stories from the life and work of Russian writers of the pre-revolutionary and Soviet eras.

Key words: Russian Revolution; A.S. Pushkin; A.I. Herzen; A.A. Blok; M.A. Bulgakov; M.A. Sholokhov; B.L. Pasternak

Citation. Bogomolov I.K. «If you sow the wind, you will reap the storm». Review of the boook: Harrison L. Language and Metaphors of the Russian Revolution: Sow the Wind, Reap the Storm. Lanham: Lexington Books, 2020. 270 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 184–187. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-184-187>. (In Russ.)

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Bogomolov I.K., 2022

Igor K. Bogomolov – Candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 15/21, Nakhimovskiy ave., Moscow, 11748, Russian Federation

Введение

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция к расширению хронологических рамок Российской революции затронула исследования не только по истории, но и по социологии, филологии, политологии [Smith 2017; Steinberg 2017]. Казалось бы, для филологии и литературоведения эта тенденция вполне логична и даже органична, ведь развитие русской литературы в контексте революционных потрясений начала XX в., сам «язык революции» изначально не умещались в рамки только лишь 1917 г. Нельзя, однако, сказать, что столетие революции вызвало за рубежом сколь-нибудь заметный всплеск интереса к этой проблематике. Довольно редкий и примечательный пример – монография Лонни Харрисона, профессора департамента современных языков Техасского университета в Арлингтоне. Ставя в центр повествования «язык и метафоры русской революции», автор осознает сложность, «энциклопедичность» такой задачи и сосредотачивает внимание на «метафорах бури и урожая», тропах посева и жатвы и «аналогичных литературных представлениях о революционном движении в России» (с. 8).

Основная часть

Книга состоит из двух частей, разбивающих ее на периоды «до» и «после» российской революции. Часть I – «Посеешь ветер» – содержит «краткую историю революционных идей, языка и символизма в России», выдвигая на первый план ключевые произведения литературы и наиболее заметные интеллектуальные течения (с. 11). Нужно отметить, что Харрисон начинает повествование с восстания декабристов, полагая, что революционная мысль в русской литературе берет свое начало именно в событиях 1825 г. В XIX в. искусство и литература стали «форумом для поиска русской национальной идентичности и решения многих ее социальных и политических дилемм» (с. 12). Анализируется целый спектр динамических метафор в области экстремальных погодных явлений и катаклизмов, прежде всего – наводнение. Часто использовались такие образы, как «океаны крови или моря людей, и представляет собой возмездие за обиды, причиненные русскому народу» (с. 24). Наиболее известный пример – наводнение в пушкинском «Медном всаднике». Разливающаяся Нева – неподвластная человеку стихия, сила, для которой не важен социальный статус и материальное положение. Ожидание этого «очищающего потопа» всегда соседствовало со страхом перед ним. В середине XIX в. образ революции как неизбежного наводнения приобретает популярность и

в консервативных кругах. К примеру, Ф.И. Тютчев, размышляя о революциях в Европе 1848 г., полагал, что Российская империя – это «ковчег, который переживет наводнение революции, чтобы построить новое общество на руинах старого мира» (с. 26).

Прогрессивные идеи, которые в «европейском климате плюрализма и здорового скептицизма» были вынуждены конкурировать с другими доктринами и взглядами, в России, где цензура запрещала политическое самовыражение, застыли в абстрактных догмах. Склонная к «эгоцентричному, героическому фанатизму», радикальная интеллигенция «верила, что судьба человечества зависит от исхода их доктринальной борьбы» (с. 45). Во многом поэтому описание в русской литературе социальных катаклизмов тесно увязывалось с природными ненастями, неизбежными и неподвластными. Харрисон в связи с этим отмечает «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором не раз встречается метафора потока народного гнева. В «Проекте о будущем» Хотилова есть такие строки: «Загрубелые все чувства рабов, и благим свободой мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувство. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно»¹. Фатализм при оценке будущих «бурь» проявляли и писатели XIX в. А.И. Герцен, на творчестве которого Харрисон также подробно останавливается, отвергал мнение о том, что история идет предопределенным курсом к некой будущей утопии. Он определял прогресс как огромное, бурное море, по которому «безжалостно швыряло маленькое суденышко (человечество)» (с. 28). Метафоры шторма продолжали подпитывать динамичный «язык» растущего революционного движения в России начала XX в. Здесь автор, конечно, не мог обойти вниманием стихотворение А.М. Горького «Песня о буревестнике» – птице, которой «хватило смелости возвещать о надвигающейся буре». Этот образ, прочно ассоциировавшийся с Горьким в советское время, стал также и «символом дооктябрьской революционной борьбы и лозунгом революционного подполья» (с. 29). Однако, как верно замечает Харрисон, предупреждения о надвигающейся «буре» высказывали и многие другие литераторы, например А.А. Блок.

В том, что общество не готовится к грядущим ненастям, писатели самых разных политических

¹ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Москва, 1981. С. 116.

взглядов неизменно винили интеллигенцию. Харрисон отмечает, что для нее «самый прямой и важный путь к достижению благосостояния народа» – это борьба, уничтожение врагов и старых социальных форм. В революционной традиции это была «манихейская борьба между добром и злом». Революционное подполье создало целый репертуар карикатур, стихов и песен, основу для новой массовой культуры, в которой враг изображался как «морально развращенный, эстетически мерзкий и гигиенически отвратительный». Демонические и зоологические образы служили оправданию применения насилия и террора. Неудивительно, что язык классового конфликта «доминировал в российском революционном дискурсе до 1917 г.» и напрямую влиял на литературу (с. 119).

Часть II посвящена метафорам и «языку» 1917 года и первых послереволюционных десятилетий. Харрисон отмечает, что большевики были опытными пропагандистами, которые вкладывали огромные ресурсы в контроль над общественными настроениями. После захвата власти они начали влиять на «названия, ярлыки и концепции повседневной жизни», создав в итоге «мастерское повествование о революции и получив контроль над ее смыслом» (с. 129). В этом помогла предрасположенность русской культуры наделять слова и образы священной силой. Визуальные образы и ритуалы занимали центральное место в русской традиции, особенно с учетом того, что большинство населения было неграмотным. В новом советском обществе слова и образы приобрели не только выразительную силу, у них была возможность создавать и изменять реальность. Со временем советский агитпроп становился все более изощренным, но так и не достиг уровня, который «мог бы воплотить идеалы утопической жизни, к которым стремились поколения революционных мечтателей». Его недостатком было неизменное и упорное эксплуатирование «бинарного, манихейского мышления революционного этоса... Застенчивая ирония никогда не была частью его дискурсивного поля». Четко обозначена противоположающаяся сторона, «даже если ярлыки были нанесены случайно, а “классовые враги” – капиталисты, духовенство, интеллигенция и, главным образом, буржуазия – нарисованы широкими мазками» (с. 142).

Отвлекаясь на культурно-исторические корни советской идеологии, Харрисон в последних трех главах возвращается к метафорам революции в русской литературе 1920-1930-х гг. Она наполнена метафорами наводнения («Железный потоп» А.С. Серафимовича) и урожая («Тихий Дон» М.А. Шолохова). При анализе «Белой гвардии»

М.А. Булгакова автор особое внимание уделяет снегу – постоянному мотиву русской литературы. Часто он является «предвестником, сигналом о каком-то надвигающемся действии, скрытой тайной, намеком на какое-то предательство, мятеж или восстание» (с. 152). Булгаков придавал первостепенное значение погоде. Слякотный, мокрый снег у него часто является «препятствием для прогресса», внезапное появление снежинок «может сигнализировать об изменениях», а бушующая метель «ассоциируется с неуправляемой, разрушительной силой революции и хаоса» (с. 155). Образ особой риторической силы у Булгакова – черный снег, предвестник войны, боли, потерь, уязвимости и неопределенности в будущем. Смерть матери главных героев в начале романа сопровождалась сильным снегопадом. Точно так же «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака начинается со снежной бури в ночь после похорон матери главного героя. Смерть матери в обоих случаях символизирует «гибель родительской культуры вместе с ее традициями и исторической памятью» (с. 158–159).

«Доктора Живаго» Харрисон рассматривает как «современную русскую эпопею», которая восстанавливает повествование о жизни человека «среди хаоса революционных перемен, исследование стойкости характера во время потрясений» (с. 13). Главные метафоры романа – шторм и наводнение – представляют собой приливы и отливы жизни и судьбы. Наиболее яркие органические метафоры использованы в описании покинутых деревень, заброшенных и наводненных мышами полей, необрушенных посевов. Единственным процветающим элементом является лес, освобожденный от вмешательства человека. В конце романа основное внимание уделяется городу, изменившемуся до неузнаваемости. В своих размышлениях и стихах Юрий Живаго создает ощущение, что он не участник жизни за окном, а всего лишь наблюдатель. Но оказалось, что этот город «должен стать не началом его собственной жизни, а ее эпилогом» (с. 224).

Заключение

В целом можно сказать, что монография Л. Харрисона представляет собой развернутое эссе о русской литературе конца XVIII – середины XX в. Изначально цели исследования (указанные почему-то в заключении) были шире, чем заявленная тема. Автор немалое внимание уделил взаимоотношениям писателей и власти, идеологическому прессу и цензуре, увязывая эти проблемы с современностью – временем, когда «ретроградные силы авторитарного контроля всегда представляют явную

и реальную опасность для выживания западной демократии» (с. 232). На этом фоне собственно анализ метафор и «языка» занимает не так много места, как хотелось бы. Автор слишком часто сбивается на историческое повествование, подробно описывая события, которые в общем мало соотносятся с заявленной темой. Попытку совместить

эти обширные и сложные проблематики нельзя назвать успешной: историк и филолог вряд ли найдут в ней принципиально новые сюжеты и выводы. Тем не менее книга представляет несомненный интерес как попытка синтеза исторического и филологического анализа Российской революции 1917 г.

Библиографический список

Smith S.A. *Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. 448 p.

Steinberg M.D. *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford, 2017. 400 p.

References

Smith S.A. (2017) *Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, 448 p.

Steinberg M.D. (2017) *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford: Oxford University Press, 400 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.5), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.) Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo... = Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

• Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

• Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>. Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала